80 коп.

Индекс 70544

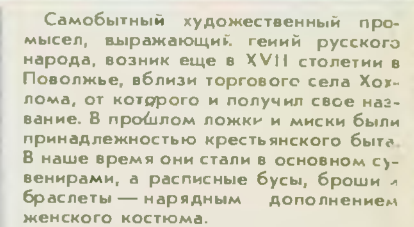
ISSN 0131—2251

ХОХЛОМА

Самобытный художественный промысел, выражающий гений русского народа, возник еще в XVII столетии в Поволжье, вблизи торгового села Хохлома, от которого и получил свое название. В прошлом ложки и миски были принадлежностью крестьянского быта. В наше время они стали в основном сувенирами, а расписные бусы, броши и браслеты — нарядным дополнением женского костюма.

СССР

Молодая гвардия

1989

3

Тарас Григорьевич ШЕВЧЕНКО

К 175-летию со дня рождения

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

● ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

Сергей АЛЕКСЕЕВ. **Семейный круг** 3

● ПОЭЗИЯ

Фазу АЛИЕВА. **Час весны.** Стихи. Перевод с аварского Якова Серпина 9

Раиса РОМАНОВА. **...В эти холода.** Стихи 12

● ПРОЗА

Николай ПОПОВ. **Напастье.** Рассказ 14

● НАШИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Николай СТАРЧЕНКО. **Столетник. На глубине. Незабудка с Новой Земли.** Рассказы 43

● ПОЭЗИЯ

Иван САВЕЛЬЕВ. **На открытом ветру.** Стихи 52

Виктор ОСТРИЖНЫЙ. **Дом.** Сатирическая поэма 60

● ПРОЗА

Александр БАЙГУШЕВ. **Хазары.** Исторический роман. Продолжение 67

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «ТОВАРИЩ» 129

● ПОЭЗИЯ

Е. П. РОСТОПЧИНА. Звуки чистой души. Стихи 185

● ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В. МИХАЙЛОВ. Братство народов — наше достояние. (XIX Всесоюзная конференция КПСС о межнациональных отношениях) 188

Михаил АНТОНОВ. Настало время подвига 197

● ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Лицом к правде. Из писем в редакцию 212

● ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Евгений БУЛИН. Откройте книги молодых! 237

М. УСТИНОВ. «Хвативший оков...». Историческая достоверность и поэтические забавы 249

● РУБЕЖИ ТВОРЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ

Бор. ЛЕОНОВ. Преодоление. Заметки о прозе Николая Кузьмина 259

Из пыльных архивов. Литературные мистификации 268

● ЧИТАТЕЛЬ СТАВИТ ПРОБЛЕМУ

Т. М. ЯКОВЛЕВА. Перманентная распродажа русской культуры 271

● НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

П. ВЫХОДЦЕВ. О русской поэзии. Олег ШЕСТИНСКИЙ. О новой книге Ф. Чуева и не только о ней 277

Первая страница обложки журнала: фотоэтюд Б. Раекина. **Четвертая страница обложки журнала:** фото К. Кириллова.

«Молодая гвардия», 1989, № 3, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

Сергей АЛЕКСЕЕВ

СЕМЕЙНЫЙ КРУГ

Однажды сосед по купе, молодой человек семнадцати лет, в долгом и бестолковом споре о современной моде неожиданно изрек:

— Общественная мысль никогда не поспевала и не поспевает за молодежью. Потому что ее формирует и проводит в жизнь старшее поколение! И посему — молодежь обречена на непонимание! И вынуждена создавать свои ценности, вырабатывать свое мировоззрение, но оно непонятно поколению старшему. Возникает порочный круг.

Затем он демонстративно уступил мне нижнюю полку и почти мгновенно уснул на верхней сном праведника. А я еще несколько часов ворочался, ходил курить в тамбур и думал над тем, что он изрек, хотя был старше его всего вдвое и считал, грешным делом, что я — «тоже молодежь». И мысли, которые раньше и в голову-то не приходили, терзали меня. Я стал вспоминать все, что у нас есть и предназначено только для молодежи.

Комсомол, школы, вузы, пионерские лагеря, трудовые десанты, студенческие стройотряды, профилактории, дома отдыха, молодежные турбазы, клубы по интере-

сам, станции юных натуралистов, Дворцы культуры, дискотеки, издательства «Молодая гвардия» и «Детская литература», молодежные теле- и радиопрограммы, комсомольские журналы и газеты, киностудия имени Горького, комсомольские оперотряды, спортклубы, приемники-распределители... Сколько же всего!

Для молодежи, которая в нашей стране составляет меньшую часть населения, создано во много раз больше, чем для взрослых. И если исходить из теории моего попутчика, все это существует как бы зря, огромные наши усилия почти вхолостую, напрасно тратятся и труд миллионов людей, и внушительные средства. А сколько чувств и терпения! И все впустую? По крайней мере попутчик говорил об этом прямо, со свойственным юности максимализмом. И в его словах не все было абсурдным...

Общеизвестно, после революции довольно широко и серьезно в стране обсуждался вопрос об общественном воспитании детей. Если говорить грубо, выглядело это примерно так: родители родили ребенка и вскоре отдали его в детское учреждение — приют, пансион, детский дом, да назовите как хочется. Там обезличенный ребенок получил бы настоящее, «коммунистическое» воспитание, приобрел нужное обществу образование и влился бы в ряды взрослых человеком нового общественного типа.

Теперь это выглядит нелепо. Но, одержи победу тогдашние авангардисты от воспитания, мы бы жили теперь в обществе, где освобожденные от детей взрослые знали бы только работу, а освобожденные от родителей дети не знали бы своего роду-племени.

Семейный круг...

По нему, как солнце по небу, обязан пройти каждый человек: детство, юность, зрелость, старость. Сейчас само понятие «семейный круг» тоже утеряло во многом первородность и представляется кое-кому в виде застолья во время ужина. Да и трудно составить круг из современной семьи, как ни складывай — получается чаще треугольник: он, она и оно — существо, которое еще ничего не значит, но много требует.

Детство в семейном кругу — это игра во взрослую жизнь, но игра очень серьезная, ибо в это время, еще неосознанно, ребенок постигает самые великие таинства — рождение и смерть. (Рождается брат или сестра, умирает прадед, прабабка.) И то, как прожил и что пережил человек в детстве, повторяется потом всю жизнь, только на каждом этапе по-своему. Отличительная черта начала юности — появление обязанностей перед членами семейного круга. Это уже не игра, это сама жизнь. Конец юности ознаменован все теми же древними таинствами — у человека появляется свой ребенок, и к этому времени умирает дед или бабка. Зрелость несет с собой заботу. Заботу о детях, о родителях, об Отечестве. В зрелости человек рождает детей — плоть от плоти — и хоронит самых дорогих людей семейного круга — родителей. И, наконец, старость — пора возвращения долгов от детей и внуков. Старость — время духа, самое сложное время в жизни человека, и не зря о ней говорят — мудрая!..

Берусь утверждать — нет в мире, в любой из стран и у любого из народов, системы воспитания более гармоничной и совершенной, чем семейный круг. И утверждаю, что не может быть цельной личности, если она не прошла этот круг и не познала две основные заповеди — рожать детей и хоронить умерших. Рождение и смерть — равновеликие части нашей жизни, ибо нет бессмертных. Но почему-то нынче не принято говорить о смерти, особенно в молодежных изданиях, в книгах и кинофильмах. Создается впечатление, что из нашей жизни кто-то пытается вычеркнуть это понятие, все, что с ним связано. Да, безусловно, смерть — это трагично, это — горе, глубокое горе, и, может быть, не стоит омрачать разговорами о ней светлость жизни. Но она есть! И о ней надо говорить и думать, поскольку она, как ни странно, тоже путь к познанию; столкнувшись с ней, задаешься вопросом: зачем ты явился миру, зачем жил, что оставил после себя? Классическая литература, музыка, да и вообще культура, стали культурой еще и потому, что никогда не уходили от познания этого явления, как и от сознания понятия рождения, любви, самой жизни.

Сегодня мы всячески стараемся избавить своего ребенка от страданий, оградить от горя, приходящего со смертью деда, бабки. На время похорон мы отправляем дитя куда-нибудь, чтобы оно только не видело покойного, не слышало плача над ним, не почувствовало скорби. Но разве тем самым мы не обворовываем его, насильно заставляя поверить, что в жизни нет печали — одни лишь радости? А ведь умер близкий ребенку человек! Потом придет время, и мы удивимся — откуда в моем сыне такая черствость, безжалостность, давно позабыв, что сами лишали его уроков сострадания.

Да и о рождении у нас стало принято как-то стыдливо умалчивать. Конечно, воспеть рождение, когда вместо семейного круга имеем лишь «треугольник», довольно трудно. Ребенок не видит свою мать беременной, не знает, как приносят в дом младенца, как кормят его грудью, пеленают, поют колыбельные. Не здесь ли кроется смысл явления, когда среди молодых людей и девушек все прочнее поселяется мысль, что быть беременной — вроде как стыдно, неловко, «немодно»? А ведь беременная женщина всегда особо почиталась всеми народами, ей поклонялись, как богине. И женщина с ребенком олицетворяла молодость, счастье, свет и жизнь. Экономисты и социологи сегодня ищут причины плохой рождаемости где угодно — в квадратуре жилплощади, в количестве мест в дошкольных учреждениях, в зарплате, в желании «пожить для себя», только не в главном.

Не воспевая рождение, умалчивая о смерти, мы тем самым еще в детстве создаем человеку ложный посыл — жизнь есть наслаждение жизнью. Будто бы она состоит из одних только радостей и удовольствий, будто бы это сплошной «кайф», и сегодняшний меломан с наушниками, отрешенный и безразличный посреди живой толпы, — символ того, кого мы воспитываем. Немного позже этот юноша снимет наушники и окажется беззащитным, растерянным перед жизнью. Родить он еще как-то сумеет, природа свое возьмет, а вот похоронить, пожалуй, нет, и оплакать не сможет, ибо для этого необходимы как минимум два качества — сострадание и умение плакать.

Разрушив семейный круг на множество мелких треугольников, мы породили такую нравственно-психологическую среду, в которой происходит парадоксальнвя ситуация: человек обязан вступить в жизнь самостоятельного человека раньше, чем созревает как личность. Это и есть тот самый пресловутый инфантилизм, когда период детства затягивается на долгие, долгие годы.

Распад семейного круга на треугольники влечет за собой раз-

рушение и последних. Взращенное единственное чадо не желает жить с родителями. Вдумайтесь, не есть ли это подсознательный протест против политики разрушения? Неуемная молодая энергия заставляет искать новые формы существования, а так как их в жизни немного и все они давно известны, молодежь пускается в изобретательство. По сути же, как бы заново и уж в который раз примеряет давно изношенные платья.

Теперь родители, «нажившись для себя», попадают в ситуацию, еще более плачевную, чем чадо. Чаду пока еще неплохо, оно занято поиском, пусть даже самообманным. Ну хоть видимостью жизни. А к родителям вместо внуков идет в гости тоска и разочарование. Кажется, все есть, чего-то достиг, государство платит пенсию, можно заниматься коллекционированием, рыбалкой, можно завести собачку и ходить с ней гулять по вечерам. Но — нет покоя! Исподволь людей охватывает раздражение.

А молодежь? Обреченная на непонимание, она вынуждена создавать свои ценности, выдумывать свое мировоззрение, непонятное поколению старшему, — помните, как сказал мне в вагоне попутчик. Возникает порочный круг.

Не складывается ли у вас ощущение, что проводники идей «общественного воспитания» все-таки кое-чего добились? Ведь и сейчас еще можно услышать горделивые замечания, когда речь идет о молодежных городах, дескать, у нас нет ни одного пенсионера, а средний возраст жителя — двадцать лет. Ко всему прочему, сегодня всерьез обсуждается вопрос о вывозе всех пенсионеров из городов Крайнего Севера под предлогом нехватки жилья. С точки зрения экономистов ожидается положительный результат: старики будут рады пожить последние годы в тепле, молодые — в спокойствии без ворчливых стариков. Впрочем, это разделение идет уже давно по всем городам и весям. Глядишь, то там, то здесь уже два поколения родственников не могут ужиться вместе, не говоря о трех и четырех. Но разве неизвестно, что однородное по возрасту общество имеет упрощенную структуру и лишено объемной, глубинной перспективы? У такого общества может быть либо только прошлое, если говорить о стариках, либо — будущее, когда дело касается молодежи. Вот о чем бы задуматься сообща!

Сейчас очень много говорят и пишут о разводах и вытекающих отсюда последствиях. Приводят самые различные причины — экономические, нравственные, психологические, пытаются выписывать рецепты и лечить. Однако при этом лишь глубже внутрь загоняется болезнь, поскольку «врачуется» опять же только следствие, а не причина.

А причина одна — разрушение прочного круга семьи в его исконном смысле, по сути, разрушение корневой системы, за счет которой она всегда тянула земные соки, давала жизнь и силу молодым побегам.

Сегодня, когда перед нами стоит задача — обеспечить каждую семью отдельной квартирой, это обстоятельство заставляет нас не только дискутировать на тему: как быстрее и с малыми затратами решить ее, но и серьезно, со всей ответственностью задуматься над проблемой прочности семейного круга. Однако экономисты и социологи по старинке поднимают вопросы вчерашнего дня — строительство еще большего количества малосемеек и малогабаритных квартир, в которых бы жили семьи-треугольники и доживали свое одинокие старики. Вот тут-то и возникает ощущение,

будто некто невидимый задался целью как можно сильнее размельчить живительную ячейку общества, суть сути государственности, превратить ее чуть ли не в одноклеточное состояние.

На мой взгляд, сейчас, в ходе перестройки, есть прекрасная возможность остановить это явление дальнейшего распада семейного круга. Это необходимо как для самой семьи, так и для общества в целом. Вот где нужно новое мышление, новый взгляд на привычные вещи! В этих поисках не грех бы обратиться к прошлому, к тому самому почти утраченному семейному кругу, где лежат золотые крупицы народного опыта.

Последние годы живу с вопросами, которые со временем становятся все острее, но никак не найду, кому их задать. И приходится задавать их самому себе.

Например, не могу понять, зачем у нас издается литература для молодежи, для нее же ставятся спектакли, пишется музыка? Для детского возраста — тут все ясно, это период игры. Создавая особый вид искусства, ориентированного на молодежь, мы тем самым: а) расчленяем гармоническую целостность искусства и литературы; б) выделяем молодежь из общенародной массы как особую категорию по образу мировосприятия, даже подчеркиваем, что, мол, есть и молодежная «субкультура». Что́, она, молодежь, меньше нас понимает, хуже чувствует, разве ей нужно разъяснять какие-то явления, разжевывать истины и класть в рот?

До сих пор никто не может мне растолковать, зачем вообще выделять молодежь как некий «класс» по возрастному признаку? Ведь, выделяя ее таким образом, мы дробим цельность общества. А дальше что? Если есть «класс» молодых, значит, само собой и «класс» стариков, а там и — людей среднего возраста. Каждый «класс» затем разделим еще на несколько «подклассов»?.. Абсурд!

Эдак получится целая «технология» взращиввния молодняка, доводка его до кондиции, наладка, покрвска, упаковка. А при такой системе «готовая продукция» сходит с конвейера с браком, поскольку разрыв между поколениями — вольно или невольно — ориентирует ее не на те ценности, которые дороги обществу. Ведь оно, общество, сильно и процветает лишь тогда, когда объединены все его члены — от малого до старого.

Во все времена и млад и стар постигали истины из одной и той же книги жизни. Если случалась беда — выходили вместе, бок о бок, причем старые всегда старались прикрыть собою молодого. И радовались вместе, и плакали, и трудились. И в этом есть великий смысл. Я не могу понять писателя, который говорит, что пишет «для молодежи». Если следовать такой логике, значит, другой должен писать «для стариков»? Но вот беда, как самому-то молодому человеку определить, что и в каком возрасте читать?

Сколько ни бьюсь, не могу найти ответа на вопрос: почему в нашей печати, на телевидении и радио напрочь связали два таких понятия, как «молодежь» и «рок»? Кто решил, что все помыслы, все увлечения молодежи только в масскультуре: в музыке и танцах, чуждых нам не только идеологически, но и по своему национальному духу? Тот, кто принимал это решение, спросил, допустим, у рабочих парней, у молодых хлеборобов, у тех ребят, кто служил в Афганистане или работает на Чернобыльской АЭС, нужен ли им рок, «металлисты», брейк? Или из каких-то соображений «удовлетворения потребностей» это можно делать не спрашивая?

Почему в эпоху гласности преимущество имеет тот, кто громче кричит, кто «балдеет» от бешеной музыки, а не тот, кто молча работает, служит и, по сути, совершает подвиг в перестройке жизни нашего общества?

...Под утро тот мой молодой попутчик сошел с поезда и словно растворился среди людей: даже не запомнилось его лицо. На общем купейном столике осталась его книга. Может быть, забыл, а может, оставил с умыслом. Я не стану называть автора той книги, но ее суть поквзалась мне символическим вызовом. Вызовом тому, о чем тогда мучительно думал, о чем пишу сейчас.

И родились вновь вопросы. Доколе в нашей современной литературе полнокровную и многогранную жизнь будут подменять голой схемой ходульного «положительного» героя? Любовь — сексуальностью? Великое чувство сострадания — суперменством? Долго ли еще будут муссировать тему злосчастного любовного треугольника, а по сути, тему «несчастной любви»? Скоро ли ее перестанут понимать в нашей литературе однозначно и поднимутся, наконец, до высшего осмысления вечных вопросов жизни, любви так, как это делали Пушкин, Толстой, Достоевский?

●

ПОЭЗИЯ

Фазу АЛИЕВА

ЧАС ВЕСНЫ

ВСЕ ПОТОМУ

Мне на веку утрат и бед хватало!
Я шла вперед,
Сомненья прочь гоня.
Но те, кого друзьями я считала,
В лихую пору предали меня.
Знакомы мне и скалы, отрешенно
Смыкавшиеся вдруг передо мной,
И дни, похожие на пасть дракона,
И тяжкий бред бессонницы ночной.
Мне не забыть, как холодно и серо
Густел туман —
Хоть вовсе не дыши;
Как иногда казалось мне, что вера
С корнями вывернута из души.
Но я жива.
Прошли невзгоды мимо,
Грозе ослабевающей под стать, —
Все потому, что ты меня, любимый,
Не захотел унизить и предать.
Все потому, что я не раз, бывало,

В свинцовом сумраке студеных дней
Коснеющую душу согревала
У яркого огня любви твоей.

СРОК ЦВЕТЕНЬЯ

Когда весной мы на цветы глядим,
То думаем, себя судя нестрого,
Что знаем больше мы о них намного,
Чем о себе известно им самим.
Мы полагаем, что они беспечно
И слепо радуются вешним дням,
Уверенные в том, что с ними вечно —
Роса в саду и звонкий птичий гам.
Как будто все понятно только нам!
И, верно, я по этой же причине
Невольно тихой предаюсь кручине,
Когда, встречая наступивший день,
Смотрю на лучезарную сирень.
Продлить бы щедрое ее горенье!
Но на земле не часты чудеса.
Я знаю, как недолог век сирени,
Как быстро облетит ее краса.
Касаясь веток робкою рукою,
Стою, печально голову склоня.
Но почему в ответ и на меня
Глядит сирень с пронзительной тоскою?
А если ненароком оттого
Грустит она, что ведомо сирени:
Счастливый век цветенья моего
Еще короче, чем ее цветенье?

ВЕТКА

Набухшей ветки ласковой рукою
Касаюсь я —
И словно снится мне,
Что, жгучей тайной сердце беспокоя,
Шумит листва в тревожной тишине.
Вся трепеща,
Не сдерживая дрожи,
Со мной все звонче говорит листва.
И на твои мучительно похожи
Ее нетерпеливые слова.
Светлеют почки, клейкость обретая,
Едва раскрылся их зеленый клюв.
А кажется — шумит листва густая,
Весну былую щедро мне вернув.
И отуманенным от счастья взглядом
Смотрю назад —
И вижу все ясней:
В цвету простор,
И ты со мною рядом,
Моя рука лежит в руке твоей.
И сердце бьется гулко и неровно,
Твои слова — как сладостный ожог.
И терпкий жар течет по жилам, словно
По гибким веткам животворный сок.
И на земле нет никого дороже,
Чем ты, дарящий свет и красоту.
И я сама с упругой веткой схожа,
И я сама — вся в солнечном цвету.
Я глажу ветку...
Время так жестоко —
Душа пуста,
И сумрачно лицо.
И я грущу по слову,
Как по соку
Тоскует сохнущее деревцо.

Перевод с аварского
Якова СЕРПИНА

ПОЭЗИЯ

Раиса РОМАНОВА

...В ЭТИ ХОЛОДА

Памяти Анатолия Передреева

I

Поэт напряжен, как струна.
А жизнь его хлещет по нервам.
И, первым восстав ото сна,
В тьму вечную сходит он первым.
Поскольку несет из глуши
К сверкающим высям сознанья
Всю жажду творящей души,
Всю краткую боль пониманья.
Идет он, шатаясь, идет.
И путь его — невыносимый.
А кто-то судачит: он пьет
И мается дурью красивой...
И бренная плоть на него
Вериги свои налагает,
А душ золотое родство
Он так и вовек не познает,
Поскольку велик его спрос,
Поскольку строга его совесть,
Поскольку свята его злость,
Поскольку горька его повесть.
И пусть ощущает он ход
Светил — и давление света...
Но если унижен народ, —
Взрывается сердце поэта.

II

Земля родная примет и укроет
Своих поэтов, странников, героев
В любые горемычные года.
За всех, кто суть души не перестроил,
Кто лжи вниманием не удостоил,
Всех, кто не на коленях умер, — стоя! —
Поднимем чашу в эти холода!
И пусть в потоках солнечного ветра
Кочует по Вселенной лик поэта,
Пусть излучен в космический простор,
Как символ нашей страждущей планеты,
Летит вопросом, требуя ответа,
Наивный взор твой, жесткий и простой.

III

Ты шел, не сдерживая шаг,
Не ведая привала.
Скорбела, мучилась душа
И роздыха не знала.
И ты бывал жесток, и прям,
И тверд неколебимо
С того, что сердце пополам
Рвала тебе судьбина.
Поскольку знал ты наизусть
(Из песен недопетых!),
Как обезглавливали Русь,
Губя ее поэтов...
Но где б ни брел,
В какой дали,
В какой ни бился драке —
В груди, разрывные, цвели
И колосились злаки.
Когда ж прощать и понимать
Отказывалось слово —
Ты вспоминал старушку-мать
Василия Белова.
В каких галактиках идешь?!
В каких времен отрогах?!
...Твоя душа цветет, как рожь,
Над русою дорогой...

Николай ПОПОВ

НЕНАСТЬЕ

Рассказ

Рис. Г. Комарова

Под разгульный посвист ветра по Байкалу нескончаемо катили пенистые беляки. Серые грузные тучи загромоздили все окрест. Это нудное ненастье длилось уже целую неделю. Тяжко изводиться от безделья и одолевающих дум: как жить дальше?.. Злясь на то, что за пустое время не сгонял хотя бы к теще за кудрявым Сергунеей, Иван сидел на крыльце и трепал кота, зубастого и полосатого, как окунь. Но игривый кот развлекал тоже не зря. Даже по шалым глазам было видно, что ему страсть хотелось похрустеть свежим рыбьим хвостом. Чайки стаей парили над крышами Хужира и плаксиво канючили подачку. Значит, море вокруг пустовало. В сумрачном окрасе туч по-прежнему ничего не менялось. Все же Иван с надеждой спросил:

— Как там «барометр»?

— Лучше бери иглицу, — буркнул отец, латая развешанную по двору сеть, которую в последний замет испластали разбойные нерпы.

За эту неделю Иван распилил и переколол все сосновые кряжи, сложив дрова в аккуратную поленницу. Прополол и окучил хилую картошку. Осталось последнее занятие — сеть... Но больно уж сейчас не по душе было стариковское рукоделье. Продолжая играть с неотвязным котом, Иван снова поинтересовался:

— Ну, так что он показывает?

До пенсии отец работал на метеостанции. Девять лет усердных наблюдений приучили его делать точный прогноз погоды по собственной мотне: если ее подтягивает — близится ненастье, а отпускает — значит, скоро наступит желанное вёдро. Пока все сбывалось. Поэтому Иван хотел узнать, не чувствуется ли желанный перелом погоды. Ведь уже обрыдло торчать на родимом крылечке. Но хмурый отец молча орудовал отполированной о сети острой иглицей. Дальше опасно приставать к человеку. Взяв бинокль, Иван пошел к Шаман-камню. Может, оттуда удастся высмотреть в облачной заволочи голубой просвет неба или хотя бы мимолетный посверк солнечного луча.

Непривычно пустынна, нема была главная улица Хужира. У перекрестка маячил только Егор. В коричневом свитере, белых от старости джинсах и в одном шлепанце на босу ногу, он ходил уже кругами. При этом что выделывал руками и ногами... Какие фигуры выписывал, кренясь в разные стороны... Казалось, вот-вот шлепнется в дорожную пыль. Нет, вновь чудом вывернулся. Натуральный фигурист международного класса. Верней — отменный рыбак, способный держаться на ногах в любом состоянии. Вдруг Егор лихо заголосил:

— Э-эх, играй-звени, тальянка!
Меня любит негритянка!

Усмехаясь причуде распатланного удальца с форсистыми бакенбардами, Иван посетовал на постылое ненастье, которое было во всем виновато. Рыбаку тошно коротать его в летнюю пору на берегу. Вот и колобродит... Обойдя Егора стороной, чтобы миновать неизбежные сейчас покаянья, Иван стал подниматься к Шаман-камню.

Волглый ветер устало ныл в ржавых растяжках мачты метеостанции. На вершине откоса, чуть прикрытого хилым чебрецом с розовыми бусинками цветов, ветер тоже был уже не таким пронизывающим, как раньше. И хотя стекла бинокля, куда ни взгляни, по-прежнему застило клубами вязких туч — их вьюжная сумятица вроде бы

начала замедляться. Это всколыхнуло желание выскочить в море.

Шалея от возможности встряхнуть закисшую в безделье душу и как-то разрядиться, Иван припустил к пристани проверить, не помешает ли затее начальство, которое в полном составе всю неделю исправно горевало в конторе, подсчитывая разор от ненастья и гадая, как спасти июльский план. В директорском кабинете по обыкновению было дымно, людно и шумно. Некурящий технорук, примостившийся на подоконнике распахнутого окна, тут же позвал:

— Иди-ка, иди сюда!

— А-а, Иванча... Привет. Вовремя подоспел. Садись. Без тебя как раз не хватало кворума, — хмуро сказал директор, хотя бригадиры здесь были не все, и, взглядом прекратив галдеж, тяжко вздохнул: — Ну что, мужики, солить, коптить заводу больше нечего. План горит. Соответствующие премии — тоже. Вся надежда нашего славного коллектива только на вас.

Он медленно переводил скорбный взгляд с одного бригадира на другого и откровенно сокрушался, что явно не тем доверил промысел рыбы. Но стариков трудно было пронять. Они резонно возражали:

— Зря ты, Андреич, соришь такими словами. Чем допекать нас, лучше глянь в окно.

— Или прикинь, во что тебе может влететь этот замет.

— Да-а, тут никакой премией не расквитаешься...

— Не-з, так пусть рыбачит Барбос. Премия еще выгорит или нет, а поминки наверняка придется справлять. И они уж точно обойдутся ку-уда накладней. На кой мне черт рисковать в убыток семье?

— Это верно... Так что напрасно ты, Андреич, берешь нас на понт. Лучше позвони куда следует насчет путной погодки. Тогда сам не удержишь тут. Ведь дома уже все подчистую выпили, приели. Хоть шаром покати!

Не слыша их, директор наконец посмотрел на Ивана. Тот вскочил со стула и, опасаясь сглазить везуху, лишь махнул рукой да скрылся за дверью. Первым по пути жил Юрик, недавно закончивший школу и нацелившийся в институт. С учебником под боком он в голубом спортивном трико лежал на диване перед телевизором, наслаждаясь концертом Джо Дассена.

— Как, надоело зубрить? — посочувствовал Иван.

Из-под темной челки с недоумением уставясь на бригадира, который в такой момент почему-то шастал вдали от дома, долговязый Юрик признался:

— Но... После школы уж глядеть тошно.

— Есть верный шанс перевести дух! Айда в море!

Обычно покладистый, Юрик недовольно принюхался. Ничего не уловив, подвинулся к стене и укоризненно протянул вибрирующим баском:

— Сдурел? Вот ложись да смотри. Это ж Джо Дассен поет! Первый шансонье Франции!

— Интересно, как ты с такой рыбалкой запоешь в расчет... Небось даже на самолет до Иркутска не хватит. Жми к Павлу. Я доставлю Егора. Все, кончен бал!

Выключив телевизор, Иван пошел за гулякой. Вместо него на улице остался шлепанец, потерянный недалеко от магазина. Второй шлепанец лежал по пути к дому. Зигзаги босых следов тоже вели туда. В бараке из-за каждой двери неслась оглушительная музыка Джо Дассена. Поэтому Вика не сразу отозвалась на громкий стук. Симпатичная, в красивом зеленом платье, она с дочкой на коленях сидела перед телевизором. Егора в комнате не было. Не отрываясь от экрана, с которого завлекательно улыбался похожий на Егора кудрявый красавец, Вика показала на окно:

— Там ищи... Отправился душу проветрить. Боится зачахнуть под юбкой.

— Если явится, пусть немедленно дует на пристань.

— Неуж собрался в море?

— Угадала.

— Слава богу, передышка будет, а то уж спасу нет, — обрадовалась Вика и со вздохом добавила: — Хоть бы куда-нибудь отправился в дальнее плаванье.

— Хм, это куда ж?..

— Да хоть вокруг света! Вот бы мы браво пожили без чертова баламута!

Иван улыбнулся сходству их натур и, кинув шлепанцы к порогу, пошел искать баламута. Надо помочь славной Вике, заодно устроить передышку Егору. Только где он сейчас... Обходить подряд всех друзей не хотелось. На крыльце Иван у встречного парня спросил:

— Не видел «Елки-моталки»?

— А во-он заблудился в проулке...

Сперва Иван услышал частушку, петь которую лучше в ночной тьме подальше от людей. Потом увидел певца, усердно раскачивающего палисадник. Узнав бригадира,

Егор сделал вид, что трезвехонек, и в оправдание буркнул:
— У Вики ж день ангела.
— Всю неделю?.. Где пристань?
Наделенный потомственным рыбацким уменьем ориентироваться в любой обстановке, Егор с точностью компасной стрелки показал рукой:
— Во-он...
— Правильно. Жми туда. В море идем. Чтоб живо был в форме, а то поплывешь на буксире. Полный вперед!
Ощутимым толчком в спину Иван задал ему нужную скорость и пошел домой. Немного погодя для верности оглянулся. Прежними дугами, но Егор все-таки брел к пристани. Рыбак!.. Затем в проулке появились Юрик с Павлом, которые заботливо взяли гуляку под руки.
Едва Иван звякнул калиткой, в окно выглянула Надя, нетерпеливо спросив:
— Где тебя носит? Уж прозевал половину концерта. Иди скорей. Джо Дассен поет. Ах, какой молодчина! Ну, что ты? Иди, вместе досмотрим.
— Некогда, Надь, некогда. Гляди с матерью. После расскажешь.
Стараясь отчалить, пока все прикованы к телевизорам, Иван опустился на крыльцо, скинув босоножки, стал надевать шерстяные носки, блестящие от ваксы кирзовые сапоги.
— Чудак... Это ж не кино, а концерт. Иди, покаешься.
— Ну, споешь, Надь, споешь. У тебя еще лучше получится.
— Да ты далеко ли нацелился?
— В море.
Считая разговор законченным, Иван вскочил, застояло выбил перед Надей каблуками лихую дробь, внеребор заприхлопывал по коленям. Тут же из амбара показался отец — уже в шапке, телогрейке и валенках. Зябко старому неподвижно стоять у сети, потеплей приоделся. Озадаченно почесав седую щетину, издали больше похожую на тенета, которыми нечаянно облепил лицо в амбарном сумраке, отец сурово сказал:
— Не блажи. Эвон что в море-то деется... А на небе? Хмарь кэ-эк давит на хребет — враз завоет «сарма»! Куда ты от ее денешься? Не-э, брось дразнить судьбу. Это не баба — покорно терпеть твою блажь.
— Э-э, отмаячил твой «барометр»... — улыбнулся Иван,

надевая толстый свитер. — Так лучше не горюй, не грусти — пожелай нам счастливого пути. А я взамен принесу омулька. Ушицу заварим... На рожне поджарим его... Эх, мать честная, беги в магазин!
Знал Иван, чем пронять старого рыбака. Нельзя устоять против такого соблазна. Отец закряхтел в тяжком раздумье... Будешь упорствовать — останешься без желанного застолья. В придачу испортишь сыну душевный настрой. А это опасно: вдруг он в следующий раз уже сам забоится рискнуть и потом упустит удачу. Тогда снова придется чахнуть от зависти к другим удальцам. Вот как накладно могла обернуться настырность. Но стоило вспомнить о дикой «сарме», которая зимой сдула его со льда, будто клок сена, и отец непреклонно отрезал:
— Брось выкомаривать. Нашел с кем шутки шутить. «Сарма» есть «сарма»: в рот влетит — штаны сорвет вместе с сапогами! Понял?
— И это баит бравый гвардеец, заслуженный орденоносец?..
— Ку-уда ты прешь против стихии? Она ж слепая, ничего не признает!
— Зато у меня есть глаза, чтоб вовремя увернуться от нее в безопасное место. Ведь можно спрятаться за Еленку. Разве не так?
— Оксти-ись, пока не поздно!
Жалко стало Ивану отца, еще недавно бывшего удалым рыбаком. Но минувшей зимой, когда он пошел бормашить, налетевшая «сарма» оторвала лед, унесла его в море и там искромсала. Почти четверо суток перебирался отец с льдины на льдину. Случайно не сорвался в воду. Чудом не замерз. Чудом выкарабкался на берег. И с тех пор опасался даже сквозняка. Его забота была понятна: кровному врагу не пожелаешь пережить такое... А сыну — особенно. Тем более — младшему, последнему из оставшихся под родной крышей. Но как тут не вспомнишь о пугливой вороне... Самому превращаться в нее не хотелось. Рано. Глупо. Иван снова попробовал урезонить отца:
— Хватит паниковать. Ничего со мной не случится. Ведь я тоже свято чту дедкин заговор. Небось видал же, как натягивал сапоги. Тебя этот заговор спас на фронте?
— Но... Все руки-ноги при мне. Верно, продырявило-таки...

— Раз так, почему верный заговор подведет меня? Все, кончай нудить. Договорились?

Коренастый, еще тяжелый от мышц с нерастраченной силой, отец по привычке грозно насупил сросшиеся брови и даже выставил правую руку, в которой, словно кинжал, блеснула заостренная иглица. Но давно миновало то время, когда Иван боялся одного нахмура его сивых бровей и не рисковал попадать под чугунный кулак, проломивший однажды столешницу. Теперь эта угроза только смешила, потому что возникла от самого обыкновенного страха. Нарочно тоже скорчив зверскую рожу, плечистый, поджарый Иван пружинно согнулся и пограничным приемом выставил для защиты левую руку, правой приготовясь уложить наповал. Отец беспомощно взвыл:

— Ма-а-ать!

Она высунула в окно простоволосую голову, зло закричала:

— Вот нечистая сила! Не даст путного человека послушать! Чо те опеть раздират!

— Скажи охламону свое слово! Может, послушат! Куда он прется? Почо сует в воду свою пустую башку?!

— Вконец сбрендил, родимый... Вали, проваливай вместе с им! Вот идолы навязались... О, господи, пошто казнишь меня? Запри ты его, ради бога, в амбар, а то изведет нас, антихрист!

— Ну, концерт... Вот кого надо казать по телевизору! — потешался Иван.

Сникший от небывалого разноса, отец дрожащими руками шарил в телогрейке курево. Иван щелкнул ногтем по своей пачке, прикурил сигарету и дал отцу. Пора уходить. Но не хотелось оставлять старика обиженным, одиноким в своем горе. Хотелось, чтобы он понял напрасность потуг одолеть в сыне то, что сам с лихвой передал по наследству, и с легкой душой благословил выход в море.

Пискнула дверь. На крыльцо с мяуканьем выскочил радостный кот. За ним появилась Надя в своей кофте, розовая, точно солнышко перед ясным днем. Плавным, легким движением руки она подала авоську с большим газетным свертком. Высоко стояла Надя в старом цветном сарафанчике. Иван привычно залюбовался открытыми по колена светлыми ногами, нежными, как пух одуванчика. И опять невольно посетовал, что не решился выпросить на пляже у туристки ее тапочки с загнутыми

носками. Легкие, золотистые, они были предназначены прямо для Нади.

— Хватит, хватит глазеть... А то весь улов прозеваешь. Держи! — тряхнула она авоськой. Поддев ее мизинцем, Иван потянул Надю за руку. Когда она спустилась с крыльца, распахнул штормовку и прижал, чтобы чувствовать на груди тепло ее тела, если придется ночевать в море. Стесняясь отца, Надя шепнула: — Ну, будет же...

— Вот теперь хватит, — согласился Иван и за то, что не донимала пустыми расспросами, все понимая без лишних слов, коснулся губами лба. Потом, застегивая штормовку, повернулся к насупленному отцу.

Старик не ожидал этого. Осмеянный за свою правоту, взмокший от переживаний, он был уверен, что норовистый сын даже не посмотрит на прощанье в его сторону. Это ожгло душу. Невольно всхлипнув, отец махнул рукой:

— Ладно... Вали, вали...

— Молодчина! — ласково обнял его Иван. — Именно так должен поступать почетный гражданин славного города Сморгони!

Теперь с легким сердцем шлось к пристани. Заросшие по краям хилой травкой, песчаные улицы Хужира были пустыми. Большинство народа держал у телевизоров неутомимый Джо Дассен. Остальных любителей поглазеть с лавочки на прохожих, перекинуться с ними парой досужих слов прогнал стылый сумрак. Еще гомонили только чайки, которые устраивались ночевать на длинном коньке школьной крыши. Не попался навстречу и случайный гуляка-шатун, готовый излить душу, тоскующую по веселой компании. Это везение тоже радовало Ивана. Хорошо, когда никто не перебивает настроение. Правда, была опасность встретить у конторы бригадиров, готовых поехидничать над его бесшабашностью. Но никого из них и начальства у темной конторы не оказалось. Знать, все не так поняли его спешку. Что же, тем лучше. Все же, стоило поравняться с белым кубом тарахтящей электростанции, из желтого проема открытой двери окликнул темный силуэт знакомого по голосу машиниста:

— Здорово! Решил проветриться?

— Но... — отозвался Иван.

— Ри-исковый ты, паря!

— Хм, у меня ж нет оклада...

— Это верно. Ну, смотри, не мешкай там...

— Постараюсь...

Суриковые палубы ботов за эту неделю словно покрылись ржавчиной. Все восемь, они кучно прижались к пристани, закрывающей от ветра и волн. Дизель уже прогревался. Павел с Юриком уперлись ногами в борта соседних ботов, отжимая их для выхода. С чалкой в руке Иван мягко спрыгнул на палубу, толкнулся от бревенчатого причала. И легкий бот выскользнул на чистую воду, где волны и ветер помогли ему развернуться.

Сейчас нельзя идти под флагом, который уныло опутался вокруг мачты, растяжек. Иван размотал красный конус в желтой окантовке и пустил по ветру — рей на счастье! Затем спустился в рубку, наказав Павлу:

— Держи на Еленку. За ней потише. А дунет «сарма», так успеем спрятаться по эту сторону острова. Верно?

— Начальство не ошибается, — улыбнулся Павел и до конца прижал рукоятку газа. Подгоняемый ветром, бот устремился к призрачному силуэту острова, еле заметного между сплошным настилом облачной хмари и черно-белым накатом волн, похожих на сплошной шлагбаум. А немного спустя, когда хлесткие волны стали через борт заплескивать на стекло рубки, силуэт вовсе пропал из виду.

Павлу тоже осточертело безделье. Хоть беги вон из дома. Только — куда? Уже пробовал прижиться на БАМе. Увидев по телевизору Любашку, примчался к ней, познакомился, женился. Но жить в Северо-Байкальске не смог — слишком шумно и суетно. А Любашка не сумела привыкнуть к местной тиши и вернулась в свое гомонливое общежитие. Слетать к ней за ненастье не удалось. Поэтому Павел был рад внезапному решению Ивана встряхнуться на волнах и в ответ за такое удовольствие предложил:

— Зря сейчас треплем флаг. Надо заменить его старым. Все одно никто не заметит. А осенью прицепим этот. Вот все удивятся: откуда мы взяли новый?!

— Дело, — согласился Иван, ценивший Павла за то, что его сердце билось в лад с безотказным дизелем. А теперь он еще удивил способностью даже так отличить их бот среди остальных, к тому времени добела выполосканных волнами. Вдобавок думал о будущем, намекнув, что пока не собирался бежать с тонущего бота. За это Иван

угостил светлую голову сигаретой. Вместе прикурили от одной спички.

Перед глазами то поднимался, то опадал острый нос бота. Как свежевыкрашенная, лоснилась от воды розовая палуба. В стекло то и дело шлепали пенные охлопки волн. За спинами на полную мощь гудел неутомимый дизель. А они, стоя плечом к плечу у красного, собственными руками отполированного штурвала, блаженно дымили сигаретами и чувствовали себя летящими по беспредельности, которая ощутимо омывала ссохшиеся души...

Совсем иное испытывал Юрик, маявшийся в гулкой тьме кубрика. Ему было тошно лежать на рундуке то вниз головой, то вверх ногами. Ему было тошно вместо Джо Дассена слушать заунывный храп упавшего на пол Егора. Он возненавидел Ивана за испорченный вечер и, не выдержав, кинулся в рубку, с визгом выпалив:

— Куда тебя несет? Какого хрепа там сейчас делать? Лишь время да сети угробим! Поворачивай назад!

— Ну, паря, и долго у тебя срабатывало зажигание, — фыркнул Павел.

Иван изумленно уставился на обычно смирного Юрика, который орал уже Павлу:

— Крути свою баранку!

Как хотелось Ивану с маху осадить юнца в кубрик... Вместо этого бросил:

— Лево руля! Пусть высаживается к едрени матери!

— Хм, с кем будешь ставить сети? — возразил Павел и торопливо шикнул на очумевшего Юрика: — Кыш, кыш, ботало! Сгинь!

— Все, последний раз! Завтра ж подам заявленье!

Больше Иван ничего не мог слышать и вышел из рубки — подальше от греха. Ветер, петушиным гребнем подняв русые волосы, вскоре остудил голову. Но душа по-прежнему продолжала мозжить от обиды, что сын рыбака не понимал, почему они тут... Будто уросливая фортуна поджидала их только на берегу... Тогда его правильно потянуло к огуречным грядкам.

Между тем приближался остров — монолитная глыба с пенной оторочкой прибоя у серых отвесных боков и округленной ветрами вершиной без единой былинки. Пора ставить сети. Где?.. Это могли подсказать нерпы. Иван сунулся в освещенную рубку за биноклем. Павел привычно держал штурвал правой ногой, поставив ее на нижний

обод между спицами. Руки были заняты новой пачкой сигарет. Продолжая разговор, он мечтательно вздохнул:

— Э-эх, где б разжиться локатором? Приладим его рядом с компасом — и вся рыбка перед тобой! Юрик, будешь в Иркутске, пожалуйста, наведывайся в комиссионки, на толкучку.

— Прямо разбежался... — хмыкнул тот, убежденный, что никакой локатор их уже не спасет, поэтому надо искать удачу в стороне от Байкала.

— Бормаш! Дослушай сперва... На толкучке все есть. Так уж ты расстарайся. Понятно, за наш счет. А мы за это гарантируем тебе рыбку. От бати еще дождешься или нет, а тут верняк. Каждый месяц будешь получать в аэропорту. Чем худо для студента? Иванча, даешь гарантию?

— Что на тот год будете добывать хоть себе на уху, — уточнил Юрик.

— Не буровь! — сорвался Иван.

— Хм, разве сам не знаешь, сколько вокруг сведено леса и потому загублено речек? Разве сам не знаешь, как из-за этого мелеет Байкал?

— А ево ишшо наша водовозка кажный день убавлят! — съерничал Павел, хотя недавно видел во сне, как они в поту волокли бот по камням к пустой сети, которая валялась на дне Байкала.

— Орясина ты, орясина... Еще в институт собрался, в инженеры нацелился... Тьфу, стоеросина! — презрительно заключил Иван и после шумной затяжки спросил: — Разве вся эта беда касается только нас? Ведь от Байкала зависит работа трех ГЭС, тысяч разных заводов. Кто же допустит их остановку? Никогда! Значит, умные головы найдут способ сохранить нормальный уровень воды. Раз так, мы тоже будем с омульком!

— С заводами невелика беда. Их уже наверняка выручают Красноярская и Саянская ГЭС. А вот при помощи какого чуда твои умники поднимут Байкал? Повернут сюда Лену или направят все тропические ливни? Да пока они обмозгуют эту проблему, ты просто по воду будешь таскаться с коромыслом черт-те куда!

Иван оторопело уставился на Юрика, впервые не зная, чем его сокрушить. Обидно признавать, что юнец оказался прав. Но куда денешься... Для форсу осталось хотя бы хлопнуть дверью.

Выйдя на обвод, Иван повел биноклем по бороздам волн. Летящие через рубку брызги замутили стекла. Пришлось перебираться на скачущий нос. Однако это не помогло отыскать в сумятице волн хоть одну нерпичью голову. Скверно... Значит, здесь точно нет рыбы. Где ж она есть?..

Каждый раз эта отгадка была шахматной головоломкой потому, что нынешний омуль слонялся по Байкалу бог весть как... Все же Иван хотел угадать его ход в такую погоду. Скачка мешала сосредоточиться. Он вернулся к рубке и, тасуя различные варианты, ждал, когда нутро отзовется на самый верный... В бок неожиданно толкнула дверь. Из рубки высунулся Егор. Выкатив соловые глаза и обдав смрадом перегара, он удивленно просипел:

— Е-о-о-о мо-е-о-о-о, уж ночь... Как же я теперь привезу шифоньер? Ни одну телегу не найдешь! А почему не светит Хужир? Мы где, куда едем? Разве не домой?

Вскипев от этого бреда, сбившего весь настрой, Иван пхнул Егора в рубку, захлопнул дверь и попытался вернуть мелькнувшее ощущение заветного варианта. Пустое... На новый настрой уже не осталось времени: истаивал дневной свет. Да и тот больше казался простым отражением шумящих вокруг пенистых беляков. За черным островом, который высился справа, они уже гасли. Дальше идти ни к чему. Нужно ставить сеть крыльями по обе стороны острова. Вдруг «сарма» сама загонит в них косяк омуля. Иван крикнул Павлу:

— Лево руля!

Бот скользко занесло, осаживая, тряхнуло об увал одной волны, поддало в корму другой, звонко хлестнуло по борту третьей, обдавшей фонтаном брызг. Сплошное удовольствие! Иван пошел сменить изрядно промокшую штормовку. В кубрике шуршали апельсиновыми робами. Юрик уже застегивал куртку, а Егор даже сидя путался резиновыми сапогами в штанинах. Иван считал несусветной дурью целую неделю со всеми что угодно и когда попало пить, как Егор — чтоб и лежачего качало. Глядя на его потешные страдания, сочувственно сказал:

— Сколько тебе об этом твердить: никогда не пей больше меня. Нет, снова настебался... Смотри, спишу тебя в тарный цех, чтоб не срамил бригаду.

— У Вики ж нынче день рожденья! Как не поздравить ее? Пришлось... Ох, е мое, неладно получилось... Я ж приготовил ей шифоньер. Игрушечка с зеркалом во

всю дверцу. Сразу вся может смотреться! Еще в июне втихаря отвалил за него Парамонихе омульков. Сегодня мечтал вручить, а... Эх, как же это... Вань, давай по-быстрому отмечаемся и рванем домой, а?

— От тебя зависит. Как развернешься. Ишь запутался...

— Да я о-оп! — Егор наконец правильно протолкнул ноги в штанины, вскочив, натянул куртку. — Готов!

— Зря мозолить руки, — добавил Юрик.

Иван поежился, будто за шиворот попала пригоршня воды. Нельзя каркать перед заметом. Но сосуну уже было наплевать на все, кроме сельхозинститута. Трудно осуждать его за это, потому что нелегко любить оскудевший Байкал. Мало кто способен утешаться лишь его красотой и привольем. Заодно ободряя себя, Иван улыбнулся:

— Почему так уж зря? Ведь рыбка ищет место поглубже. А «баргузин» целую неделю гнал сюда воду.

— Ага, весь омулек прямо под парусами примчался по ветру, — съехидничал Юрик и убежденно добавил: — Пустая затея. Это все равно, что я по экзаменационному билету отхвачу «Волгу».

— Барбос говорил, что в Онгуренах омулек пер на север прямо шубой. Вот куда надо подаваться на перехват, — предложил из рубки чуткий Павел.

— Норовишь у женки погостить? Лево руля! — скомандовал Иван.

Шурша и ширкая прорезиненными робами, они пошли в выборочную. Убрали брезент, закрывающий сети. Иван бесшумно плюхнул за борт маяк, грузельный камень. И началась работа... Юрик сидел на борту, Иван — на корме, Егор посредине одергивал слежавшуюся и словно заплесневелую сеть. Волны качали, подкидывали бот. Егору было трудно внаклонку держать равновесие. Поневоле тянуло на четвереньки. Иван презирал слабаков, неспособных устоять перед лишней бутылкой, злорадствуя над страдальцем:

— Рыбак называется... Ну, фигурист... Ну, артист из ансамбля песни и пляски... Давай-ка привяжись хоть за ногу, а то унырнешь.

— Не дрейфь, мы не в таких переделках бывали! — заявил Егор, с поклонами и запрокидами приплясывая вприсядку.

Лихость, с какой он неутомимо откалывал этот дикарский танец, поневоле притягивала все внимание. И километровая сеть незаметно ушла в беспросветную тьму глубины. Довольно кинув за борт треугольный маяк из прессованных стружек, Иван пропел:

— А-амбе-е-ец! Закуривай, братцы!

Второй замет с другой стороны острова пошел медленней. Болтанка вымотала Егора. Как он ни изворачивался, пытаясь устоять, но все чаще оказывался на четвереньках, с которых поднимался все неохотней, задерживая работу. Это бесило Ивана, в такой момент не терпевшего заминок. Страдальца проще было турнуть с глаз долой, чтоб не травил душу. Но пусть как следует прочувствует свою оплошность. Авось впредь воздержится от перебора. И после замета Егору даже пришлось драить щеткой борта и стлань, ополаскивая их водой из-за борта. А Иван, качая помпу, еще пристращал:

— Если выскоблишь худо — и дома не дам похмелиться. Чего ты лакаешь ее, как Барбос?

— Во-о-о... Наконец, е мое, догадался узнать! Чем зря измываться, лучше б давно спросил про это!

Гордая натура не позволяет сибиряку приоткрывать саднящую душу. Какое бы отчаянье ее ни корежило — это никого не касается. И раз уж вырвался такой всхлип, значит, парню стало совсем невмоготу. Опасаясь неловким словом спугнуть стыдливое откровенье, Иван молча качал помпу. Но Егор онемел. Пришлось ободрить его:

— Ну-ну... Может, за напраслину еще сам поставлю повинную.

— А то!.. Уже нож острый являться домой! Я, мужик, живу на Викин окладишко!.. Тебе такой кусок в горло полезет? Правда, она с понятием: не попрекает за дармоедство. Так мне от этого легче? Да хуже в сто раз! Хоть в петлю от срама!.. Вот намедни сманила к сестренке в Шелехов. Ее Гриня работает на алюминиевом заводе, три сотни чистоганом получает каждый месяц. Да еще прогрессивка... Мне пока посулили всего на сотню меньше. Но не могу я там... Еле вытерпел до утра... Тесно там, будто в курятнике. Чадно... Дышишь... Ровно, е мое, в противогазе: тут же весь взмок, будто при марш-броске... Не, не жилец я без этого просторья, не жилец! Потому готов с тобой каждый день лезть в любую «сарму», лишь бы приходить домой с уловом! Понял?

Иван кивнул, потому что сам после службы на Сахалине отказался рыбачить в Тихом океане. Конечно, было соблазнительно увидеть белый свет и заодно без особой

натуги принарядиться, купить машину. Но чужбина есть чужбина. С нее невыносимо тянуло сюда... И если бы любимый батюшка Байкал мог прокормить да с удачной путины одарить цветным телевизором — большего счастья не надо. Только даже эта малость ныне оказалась непосильной. Тяжко жить в основном на пенсию отца и учительский оклад Нади. Тоже пора на что-то решиться, хотя за душой никакой профессии. Где в тридцать лет начинать новую жизнь?.. А как оставишь мать с отцом?.. Поэтому Иван ничем дельным не мог утешить Егора. Лишь успокаивающе похлопал по плечу и, дав сигарету, виновато добавил:

— С меня причитается.

Тревожная погода обязывала вернуться в Хужир. Но там ждала другая опасность. Егор все равно хлебнет для облегчения и заспится так, что не поднимешь утром. Юрик тоже может увильнуть от постылой работы, мешающей заниматься. Значит, ни к чему жечь солярку на катанье туда-сюда.

— Правь к Еленке, — сказал Иван Павлу, а нахохленному Юрику предложил: — Вари чай.

Словно орудовал топором не на скачущем носу бота, а в родимом дворе, Юрик точными ударами живо расколол на полешки сосновую чурку и для разжога еще подтесал стружек. С такой ловкостью, не опасаясь изувечить топором руку или садануть по ноге, мог действовать только потомственный рыбак, теперь вынужденный превращаться в огородника. Придержав дверь, Иван пропустил Юрика с дровами в рубку и стал показывать Павлу, где лучше подойти к острову. Сам надежно закрепил кормовой якорь. Так, если грянет «сарма», все-таки не сразу грохнет винтом о камни. Так больше возможности скорей удрать в безопасное место. Рядом с веревкой положил топор, чтобы секануть, если будет некогда поднять якорь.

Дизель утих. Ветер остался за щитом острова. Сивые волны шли стороной. Тут шевелилась лишь бесшумная зыбь, округлые бугорки которой вспухали и растворялись, точно спинки ныряющих нерп. Замедлившая свой гон черная мгла опустилась до уровня рубки, где ее подпирали шесть восковых столбиков света, бьющего из иллюминаторов. Поэтому теплый сосновый дымок, овевая,

клубил вокруг бота. Он вкусно припахивал подгорающей картошкой. Лежа навзничь на корме, Иван слушал звучащую над головой сонную перебранку чаек. Тянуло курнуть. Всего раз... Для полного счастья. Но сигареты остались в штормовке, а вставать не хотелось.

— Ты где? Айда. Все готово, — позвал Павел.

В кубрике было ослепительно светло и жарко. На засаленной подушке Юрика мурлыкал транзистор. На столе исходили духмяным парком полные кружки дегтярного чая, дразнила поджаристыми боками оскобленная от гари картошка, высилась горка хлебных ломтей. Приятно было глядеть на все эти яства... Гораздо приятней, чем на Егора с Юриком, кислых, как прошлогодняя капуста. Иван и не смотрел на них — что за нужда. Вынув из авоськи, развернул газетный сверток, в котором оказалась булка хлеба, толстый пучок скрипучего лука, соль, десятка два вареных яиц, конфеты, заварка.

Павел завистливо прицокнул:

— Ц-ц-ц-ц-ц-ц-ц-ц... Эх, мне б такую жену... Это ж прямо не женушка, а душевная отрада. Ей-бо! Ты случайно не знаешь, где еще есть такая? Сосватай. Сотню омульков за это поднесу!

— Хм, стоит из-за нее разговор затевать... Накидывай. Тогда подумаю. Не жмись, не жмись, — подзадоривал Иван.

— Да хоть две, если повезет в осеннюю путину. За путную жену разве жалко? Никогда! А она чья, кто? В Хужире таких, по-моему, нет. Кроме твоей Нади.

— Зато есть в Еланцах. Надина сестренка, младшая. У-ух, деваха... Опалишься!

— Что ж пропадает? Ведь там вертолетчики квартируют. Они ребята бдительные, давно б нашли ей место в кабине.

— Кто ее знает...

Уплетая картошку вприкуску с луком, Иван сам призадумался над этой загадкой. Потом прикинул, подходит ли Анке Павел. Пышноволосый, синеглазый, с форсистыми усиками, он выглядел приметно. Особенно — в красном маршальском воротнике и с такими же лампасами на рукавах черной спортивной куртки и штанов. Лишь ростом был маловат, хлиповат телом. Ведь женщины любят мужиков покряжистей, с надежным запасом прочности. Хотя Анка по молодости еще может влюбиться даже за гусарские усики или нарядный воротник. Надо

позвать ее в гости. Вдруг всем повезет? Срочно нужно позвать ее телеграммой. А то Павел помается, помается бесхозным и снова улетит к своей зазнобе на БАМ. Тогда останешься без надежного моториста, черт знает кого получишь взамен. Зачем это допускать? Нельзя. Живо представив, как славно все получится, Иван предложил:

— Ты завтра погладь брюки, наведи остальной марафет. Анка вот-вот прикатит.

— Н-но-о-о?!.. — просиял Павел.

— Точно. Сергуню должна от деда привезти. Может, уж дома сидит.

Озадаченный таким поворотом судьбы, Павел вслепую что-то жевал, давился, хлебнув чаю, обжегся им. Скинул куртку, отодвинулся к борту и закурил для спокойствия. Поневоле сравнил свою постылую жизнь с будущей... Наконец после второй сигареты выдохнул:

— Вот мы якаем, пыжимся: нам Байкал по колено! А разобраться, что мы без душевной жены, а?.. Если честно, сами для себя? Так... Затычка без бутылки. То-то и манит к ней, а толку...

— Рассохся, потек... — презрительно процедил Егор и сунул в кружку греческий нос. Кудрявый, обвешанный бакенбардами бронзового отлива, он был убежден, что никакая красавица не устоит перед пронзительным взглядом его серых глаз. Дошвыркав чай, он гордо заключил: — Какой резон бегать за бабой и поездом? Будут еще! Навалом! А к путному парню любая баба сама прибежит с парой бутылок!

— Бормаш ты, бормаш... — посетовал Павел.

Иван помалкивал. Минутный соблазн исчез. Он уже каялся, что разбередил Павлу душу. Ведь сам последний раз видел Анку еще зимой, пережидая в Еланцах пургу. С тех пор все могло измениться. Завидная деваха не должна в одиночестве чахнуть. Наверняка присушила кого-нибудь из тех же вертолетчиков. Хотя о свадьбе пока не слышно. Значит, нужна срочная разведка, немедленное свидание. Иначе Павел кровно обидится... Попутно вспомнив про Надю и Сергуню, Иван поежился от мысли, что остался без них, став одиноким вроде Павла. Жизнь показалась пустой, бесполезной, как бутылочные осколки на кладбище.

Под эстрадную музыку веселей чистить яйца. Юрик до предела усилил звук — все помешает кому-то затеять никчемный разговор. Мелодия была с такими перепадами ритмических узоров и оттенков, что захватило дух и осенило шалой мыслью попытать счастье в московском институте, где наверняка есть дискотека с подобной музыкой... Сперва это даже напугало — куда суется? Потом пришла спасительная надежда: неужели для него не найдется единственное местечко?.. И когда затихли танцевальные ритмы зарубежной эстрады, Юрик приглушил «Маяк» и, примеряясь к новой жизни, спросил:

— Интересно, Москва больше Ольхона?

Дружный хохот разбудил чаек, истошно завизжавших на скале. Но когда все просмеялись, оказалось, никто в столице не бывал. Даже проездом в армию. Все отслужили ее в Сибири и на Дальнем Востоке. Зато вспомнили, что длина их родного острова все-таки под восемьдесят километров.

— Москва, ясно, больше Хужира, однако поменьше Ольхона, — прояснил истину рассудительный Иван, сурово заключив: —Так что на твою долю там нет места.

— Как сказать...

— Ну, слетай, убедись... Там живо поймешь, что для нас, челдонов, самое бравое место — Байкал.

Согласно кивнув, Павел с Егором стали поправлять в изголовьях сети, полезли в спальные мешки. Юрику тоже пришлось устраиваться и тушить свет. Вскоре их голоса затихли. Вовсю звучала лишь музыка. Опять танцевальная. Ведь в далекой Москве летний вечер еще только начинался.

А тут мгла куполом выгнулась над бортом уже до самой воды, из которой торчали две нерпы, тоже любившие веселую музыку. Иван вынес приемник, поставил на рубку. Пусть нерпы слушают до рассвета. Только б не трогали рыбу, не портили сети. Покуривая, следил, не тянет ли сквознячок — первый вестник «сармы». Попутно думал о том, как бы приладить нерп загонять омуль в сети, а еще лучше — споловинить обжор, которых развелось уже за семьдесят тысяч. И каждой надо не меньше трех кило рыбы в день. Так, ни за что, пропадали тысячи тонн улова, позарез нужного рыбозаводу. Если обжор сократить, тогда омулек станет сам по себе чаще запутываться в сетях. Вот в чем таится спасение рыбаков. Хотя ученые вряд ли пойдут на это — уж больно ценный для науки зверь. В начале минувшей зимы один сивобородый специально просвещал на лекции, что каждого охотника за искушение немедленно ждут штрафы и ре-

шетка... Забавно все же получается: обычные звери взяты под бдительную опеку, а судьбы тысяч людей, выросших на Байкале, не колышут никакого ученого. Как бы люди не озверели от этого.

Конечно, нельзя сказать, что бедствие с рыбой никого не волнует. Еще как... Повальная вырубка прибрежных лесов привела к обмелению рек, в которых привык нереститься омуль. Это заставило, выкроив двести миллионов рублей, срочно строить Баргузинский, Чевыркуйский и Селенгинский заводы, способные заменить обсохшие естественные нерестилища. Так омуль будет спасен от вырождения и, если верить науке, — размножится чрезвычайно. Приятная весть... Только радостного в ней мало, потому что ученые по рассеянности забыли прикинуть, чем прокормят несметный приплод? Ведь прошлый подъем воды, необходимой для полной нагрузки Иркутской ГЭС, погубил много живности, питающей омуля. Начавшийся спад Байкала дополнительно сократил уцелевшую живность. В результате самым сытным для омуля временем стал июнь, когда Большереченский завод выпускает на волю свой рекордный миллиард икряного приплода, плывущего по течению прямо в голодные пасти. Если ученые намерены так же угощать нынешнего омуля у новых заводов, это кого-то выручит. Но тогда возникает логичный вопрос: не слишком ли дорогими будут для государства такие гостинцы?

Над водой заслонился туманец, который отчетливо выказал темных нерп. Одна лежала на боку. Устала, бедняга, от затянувшегося концерта, но не спала. Только озябший Иван поднялся, чтобы согреться гимнастикой, — она растаяла. Затем обе высунулись немного дальше.

— Ну, хватит с вас, хватит. Теперь в знак благодарности не грех шугнуть в сети хороший косяк. Давайте-ка, милые, постарайтесь. Коли не поленитесь, вечером снова будете слушать концерт. Ясна задача? Ну, кыш, кыш!

Пугая нерп, Иван усиленно замахал руками. Вскоре стало тепло. Поэтому еще сильнее захотелось спать. От зевоты аж побаливали скулы. Но в такой момент никому нельзя доверить вахту. Прикурив от бычка новую сигарету, Иван терпел еще целый час, пока чуть развиднелось. По всем приметам больше ждать нельзя — пора выбирать сети да улепетывать. Он рявкнул в кубрик:

— Подъем! Авралим!

Вокруг было тускло и тихо. Ни ветерка. Байкал оцепенел, точно под глянцем первого льда. Как дым от недавнего пожара, над хребтом стелились грязноватые слоистые облака. Их провисы срезались о зубья гольцов и снежными лавинами скользили по распадкам до самого берега. Внезапно облака взвихрились. Чайки тут же с паническими воплями скрылись за выступом острова. И сделали это вовремя — от первого вздоха горного ветра Байкал вспороли черные клинья ряби.

Прав оказался отец: не «сарма», так ее родная сестрица «горная» прихватила. Иван покосился на смурую бригаду. Поздно собрались выбирать сети. Тоже пора прятаться за спасительную стену острова. Мигнув Юрику, Иван вместе махом выхватил якорь из кормового буруна. Сидевший на трапе Егор лютовал:

— Во-о, е мое... Тьфу!..

Прыгнув с кормы, чтобы не сбило ударом ветра, Иван сунул бедняге окурок, утешив:

— Дерни разок. Может, последний.

— Теперь, е мое, все может быть, все! Только досадно: пропал шифоньер-то... Вика про него ни-ни. Я Парамонихе сам наказывал для полного сюрприза. Теперь ей какой резон дуриком отдавать добро? Зажмет. Точно зажмет.

— Брось клепать на старуху. Нам пожертвует твой шифоньер. В самый раз поместимся, — обнадежил его Иван и, когда бот приблизился к центру Еленки, с носа махнул в воду и намертво загнал под плиту лапы якоря, для надежности привалив его сверху валуном так, чтобы не мог выскочить от раскачки. Весь мокрый, по веревке вскарабкался на нос. Юрик уже управился с кормовым якорем. Во всю мочь натянули веревку. Иван лихорадочно стал закреплять ее.

А стремительно клубящая хмарь чернела, будто обугливалась от взаимного трения. Вдруг «горная» прижала к воде все бурлящее скопище туч и, шаркнув им по Байкалу, — развеяла в прах. Следом ухнула ревущая, воющая, свистящая, грохочущая мгла, в которой нависшая над головой скала казалась обрушивающейся волной.

Иван уже бывал в такой передряге, но все равно стало жутко. Секущий водяной смерч вывел из столбняка. Пока не смахнуло или не смыло за борт, он юркнул в завалившуюся рубку. Здесь было еще темней, в нос било едким чадом перегоревшей солярки. Вцепившись в штурвал, Павел то ли забыл выключить дизель, то ли

держал его на ходу, чтобы не упустить момент, если бот сорвет с якорей.

— Отличный нашел закут! — прямо в ухо до боли крикнул Павел. — Если б не он, хана нам!

Иван согласно кивнул, отдышавшись, хотел закурить. Но бот накреняло, швыряло, трясло и дергало так, что нельзя отпустить руки, иначе головой или локтем высадишь лобовое стекло. Пришлось на ощупь пробираться в кубрик, где было получше: хоть не видно, что творилось вокруг. Попутно Иван включил свет. Юрик с Егором сидели напротив друг друга, упираясь ногами в стол, а спинами — в стонущие борта. Их лица покраснели от натуги, но в глазах не было смертного ужаса. Лишь мука от трепки, которая вышибала мозги.

Вот для какого случая в жизни предназначена бутылка — самая доступная награда за мужество, самое надежное средство веселей продержаться до любого конца. И хоть друзья вели себя как положено рыбакам, все равно это было приятно. Иван даже посетовал, что в загашнике нет аварийной бутылки. С удовольствием бы вручил ее бравым ребятам. От души хлопнув их по плечам, он, пересиливая рев «горной», во всю мощь гаркнул:

— Молодцы! Заслужили по косушке!

— Так гони, а то выворачивает! — признался Егор и для натуральности утробно икнул.

— Хм, откуда здесь у меня? Вот доживем — сочтемся!

— А в компасе что? В самый раз хватит, и-ик, утешить душу!

— Верно... Вот что значит наметанный глаз! — восхитился Иван, получив нечаянную возможность задобрить осерчавшего Бурхана и заодно немного сбить начавшийся озноб.

— Ну, так что, ты слову хозяин? Все равно, и-ик, зря добро пропадает! А вернемся, так я залью!

Скинув прилипшую одежду, Иван собрал в кубрике на себя все сухое, для тепла натянул еще робу. Лишь тогда махнул рукой. Егора будто поддало волной — мигом очутился в рубке. Ободряюще подмигнув непьющему Юрику, Иван вместе с кружкой захватил кусок хлеба. Опытный Павел отверткой ловко вскрыл компас. Улучив момент, Иван подставил кружку, но даже не пригубил ее, а, сочтя это более важным, по обычаю плеснул свою долю спирта на лобовое стекло. Угостив Бурхана, подал кружку Егору.

— А сам? — удивился тот.

— Я уже!

— Н-но-о-о-о... Во, е мое, первый раз вижу такое диво! Паш, глянь на этого чудика!

— Пей, а то передумаю!

— Но-но!.. Ладно, значит, будем живы! Тогда нальем с горкой! За тебя, благодетель!

Забыв поделиться с Бурханом, Егор одним духом проглотил спирт. А вот Павел, макнув палец в кружку, сперва торжественно помазал штурвал. Потом, кисло причмокивая, скривился:

— Хальная вода!.. Туфтит Гаврилкин! То-то стрелка ни в какую не хотела шевелиться! Надо протест написать!

— Х-ха, а я что толкую? Станет он тебе на это спирт переводить! Нашел, е мое, дурака! — выдохнул Егор, перестав нюхать хлеб.

— Неужто ничего не почуяли? — огорчился Иван.

— Да вроде ничего!.. — задумчиво отозвался Павел.

Эта двусмысленность выдала: грешили они на Гаврилкина. Специально грешили, чтобы ему не так жаль было собственной доли. Иван улыбнулся проказе удальцов и возгордился ими — кто еще сумеет в такой обстановке не пролить ни единой капли? Пустое! Но долго тешить душу некогда. Иван потуже опоясался веревкой и, цепляясь за поручни, полез на нос проверить якорную крепь. Вдруг перетерлась о борт и вот-вот лопнет? Тогда бот сразу развернет из этого спасительного затишка, расхлещет черными волнами, которые вперегонки таранно неслись мимо с обеих сторон.

Вокруг пуржило, как зимой. Только вместо снега летела пена и секущие по лицу брызги. Размякшая веревка пока была целехонька. Для верности Иван потянул ее. Якорь сидел в камнях тоже по-прежнему прочно. Радуясь этому, Иван перебрался на корму. Веревка и тут держалась надежно, зато изрядно залило выборочную. Спасательный круг, ящики и брезент плавали уже на уровне бортов. Еще чуть промешкать, и они бы пропали, унесенные любой волной, а бот мог перевернуться от перегрузки.

Кроя себя за ротозейство, Иван схватил ведро. При такой болтанке внаклон черпать неудобно. Вскоре он то ли поскользнулся, то ли просто потерял равновесие и шлепнулся на бок. Весь окунулся. Теперь безразлич-

3*

но, как стоять. На коленях даже удобнее. Так по грудь в воде и орудовал ведром.

А из рубки уже донесло разудалую песню про славное море, священный Байкал... Это взбеленило Ивана — метнулся к рубке, срывая голос, завопил в приоткрытую дверь. Егор тут же выскочил и, вскудлаченный ветром, вцепился в помпу. В спешке даже забыл обвязаться веревкой. Сразу за все Иван понужнул его несусветицей. Егор ловко затянулся петлей и вовсю приналег на помпу. Вода сразу стала убывать заметней, чем прежде. Но досуха опростать выборочную все равно не удалось — через борта постоянно летели пенные вершки волн, а сверху сыпался дождь взвихренных брызг.

— Эх, Иванча, пошамать бы!.. — размечтался уставший Егор.

— Тащи чурку! Авось чай сварим! И обсушиться бы не мешало!

Зачерпнув из накатившей волны, Иван с ведром пробрался в кубрик. Павел растянулся на своем спальнике, отдыхая после вахты. Неутомимый Юрик в прежнем положении слушал прижатый к уху транзистор.

— На-ка, чем транжирить батарейки! — вручил ему Иван ведро и стал раздеваться. До опасного треска выкрутив с Павлом одежду, голым забрался в мешок. На верхней полке мотало сильней, зато для упора было удобней держаться за цепь. Угревшись, Иван задремал и тут же грохнулся на стол. Ворох мокрой одежды ощутимо смягчил удар. Снова испытывать прочность костей ни к чему. Для полного удобства и безопасности он примостился под столом, привинченным к полу.

Сложно почаевничать в такой кутерьме. Дым гнало назад. Поэтому печка не разгоралась. Чайник плескался, норовя в любой миг опрокинуться. Пришлось Юрику держать его за прижатую крышку, затыкать носок хлебом. А ведь еще самому надо как-то держаться. Когда пламя все-таки загудело, прибавилась новая мука — жара. Одновременно возникла угроза нечаянно обнять раскаленную трубу. Не вытерпев пекла, Юрик попросил Егора:

— Замени, уже сжарился!

— Хорошо, е мое! Метанем за милую душу!

— Брошу чайник!

— Но-но, не шути! — Егор сунул голову в застегнутый ремень Ивановых штанов, которые повесил на грудь. Пусть, защищая от жары, заодно сохнут. Довольный своей придумкой, поддел Юрика локтем: — Не смикитил прикрыться-то? Сдай вахту!

Юрик опрометью кинулся на ветер, под освежающий душ брызг. Кое-как отдышался. Увидев, что по выборочной болтаются ящики и спасательный круг, — давай качать помпу.

На этот раз чай быстро вогнал всех в испарину. Ведь надо было не просто жонглировать кружкой, стараясь не облить себя или соседа. Главное состояло в том, чтобы пригубить ее и поменьше обжечься, не захлебнуться. Намаялись...

— Теперь до путины айда выступать в цирке! — предложил Егор, утираясь рукавом куртки. — Наверняка ни у кого из артистов нет такого номера! Наверняка! Иванча, давай-ка смотайся в Иркутск да обладь там все это! Тогда во житуха начнется!.. По телевизору будем выступать! Прославимся на весь мир! Объездим его!..

— Эк тебя занесло!.. — усмехнулся Иван, дивясь размаху мечтателя и радуясь тому, что друзья уже не обращали внимания на стихию. Потом с обидой, которая ожгла до слез, подумал, что таким бесценным рыбакам осталось для потехи податься только в цирк... Скрывая слезы, Иван встал из-за стола, по трапику поднялся в рубку глянуть, как залило выборочную. Попутно закурил. Когда душе немного полегчало, крикнул Павлу:

— Твоя вахта на помпе!

Он тотчас оказался рядом, спросив:

— Что Анка за деваха?

— Во-во-во! — охотно изобразил Иван сплошные выпуклости.

— А по натуре? Не рашпиль, не?

— Это уж от тебя будет зависеть! Хорошей стали, сам знаешь, рашпиль нипочем! Ну, обряжайся, обряжайся!

Вместе с Павлом натянув слегка подсохшую одежду и мокрую апельсиновую робу, Иван почти вслепую пробрался к веревке. Ощупал ее в нужном месте. Уже начала мохнатиться об острие носа. Одному аварию не устранить. Постучал каблуком в палубу. Помощники не замешкались.

— Надо усилить веревку! — пояснил им Иван. — Держите меня, чтоб не свалился!

Тряско, скользко на тесном носу, дергающемся из-под

но, как стоять. На коленях даже удобнее. Так по грудь в воде и орудовал ведром.

А из рубки уже донесло разудалую песню про славное море, священный Байкал... Это взбеленило Ивана — метнулся к рубке, срывая голос, завопил в приоткрытую дверь. Егор тут же выскочил и, вскудлаченный ветром, вцепился в помпу. В спешке даже забыл обвязаться веревкой. Сразу за все Иван понужнул его несусветицей. Егор ловко затянулся петлей и вовсю приналег на помпу. Вода сразу стала убывать заметней, чем прежде. Но досуха опростать выборочную все равно не удалось — через борта постоянно летели пенные вершки волн, а сверху сыпался дождь взвихренных брызг.

— Эх, Иванча, пошамать бы!.. — размечтался уставший Егор.

— Тащи чурку! Авось чай сварим! И обсушиться бы не мешало!

Зачерпнув из накатившей волны, Иван с ведром пробрался в кубрик. Павел растянулся на своем спальнике, отдыхая после вахты. Неутомимый Юрик в прежнем положении слушал прижатый к уху транзистор.

— На-ка, чем транжирить батарейки! — вручил ему Иван ведро и стал раздеваться. До опасного треска выкрутив с Павлом одежду, голым забрался в мешок. На верхней полке мотало сильней, зато для упора было удобней держаться за цепь. Угревшись, Иван задремал и тут же грохнулся на стол. Ворох мокрой одежды ощутимо смягчил удар. Снова испытывать прочность костей ни к чему. Для полного удобства и безопасности он примостился под столом, привинченным к полу.

Сложно почаевничать в такой кутерьме. Дым гнало назад. Поэтому печка не разгоралась. Чайник плескался, норовя в любой миг опрокинуться. Пришлось Юрику держать его за прижатую крышку, затыкать носок хлебом. А ведь еще самому надо как-то держаться. Когда пламя все-таки загудело, прибавилась новая мука — жара. Одновременно возникла угроза нечаянно обпять раскаленную трубу. Не вытерпев пекла, Юрик попросил Егора:

— Замени, уже сжарился!

— Хорошо, е мое! Метанем за милую душу!

— Брошу чайник!

— Но-но, не шути! — Егор сунул голову в застегнутый ремень Ивановых штанов, которые повесил на грудь.

Пусть, защищая от жары, заодно сохнут. Довольный своей придумкой, поддел Юрика локтем: — Не смикитил прикрыться-то? Сдай вахту!

Юрик опрометью кинулся на ветер, под освежающий душ брызг. Кое-как отдышался. Увидев, что по выборочной болтаются ящики и спасательный круг, — давай качать помпу.

На этот раз чай быстро вогнал всех в испарину. Ведь надо было не просто жонглировать кружкой, стараясь не облить себя или соседа. Главное состояло в том, чтобы пригубить ее и поменьше обжечься, не захлебнуться. Намаялись...

— Теперь до путины айда выступать в цирке! — предложил Егор, утираясь рукавом куртки. — Наверняка ни у кого из артистов нет такого номера! Наверняка! Иванча, давай-ка смотайся в Иркутск да обладь там все это! Тогда во житуха начнется!.. По телевизору будем выступать! Прославимся на весь мир! Объездим его!..

— Эк тебя занесло!.. — усмехнулся Иван, дивясь размаху мечтателя и радуясь тому, что друзья уже не обращали внимания на стихию. Потом с обидой, которая ожгла до слез, подумал, что таким бесценным рыбакам осталось для потехи податься только в цирк... Скрывая слезы, Иван встал из-за стола, по трапику поднялся в рубку глянуть, как залило выборочную. Попутно закурил. Когда душе немного полегчало, крикнул Павлу:

— Твоя вахта на помпе!

Он тотчас оказался рядом, спросив:

— Что Анка за деваха?

— Во-во-во! — охотно изобразил Иван сплошные выпуклости.

— А по натуре? Не рашпиль, не?

— Это уж от тебя будет зависеть! Хорошей стали, сам знаешь, рашпиль нипочем! Ну, обряжайся, обряжайся!

Вместе с Павлом натянув слегка подсохшую одежду и мокрую апельсиновую робу, Иван почти вслепую пробрался к веревке. Ощупал ее в нужном месте. Уже начала мохнатиться об острие носа. Одному аварию не устранить. Постучал каблуком в палубу. Помощники не замешкались.

— Надо усилить веревку! — пояснил им Иван. — Держите меня, чтоб не свалился!

Тряско, скользко на тесном носу, дергающемся из-под

ног. Фыркая, отдуваясь от воды, они попеременно надставляли веревку в целом месте и для надежности в несколько раз утолщили ее переплетными оборотками. Во время этой работы и уже в кубрике Иван настороженно ждал упрека, что ради собственной блажи подверг их смертельному риску. Понятно, тут же можно было сослаться на директора, но хотелось увидеть, как друзья покажут свою натуру естественно. Выжимая рукава по локоть мокрого свитера, Юрик довольно протянул:

— Как точнехонько ты рассчитал!.. Прямо у Христа за пазухой сидим! Лишь бы не вытряхнуло отсюда! Тогда авось прокан...

И смолк от затрещины Егора, предпочитающего дождаться, когда пронесет всю нечистую силу. Покуривая, Иван глядел на этих славных парней и просто не мог представить, как будет жить без них... От злости так и подмывало самому перестрелять всех нерп.

В иллюминаторах начало светать. Слабея, «горная» стала утихать. Прижимая бот к скале, валом двинулась назад пригнанная вода. Пришлось убегать от нее на другую сторону острова. Когда волны осели до обычного уреза, бригада принялась выбирать залепленную тиной сеть, в которой светлели желтоватые бляшки колючего бормаша. Егор деревянной киянкой остервенело крошил его на борту. Изредка попадали головы хариусов — нерпы прошлись, пообедав. Тоже предпочитали действовать наверняка. Иван поискал объедал, чтобы выпалить накипевшее. Но те явно отсиживались за островом.

Тяжко выбирать пустую сеть. Бесконечной казалась ее километровая длина. Стыли руки от мокрой веревки. Стыла таящая надежду душа. И ее вопль прибавлялся к стонам голодных чаек. Но что им дашь, когда весь улов свелся к маленькому сигу, окуню, двум хариусам и единственному омульку. Понятливые чайки нехотя разлетелись. Иван сквозь зубы похвалил добычу:

— Редкое ассорти... Прямо на заказ...

— Надо было тебе вчера для верности, е мое, сменить все грузельные камни на белые, тогда б наверняка повезло!

— Хм, чего ж только сейчас вспомнил про это? Чая, чая! — позвал Иван и поднял окуня, которого чайка вырвала из пальцев.

Что таила в непроглядной глубине вторая сеть?.. Когда поравнялись с маяком, Юрик предложил:

— Пускай останется. К чему зря пыжиться? Глядишь, к завтрему тоже наберется ассорти.

Вспылив, Иван плеснул в него водой. Затем поднял маяк. Зеленоватое полотно капроновой сети тянулось из серой глуби, как тина... Здесь не было даже бормаша. Объедки тоже не попадали. Поэтому казалось, что грузельных камней было по тонне в каждом конце сети.

Иван уныло глядел на обточенные «горной» лысые конусы гольцов, которые с точностью зубьев пилы торчали вдоль всего Прибайкальского хребта. Глаза невольно тянулись к Онгурену, где недавно будто бы шубой шел верховой омулек. Явно туда отправился из Хужира и катер рыбоохраны «Стремительный». Как же, упустили момент во время ненастья. Теперь нужно догонять косяк. Ведь тоже истосковались по омульку. Да если б только сами... А то у каждого есть родня, заветные друзья и знакомые, которых грешно обижать. Сколько таких катеров охраняет Байкал, чтобы его не смели цедить те, кому не положено. Поэтому и приходится дополнительно тянуть со дна одни камни.

Как тут для сравнения не вспомнить былые времена, когда вокруг совершенно не было сторожей, зато всем вдоволь хватало рыбы. Не говоря уж про местных жителей, на каждой станции пассажиры всех поездов на выбор лакомились малосольным, с душком или копченым омулем. И тот был не чета нынешним заморышам — в локоть длиной!

Вдруг Иван почувствовал, что сеть полегчала, ощутил ее дрожь. Недоверчиво глянул вниз и едва удержался от вскрика: сутемь глуби освещали взблески омулей, трепещущих, словно праздничные флаги на корабельной рее. Шальной косяк попал только что, своей плавучестью сняв тяжесть грузельных камней. Некоторые рыбины просто ткнулись головами в ячейки сети или зацепились за нее плавниками и, еще не успев запутаться, — срывались, выскальзывая на волю.

Иван старался не глядеть на беглецов, вперясь в глубь... Казалось: густой поток черных спинок струился ниже... Так и подмывало опустить сеть, чтобы весь омуль унизал ее и стал подниматься сплошным белым пологом! Но разум как-то все же пересилил хмельную лихорадку азарта. Посмеиваясь над тем, что умудрился проникнуть

взглядом на глубину тридцати махов, Иван стал спокойно тянуть бот за сетью и слушать музыку.

Отличную музыку передавал «Маяк»! Так и хотелось пуститься в пляс! Но все-таки милей всего было слушать, как икал и попискивал перламутровый омуль, которого Павел с Егором споровисто выдавливали из ячей.

— Во-о, е мое, что значит побрызгать... Бурхан живо подобрел, и «горную» быстренько усмирил, и косячок в сеть шуганул! Почаще б так надо делать, е мое!

— Верно... Однако я что-то забыл, ты брызгал ли? — уточнил Иван. — После тебя даже Паше, кажется, осталось только помазать штурвал. А, Паш?

— Да нет, поболе...

— Не видишь, тянусь? Подбей корму... О-оп, сиг идет! Подхватывай!

Упав грудью на борт, Павел выше локтей запустил руки в воду. Тупомордый полуметровый сиг дернулся с перепугу и вызволил из ячеи жабрину. Еще целое мгновение он был на сети. Павел даже подхватил его! Но удержика... С досады чуть сам не нырнул вслед.

Эта оплошность всем подпортила настроение. Хорошо еще, что затем подошел второй сиг — посолидней. Правда, он и сам держался пастью за мережу. Но Иван бросился на колени, свесясь через борт, одной рукой стиснул жабры, второй — хвост. Егор мигом подставил сачок. И увесистый трофей смачно шлепнулся в ящик. После сига удалось вытянуть всего с десяток омульков. Дальше сеть сплошь облепили бормаши, на которых Егор остервенело выбивал кпянкой барабанную дробь.

Рыба наполнила целых два ящика. Давненько не бывало такой удачи — больше центнера! Есть в бригадном кармане семнадцать целковых! Все же Ивану по-прежнему не давало покоя видение струящегося потока черных спинок. Решил еще раз попытать счастье:

— Ничего заловок... Может, снова подфартит, а? Давай, Паш, развернись. К чему сетям впустую киснуть под брезентом?

— Резонно.

Над бортом неустанно кружили чайки. Прося гостинец, они то жалобно мяукали, то скулили, возмущаясь нерасторопностью счастливцев. Однако Ивану было не до них — с естественной надбавкой за мужество раскладывал по долям омуль на законную уху. И хоть до смер-

ти не хотелось расставаться с Юриком, он добродушно ворчал:

— Повезло тебе напоследок, потому грех обижаться на нас. Такой же удачи тебе и в институте. Да тоже не жди ее на бережку. Эх, старик я уже, а то бы... Слышь, ты лучше двигай в институт, который защищает Байкал. Тебе сам Бурхан велел в нем учиться. Думаешь, зря нынче выпустил нас? Не-э... Специально, чтоб ты после радел о Байкале. Ведь чужому он до фени. А ты вдруг сумеешь куда-нибудь переселить побольше нерпы или придумаешь сытную подкормку для омулька, а? За это я железно даю гарантию слать каждый месяц посылку. Лады?

Юрик в раздумье угостил чаек омулем. На лету поймав и проглотив куски, они запричитали еще жалобней, словно упрекая, что на прощанье мог быть пощедрее. Юрик хотел пожертвовать второй рыбиной, но тут Иван сорванным голосом нараспев объявил:

— По ме-естам-ам!

Он метал сеть широкими взмахами сеятеля с надеждой, что завтра будет отменный улов, и потому, когда Павел принес выцветший прошлогодний флаг, удивился:

— Да ты что? Ни-ни-ни! Мы ж идем с победой!

Смущенный Павел исчез в кубрике. Не дожидаясь, пока он вернется, Юрик дал полный газ и круто развернул бот. Стоять за штурвалом было гораздо лучше, чем шлепать в кубрике замусоленными картами, стараясь не остаться в дураках.

Вокруг зеленел синеющий к горизонту Байкал. Впереди белели шиферные крыши Хужира, который он видел отсюда в последний раз. Осталось написать заявление, сгонять в Хоронцы за билетом на самолет и... Непривычно чувствовать себя защитником Байкала. Даже страшновато от подобной мысли. Но Иван прав: самим тоже пора приниматься за дело. Сколько же можно по привычке лишь брать у Байкала? Пора что-то давать ему, спасая от захирения. Поэтому в институт нужно поступить во что бы то ни стало. Сиплый крик заставил глянуть в кубрик. Егор просил сбавить ход. Вздохнув, Юрик убрал газ, чтобы азартные друзья успели доиграть.

Зная, что испытали попавшие в «горную», все бригады во главе с директором рыбозавода почтительно выстроились на пристани и во всю мощь трижды гаркнули «ура!». А когда скрипучая лебедка торжественно вознесла

над ботом полный ящик омуля, возликовали еще пуще!

По-прежнему в шапке, телогрейке и валенках, отец прямо с вечера дежурил на пристани и теперь сиял... Как прожектор, который забыли выключить. Легко вскинув на плечо увесистую котомку, он запылил рядом с Иваном. Нетерпеливо спросил:

— Ну, как это самое... Тряхнула вас «горная»?

— Да ну... Что она под защитой Еленки? — для форсу небрежно бросил Иван. — За такой стеной можно терпеть. Лишь бы с якоря не сорваться.

— Бедовый ты... У-ух, бедовый... Весь в меня! Вылитой!

— Да но-о-о...

— Вот те и но-о-о...

Услышав звяк калитки, из амбара выглянула мать и с улыбкой затянула:

— Во-о, сколь добыл, сидя на бережку-то... Ай да удалец! Давно б так-то... А то все на крыльце штаны протираешь!

— Давай нож! — крикнул отец уже из-за амбара, где был верстак для порки рыбы.

С распущенными по спине волосами Надя кышкала в огороде, откуда выгоняла пеструю курицу. Пусть управляется. Иван устало опустился на крыльцо.

— А-аи-ий!.. — по-чаячьи вскрикнула Надя в калитке и, взмахнув перьями пальцев, метнулась на грудь, прильнула, замерев... Потом ласково потерлась щекой о шуршащую щетину и навзрыд засмеялась.

Именинником чувствовал себя Иван за столом.

Все же как мало им нужно для счастья: всего лишь чуток удачи...

Жарко стало от непривычного блаженства, захотелось перевести дух. Иван поднялся, просипев:

— Пойду охолонусь...

Давящей была немая, донная тьма двора. Над головой неспешно скользили туманные облака. Меж ними газовыми маячками помигивали звезды. Наконец затеплел новорожденный месяц — тоненький, зыбкий, словно лепесток свечи, слегка наклоненный небесным сквозняком.

А мать с отцом уже голосисто затянули родимую:

— Чу-у-убчик, чу-у-убчик, чубчик кучерявай...

●

НАШИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Николай Старченко родился в деревне Осинке Суражского района Брянской области. После окончания Ленинградского университета — на журналистской работе. Был корреспондентом, редактором газеты, работал в журнале.

Молодой писатель предпочитает сложный жанр этюда, короткого рассказа. Краткость, стремление к языковой выразительности — отличительные черты произведений Николая Старченко. В них зримо ощущается стремление автора передать движения души героев, правду жизни.

Николай
СТАРЧЕНКО

Столетник

Сколько ни ездишь по Орловщине, столько и не перестаешь дивиться точности и верности давнего тургеневского замечания о том, что орловская деревня «обыкновенно расположена среди распаханных полей, близ оврага, кое-как превращенного в грязный пруд». Правда, пруды сейчас в основном не грязные и весьма обширные — и купаться можно, и рыба водится, — но все же «кое-как» остается в силе... То шлюз не работает, то камышом водное зеркало зарастает от непригляда, то плотину сорвало.

Вот и в этой отдаленной деревне, куда мы приехали с приятелем, секретарем райкома партии, к его тестю помочь заколоть и освежевать кабанчика, а попросту — в гости, так как помощи от нас особой и не потребовалось, — вот и здесь, когда ехали по плотине пруда, то чуть-чуть не свалились с нее — до того она узка, разбита, совсем на ладан дышит. Это сейчас, зимой, а весной-то, в половодье, что же с ней будет?

Словом, снова вспомнился Тургенев при виде деревни. Вот только его неважное мнение об орловской породе мужика совершенно очевидно устарело. «Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избенках... ест плохо...» — нет, это не про нашего хозяина сказано.

Наш хозяин, с детства колхозный пастух, смотрит открыто, весело, зоркие, умные глаза видят тебя насквозь, никакого чинопочитания или заискивания перед зятем-руководителем, крепок костью и статен, лицо свежее и моложавое (никогда не дашь его шестидесяти!), в разговоре жив и сметлив, любит шутку:

— Не-е, не поверю! — это на мое движение встать из-за ломящегося от добротной и вкусной еды стола. — Разве ж ты наелся? Ты ж худой совсем. Вот если она наелась, — кивнул на свою добродушную полноватую жену, — так это сразу и видно!

А какие золотые руки у человека! Просторный уютный пятистенок весь в пристройках, верандах и верандочках, колодец прямо в сенях — на тросах, полуавтоматический, собственной конструкции; настоящая столярная мастерская, верстак в свежих стружках... За окном — большой, ухоженный сад. На двух ближних яблонях висят запеченные на морозе яблоки.

— Думаешь, урожай пошел под снег? — смеется, перехватив мой взгляд. — Нарочно оставляем. Сорви-ка, положи в воду, чтоб отошли, а потом пробуй!

Прямо из дома по глубокому и пологому спуску в овраг быстро мчатся на оцинкованном корыте десятилетние близнецы — сыновья моего приятеля. Невольно вспомнилась и ледяная гора собственного детства... Но сколько же на ней бывало детей! А сейчас вот только двое, да и то приезжие. Других ребят за этот день мы здесь не видели.

— Что же будет с вашей деревней... ну, лет через двадцать?

— А что будет... — неохотно ответил хозяин. — Мы уж к тому времени помрем. И зарастет тут все годков этак на сто!

— Неуж так-таки на сто?

— Да ты не бойся! — снова оживился. — Люди сюда потом опять приедут! — И уже совсем сделал смешливое лицо. — Кабы нам, пастухам, зима в возраст не засчитывалась... Все равно зимой спим как барсуки! Тогда бы я постерег подольше эту землицу...

— Не загнул старик? — спросил я приятеля, когда мы с ним отошли от дома — прогуляться за околицу.

— Ну сто не сто... А то, что вволюшку поскучает эта земля без детского голоса, это, к сожалению, точно.

— А что ж — вы? Партийная, Советская власть?

— Не сидим, делаем... Ты же видел, центральные усадьбы у нас сейчас какие? Домины-дворцы! Бесплатные к тому же... Заработки людям резко подняли. Так что на центральных усадьбах жизнь задержим, это бесспорно, а вот тут, чуть в стороне...

И мы охотно и дружно свернули на общую сегодняшнюю тему — о перестройке, о гласности, о демократизации и о том, как все-таки мы еще близоруки, косны, легкомысленны, экономически малограмотны...

А за околицей было так красиво в этот умиротворенный предвечерний час! Глаз отдыхал на просторных зимних окрестностях — светло-зеленые вербы, коричневый орешник вдоль маленькой речушки, бледно-лиловые молодые березы у дороги стояли примиряюще-спокойно, в тихой задумчивости.

И вдруг из-за этих придорожных берез — на ровном, чисто розовеющем закате — вырвалась бордовая, толстая, пугающая стрела и быстро понеслась вверх, заворачивая полукругом — след от военного самолета. Сам неслышно чертящий по небу самолетик казался безобидно-игрушечным, вспыхивал крошечным белым огоньком; он через минуту лихо закрутил умелую, прочно завязанную петлю и пропал за дальним лесом. А в центре этой петли оказалась робкая, молоденькая, только что народившаяся звездочка — и у нас сразу что-то заныло внутри...

Но вот эта плотная, зловеще-кровавая петля начала понемногу мягчать, размываться, потом засветилась уже тускло золотистыми тонами и стала в конце концов похожа — с посмелевшей, поярчавшей звездочкой — на пышный фантастический цветок. И вроде отпустило в груди: а глядишь, и все образуется помаленьку, наладится и в большом, и в малом...

Но тут же вновь сжалось сердце: да ведь скоро не будет больше на свете *таких* людей! Таких, как вот тесть моего приятеля... Столько он, его ровесники вынесли и выстрадали на этой земле за свои шестьдесят лет, а какая несокрушимая вера в добро: «А я плохих людей не встречал. Мне такие не попадались! У человека всегда две стороны... Так зайди к нему с хорошей!» Какая вера в мудрость нашего народа: «А сколько ж у нас умных людей! Телевизор включу, а боже ж ты мой... А в газетах? Нигде столько умных людей нету!»

...Наступивший вечер заставил нас повернуть назад, к деревне. Когда бодро, с удовольствием топая, вошли с холода в дом, хозяин оглянулся на нас от окна с некоторым, как мне показалось, смущением. И в самом деле, застали мы его, по деревенским понятиям, совсем не за мужским занятием: он наклонился с кружкой над каким-то невзрачным зеленым цветком — от порога было труд-

но разобрать, что там растет на подоконнике в старом глиняном горшке...

— Да столетник же! Вот сам люблю поливать...

●

На глубине

Деревня называется красиво — Зеленый Бережок. Дворов немного, два десятка. А до войны было больше сотни. Страшной бороной прополол фронт Зеленый Бережок... Здесь проходила Орловско-Курская дуга.

— Проходила... — неохотно подтверждает Егор Егорович Анисимов, восьмидесятилетний старик — бывший артиллерист и бывший до совсем недавнего времени колхозный кузнец. — Да только сейчас вы в газетах отчего-то поминаете только Курскую дугу. По радио и телевизору бубнят: Курская да Курская. В войну и сразу после войны все говорили и писали: Орловско-Курская дуга. А в последнее время Орловскую стали отбрасывать... Почему же так? Под Орлом, в Вяжах, вон какой прорыв сделал генерал Горбатов! А в Моховском лесу — блиндаж самого Рокоссовского. В чем же тогда дело? Чем это орловские стали хуже курских? Должна быть справедливость!

Егор Егорович рассерженно гасит новым начищенным сапогом окурок, встает со скамейки. На его тоже новой синей рубахе поблескивает старым серебром лишь одна медаль — «За отвагу». Юбилейных наград и всяких ветеранских значков он не носит.

Сегодня 9 Мая. Егор Егорович был утром на митинге у братской могилы, здесь его и поймал этот молоденький заезжий корреспондент, и вот уже полчаса старается разговорить. Вот спросил, касаясь мирной жизни ветерана-фронтовика, на сколько процентов он перевыполнял план в кузнице, а Анисимов в ответ еще более недовольное:

— Откуда я знаю? Это вы, молодые, сейчас все на проценты меряете... Без дела и часу не сидел. Всю жизнь так...

Встав со скамейки, Егор Егорович скупым, сдержанным жестом приглашает корреспондента к реке. Она рядом, прямо перед домом. Возле реки есть старица — заросший по краям болотной травой глубокий омут, который даже в жаркое лето не мелеет: в нем бьют родниковые ключи. Медленно, как будто впервые, обвел взглядом старицу, показал рукой:

— Там весь экипаж с танком скрылся. До сих пор на дне. Наши, русские...

— Это точно?

— Куда уж точней... В Орловско-Курскую битву. На рассвете реку форсировали, старицу не заметили. А тут глубина-а... Танкисты не смогли выскочить.

— Так неужели за все эти годы не пытались поднять?

— Где ж его поднимешь? На такой глубине...

— Ну, про это я в своей газете напишу. Что-нибудь придумаем. А имена танкистов известны?

— Да нет... Все ж в бою было, тут земля горела.

— А следопыты?..

— Школьники-то? Искали, как же, искали... И в архивы запросы делали. И водолазы тут недавно спускались... Все подтвердилось, есть танк на дне. Уже весь илом зарос. Попробуй его теперь стронь с места! Да и боезапас может рвануть...

Вернувшись назад к дому, снова садятся на скамейку в сквозящей, веселой тени раскидистой рябины.

— Да что там рассказывать про эпизоды... — отнекивается Анисимов. — Вот в черепку осколок сидит. — Он снимает новую кепку, осторожно проводит ладонью по лысине. — Вчера запыл — к непогоде, значит. А сегодня все ж солнце. И вообще не раньше завтрашнего дождь пойдет. Законно говорю! На Девятое мая всегда солнце... А почему так? Знаешь?

Корреспондент молчит, смущенно выжидательно улыбаясь.

— Не знаешь! — удовлетворенно кивает Егор Егорович. — В секрете держат. Ну да мне довелось услышать от знающих людей...

На рейхстаге когда наши знамя установили? Правильно, тридцатого апреля. Могли бы этот день сделать Праздником Победы. Или, скажем, восьмого мая, когда Германия уже пала. Или десятого... А сделали все ж девятого! Знаешь почему? И дали задание этим самым...

Что погоду, словом, определяют... да-да, синоптикам, узнать, какой день в первой декаде мая у нас в России получается самым солнечным. За триста, а может, и пятьсот годов просмотрели всякие летописи и узнали, что самый устойчивый погодный день — девятого мая. И сказали: в этот день и сделать Праздник Победы. Вот так! Что улыбаешься, не веришь? А ты примечай теперь — и сам убедишься. Другой раз вроде с утра и захмарит, а потом все равно солнце выйдет.

После обеда корреспондент уехал, а Егор Егорович, подремав часок, занялся по хозяйству. На закате снова пришел к старице. Долго стоял, сняв кепку, поглаживая ноющий в темени осколок, глядя, как «толкут толокно» над водой комары. Стоял молча, только однажды хрипло проговорив:

— Так и не достанут... На такой глубине...

У Егора Егоровича Анисимова в сорок третьем году пропал без вести восемнадцатилетний сын-танкист.

●

Незабудка с Новой Земли

I

Музей был еще закрыт, дом еще не достроен, и можно было повернуть назад, но задержал молодой плотник, подгонявший половицы на крылечке.

— А ты посиди, земляк. Отдохни. Вот на свежей ступеньке. Я понимаю, издалска ехал, досадно... Но мы-то при чем? Вон вытрезвитель новый мгновенно выстроили, а музей... — Он вдруг засмеялся. — Правда, батя мой покойный любил и вытрезвители, и музеи...

Заинтересованный таким зачином, я присел на ступеньку.

— В самом деле! Как-то, значит, выходит он из пивнушки, а тут мотоцикл с коляской. Нет бы, поскорей прошмыгнуть мимо, так подходит прямо к сержанту и под козырек: «Ребята, подвезите фронтовика до дому». — «Садись». И отвезли прямо в вытрезвитель.

Плотник помолчал, закуривая, потом продолжил, чуть насмешливо и чуть грустно прищурившись:

— Батя долго не мог забыть этой обиды. Издали заметит милиционера — перейдет на другую сторону. Хотя для него «долго» — это совсем и недолго. Где-то уже через полгода, как раз на пасху, решил отпустить милиции грехи. Мы с ним с утра пошли на Крестительское кладбище, подправили могилы родственников, потом он помянул их как следует и домой пошел размягченный, благостный. На родной Пушкарной и встретили милиционера-сержанта. Не того самого, конечно, но бате это было неважно. Шагнул навстречу, предложил похристосоваться. Но куда там! Сержант от него в сторону... Батя, поверь, чуть не заплакал: «Вот, перевелись Баргамоты! Гарасек-то еще полно, а Баргамотов нету...» — «Каких Баргамотов?» — очень меня, восьмилетнего, заинтересовало это слово. — «Да история такая есть... «Баргамот и Гараська». Гараська — пьяница, а Баргамот — полиц... словом, милиционер по-нашему. Да и было все дело вот тут, прямо на нашей улице! Только до революции еще... Да и сам-то писатель Леонид Андреев тут жил. Вон его дом стоит... Музеем бы надо сделать!»

Батя-то очень книги любил читать и всех знатных земляков чтил. Больше, чем самых ближайших родственников... Ты видел дом Андреева? А-а, так ты раньше сам в Орле жил? Ну, тогда, может, и больше моего тут все знаешь...

Да-а... От бати много разных книжек осталось. Умерто когда? Да мне всего двенадцать было. Водка треклятая и раны фронтовые доконали... И приучился я, брат, к чтению. Особенно одну книгу, толстую, в хорошей обложке, сорок пятого года издания, любил читать. «Русанов» называется. Там про все его экспедиции интересно написано. Время от времени перечитывал. И вот — это когда я уже женился, и сын у меня появился — случайно прочитал я там одно письмо Русанова. Раньше-то я письма не читал, просто пропускал... Так вот, пишет Русанов своему пятилетнему сыну сюда, в Орел: посылаю, мол, тебе сынок, вместе с письмом вот этот цветок — незабудку с Новой Земли. А сам-то дальше поплыл, да и пропал без вести со всей экспедицией. Сам знаешь, до сих пор ищут...

И понимаешь, запала мне эта самая незабудка в душу. А тут еще как-то пошел на могилу бати, а там, гляжу, незабудки самосейкой выросли... Мистика, если сказать по-научному!

Вскорости слышу, собирают плотников для восстановления дома Русанова. И решил я помочь в свое свободное время. Когда же закончим? Снаружи-то к зиме успеем, да внутри еще много прибирать надо. Да пока экспонаты всякие разместят, разложат... Словом, весной будущей приезжай — в самый раз будет.

II

И вот я приехал — весной, но только через пять лет. Всхожу на крылечко, на котором мы сидели с тридцатилетним разговорчивым плотником. Тогда оно смолисто, свежо пахло стружками и тесом, а сейчас уже немного потемнело и притерто ногами. Я берусь за ручку, толкаю внутрь тяжеловатую дверь...

Ах, сколько же за жизнь свою открыл я таких дверей! Но еще больше — не открыл... Вечно замки на дверях! То из-за долголетней, затянувшейся реставрации. То санитарный день, то и вообще без всяких причин или с такими разъяснениями, что...

Вот грустно-показательный пример: трижды за последние десять лет ездил в Ленинград и трижды не мог поклониться праху любимых писателей. В первый раз, в однодневной командировке, распределил свои заботы так, чтобы быть на Волковом, на «литераторских мостках», за два часа до закрытия. Приехал и уперся взглядом в объявление: в связи с ранним наступлением сумерек кладбище для осмотра закрывается не в девятнадцать, а в семнадцать часов. Второй раз — загадочные профилактические работы. Ну уж, думаю, в третий раз... Бог, известно, троицу любит. Казалось, и сам трамвай № 25 был в согласии со мной печально-лиричен — позванивал тихонько, поминально, покачивался, поскрипывал, стариковски горестно вздыхая своими пыльными пневматическими дверьми... Вышел на Расстанной, пошел к густо зеленеющему острову кладбищенской рощи. Но что это?! На чугунной решетке табличка: «Закрыто на просушку». Долго стоял в мрачном недоумении, надеясь на что-то... Показался на минуту в конце сухой майской аллеи, у некрополя, милиционер, я замахал, громко позвал его, но он издали показал рукой на табличку: читай, мол, там все написано.

И теперь перед всякой закрытой музейной дверью, перед всяким заброшенным памятником истории и культуры я мысленно говорю: закрыто на просушку. И нет тут никакой шутки. Разве мы не знаем, что и сами-то души великих не раз пытались отправить на эту самую просушку?

Долго был «закрыт на просушку» дорогой моему сердцу Иван Бунин. Были в «проработке», старательно замалчивались в разные времена и Николай Лесков, и Афанасий Фет, и Алексей Апухтин, и Леонид Андреев, и Михаил Пришвин. Все вроде бы чего-то там недопонимали, не отвечали запросам времени, не были преданными патриотами... Это они-то, выросшие среди былинных орловских просторов, среди даровитейшего народа, в самой глуби России!

Мало кто знает, что когда умирающему Бунину парижские врачи предложили сделать полное переливание крови, что даст ему еще год-два, Иван Алексеевич, так страстно любивший жизнь, категорически, наотрез отказался. У него в голове не укладывалось: как это можно с чужой кровью? Да без своей русской крови, переданной ему из столетий в столетия славными предками, он и строчки не напишет, он вообще станет неизвестно кем!.. «Я очень русский человек, и это с годами не проходит».

Великие *незабудки* наши, расцветшие на орловской земле! Все вы, начиная с Ивана Тургенева, приближали *новое* время, мечтали о *новой* земле.

●

ПОЭЗИЯ

Иван САВЕЛЬЕВ

НА ОТКРЫТОМ ВЕТРУ

БАЛЛАДА О БЕЛОМ ХЛЕБЕ

Мой белый хлеб, как белый лебедь,
В мое гнездо не залетал, —
Я вырастал на черном хлебе,
Я на бесхлебье вырастал.

Я не голодным рос, не сытым,
Не умер — значит, повезло...
И снился мне ночами
Ситный —
Как лебединое крыло.

И я ласкал его рукою —
Он в самом деле был живой.
И слышал бабушку:
— Соколик...
Ты после ночи — сам не свой...

Я знал, она ждала ответа —
Каким я чудом возбужден?
Но я не выдавал секрета —
О белом хлебе белый сон.

А ночи быстро наплывали,
И сам я плыл куда-то в снах...
Какие запахи летали
В тех удивительных ночах!

Моя душа парила в небе,
И тут же на ее крыло
Мой белый хлеб, мой белый лебедь
Садился тихо и светло.

Я этих снов своих не выдал,
Чтоб белый хлеб мой не пропал, —
Я никогда его не видел,
С того и лебедем назвал...

* * *

Я не дремал...
И вновь душа не дремлет,
Поет, как пела,
Страждущую Русь...
И все-таки чего-то не приемлю.
Боюсь чего-то.
Истинно боюсь.

Сегодня все показывают норов.
Все — правдолюбцы.
Истина — у всех.
Я сам бы млел от шумных разговоров,
Когда бы с ними приходил успех.

Когда б от них пополнились прилавки,
Особенно у жителей села, —
Но у трибун
Не наблюдал я давки,
Сколь речь бы
Вдохновенной ни была.

Побольше — дел!
Поменьше, братцы, шума,
Ведь только им Бастилии не взять.
Нам надо думать, думать, думать, думать
И, думая, про труд не забывать.

Мы каждый кустик кровью оросили,
Где кровь земли, где наша — не поймешь.
И если лгут безбожно о России,
Мы только правдой уничтожим ложь.

И я прошу, чтоб Русь не стала пылью —
Хоть злоба к нам в иных сердцах кипит, —
Скрепи, народ, последние усилья,
Во имя внуков, правнуков — скрепи!

СЛОВО

Покамест страсти мечутся слепые,
О правде забывают вспоминать...
Стихия слова — мощная стихия —
Не разрушать должна, а созидать.

У правды есть единая основа —
Союз людей, народов и времен.
И если уж сначала было слово —
Не до́лжно словом преступать закон.

А тот, кто руководствуется зовом
Слепых страстей, встающих на дыбы,
Обязан знать:
Нельзя унизить словом,
Не унижая собственной судьбы.

НАША МУЗЫКА

Нам жить пришлось — всю жизнь! — не в тереме:
Разруха. Голод. Культ. Война...
Но только ли звучат потерями
Те вздыбленные времена?

Когда наращивали мускулы
Страны — и вширь, и вдаль, и ввысь, —
Иной — громоподобной музыки
Аккорды мощные неслись.

И как бы их ни заглушали
Мотивы скорбные утрат —

Они в душе не отзвучали
И никогда не отзвучат.

Ведь в нашем дне преобразующем
Средь тяжкой музыки невзгод
Важней всего —
Аккорд ликующий.
Всепобеждающий аккорд.

«ИСТОРИКУ»

..я не считаю созданное у нас общество социалистическим, хотя бы и «деформированным».

Ю. Н. Афанасьев
(«Правда», 26.07.88 г.)

Служить бы рад...
Так это же — Служить!
Но время нынче новый лозунг пишет.
Пора, отец, с тобой поговорить,
Ты — на погосте, —
Ты меня услышишь.

Ты эту жизнь —
всю жизнь! —
тащил, как вол,
В движенье к идеалу смел и стоек...
Но ты не той, отец, дорогой шел,
Не то творил,
Не то все годы строил.

Сознательно историю дробя
И полуправдой новою итожа,
Твою судьбу решают за тебя —
Ту самую,
Что ты достойно прожил.

Как оказалось, были мы рабы —
Ты винтик был восточного тирана...
И никакой-то не было судьбы
У нас с тобой,
А были только планы.

Нет, жизнь была!
И ты кричал: «Даешь!»
И, словно враг, разруха отступила.
И льны цвели, и поднималась рожь,
И крышею ложилась на стропила.

И приходил достаток, как и свет, —
Столбы с Днепра к нам, в глухомань, шагали...
Но все, что ты собрал,
За двадцать лет
При этих, что кричат,
Разворовали.

Кто не пахал,
Тот может поучать,
Не сеявшие — обещают «волю».
Колхозники —
Им некогда кричать, —
Ведь кто-то ж должен обиходить поле.

Ты накопил не деньги — трудодни.
И вот пока ты вкалывал бессонно,
По заграницам шастали они
И процветали в брежневских салонах.

Теперь за то, что строил коммунизм,
Отдав ему двужильные усилья,
Они твою оплакивают жизнь
И проливают слезы крокодильи.

Они бы вырвали тебе язык,
Настолько душу-разум обработав,
Чтоб на колхоз смотрел ты, словно бык
На новые тесовые ворота.

Ты вовремя — прости, отец! — ушел,
Произношу кощунственное слово,
Иначе б, видя этот произвол,
Сам на погост сбежал из Рудакова.

Чтоб их не видеть
И не слышать их,

Чтобы не жить изгоем
среди изгоев...
Лежи, отец!
Ведь я — среди живых.
Я постою за нас с тобой обоих.

ДВА «ГЕНИЯ» ИЗ «КОБОЗРА»*

(Ироническое)

В. Конецкий: — И вообще, как только на кого-то начинают напрыгивать, я сразу становлюсь на сторону обиженного.
А. Щуплов: — Я завидую «обиженным» Иванову, Исаеву, Проскурину, Алексееву и другим, на кого сейчас напрыгивают наши критики...
В. Конецкий: — Нет, это совершенно исключено: никого из них я за писателей не считаю.

«Книжное обозрение», № 49,
9 декабря 1988 года.

Отечество! Родное! Наконец-то!
Сам Евтушенко к ним ползти готов:
Два «гения» явились: Вик. Конецкий
И богоравный Александр Щуплов.

И я с подпиской не тяну резину,
Как с Пушкиным когда-то...
А — чуть свет! —
Помчался я по книжным магазинам:
— Щуплова мне! Конецкого!..
— Их нет.

Они, как сахар, нынче в дефиците... —
А я собачкой преданно смотрю.
— Да вы пока Проскурина купите.
— Проскурин — не писатель, — говорю.

* Так отныне любовно называют газету «Книжное обозрение» ее страстные почитатели.

И тут старушка древняя:
— Касатик,
Вам «гении» затмили белый свет.
Есть Алексеев...
— Это — не писатель.
— Исаев есть...
— Так он же не поэт.

...И я уже не шел — бежал Кузнецким,
Где — видимо-невидимо! — народ
У всех дверей толпился за Конецким
И за Щупловым...
Иль — наоборот.

Да как же мы великих прозевали?!
Я от стыда всей кожею горю...
Мы так вовек за водкой не стояли,
О пиве я уже не говорю.

Я достоюсь. Пускай почию в бозе,
Но «гениев» себе приобрету.
— Да ты прочти беседу их в «Кобозре», —
Сказал мне друг, — и подведешь черту.

И я прочел...
Да это ж, братцы, это...
Прет гениальность из строки сама...
Вот встретиться б с редактором газеты!
Но это уж — «ненашева ума»...

И я тогда решил, всю ночь проплакав,
На черном рынке «гениев» достать.
И плакали Есенин и Булгаков,
Которых оптом я решил продать.

Ахматову загнал я, Пастернака,
Ключевского неполного, потом
Я Пушкина засунул под рубаху...
Зато теперь я с длинным шел рублем.

В каких не побывал я переплетах!
Но эту казнь опять пройти готов —
Стояли б рядом, грея переплетом,
Два «гения» — Конецкий и Щуплов.

К ОЖИВЛЕНИЮ ЗА ГРАНИЦЕЙ

В. А. Коротичу, главному редактору журнала «Огонек»

Начиная с 16-го номера за 1973 год, журнал «Огонек» стал выходить с орденом Ленина на обложке в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 апреля 1973 года, в котором говорилось: «За плодотворную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся, освещению общественно-политической жизни советского народа наградить журнал «Огонек» орденом Ленина».
Вскоре после прихода в журнал в качестве главного редактора В. А. Коротича орден Ленина снят с обложки.

Ты, может быть, всю жизнь готовился
В столицу въехать на коне...
О том, что первым перестроился,
Известно стало всей стране.
Ты так себя отбросил прежнего,
Что сам, быть может, позабыл,
Как в годы оны славил Брежнева,
Не просто пел — боготворил!
Теперь громишь застой искусно —
Ведь руку как-никак набил, —
А чтобы вдруг не сбиться с курса,
К друзьям захаживал ты в «НИЛ» *.

Поступки эти в духе времени!
Не отступай, борец, и впредь —
Зачем, действительно, на Ленина
Большевикам теперь смотреть?!
Твой шаг не вызвал изумления —
Понятен нам без лишних слов.
Ты снял с обложки
Профиль
Ленина —
Лишь за границей оживление:
Там
профиль
Троцкого
готов!..

* «НИЛ» — существовавшее до недавнего времени кооперативное кафе для избранных представителей Науки, Искусства, Литературы, в правление которого входил В. А. Коротич.

ПОЭЗИЯ

Виктор **ОСТРИЖНЫЙ**

ДОМ

Сатирическая поэма

ВСТУПЛЕНИЕ

Вот — родимый мой дом,
Дом, каких в нашем городе тыщи.
Как плакат типовой,
В девять плотно посаженных строк,
Дом, который с трудом
Первоклашка средь прочих
отыщет,
Если кто со стены
Ненароком сотрет номерок.

Ну а вот и подъезд,
Где живут очень разные люди.
Здесь — мой давний причал
После ближних и дальних дорог.
Этот тихий подъезд
Моей первой поэмою будет,
Не ласкающей слух,
Словно тяжкий, болезненный вздох.

Я пройду, как сквозь строй,
Мимо нового жизни уклада.
Тридцать пять «крепостей»
Поглядят мне стекляшками вслед.
И в пустынной тиши,

Под воздействием этого взгляда,
Предо мной оживет
Коммуналок поблекший портрет.

Из сегодняшних лет
Я умчусь в трудный тот, сорок пятый,
Где один коридор
С кухней сразу на восемь семей.
И в глазах у меня
Вспыхнет прошлое горькой утратой
Бескорыстных, простых,
Шумоватых, но дружных людей.

— Маша! Дай кипятку
И до завтра стакан керосина...
— Поля! Дай утюжка —
Чуть подглажу штаны мужичкам...
— Папка спичек просил...
— Выручай! Нет ни корочки, Зина!
Мой паек принесет —
И сегодня же сразу отдам...

Так и жили тогда.
В тесноте, но ничуть не в обиде,
Проклиная нужду,
Подпирая соседа плечом,
В блестках собственных слез
Горе ближнего все-таки видя,
Потому что домой
Все с одним заходили ключом.

Нынче выше всего —
Личный принцип: «Мой дом — моя крепость».
Не мельчаем душой
За глухими стенами ее?
И все чаще для нас
Слово «наше» звучит, как нелепость,
Все приятней нам смак
Загребущего слова «мое».

КВАРТИРА № 38

Эта дверь всегда прикрыта плохо.
А за ней уже десятый год

Пропадает Леха-выпивоха,
Думая, что все еще живет.

Здесь давно излишества не в моде.
Кроме пола, стен и потолка,
Леха, чтобы быть на вечном взводе,
Все пустил по ветру с молотка.

Под ногами — мятые газетки.
На оконцах — матовый набел.
Колченогий стол, две табуретки
Да в углу — «хрусталь» на опохмел.

Да еще на дверке, что при входе,
Цифры нержавейкою горят
С давней той поры, когда в заводе
Леха был лекальщиком на «ять».

КВАРТИРА № 40

В квартире под номером сорок
За дверью четыре замка.
Живет среди сдвинутых шторок
Виктория Марковна К.

Бывалый работник прилавка,
Кудесник говяжьих филе,
Давно и отнюдь не на ставку
Безбедно живет на земле.

Ворсятся ковры от порога.
Струится хрусталь с потолков.
Здесь — много! Здесь — больше, чем много!
Здесь — хватит на много веков.

Здесь, в мире обилья и злата,
Где совесть на бархате спит,
Советское слово «зарплата»
Почти оскорбленьем звучит.

Но мы пробегаем привычно
Квартиру в четыре замка,
Стесняясь застукать с поличным
Викторию Марковну К.

КВАРТИРА № 43

Этот адрес известен в Союзе.
Сотням тысяч, пожалуй, знаком.
«Александр Иванович Тузик».
А потом — город, улица, дом.

Я не раз убеждался воочью
По обилию почты его —
Задыхаясь, работает почта
Полрабочего дня на него.

Он по части письма — самоучка.
Но под трели ночного сверчка
Дотянулась его авторучка
До Совмина и даже ЦК.

Вал ревизий, проверок, комиссий
Поднимается из-под пера.
А в итоге за строчками писем —
Бред, напраслина, чушь и мура.

КВАРТИРА № 60

Спешат, несут, везут, звонят
В квартиру № 60,
Где окопался Лев Борисыч Деев,
Хитер, напорист, нагловат,
Кум — королю, министру — сват.
Ну, в общем, прохиндей из прохиндеев.

Он дозарезу нужен всем,
Как спец по снятию проблем.
И нет таких нештатных ситуаций,
К которым был он глух и нем,
Не отвергая вместе с тем
Вкус личных благ и шелест ассигнаций.

Он может все: пробить, достать,
Кому-то дать, с кого-то взять;
Легко, изящно, как бы между прочим,
Замолвить, звякнуть, подсказать,
Расторгнуть и состыковать
Без дураков, словес и проволочек.

Благодаря его «трудам»
Ему должны и «зав», и «зам»
В цепи взаимольготных отношений.
И если вы — ему, он — вам,
Довольны тут, спокойны там.
В одном шагу от недоразумений.

КВАРТИРА № 61

В квартире шестьдесят один
На иждивенье папы с мамой
Великовозрастный Вадим
Живет на коврике из ламы.

Уже за тридцать «малышу»
В беспечной жизни подвалило,
Он чувствует себя, гляжу,
На шее родичей премило.

Два вуза кончил, не спеша,
Но ни одной пока зарплаты.
Не к делу тянется душа,
А в Сочи, Ялту и Карпаты.

Ворчит отец, украдкой мать
По вечерам в подушку плачет:
— Когда же сын устанет брать,
Все в долг да в долг и без отдачи?

КВАРТИРА № 68

Корчит чертик соседям рожки
Вместо номера на двери.
Здесь живет восьмиклассник Гошка,
Как под крышею — сизари.

Восемь лет, как детсад «окончил»,
Смотрит он, возвращаясь в дом,
На родителей только ночью,
Да и то перед самым сном.

И папаше в командировках,
И мамаше, что у станка,

Уж давно сознавать неловко,
Что обоим — не до сынка.

Сам себе предоставлен Гошка
Перед выбором: что почем?
И петляет его дорожка,
Беззащитная перед злом.

То антенну свернет на крыше,
То кому-то покажет нож.
То в подъезде гвоздем напишет,
Да такое, что не прочтешь.

Гошка вырастет — люди скажут:
— Злой! Жестокий! —
А отчего?
Оттого, что у мамы даже
Нету времени для него.

КВАРТИРА № 70

Кнопка. А под ней — табличка куцая.
Разменяв семидесятый год,
Горюнов, ровесник революции,
Здесь который год уже живет.

Три войны он от рожденья выдюжил,
В двух — ходил в атаки со штыком.
Нынче пионер встает навытяжку
Перед легендарным стариком.

Много помнят шрамы застарелые,
Боевых медалей седина:
Голод, и руины обгорелые,
И друзей погибших имена.

Помнят и великие свершения,
И ошибок непомерный груз,
Дни побед и ночи поражения —
Все, что было в минус нам и в плюс.

И гнетет меня, вопросом мучая,
Эта дверь, особая в дому:
— Горюнов ведь — наша революция!
Чем же мы ответили ему?!

ЭПИЛОГ

Я уже не могу
Не писать эту горькую повесть,
Что в начале пути
Самой первой поэмой назвал,
Чтоб не только свою
Растолкать задремавшую совесть,
Но напомнить еще
Тем, кто вовсе ее потерял.

Выходите на сход,
Говорите и действуйте, люди!
Выметайте весь сор
Из чужих и из собственных стен,
Чтоб на свежем ветру
Задышать наконец полной грудью,
Ощущая себя
Кузнецами больших перемен.

Так давайте же вновь
Соберемся, как раньше, все вместе,
Разом перешагнув
Разобщенности нашей черту.
И в подъезде своем
Проведем грандиозный воскресник.
Ну а глядя на иас,
И в других наведут чистоту.

Очищенья волна
Пробежит по Отчизне огромной.
И, решительно вскрыв
Недостатков болезненный флюс,
Оживут города,
Как подъезды великого дома,
Что стоит на земле
Под названьем Советский Союз.

Александр БАЙГУШЕВ

ХАЗАРЫ

Исторический роман

Рис. Ю. Макарова

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

Царь Иосиф

Царь Иосиф лежал в постели и тихо злобствовал. Уже давно рассвело, уже солнце поднялось, а он лежал в опочивальне один, с зашторенными окнами, и делал вид, что спит.

Там, за плотными занавесами, у храма напротив дворца была Весна, там были Река и Синее Небо, а здесь вовсе не было еще настолько жарко, чтобы по восточному обычаю за занавесами скрываться от солнца.

Он размышлял: «Вон объявили меня уже вчера у женщины гаоном. Но что я за повелитель душ без дирхема за поясом?!

Теперь Волчонка нет. Но не на беду ли свою расчистил я дорожку претендентам на Куббу? Теперь вот сиди и сам дрожи. За спиной-то Ашинов уже не посидишь. Последнего Волчонка-то нету!.. Все. Одна сейчас может быть защита — деньги... Но где их взять? И так меня на рынке — уж не по наущенью ли Фанхаса? — Обстригателем прозвали: за то, что все золотые и серебряные кружочки, что через городские службы проходят, самолично немножечко обстригаю. Однако сколько можно на обрезках нажиться? Крохи... Нет! Обогатит меня только долгий неурожай. И не здесь — там, на Руси, неурожай, чтобы вовсе перестали поступать челны с хлебом. Ведь того и гляди прорвутся караваны, минуют засады. А как в городе появится хлеб — разорен буду...»

Он жмурит глаза до слез.

«Но... кажется, сегодня опять успею перехватить хлебный караван. Все продумано. Ведь если не шлет Всесведущий неурожая на Днепр и Рось, то пока можно еще сделать так, чтобы лодии из Руси не прошли...»

Слеза скатывается на подушку. Иосиф не решился ее смахнуть ладонью. «Пусть это будет моя слеза по запруженной Реке...»

Тишина.

Только противно жужжит за оконными занавесами проснувшаяся весенняя муха. Как тяжко иногда бывает лежать, изображая безмятежный, ничего не ведающий сон.

Продолжение. Начало в № 2.

Если чуть-чуть приоткрыть глаз, разыскивая назойливо жужжащую муху, то сквозь прищур различимо вроде как одно круглое пятно на занавеси — желтое и похожее на луну в ее каббалической, трехчетвертной фазе.

Ах, вскочить бы Иосифу сейчас с постели и попрыгать, потянуться вверх, покричать хоть этой искусственной «луне»!

«Подобно тому, как я прыгаю перед тобой и не достигаю тебя, так пусть враги мои не достигнут меня в своем стремлении причинить мне зло...» — Иосиф молится.

Он не расслышал ни звона мечей, ни грохота распахиваемых дверей — только шаги, мягкие, почти неуловимые. И встала опять вокруг постели Иосифа тишина, но уже живая, что-то прячущая в себе, как беременная женщина плод. Кого родит эта тишина?..

Мелькнуло: вошли в чарыках (сапогах-чулках).

Наверное, Арсин?

Испугался: они увидели меня спящим без наложницы!

Не подумают ли про меня, что я слаб?

И сразу ответ: а ежели бы дело не удалось?

Дело не удалось, а меня застают с наложницей! Обозленные, они убили бы игравшего с наложницей: «Ах, пока мы проливали кровь, он тут развлекался...»

Но что же они не говорят?..

И тяжелые, будто передвигается каменная глыба, шаги Арс Тархана:

— Проснись, повелитель!.. Тебе несу известие!..

И следом тут же — разнобой, гвалт, грохот. Это в опочивальню — больше за зрелищем — ворвалась вся свита.

Среди шума Иосиф различил даже женские вскрики. Подумал, не перестаралась ли любимица Серах, организовывая такую сумятицу?

— Проснись, о Судсутай — имеющий печень!

Иосиф замер: пусть его расталкивают, пусть даже женщины, всегда отличающиеся подозрительной наблюдательностью, уверятся, что он спал крепким, ничего не знающим сном.

Кричат:

— Корок!

— Корок (спасай уж), царь!

Да, Серах, конечно, незаменима. Сделать бы ее главной женой! Кричали то, что требовалось!..

Иосиф все-таки еще подождал, потянулся.

— Что случилось? О мой славный начальник стражи, о мои подданные?

Теперь Иосиф изображает, что он проснулся. На лице прекрасная бледность. Над гордым носом на лбу морщины сошлись в гийар — мету избранничества.

— Хон Карба! Зиму прожили, Мои Свободные Люди!

Иосиф нарочно назвал всех «Мои Свободные Люди», — как называл согласно обычаю подданных Каган. Иосиф веки приподнял над черными очами своими очень медленно, словно он уже Яда Медекун — Умеющий Наводить Ветер и Дождь и проснулся после свидания во сне с самим богом.

Потом Иосиф встал, закатил глаза к небу и заломил руки.

— Харан! Свободные Люди! Я сам вам скажу весть, которую вы принесли с испугом сейчас ко мне. Всемогущий во сне уже открыл мне ее. Я спал, а Всемогущий сказал мне: «Помнишь, давно это было. Проходили русы дружиной мимо великого Города-на-Реке. Вышли русы из своих лодий отделить половину добычи, как было договорено, когда пропускали мы их за море мимо своего города. Однако наши стражники-арсии, будучи обиженными, что русы сильно пограбили мусульман на побережье, не довольствовались половиной добычи, а взяли ее всю, перебив зазевавшихся русов!» Всемогущий сказал мне сейчас во сне: «Смотри, царь Иосиф. Такое теперь будет часто повторяться!..»

Все благоговейно уставились на Иосифа. Какое еще нужно было подтверждение его святости? Ведь именно злосчастную весть о том, что перебили русов, принесли они своему царю.

— О, почтенный царь! Ты меня уж не вини. Я сам только узнал. Какое горе! — Арс Тархан уж слишком заламывает руки.

Иосиф перебил, вознес ладони к небу:

— Увы мне! Увы! Что я скажу послам Ольги?..

Арс Тархан тяжело опустился на колени. Арс Тархан с ходу понял, чего хочет от него Иосиф. Арс Тархан скорбно говорит самое нужное:

— Не вели отсечь мне повинную голову, почтенный царь. Недосмотрел я. Мусульмане христиан не терпят. Священная война! Как раздору помешать? Не от власти нашей сие, а от войны халифата с Византией.

Иосиф насупил брови. Показно думал.

Должны же были все видеть, как трудно ему дается решение?! Решил:

— Докладываешь, что там больше поубивали христиан? Тогда посылай быстро за епископом!.. Пусть отслужит пышную панихиду. Мы должны показать нашу скорбь. А я сейчас тоже прибуду на печальное место. Для разбирательства!.. Но я, конечно, не буду решать один. Я посоветуюсь.

Они пошли — впереди Арс Тархан, за ним Иосиф. Им вслед оплаченная, умело подобранная разношерстная толпа старательно кричала:

— Корок — спасай уж!

Иосиф было посетовал, что опять Серах перестаралась — зря вынесла на площадь дворцовую дипломатию. Но потом согласился, что Серах действует неплохо: он ведь теперь царь, а царь должен выглядеть спасителем своего народа!

Вместе с Арс Тарханом Иосиф садится в лодку.

Рабы гребли быстро и четко. Сразу же под городом увидел Иосиф двух стражников, толкавших в спину Зеленого Попугая. Так любил называть христианского епископа Иосиф. Он не упускал случая навесить какую-нибудь унизительную кличку на любого мало-мальски влиятельного в городе человека. Так он умно осаживал возможных соперников в общественном мнении.

У Попугая в руке на цепи была дымившаяся чаша, которой он резко размахивал. Почему к новому епископу прилипло прозвище Попугай? За зеленые одежды? Или за то, что тот, когда Иосиф говорил, неизменно, как эхо, повторял за Иосифом все его слова?..

Стражники бесцеремонно подталкивали Попугая в спину. Царь Иосиф обернулся и недовольно показал на происходящее Арс Тархану. Раскрыл было уста, чтобы дать надлежащее указание. Но передумал, сомкнул уста: ища Управитель мог себе позволить лишний раз наставить начальника стражи, но не надо высокомерному Царю опускаться до мелочей!

Он сделал неловкое движение, лодка накренилась. Арс подождал, пока лодка выровняется, потом высокопарно и хитро, словно змея, поднявшая голову, зашипел:

— О, повелитель! Среди них очень мало было на шеях с крестами. Но мои люди решили всех на кресты... Повелитель! Мы велели им нести на берег десятину, которой облагают товары. Мы выбрали место, где они должны

были складывать десятину, как ты присоветовал, далеко от берега. Когда они понесли на спинах мешки, мы напали. Удачно напали...

Лодка ткнулась в песчаный берег, и, утопая подошвами в песке, Иосиф сначала пошел посмотреть добычу — не одни же мешки с хлебом были у русов? Иосиф догадывался, что арсии большую часть добычи от него припрятали. Но расследования не учинил, стерпел. Подумал, что больше выручит на своих хлебных амбарах — мешки с зерном туда!.. Пусть арсии входят во вкус — русы не должны совать сюда носа.

— Я думаю, твоим стражникам можно будет за нынешнюю луну, за этот месяц, не платить содержания — вы, вижу, достаточно взяли... — все же мудро сказал Иосиф. Арс Тархан не возразил.

Пошли к месту казни. Распятые еще отлетали к небу. Но с крестов никто не молил о пощаде.

Только один с окладистой золотистой бородой, увидев Иосифа, внезапно начал кричать:

— Почтенный Управитель, Иосиф! Помилуй! Что эти душегубы натворили! Всех на кресты!.. Почтенный Иосиф, а меня-то за что? Я же не пасынок — вольный дружинник. Я гость торговый. Меня в твоем городе все помнят. Я отец Воиславы, которую за золотистые волосы вы тут Таной-жемчужиной прозвали... Отпусти меня. Я — не пасынок... Я же хлеб в город вез. У меня собственный корабль. Тут вот и женщины со мной были... Купцы мы... Эй, Судсутай — имеющий печень, Иосиф, отпусти меня!.. Отпусти за выкуп! Судсутай не трогает мирных купцов. Это же тере — правило. Отпусти меня: дам шидкюл — подарок! Я тебя в городе одарю.

Арс Тархан при упоминании о шидкюле быстро глянул на Иосифа, дернулся к купцу.

Иосиф, чувствуя, как в гневе бледнеет лицом, в упор встретил взгляд жадного Арс Тархана. Плюнул. Вообще-то он презирал кочевничью привычку плеваться на врагов и показывать им зад, но сейчас он подумал, что это неплохая привычка. Ведь она сразу низводит противников на ступень скота. После таких оскорблений уже заранее невозможно благородство и остается только расправа.

Иосиф выругался про себя, его глаза остекленели, бледный гордый профиль заострился. Он негодовал на Балбала. Кто же Арс Тархан, как не тупой Балбал, если за подарок готов оставить свидетеля против себя! Иосиф

показал Арс Тархану, приказывая, открытую правую ладонь.

Арс Тархан шагнул к купцу на кресте, но тут же отвернулся — вроде как забыл про царский знак — и двинулся в сторону от креста с вопившим о пощаде купцом. Арс Тархан не хотел добивать купца — явно все-таки хотел получить шидкюл.

Иосиф стал шарить взглядом по суетившимся возле крестов с казненными стражникам. Всегда, когда проводится казнь, есть люди, от ее исполнения увиливающие, есть с удовольствием наблюдающие, и есть такие, кто жаждет стать добровольным палачом, лишь бы утвердиться. Иосиф замечал, что чаще всего этих добровольных палачей другие презирают, а то и бьют, а тут и им выпадает возможность кого-то побить.

Купец, мучившийся на кресте, опять закричал:

— Милостивый Управитель Иосиф! Прикажи снять меня с креста. Я — Буд! Отец Воиславы, Золотоволосой. Давно в твой город пшеницу привожу. А и дочь моя в городе сейчас — она подтвердит, что я купец. Где же это было, чтобы торговых гостей распинали!

Иосиф искал добровольного палача. Наконец нашарил глазами того, кто ему подходил. Будто рыбу на крючок, выудил из кучки стражников молодого хукерчина, явно не арсия по обличью. Он помнил этого хукерчина — тот обычно охранял Арс Тархану спину или водил за ним лошадь. Ну да, это же муж Серах — шустрый Лосенок — Булан! Сейчас хукерчин сидел возле самой воды и в упоении разбирал какие-то тряпки из награбленного. От радости, что что-то награбил, хукерчин даже язык наружу красным лоскутом, как малый Лосенок, вывалил.

Иосиф крикнул:

— Эй ты, Лосенок!

Лосенок сразу подобострастно подскочил, присел перед Иосифом на корточки покорности.

— А ну, Булан, попроси-ка этого крикуна не нарушать тишины, приличествующей при нашем злосчастии, — негромко сказал Иосиф, показывая глазами на Буда, — пусть помолчит!

Булан выполнил приказ сметливо. Отец Золотоволосой (Иосиф, конечно, помнил Золотоволосую) вдруг задохнулся в каком-то булькающем всхлипе, а к подножью креста, несколько раз перевернувшись в воздухе, шлепнулся такой же лоскут, какой торчал изо рта Булана.

Удовлетворенный, Иосиф медленно прошел меж крестами.

Русы тихо отходили в иную жизнь. Льняные пряди разметались над их остановившимися синими глазами — широко раскрытыми, будто в жажде как можно больше светлого и хорошего запомнить и взять в память с собой из этого, для них уже прежнего мира.

Почерневшие, плотно сжатые (чтобы не издать ни стона) губы русов не шевелились.

Над крестами жалобно кричали чайки. Лакомые до трупов вороны, еще не смея приблизиться, уже каркали в отдалении.

Запыхавшись, подоспел Попугай — зеленоризный христианский епископ.

Встал, опустил в растерянности кадило.

Иосиф нагло пошутил:

— Ну что, епископ! Трудись, отпевай!.. Видишь, сколько Арс Тархан лишних душ на кресты посадил — и в смерти ухитрился язычников от их бога Солнца отобрать, а тебе отдать. Ты можешь сообщить в Константинополь патриарху, что их всех окрестил. Глядишь, поощрение тебе будет. Да, и не забудь упомянуть в своем питтакии, что это ты меня с русами поссорил. Получишь вознаграждение — базилевс ведь очень хочет, чтобы ты меня поднял против русов. Он ведь боится, что русы опять прибьют щит к вратам Царьграда. А тут русы поостерегутся — меня оставить у себя за спиной не решатся. Вот видишь, какой ты дипломат ловкий!..

Иосиф сощурился. Епископ, как эхо, повторял за Иосифом его слова. Как явился он, как тень, так и остался тенью, хоть и вырядился в попугая. Но сообразителен: подобный питтакий уж точно пошлет — своей удачи не упустит!..

Иосиф пошел прочь. Отошел уже достаточно далеко, когда, оглянувшись, вдруг увидел группу почему-то пощаженных пленных.

Остановился. Решительно вернулся.

— Кто это?

Арс Тархан пожал плечами:

— Женщины. Не знаю сам, откуда они оказались с купцами. Бледнокожие, светловолосые. Я так думал, что пленницы, но оружия при них не было. Я их приготовил Геру Фанхасу. Что заплатит, половина тебе, царь, как положено...

Иосиф рассматривал женщин.

У многих были отрезаны косы, все были без одежд и украшений. Да, завтра на рынке появятся и платья, и украшения, и ценящиеся золотистые волосы. Арсии не потеряли времени даром.

Иосиф размышлял. Потом жестом подозвал к себе стражников:

— Я попрошу вас, храбрые каткулдукчи-воины. Не будьте жестокосердными. Пленниц вы обобрали, так что они теперь немного будут стоить. Поэтому, я думаю, не надо продавать их в рабство. Оставьте их русам. Уважим обычай варваров — у них ведь принято, что на похоронах женщину мужчина берет с собой. — Иосиф говорил так, будто и в самом деле хочет достойно проводить русов и делает свое распоряжение не только потому, что побаивается, что, проданные Гером Фанхасом в другие страны, эти пленницы наболтают лишнего.

Арс Тархан покраснел лицом:

— Я уже обещал пленниц господину придворному банкиру. Гер Фанхас злопамятен. Он посчитает, что я его лишил хорошей прибыли.

Зеленоризный епископ упал на колени и пополз к ногам Иосифа:

— Смилосердствуй, царь. Не божье дело распинать женщин.

Иосиф передернул плечами:

— Я не приказываю ничего дурного. И не надо их распинать. Отправьте на небо другим способом. Они варвары — у них принято умерщвлять женщину для воина на его тризне. Я просто уважаю их нравы...

Шагая назад к городу, Иосиф думал о порочном круге добродетелей. Степняк, как само собой разумеющееся, искореняет род своего врага — до младенцев. Сам Неизреченный бог накладывал заклятия на целые города, вроде Вивла, и целые народы, вроде гивлитов. Казненные пасынки, которые шли с купцами, наверняка собирались дальше в море, и не боготворительную милостыню раздавать — грабить, за добычей! Да и он, Иосиф, не сам придумал сегодняшнее вероломство — он только повторил то, что до него (иногда более, иногда менее громко) делалось. Вот вчера этот сейчас стоящий на коленках и изображающий из себя милосердного епископ и Арс Тархан оба действительно подбивали его на это вероломство. Заморские купцы, когда вчера принесли ему мешоч-

ки с деньгами, то заплатили не только за тщеславие иметь здесь в Хазарии своего единоверца царем и гаоном. Они платили и вот за такое — устранение их торговых соперников. Так что же теперь сразу встал на колени епископ — себя перед другими в добром свете показывает?

Солнце поднялось уже достаточно высоко: в сером мареве накаляющегося дня было до нестерпимости неподвижно и спокойно. Лучи солнца омывали своим густым, каким-то жирным светом тела казненных мужчин на крестах и перекрученные в предсмертных конвульсиях женские тела на колах.

Иосиф шагал по песку.

За Иосифом вдоль берега, как привязанная к нему, следовала его лодка. Он рассердился, жестом отослал лодку.

Когда до города оставалось еще с хороший полет стрелы, неслышными кошачьими шагами нагнала посланная Арс Тарханом охрана.

Арсии обогнули Иосифа и полумесяцем пошли впереди — низко пригнувшись, без мечей, только с кривыми ножами. Сердито тряслись на затылках арсиев черные мелкие косички. Без косичек был лишь один, самый низкорослый и молодой. Иосиф пригляделся — узнал Лосенка. Как наблюдателен Арс Тархан: увидел, что обратил Иосиф внимание на Лосенка, и вот уже отдал своего заводного — включил его в личную охрану царя! Иосиф подумал, нужен ли ему под боком муж Серах? Но потом решил, что все равно уже пора делать Серах главной женой. А этому Лосенку возвышение в личную царскую охрану будет наградой — за отнятую жену. Видно, что он жаден, и он будет доволен, если Иосиф по-царски заплатит ему за Серах. Иосиф откинул назад свою гордую, красиво посаженную рыжую голову, выставил вперед свою раздвоенную рыжую бородку. Представил, как прибавится ему блеску при красотке главной жене. Он зашагал на носках, чтобы прибавить себе росту. Он очень заботился всегда о своем росте.

В городских воротах его встретили приветственными криками:

— У-уу! Лев в берлоге! У-у! Гаон наш! У-у! Высокомерный царь!

— Воздадим хвалу мудрости Иосифа. Он спас город. Он только что самолично пресек смуту. Там на берегу

поссорились христиане с мусульманами. А Иосиф ссору пресек...

— О, Иосиф. Ты достоин белой дохи!..

Серах была незаменима. Как прекрасно она организовала встречу Спасителя Отечества.

Трубили рога, хлопали кожаные барабаны. Иосиф не удержался — довольно засмеялся, видя, как, увлекая других, упали прямо в грязь Мазбар и Шлума. Да, вот теперь он становится истинно царем. Не по названию, а уже и по почестям! Позади распростершейся толпы улыбалась Серах. Что бы он делал без нее!.. Как она это прекрасно сообразила, что перед царем теперь должны падать все ниц точно так же, как перед каганом?! Вот теперь он, Иосиф, в самом деле царь!..

Царь Иосиф чуть помедлил и решительно, как каган, пошел прямо по распростертым телам.

Внезапно справа от ворот какие-то люди в войлочных высоких шапках, подпоясанные веревками, поднялись с земли на колени, радостно замахали руками. Иосиф поморщился. Серах кинулась к ним, пыталась их оттолкнуть — сообразила, что единоверцы радуются искренне, но вести себя должны как все.

Сопровождавшие Иосифа стражники то ли заметили, как обеспокоилась Серах, то ли сами усмотрели непочтение. Стражники набросились на вставших на колени и размахивавших руками «кувшинов» с нещадными ударами:

— Вниз! Вниз головы! В пыль ползите. Кто посмел подняться на колени? Ах, коангшпу! А-а, поганые тузурке. Всюду вы пакостите!

— Нижит — е (будем бить палками)! Ешьте пыль перед царем!

Единоверцев избили жестоко. Больше всех старался Лосенок. Он выхватил плеть и, ловко ею орудуя, делал из своих жертв «красных голышей».

Иосиф одобрительно подумал: «Надо приблизить его к себе. Вот преемник Арс Тархану. Как он старательно служит моему высокомерию. А эта тутгара — прислуга! Она вправду обнаглела. Вот уж впрямь коангшпу — вонь. Поганые тузурке — «кувшины»...

У Иосифа у самого даже сейчас, в царском обличии, оставался кувшин на голове. Правда, разумеется, не войлочный, а парчовый. Но себя он кувшином уже давно не считал. Почему он должен был считать себя ровней с

людьми, которые не имеют головы, чтобы подняться из грязи? Он-то, Иосиф, ведь поднялся! А они не сумели и, следовательно, по-прежнему заслуживают, чтобы их считали вонью и избивали палками. Иосиф думал: «Хорошо проучили этих тузурке мои стражники. И чему эти вонючие тузурке обрадовались. За меня? Но я еще подумаю, приближу ли я кого из своих единоверцев, даже ежели увижу среди них способных людей. Конечно, поднятые из вони, они сильнее будут чувствовать, сколь мне обязаны... Но теперь на мне государство, я царь хазар, а не «кувшинов». Я должен быть широким в приближенных».

Он махнул платком, чтобы ему подали лодку, и поехал на остров к Белому храму.

Сегодня ему еще предстоял диван. Он построил его точно так же, как у багдадского халифа. Духовная академия провозгласила его своим гаоном и надела на него бело-голубые одежды первосвященника и святую черную шапочку первого духовного лица. Но ему нужно место, где он будет восседать на троне в КОРОНЕ! Диван! Совещание всех сословий в диване! И обставить его так, чтобы все почувствовали силу и величие нового царя. Чтобы все, как прежде когда-то на воинских советах у кагана в Хазар-Михи (праздничном шатре), было! Чтобы все ощутили, существом своим уверовали: сменив кагана, выше его, великолепнее стал царь Иосиф!

Лодка мягко скользила по гладкой черной воде к Белому храму. Гребцы опускали весла без брызг — слаженно, ровно. И Иосифу подумалось, что вот так же сейчас соскальзывает сама его судьба. Только к храму ли? А что, если к аду?!

Теперь его несет поток, из которого он уже не может выйти сухим. Он давно уже совершает грязные дела, которые не хотела бы совершать его душа. Раньше он хоть успокаивал себя тем, что он только орудие слепой силы, которая зовется властью, — стихии насилия, которая не может быть доброй и благородной, потому что сама задача ее — подавлять других, властвовать над ними. Он был умелым, хитрым, бессердечным орудием этой слепой силы. Но он действовал от ДРУГОГО ИМЕНИ. От имени Кагана! Он прятал за другое имя свою совесть. Теперь царь ИОСИФ на виду. И уже никому не объяснишь, что ты так же несом потоком власти, как прежде, что ты ЦАРСТВУЕШЬ вовсе не от себя. Царь может изменить какой-то отдельный случай. Но он не может

направить другим путем тот поток власти, который его вынес и понес.

Подобно тому, как РАХДАНИТЫ и левиты-священники сделали из Неизреченного совсем иного бога, чем был он у их же праотцев и пророков, — так и из царя своего рахданиты захотят сделать не царя КОЧЕВНИКОВ, а царя собственной торговой корысти! Только корысти!

Торговая предприимчивость поднимает Город-на-Реке, вливает свежую кровь в его стареющие жилы. Но удержит ли он, Иосиф, эту торговую предприимчивость в границах интересов кочевого государства, а значит — своей власти? Из Кордовы и прочих сильных общин Неизреченного бога будут требовать попрать интересы кочевников — а в конечном счете и самого Города-на-Реке, — служить тщеславию и корысти этих общин. У себя здесь напористые и бесстыжие прозелиты породы Гера Фанхаса будут все более мордовать Неизреченного бога, превращая его только в символ золотого тельца. А народ? Что получит от своего нового царя Иосифа народ? И какого народа он, Иосиф, теперь становится царем?! Кто он сам теперь? Кальирке?! Посторонний?! Но может ли быть царь посторонним для своего собственного народа, для того государства, на престол которого возвела его судьба?!

«Моя цель — не разрушать, объединить! — хочет внушить себе Иосиф. — Я не повторю ошибки Обадия, который призвал в караимские, терпимые к другим верам общины Неизреченного бога здесь, в Хазарском государстве, ошибки одержимых нетерпимостью раббанитов и талмудистов из-за моря. Ах, как мне был сейчас нужен в гаонах (верховных жрецах духовной академии) веротерпимый Вениамин?! Но гаон я сам, и я связан... С кем? С чем?» Иосифу страшно...

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

Полководец Добун Мерген

За Арал-морем доблестный алтайский полководец Добун Мерген остановил катившуюся волнами орду. Впереди открывалась потрескавшаяся солончаковая степь с редкими островками травы. Зеленый мост от Арала до Урала, за три луны по которому Добун надеялся про-

скочить в Европу, предстал ему шатким и хлипким, как две доски через пропасть. С одним полком он еще мог бы решиться на такую дерзость. Но с целой ордой — с массой народа, с табунами, юртами, с семьями, которые тянутся в обозе, — не пройти. И Добун опустил медное знамя.

Эх, как ему не хватало опытного проводника. Сбывалось дурное предзнаменование. Если бы не умер этот старец Лось Булан-старший!.. Небо будто нарочно поторопилось взять к себе старика, чтобы оставить Добуна слепым. Что делать?..

Опыт кочевника подсказывал Добуну, что надо дождаться нескольких ливней. Но небо стояло над ним чистое и спокойное.

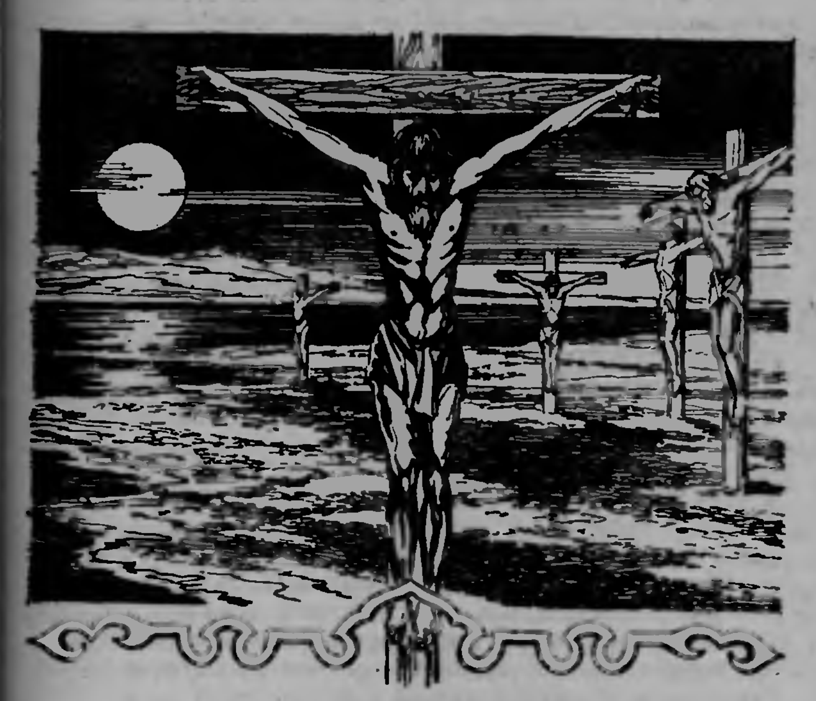
Добун Мерген с силой воткнул отливавшее на солнце пожаром медное знамя и приказал развертывать юрты. Из собственного полка выделил темников, ставя их над примкнувшими к полку добровольцами. Решил использовать стоянку, чтобы поучить добровольцев воинскому делу. С огорчением видел, что среди примкнувших к его медному знамени много сог-по, или, по другому имени, татар — не каткулдукчи-воинов, а мирных пастухов, которые пошли за полком не ради добычи, а искать хорошую землю. Татар сманило за собой не медное знамя, а Таботаи на синей арбе — гробы предков, которые свидетельствовали, что Добун идет не грабить, а переселяться.

— Придется мне еще обустраивать всех этих татар! — сердился Добун. Но глядел, как хозяйственно вбивают татары опорные столбы для юрточных юбок, как сметливо выгораживают загоны для овец, — и печень его потеплела. «Хорошая будет в моем Эле масса народа, с такой Эль не обеднеет!» — подумал Добун. Он уже чувствовал себя каганом, который обязан заботиться о всей массе народа.

Добун Мерген давал лошадям и скоту нагуляться, наесть бока на тучных пастбищах Арала и ждал первого ветра с запада, чтобы смело двинуться ветру навстречу. Он еще не был Яда Медекун — способным вызывать дождь, как положено божественному кагану. Но он уже порасспросил стариков и знал, что ветер с запада приносит в эту степь дождь.

Конец первой книги

КНИГА ВТОРАЯ

ИСКУПЛЕНИЕ

В лѣто 6473 (965-й год). Иде Святославъ на козары; слышавшие же козары, изидоша противу съ княземъ своим Каганомъ, и съ ступишася битися, и бывши брани, одолѣ Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Бѣлу Вежю взял.

«Се повѣсти времяньных лѣт, откуда есть пошла русская земля»

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

Рус Буд – отец Воиславы

— Ты, Река ли, моя Реченька! Да ты, Река ли, моя быстрая! Ты течешь да не всколыбнешься, с берегами не сровняешься...

Разговаривал Буд с Рекой. На левом низком песчаном берегу Буд — на черном от смолы кресте. Который день он на кресте. И тяжко ему, и давно хочется уйти-отлететь от тела его душе. Но как уйти-отлететь душе в иной мир, коли не попрощался отец с чадом своим?! Ждет Воиславу-доченьку. Буд верит, что прознает дочка про расправу под городом: придет-прибежит.

Взошло и уходит, подошло к горизонту солнце. Прилетели и улетели вороны, клевавшие мертвые тела. Но ждет Буд, не отдает небесам душу, из последних тяжких сил ждет. И одна-то его Река-реченька успокаивает. Успокаивает, убаюкивает. Но страшится смежить веки Буд — что уже не проснется, страшится.

Солнце зашло, закатилось. И уже встала низкая луна. Нависла над крестом Буда, над крестами с его товарищами убиенными, над колами с пленницами, в мучениях скончавшимися.

Что, Луна? Что рано вышла ты сегодня, бледнолицая? Уж не на свадьбу ли к брату любимому Хорсу-Солнцу поторапливаешься?

Ах, спросить бы Буду у красного Солнца (ведь всю землю за день обошло-согрело Солнце!):

— Свете светозарны, о, прекрасное Солнце! Прости мне мою неслыханную дерзость, но скажи мне, господине, где дщерь моя еси? Прознала ли она про отцову муку? Поспешает ли закрыть отцовы очи?

Ах, спросить бы Буду у бледнолицей Луны (всю землю Луне теперь баюкать!):

— Прекрасная сестра Солнца! Прости мне, купцу, мою неслыханную дерзость, скажи, госпожа, где моя Воислава? Дождусь ли я, отец, дщерь свою?

Так вот спросить бы у Солнца и Луны купцу русскому Буду. Но нечем Буду закричать-крикнуть мольбу своему прадеду Солнцу, сестре Солнцевой Луне. И с Рекой-реченькой лишь глазами говорит-разговаривает Буд.

Реченька-то — вот, к ногам подбежала, у ног волной плещет. А до прадеда ему как докричать? Вырван злым Буланом язык у Буда, солнцева правнука, и лишь жалкий клекот, будто грай вороний, вырывается из его глотки.

Испустил Буд клекот и затих. И опять хочется ему веки смежить, прикрыть глаза перед дорогой дальней, путем в мир иной, неблизкий. Но нельзя, никак нельзя уснуть Буду навеки, потому что не наставил он доченьку родимую — вот так получилось, что не наставил...

И уже помутнели у руса глаза, и предсмертная пелена, яко мгла, накатила. А все всматривается, все всматривается Буд сквозь пелену в речную даль: ну, что же не спешишь ты принять отцов завет, Воислава?

Но безлюдна гладь реки, и пустынны ее берега. Только никнет на другом высоком берегу трава от жалости, да древа там с тугою к земле преклоняются. Эх, далече залетели соколы, птиц бья, да бесславно пир свой закончили. Эй, Карна, готовь русам черные попаломы, одевай их в траурный саван! Э-ей, Желя, скачи ты, заместо дочери Воиславы, вверх по реке Рус в землю Руськую, размыкай огонь людям в пламенном роге! Пусть заплачут русские жены, пусть застонут тихо невесты — уже им своих милых не мыслию смыслити, не думою сдумати, не очами повидать...

Мгла на реку идет. Напряг руки Буд — хочет вырвать запястья из гвоздей. Не вырвать: добротно потрудились вероломные убийцы, когда прибивали. Вот и не протереть глаз Буду — серую мглу из глаз не прогнать. Дернулся Буд с креста, что было последней уходящей силы, застонал, замычал от боли — и ушел, отступил от руса смертный сон. Не смог оторвать Буд своих ладоней от креста, не смог протянуть к глазам своим руки, но пелена с глаз сама спала. И теперь зорчей зоркого снова увидел Буд Реку, и из Реки вышла к нему его павшая в бою жена Словена. В белой с зеленой оторочкой рубахе, с уложенной на голове тугой косой, с купеческой серебряной гривной на белой шее, с усерязями бадахшанскими зелеными в ушах вышла к нему Словена.

— Добрая память тебе, Словена! Благодарствую, что уже пришла. А я думал, только к утру увидимся. Думал: вот наставлю дочь — и к тебе. Думал, за ночь и довезут меня до иного мира черные комони. А ты... ты вот сама пришла!..

И обнимают руки Буда Словену, и хорошо Буду. Неговала его всегда Словена. Не за золото, не за богачество — за прорусость мягких кудрей да очи синие любила.

А ведь и можно было его любить! Пустошником никогда не слыл, но и, как мытари, не копил чаги да резаны! А что гостем торговым был? Так это потому, что в деда и в отца — не мог прожить без свиста ветра в алых парусных паволоках, без костров в речной болонии, без

дивовища на страны заморские. Да ведь и дела за морями не одни гостевые устраивал: заложился он с юности за Ольгу, великую княгиню, под ее покровительство стал и, когда скакал на добрых своих комонях на запад через всю Европу по странам немецким до Андалуса и Фиранджа, то гостьбы деял, да и примечал, что говорят в оных странах про королеву русов Вольгу (Ольгу) и какую пользу для Руси из оных стран перенять надлежит. Наперед посольств часто Ольга Буда посылала, чтобы глазом купецким въедливым врагов от друзей заране отличил... А и где он только не был, Буд?! На горбатой спине верблюда даже не раз качался — через пустыни добирался на юг до Басры, Ахваза, Фарса и Кермана, торговал мехами и воском в Дамаске, а в нынешний поход (потому на два лета и задержался!) так дела Ольгины в Багдаде с халифом Ал Мути, у которого мать из русов, рядил-ладил. И не прослужился: с матерью халифа порусски речи вел, ей про Отечество поведал, доброй торговле и взаимности меж арабами и Русью дорожку проложил-подкрепил. Да вот не обскажет уж он ни Ольге про переговоры в Багдаде, ни первому советчику ее воеводе Свенельду. Последняя надежда была — с дочерью весть дослать. Но не пришла закрыть ему глаза Воислава. А ведь и про готов, кои в Крыму осели, надо бы тоже Ольге весть передать, что просят, чтобы под себя их забрала, потому что Иосиф уже оборонить от ворогов их не может.

Говорит, рассказывает, жалуется в мыслях своих Буд родной жене Словене про добытые им важные вести и пробуждается от дремы: даже в дремотном забытье державные заботы сил Буду придали. Встряхнулся Буд и... уронил голову на грудь. На что силы ему последние, коли — как в бусово время его предки — на кресте он распят: осоромленный, с уроненной честью, с вестями, о которых в Отечестве не узнают?..

«Ну, где же ты, чадо мое, Воислава? Ужели про сором отца, про смерть мою лютую все не прознала?! Или бродишь ты уже где-то здесь меж крестами? В расклеванные лица вглядываешься? Отца опознаешь?.. Сейчас обнимешь отцовы ноги, гвоздями пробитые, снимешь с креста отца своего горемычного, на желтую рень, на песок чистый уложишь!.. Раны промоешь. Песню погребальную воспоешь:

«Чу! Восплачется мала птичка, белая перепелка. Охти

мне молодой горевати! Хотят старый дуб зажигати, мое гнездышко разорити!.. Ой, ты ветер-ветрило, ой, ты река-реченька, ой, Луна-месяц, сохраните гнездо малой птички перепелки, не дайте оставить меня отцу в стране чужой, дикой! Сотворите чудо, Ветер-ветрило, Река-реченька, Луна-месяц, воскресите отца убиенного!..»

Мнится-слышится Буду: близко-близко доченькина песня. Мнится-верится: уже скрипнул тонко песок, и травы в степи заречной зашелестели, и живой водой вот-вот на кресты заплещет — прикоснутся едва доченькины руки к остывающему его телу, как возьмет оно тепло от ее ладоней, и заживут-затянутся его раны.

И уже мнится-чудится Буду, что окропит живой водой, теплом рук своих согреет всех погубленных русов его доченька, что уже к чарованью она приступила, уже зельем заговорным многих подняла.

Осторожно освобождаются от гвоздей раскинутые руки; и соскальзывают тела со крестов; и, неслышно ступая, уже пошли-идут к Реке его товарищи; обмывают кровь вологой-водой, из Отечества — из земель руських притекшей, и за весла в быстролетные челны садятся.

— Ой, Воислава, доченька, чадо мое! Отца-то своего воскресить позабыла! — хочет крикнуть Буд, и не кричится ему: спрятался внутри, не выходит из груди его голос: — Ой, доченька, отца-то поцеловать-разбудить не забудь!..

И внезапно чувствует Буд, что обняли, таки обняли его теплые и чуть влажные доченькины ладони. И тянется Буд к ладоням доченьки; и веки, уже опущенные, поднимает.

И видит, что это всего лишь волога-вода докатилась, до подножья креста дотянулась, ноги, гвоздями пробитые, омочила. Нет чуда на свете!.. И глянул в последний раз на реку Буд. И разглядел, что поплыли по Реке венки девичьи. Подумал: «Кто-то свадьбы играл? Кто-то лад миловал? Плывут брошенные в воду девичьи венки: вниз по Реке в море уходят — чье-то отрочество-девичество уносят. Ужли и Воиславы среди венков венок?! По годам-то Воислава уже в возраст входит: пора свадьбу играть. А уж и кто-то будет ее милый-суженый?!» И плеснула волога сильнее у подножия креста, и опустил глаза Буд; поднесла вода к кресту узорочье белое, невестино. «Уж зачем ты воде, узорочье невестино?! Уже кто в воде с девицы невестино узорочье поснимал; красоту девичью

себе забрал?.. Уж не с невесты ли Хорса-Солнца, не с девушки ли, которую по весне в воду бросают, Солнце задабривая, узорочье это вода сняла?..»

И страшней страшного стало Буду: не провидение ли ему? Не знак ли небесный? А с волной еще больше воды прибыло, и подняло невестин наряд: дальше в море нести хотело. Но уцепилось узорочье белое за подножье Будова креста: как снег, у подножья лежит, тихо на воде колышется...

И плеснуло зело на реке. И, как червленое копье, уколол синюю небесную высь откуда-то из-за черты меж небом и землей прощальный луч солнца. Подана повозка Хорсова. И уже не глазами своими, но узрел душою Буд, как стали собираться в прощальный путь души русов.

Дернулся на кресте рядом с Будом широкоплечий, могучий молодой рус. Думал Буд, что давно отлетел тот. Но вот только теперь не то простонал, не то вскрикнул и, бессильно уронив голову на грудь, навсегда затих товарищ Буда по злосчастью. И услышал Буд еще и еще такие же стоны-вскрики вокруг и понял, что то ушли-отлетели последние из умерших русов. Торопись и ты, Буд! Вот-вот тронется Хорсова повозка — не могут уже ждать лохматые кони. Уйти надо тебе с ними, с товарищами своими, Буд!

Но не может уйти Буд, и сил нет, а живет — дожидается дочери, весть на Русь с дочерью передать хочет. Сказать должно Ольге — княгине великой... Стоит Белая Вежа — башня на выходе великой реки Рус к морю. Прыгает на башне управитель каганов, руку на Реку простирает, Реку цепью железной перегородил, корабли останавливает, торговых гостей русских убивает. Руси выход к арабам, в Китай и Индию Белая Вежа перекрыла. Пора русскую заставу на Белую Вежу поставить.

Народов кочевничьих, больших и малых, под рукой хазарского кагана, как ветвей на дереве, — но прогнил ствол. Каган в Куббе — юрте золотой, как в золотой клетке, сидит — государством давно не управляет, славу и силу свою потерял, войска не имеет и, кликни клич о военном походе, уже войска не соберет. Посему самое время сейчас для Руси взять те народы, что сейчас под рукою кагана, под свою десницу. Передать должно Ольге, что пора — пробил час сына Святослава к великому походу собирать: хазарам за дань, что прежде Русь им платила, возмездие нести. Развалилось кочевничье государство: в един город и торговлю ушло, а корни свои растеряло. Возил прежде от Ольги к кагану купец Буд свитки посольские с золотой печатью, весом не меньше, чем в два новоримских солида, какие в грамотах промеж великими державами положено. Теперь пристала пора послать четыре слова только...

И представляет Буд, как сам передал бы он Иосифу роковые четыре слова, как рыжий иша Иосиф Управитель трясущимися руками развернул бы при нем, Буде, грамоту и прочел бы «Иду на Вы. Святослав»...

И тянется с креста Буд передать Иосифу четыре грозных слова. И мнится уже Буду, что за эти четыре страшных слова распят он — казнят в бессильном гневе обреченные владыки послов войны...

И пытается освободиться, и рвется, как птица из силков, Буд. И не может вырваться. Или, может быть, ему давно уже лишь только кажется, что он из силков рвется?..

Ждет Буд Воиславу — дочь, хочет с нею весть Ольге-княгине передать. Не дочери он дождется, а испытания страшного, в которое, коли не было бы оно засвидетельствовано в старинных хрониках, и поверить в то было бы нам не можно.

Слышишь, Буд?! Слышишь, как полночь к тебе идет?! О, Буд, не открывай больше очей! О, Буд, зри, ежели узреть тебе небом и такое отведено! Отверзни, отверзни скорее очи свои. Зри, как низко склонилась к тебе твоего прадеда сестра — Луна. Хочет сестра Солнца укрепить волю твою, и ты сам укрепись, ибо тяжелее смерти то, что эта полночь приносит тебе.

Ой ли, слышишь ты уже крики бранные?! Ой ли, вопли странные слышишь?! Гневился ты, что распятию отдали тебя, язычника, к кресту пригвоздили. Но смилостивились они над тобою! Ведь не пытали, не мучили, обыкновенным убиением возраст твой пресекли! Теперь же...

Зри: будто искры засветились в темноте. И ярче искры! И костры запылали. И уже рядом звон мечей, и голоса, и бубны приближаются к тебе... Нету у тебя языка, но, покуда не выклевали вороны твои синие очи, помолись хоть взглядом ушедшему Солнцу: проси, чтобы вернуло повозку небесную, тебя в нее захватило, душу твою из тела твоего скорее взяло!.. А-а! И уже скачут, скачут поклоняющиеся Кауру. А и прискакали они на кладбище, а и начинают праздновать свой праздник — по обы-

чаю ужасному. Ой, Буд! Или не слышал ты, что по старому обычаю заключают здесь убитых врагов в бочки с медом и так возят с собой на битвы, будто талисманы. Али не знаешь ты про здешнее поверье, будто труп врага дом охраняет и дождь вызывает?!

Ой, Буд, за трупами на кладбище скачут, скачут в полночь поклоняющиеся Кауру. На кладбище в полночь хотят совершить они свой ужасный пир. Не пришла за тобой, Буд, твоя дочь Воислава, а вот эти прискакали, пришли.

Зри: звенят мечи и ножи — среди трупов бьются муж с мужем, а жена с женою в нагом состоянии, и наносят себе кровавые рубцы на щеки и руки. Зри: вот и тела мертвые со крестов и колов снимают, и разврату с трупами предаются. И скачут, скачут, пустив коней в разные стороны. Кому плач и рыдание — кому игра по старому демонскому обычаю... Ой, крепись, Буд. До рассвета будут пировать меж крестов поклоняющиеся Кауру. Разные обычаи в Городе-на-Реке, разные племена смешались, и боги тут разные. Немногие в городе верят в Каура — из кара-хазар такие, из потомков гуннов. Но не заступился сегодня за тебя, Буд, твой бог Солнце: Кауру вот отдан ты...

Умри, умри же скорее, Буд! Умрите, не глядите синие очи! Вот делят с криком и бранью трупы, будто живых пленников. Вот снимают с креста на поругание и твое тело...

Скачите, скачите же скорее-быстрее черные кони. Пыль в степи заречной поднимайте. Вы схватите, подберите душу купца руського, от тела увезите душу — не дайте душе его узнать, что сотворят с его телом... Эй, Карна, живее положи на глаза Русу свою черную попалому! Эй, Желя! Не пришла к Буду дочь Воислава! Тебе одной размыкать про него по Руси огонь в пламенном роге!..

ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Серах – черное пламя

Хатун Серах, нагая, лежала в жаркой постели. Серах всегда было жарко — такая уж пылкая была у нее натура. Сейчас она в тысячный раз подсчитывала, складывала сыпавшиеся на нее в последнее время, как из рога изобилия, дары судьбы.

Она чувствовала себя на вершине жизни. Свершилось! Осуществилось даже то, о чем она двадцать дней назад могла только завистливо мечтать. То даже, что казалось совершенно несбыточным, и оно к ней пришло. Стоило только вложить в отношения с людьми всю свою неутомимость, весь природный неостановимый напор, который когда-то помог выжить, выстоять женщинам ее рода, как дрогнула стоявшая перед ней глухая стена, и из дочери презренного «кувшина», а потом жены захудалого заводного-кочевника, охранника чужих спин, она превратилась сначала в наложницу царя, а потом и в его Хатун — первую женщину хазарского каганата, главную жену.

Серах чувственно засмеялась, растянув свой красивый хищный красный рот. Ее черные, как виноградная лоза змеившиеся волосы, разбежались-расползлись по оливковому телу.

— Мои волосы — черное пламя; в нем сгорают без пепла. Мои волосы — южная ночь. В них — бесследно влюбленные гибнут. А мои груди... Мои груди теперь, как башни! Потому ОН во мне находит оплот...

ОН — это Иосиф. Серах ничуть не сомневалась, что это ее напор заставил его решиться на то, что было давно подготовлено, но на что сам Иосиф не решился бы никогда. СТОЛ был давно накрыт, но не садились за него его предшественники, не сел бы и Иосиф, если бы не черное напористое пламя волос Серах, не ее башни-груди, которые словно самой природой рождены для того, чтобы охранять престол. Он был царем ее грез, стал благодаря ей царем государства. Девчонкой, ночуя жаркими ночами под раскидистым тополем — гордостью пропахшего рыбьим клеем Вениаминова двора, — она часто вслушивалась в крадущиеся мимо их двора шаги... Она знала, что это влюбленные спешат на ночные сладкие свиданья. И всегда тут же представляла, как к ней под раскидистый тополь прокрадывается похищать ее ласки сам рыжекудрый Иосиф. Но это были всего лишь дозволенные мечты девушки о своем принце. Никогда, даже когда уже стала она волею необъяснимой удачи первой прислужницей при дворе Управителя, она все еще не смела поверить, что Иосиф войдет к ней.

Но башни победили даже Управляющего богатством. Вот как красиво могла потом рассказывать всем Серах

историю своего замужества. Не правда ли, одно удовольствие — рассказывать другим про себя такую историю для зрелой завидной женщины?!

Правда, злые языки в базарных меняльнях трепали и другое объяснение:

— Слышали? Нашего сбежавшего на Русь еретика-караима Вениамина там, в Киеве, купцы и ремесленники старостой хазарского подворья избрали. Влиятельной особой стал теперь Вениамин. С большим значением. Русь-то ведь набирает силу! Куда торговому человеку за богатыми барышами лучше всего податься, как не на Русь?! А у кого ходатайство получить перед княгиней Ольгой о помощи в торговых делах? Получается теперь, что у Вениамина. Вот каким нужным человеком стал в Киеве для всех Вениамин.

— Вот тебе и еретик!

— Это он тут, где нас слишком много собралось, был еретик. А в Киеве более подходящего хазарина и впрямь было не найти. Из Итиля бежал. Гонимый. Значит, торговые интересы Руси, а не хазар блюсти будет. К тому же караим-ананит — об избранности своей не кричит, с другими народами на равных ужиться хочет. К нему само собой на Руси доверие вышло...

— А наш Иосиф-то тоже хитер. Как узнал о возвышении Вениамина, так сразу Серах из прислужниц главной женой сделал.

— Ловкач Иосиф! Лазейку себе готовит, чтобы бежать было куда. Тут гузы придут, а он в Киев, на хазарское подворье. Гляди, небось уже и капитал в Киев на нужный случай переводить начал.

— Господь с тобой! Что ты говоришь. Не пожалует тебя за такие мысли Всесвятой. Иосиф же наш царь! Где ты видел, чтобы цари от собственного престола бегали?

— Да помилуй нас, Шехина!

Серах плотоядно засмеялась и открыла глаза.

Она открыла глаза, и тут же явилась ее прислужница Валла. Без зова. Бесшумно и скоро. Серах жестом отослала ее. Уже когда та была в дверях, крикнула вслед:

— Иди веселись! На улицу! В толпу!

Серах любила быть щедрой, если щедрость ей ничего не стоила. Пусть Валла веселится, а заодно — принесет повелительнице короб слухов. Слухи ведь, как цветы: иные увядают, не дав плодов, но после иного цветенья бывают очень нужные плоды!

Пришел цирюльник. Серах посмотрела в зеркало, велела перекрасить кончики пальцев на руках и ногах. Несколько раз заставляла заново оттенять глаза и прочерчивать брови. Около часа крутила, складывала на голове так и сяк свои змеящиеся, маслянистые, как черный виноград, волосы; меняла укладку, форму, искала линии; остановилась на высокой византийской прическе и посмотрела на себя в зеркало в последний раз, какая она красивая с уложенными волосами.

Прибыли два стражника (из них один — Булан), чтобы сообщить, что Иосиф задерживается, потому что прибудет не из своего дворца, а с берега в низовье реки: якобы пришлось ему опять умиротворять столкновение мусульман с христианами.

Серах глядела на Булана сверху, как будто никогда не была близка с ним.

— А много было христиан? — наконец небрежно спросила Серах. Она догадывалась, что столкновение выдавалось за распрю разных вер.

Булан промолчал.

— Так русов много было? — повторила вопрос Хатун, сообразив, что Булан боялся ей лгать и, видимо, силится сейчас вспомнить, сколько же на самом деле среди язычников оказалось с крестами на груди.

Теперь вопрос был более понятен, и Булан быстро и угодливо ей ответил:

— О, совсем мало!

Серах решила проявить внимательность и заботу:

— А как же вы, смелые посланцы царской воли, — вам же теперь не достанется вашей законной ольге (добычи)?..

— Все в порядке, Хатун... Наша доля уже с нами. Арс Тархан распорядился отдать нам монетами...

Разглядывая завернутую в почти прозрачный виссон царицу, Булан ел ее глазами.

Она сама почувствовала легкую дрожь; слабый приятный пот, совсем свои, только ее, Серах, запахи, терпкие, женственные, приятно соединились с втертыми в тело заморскими благовониями и окружали Серах, как невидимым облаком, острым призывным ароматом.

«Все-таки он был резвее Иосифа, — призналась себе Серах, — даром что обыкновенный кочевник».

Но тут завыла с крыши Белого храма гидравлическая труба Магрефа — звала на свадебный хоровод. Серах прогнала стражников. Поспешно бросилась сама надевать парадное платье (прислужницу-то она отпустила!). Это было несложно: согласно древнему обычаю платье было сшито из цельного четырехугольного куска материи, и Серах надела его сверху, как мешок. Голые руки и голая шея. Ноги видны выше колен. Раздувающиеся, словно уже заранее хватающие воздух страсти, породистые ноздри... Вошел Иосиф, и Серах кинулась ему на шею...

Серах не очень скучала в своем дворце по Иосифу. Но сегодня, в брачный день Весны, они оба сейчас будут принадлежать друг другу уже не ради самих себя, а для Города, для всех — это как первый танец, которым они должны открыть праздник, как первая пара, открывающая шествие безудержной любви. И женщина в первой паре должна быть всеобщим соблазном!..

— Ты не ошибаешься, опять не пропустив мимо Города в море дружину Русов?.. — вдруг ласково-укоряюще спрашивает Серах Иосифа.

— Нет! — мгновенно и резко вскипает Иосиф. — Если твой отец там, на Руси, прижился, так мне уж здесь и всех Русов, что ли, трогать нельзя?..

— Почему же ты тогда так зол, милый? — Серах делает резкое движение, и флейтистки и танцовщицы разом исчезают, отрезанные падающим на ложе балдахином.

Серах наклоняется над Иосифом.

— Что вы все от страха животами заболели? Поймите же все: ОНИ не смогут отомстить! Их войску не дойти до нас! Это ложь, что молодой Барс Святослав уже дошел до вятичей. Это Вениамин твой придумывает, твой отец тут тоже все придумывал, мутил воду... Зачем только на мою голову приветила Ольга в Киеве этого сбежавшего от нас еретика?..

Иосиф повысил голос:

— Нет, нет! Святославу не пройти с большим войском по болотам. Вениамин мутит воду... Святославу не пройти.

Он так усердно уверяет в этом Серах, что Серах понимает, что он испуганно успокаивает себя.

Серах молчит. Осторожно опускается рядом с Иосифом. Замирает, обиженная, безнадежно остывающая.

— Нельзя было иначе! — продолжает напирать Иосиф. У него вспыхивают глаза, но не любовью, он нервничает, он хочет убедить (опять не Серах, а больше себя!):

— Если сквозь плотину дать просочиться хоть нескольким каплям, то польется струйка, потом усилится, снесет всю плотину. Русы рвутся в море. Тебе не нравится цепь, которой я перегородил Реку? Но что ты понимаешь? Что вы все понимаете? Советчики! И потом разве я это? Это не я! Это они... они... Мусульмане. Хорезмийские наемники... Тут распря. Религиозная нетерпимость... Арс Тархан совсем вышел из повиновения. Надо его наказать, отстранить. Хочешь, я сменю его твоим Буланом?

Серах изгибается телом. Ломучим, сюсюкающим голосом пытается успокоить повелителя:

— Иди! Иди же ко мне, любимый! Дай поцелую! Дай обласкаю тебя... Я только хочу сказать, что купцы могут возроптать. Гер Фанхас жалуется. Торговле война мешает...

Лицо Иосифа порыжело, стало совсем под цвет его накрашенной хной раздвоенной бородки. Над переносицей сплелись морщины. Он отталкивает Серах:

— Нужны мне твои ласки! Защитница купцов! А я что им враг? Я же их послушал! Да это же они... они заставили меня раструбить на весь мир о царской короне, писать письма не по делу, а для звона... «Ах, тут царство Шехины! Ах, народ без государства обрел свое государство»... А чего добились?.. Сами мы всем нахвалились, что тут лакомый кусочек... А-а! Ты понимаешь — сами ввязались! Сидели бы тихо... Ах, нет... Вам подавай славу... У веры в Непзреченного свой престол. Но вы опять недовольны...

Иосиф хватает Серах за плечи, он трясет ее.

Серах вскрикнула. Ее губы раскрылись:

— Милый, не срывай на мне зло...

Через час от правобережного дворца великой Хатун Серах двинулась пышная процессия.

И упали ниц, как перед поездом кагана, перед этой процессией зеваки, давно, с самого рассвета, толпившиеся возле дворца Хатун в предвкушении зрелища; поползли в пыли, расплачиваясь за удовольствие быть зрителями.

Впереди, позванивая саблями, широкой дугой вышагивали арсии. Они безжалостно щекотали саблями зазевавшихся — тех, кто от восторженного страха не успел посторониться и разлегся прямо на дороге. Сразу за арсиями белые евнухи несли роскошные носилки, украшенные

плодами граната. Но носилки были пусты. Иосиф и Серах не прятались от толпы, они хотели, чтобы их любили, считали охотно снисходящими к толпе, — и они сами шли перед своими носилками.

Впереди гордо вышагивал Иосиф. На нем была белая мантия и голубой пояс первосвященника Белого храма и академии. В руке он, как герб, нес огромный золотой плод граната со вделанными в него сверкающими бадахшанскими рубинами.

Серах громко постукивает своими золочеными на толстенных подошвах сандалиями позади Иосифа. Она возвышается сзади него как стена. Она делает над собой усилие, и губы у нее становятся, как у царя, довольными, порозовевшими, на них блуждает мягкая сытая улыбка.

Процессия уже возле наплавного моста. За царем и царицей несколько носилок, которые несут уже не евнухи, а арсии. Навалены на носилках тонкие шелка и прочное полотно, жемчуг и драгоценные камни — божья доля из того, что наотнимали сегодня у русов арсии.

Кажется, арсии и впрямь разошлись. Они останавливают не только караваны с хлебом, но вообще начали охоту на русских торговых гостей. А теперь вот еще нагло отдают «божью долю»...

Предназначалась эта «божья доля» разным богам, но Серах уже знает, что сегодня всю «божью долю» отнесут в Белый храм — так повелел царь. А в Белом храме отпустят грехи стражникам, так что им уже не надо будет обращаться за отпущением в мечеть. Так Белый храм поднимется над другими верами, станет им покровительствовать...

Жрецы Белого храма уже пристроились к носилкам с добычей; не отступая ни на шаг и не спуская с нее глаз, идут сзади. Идут чередою по десять. В первом ряду девять высших жрецов в белых мантиях — десятым должен быть Иосиф. А дальше в желтых мантиях вся блудница (академия) и толпа прислужников.

За желторизными — избранный народ. Лучшие из лучших: сайарифа, базарганы, рахданиты — все не поленились до рассвета еще притащиться ко дворцу царицы, чтобы потом на глазах у всего народа вдосталь натолкаться в царской процессии. Они и в самом деле усердно толкаются, нещадно пуская в ход против соседей выставленные локти, — какой же купец без локтей?!

Спускаясь к наплавному мосту, процессия изогнулась, как лук. И Серах, хоть она даже не оглядывается, а только немного поворачивает голову и косит глазами, отлично видно, как беззастенчиво пихают друг друга купцы.

Серах брезгливо морщится, кидает шагающему впереди Иосифу:

— Мой бог! Как я не люблю, когда ты таскаешь за собой этих свиней. Ты только посмотри, Иосиф: они же грызутся, будто бегут за кормушкой. А рожи-то какие! Ах, я никогда не думала, что уже столько этих кара-хазар (черных кочевников) попримазалось к нашему прекрасному богу! Как допустил ты нечистых к храму, мой царь?..

Серах возмущается вполне искренне. Но и бывший муж ее Булан и Гер Фанхас, который ей в последние дни так стал по душе, — уж настолько кара-хазары, что ей бы помолчать. Да и мать ее сама никогда не знала, кто у нее были предки. Однако, может, в том и заключается секрет природы, что с трудом пролезший в дверь один, всегда особенно хочет, чтобы эта дверь была затворена для других. Никогда не было больших борцов за чистоту племени, чем те, кто волею обстоятельств к этому самому племени приблудился. В Халифате самыми непримиримыми к «диким» варварам — инородцам и иноверцам всегда были жены халифов, которые, как всем известно, попадали в гаремы повелителя правоверных из неправоверных стран. А почему Серах должна быть смиреннее жен халифа?! Во всяком случае, уж она-то, по крайней мере, не из рабынь, получивших свободу и правоверие только за то, что оказалась исправным гнездом для плода от правоверного. Уж она-то имеет право на спесь!..

Серах спотыкается и едва не теряет золоченую сандалию.

Иосиф совсем развеселился:

— Ну, что ты размахиваешь руками, моя крошка!

Маленькому Иосифу, когда он был рядом с высокой Серах, было особенно приятно называть ее крошкой.

— Не сердись, крошка. Не сотрясай понапрасну свои башни — ты так и стену разрушишь. А ты же ведь стена! Ты моя стена! Ты мой оплот!

Потом так же внезапно, как начал смеяться, Иосиф серьезнеет:

— Слушай, Хатун! В последний раз приказываю тебе:

прекрати сеять плевелы — не распускай по городу слухи о засорении отборного семени, не внушай стоящим вокруг меня про необходимость спеси. И запомни: я взял тебя, предпочтя дочери кагана, не из-за твоих башен; мужчина, если он честолюбив, должен сохранять свои силы и быть умеренным в питье и утехах! — а потому, что твой отец ремесленник Вениамин варил здесь рыбий клей и был здесь до того неумыт и безобразен, что каждый варвар (хоть самый простоволосый и ничтожный человечишка!) говори: «Вот и я такой же, каким был ее отец. А если мне повезет, то даже после того, как меня выпорют, сделают из меня «красного голыша», я выживу, ведь я такой же!» Я вожу тебя вслед за собой, а не запер в гареме, чтобы каждый, глядя на тебя, вспоминал о твоем отце и мог тешиться надеждой, что и он может стать Вениамином — старостой хазарского подворья в самом Киеве. А ты, женщина, нагло и с вызовом, оскорбительно хочешь захлопнуть перед черным людом дверь, когда надо, чтобы эта дверь манила, звала, была для всех заветной... Ты не забудь, что ничто так не губит государство, как задраенные двери в дом. Мы достигли — мы господа в Городе. Но мы тем более должны оставить щель в дверях нашего дома для всякого, кто энергичен, напорист, честолюбив, — для всякого сильного. Иначе нас сметут те, кого мы к себе не приняли.

Теперь бледнеет Серах, она опустила голову, кровь отливает у нее от лица, а губы стали черными, как глаза и брови. Она идет, стараясь ставить свои золоченые сандалии след в след Иосифу. Она думает о том, каким все-таки противным становится вожделевший человек, когда он сыт.

Но говорит она другое:

— Мой царь!.. Отец мой Вениамин часто говорил мне, что слышал разумное от купцов. Будто халифат, Византия или Русь не хотели брать власть над Гогом и Магогом, потому что сказали: «Разумеется, это тьма кочевых племен, с каждым из которых в отдельности мы могли бы легко справиться. Но если взять их всех под себя, то как бы нам, великим, не раствориться в них, многочисленных и ничтожных?..» Или ты умнее правителей трех великих держав, если теперь сел на трон над Гогом и Магогом?..

Она противоречит себе, но ей хочется хоть как-то уязвить Иосифа.

Иосиф не ответил. Процессия уже миновала наплавной мост и поднимается на остров.

Лицо у Серах теперь надутое, как у обидевшейся девочки.

— А знаешь, Серах, нам надо внимательнее сегодня присмотреться к праздничной толпе. Наши бесценные торговые друзья не оставляют нас вниманием. Константинополь и халиф держат у нас каждый по высокопоставленному осведомителю...

Иосиф говорит то, что он уже тысячу раз говорил, и он заговорил лишь для того, чтобы заговорить; испортил настроение, а теперь делает вид, что оказывает ей государственное доверие.

Серах понимает это. Уж кто-кто, а она-то давно и прекрасно знает, что осведомитель базилевса — епископ, а осведомитель халифа — мулла. Она даже знает, что Иосиф приказал ни в коем случае больше не трогать Тонга Тегина. Раз тот уже не Волчонок, раз без имени, то зачем привлекать к нему внимание и самим возвращать исчезнувшему его имя?! Тот Тонг Тегин забыт. А Лепешечник уже не мешает.

Серах перестает надувать губы и больше не делает обиженного лица. Как бы то ни было, Иосиф опомнился: вот снова подчеркивает, что они вместе.

Серах выпрямляется, гордо откидывает назад голову. Больше она уже не идет Иосифу след в след, а догоняет его, идет рядом и чуть сбоку. Совсем-совсем рядом и сбоку. Она умеет прощать грубость.

Процессия приблизилась к Белому храму. Снизу, с наплавного моста, кинутого от левого берега, и сверху, с моста от правого высокого берега, будто две встречные волны, устремились две возбужденные праздничные толпы. Столкнулись и рассыпались прахом у ног Иосифа и Серах. На земле барахтаются люди, задирая головы из пыли — таков ритуал лицезрения Величия.

Серах теперь вынуждена ступать осторожно, чтобы не наступить на бросающихся под ноги. «Из веку у людей разные вкусы, — снисходительно думает царица. — Одних влекут яркие краски Весны, неистовство языческих плясок, веселье и смех. Но вот другие — этим нет слаще занятия, чем посмотреть на чужое богатство. Хоть из грязи, но лицезреть пестроту заморских одежд. Впрочем, может быть, среди них есть еще и такие, кто приполз сюда ради сладкого страха перед власть держащими...»

С крыши Белого храма навстречу царю и царице завыла стозвучная гидравлическая труба Магрефа. Кого труба пугает? Всех!..

— Ты услышь с неба, места обитания твоего, и прости и воздай каждому по путям его, как ты знаешь сердце его, ибо ты один знаешь сердце сынов человеческих, чтобы они боялись тебя и ходили путями твоими во все дни, доколе живут на земле, которой ты дал храм свой! — так под вой Магрефы запели идущие позади Иосифа и Серах.

— Даже и иноплеменник, когда он придет из земли далекой ради имени твоего великого и руки твоей могущественной и мышцы твоей, простертой ради, и придет и будет молиться у храма сего, — ты услышь с неба, с места обитания твоего, и откликнись и помоги ему, сделай все, о чем будет взывать к тебе иноплеменник, чтобы все народы узнали имя твое, и чтобы боялись тебя!

Серах слушает хор желторизных позади себя, и хотя они опять затянули про иноплеменников, уже не сердится. Чего сердиться? Надо помнить про чудеса! Разве не через иноплеменника пришла вера в Неизреченного бога в этот город?

Девять священников в белом догоняют Иосифа и становятся с ним рядом. Теперь все они простерли вверх руки. Десять самых близких к богу обращаются к нему. Зовут бога незримо сойти в выстроенное для него обиталище на земле — в храм белый. Два дома были у Неизреченного, а разрушены. Снизойди в третий!.. Гер Фанхас заплатит, если нужно, чтоб его назвали третьим!.. Чтобы временное прибежище бога стало постоянным!

Десять самых близких к богу поднялись к храму и, вытянув руки к небу, застыли на самой верхней ступени.

Ветер приподнял, наполнил собой их полупрозрачные белые хитоны, развязал голубые пояса, и теперь все десять — будто десять обнаженных скульптур с трепещущими за спинами белыми крыльями — застыли перед входом в храм с западной стороны.

Сейчас выйдут на крышу Белого храма хакамы (мудрецы); пройдут, осторожно ступая меж золотых гвоздей, коими, чтобы даже перелетная птица не села, не осквернила обиталище бога, утыкана крыша; подойдут к краю и объявят, что академия, как положено, собрав сведения от наблюдателей, произвела подсчет дней и громогласно удостоверяет: «Сегодня Город может начать праздновать

Брачный Хоровод, а избранные могут войти по этому случаю в храм для встречи с богом».

Замерли десять самых близких к богу на последней ступени перед входом в храм с западной стороны. Видно их далеко, и, наблюдая, как замерли первые, замерли все, кто толпится в воротах и за воротами храма. Сейчас выйдут хакамы.

О, Весна! Все знают, что ты сама вступила в брачный хоровод. Все давно на улице, и уж факелы оповещающие с ночи зажжены. Но только сейчас совершится твое признание: будет и на твоем челе, о язычница Ляля-Весна, удостоверяющая печать!

И ждут все.

Однако разве ждала когда на глазах всех своего часа женщина?! О, хакамы, как вам могло прийти в голову томить женщину?

Серах нельзя внутрь храма. Ни одна женщина никогда не ступит в святая святых, куда в дни празднеств незримо спускается сам Неизреченный. Серах одна идет к восточным воротам — туда, где перед храмом широкий двор. Еще несколько минут — и во двор хлынет весь поток народа. Но сейчас по восточным ступеням поднимается она одна.

Серах поднимается по ступеням, а все еще лежат в пыли и, подняв головы, смотрят на нее. Что для Серах ожидание? В такт шагам колышется ее тело. Будто дека арфы, округлы ее рамена. Каждый шаг извлекает песню, заставляет вторить деку тонким струнам-пукам. Будто два тимпана, ее чресла. Будто два кипариса, ее голени. Гулко бьют кипарисы в тимпаны, завораживают дробным перестуком, заставляют всех заслушаться ее шагами.

Выше, выше ступает Хатун по восточным ступеням храма. Отбивает сандалиями песню. Вот последний шаг...

И опять громко завыла, закричала Магрефа. Вспыхнули внутри темного храма, будто маленькие звезды, многочисленные свечи. Стоит Серах на пороге храма — на роковой, священной черте.

И, будто тяжкое облако, опустившееся за ней с неба, поплыло, поднимается от ее ног святилище бога. Неприступное и белое. Триста локтей высота стен. Сорок локтей толщина стен. А вдоль стен столпы. Кипарисовыми досками потолок и пол покрыты. Кипарисовыми досками колонны обиты. И прибиты грамоты и титлы на двух языках по всем стенам. Закон бога написан на тех

грамотах. А непосвященному не войти в храм никогда, и не прочесть непосвященному грамот и титлов, никогда не узнать истинного закона. Ни мужчине непосвященному не узнать, ни женщине всякой. Ни тебе, царица!

Не переступила Серах черты. Повернулась к народу.

— Идите же ко мне. Там внутри избранные, а я, женщина, остаюсь со всеми вами. Я, женщина, вас сохранила. Меж чресел моих семя ваше, коли враг на вас заклятье наложит, вынесу. И взращу. Не внутри храма я, но сама я храм и чертог сама...

Так сейчас скажут всем призывно протянутые ее руки, а губы ничего не прошепчут, лишь сладостно разойдутся. И радостный и осчастливленный хлынет во двор Белого храма народ. Во дворе храма народу место. А царице — на пороге храма.

О смуглое оливковое тело! О черные волосы с зеленой диадемой! О зовущие крупные пурпурные губы! Желтое короткое платье поднялось, когда Серах простерла руки к народу, обнажило крепкие бедра. «Смотрите на меня, люди! Разве не хороша я? И разве есть кто меня лучше? Вот бедра мои. Простерла я к вам руки, и открыла вам мои бедра, мое желтое платье. Вот какая я, царица ваша!»

Серах стоит перед людьми. Нет еще мудрецов на крыше Белого храма — не вышли. И нет еще возвещения о Празднике. Но уже есть Праздник. Ибо разве царица перед вами сама не праздник, сама не радость каждому, кто смотрит?..

— Ну же! Вот мои руки тебе я протягиваю. Как оливковые ветви, мои руки. Настало время: ползите на коленях перед Царицей, перед праздником и радостью вашей! А ты, Неизреченный бог, вездесущий, жестокий, ты меня прости! Я знаю твое главное имя: ты — Ревнивый! Я не была внутри храма, не смотрела титлов, но какое другое тайное имя может быть записано в тех титлах? Ты — Ревнивый. И нас, верующих в тебя, избрал ты, чтобы ревновать к другим?! Ведь чем же еще тебе, жестокому, сердце свое усладить? Чем ярость свою оправдать?! Убивает возлюбленную ревнивец. Но меня, Серах, царицу, не ревнуй ты. Не завидуй мне, но меня укрепи и укрась, Ревнивый! Разве не понял ты, что Праздник — я?.. А что бог супротив Праздника? А потому не ропщи, но помоги: воздай мне все мое, переполни семенем сокровенные торбы, к излияниям приготовь заповедные недра!

Ну же, прикажи ветерку овеять атлас моей кожи! Прикажи Солнцу подарить пыл очам моим, а Луне прикажи подарить нежность моим гибким дланям! Вон Луна еще не зашла: она стоит напротив Солнца, мерцая, будто остановилась, позабыла уйти, на соперницу заглядевшись. Вот и я при тебе, как Луна при Солнце. Не ревнуй, а обласкай меня при народе, бог мой, от всех прячущийся. Тебя одного все жду я, по тебе, необласканному, страдаю. Ах, от тебя одного мне дано понести, потому что для богов красота моя, не для этих всех смертных!.. Эй, где вы, хакамы — мудрецы из блудницы? Где печать ваша? Я, Серах, мудрейшая из женщин, уже объявила Брачный Хоровод и печать свою на чело наложила. Башни мои высокие, как бутоны, полны — вот моя печать! Рамена мои колышатся — кто их закон оспорит?!

ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

Тана – жемчужина Воислава

Когда-то ко дню свадебного хоровода на наплавном мосту были повсюду навалены горы рыбы — белорыбица и севрюга, стерлядь и осетр. О красной рыбе из Города-на-Реке ходили легенды. Так же, как о знаменитой хазарской овце, ягнящейся два раза в год. За рыбой и овцами приезжали в Город-на-Реке издалека, и хазарские купцы — базарганы берегли свое торговое имя: упаси Небо, ежели кто по нерадению или корысти ради продаст чужаку непровяленную рыбу или овцу непородистую — самочинным судом карали базарганы такого своего товарища, и никто в городе не дерзал ни труп опознать, ни впредь называть это оповоренное и навсегда исчезающее купеческое имя. Вот так-то было!.. Да и в самом деле?! Ежели меньше, чем в даник, был на рынке жирный баран, а ягненок был в тассудж, ежели громадная красная рыбина весом в сто ман стоила половину даника, то каким же бесстыжим надо было быть, чтобы рынок в городе подрывать — гостей обижать?! Теперь, хотя весенняя путина уже пошла, наплавной мост пуст. Зимний голод подорвал торговлю. Да и некому продавать рыбу — за ней приплывали торговые гости из Европы и Варягов, через Русь сплавлялись с верховьев Реки. Теперь торго-

вых гостей отпугнули слухи о расправах на берегу. Речной путь с верховьев реки Рус обезлюдел.

Но с моря в Город-на-Реке еще по-прежнему плывут многие гости.

У обвитого змеей индуса весь товар в небольшом мешке. Копошатся там маленькие ядовитые змейки, укус которых смертелен. Хочешь смерти врагу — купи змейку. Но лучше купи своей любимой драгоценный камень. Назови имя самого сказочного камня — и вмиг засверкает камень на ладони индуса. Хочешь посмотреть — смотри бесплатно. Хочешь показать любимой — оставь залог. Колеблется голова змеи, тонкий острый язычок режет воздух, тают камешки в мешочке индуса, растет рядом с ним гора из куниц, соболей и белок, из горностаев и лисиц, черно-бурых и рыжих. Знает индус: никто не вернется за залогом — ни одна женщина не откажется от его камня.

Ах, Тонг Тегин! Ты стоишь напротив индуса — разве ты не купишь зеленый изумруд для Воиславы? Разве ты не купишь для своей суженой красный гранат?.. О, Тонг Тегин, на одной ножке весело прыгает к тебе твое счастье! Губами рябиновыми тебе улыбнулось! Глазами синими на тебя посмотрело! Разве ты не видишь?

Мелькнуло впереди Тонга зеленое с серебром платье. Что с тобой, Тонг? Куда ты бежишь?.. Или обманула тебя подлунная? Ты достиг теперь возраста мужества, по воле Неба и Аллаха уже кое-что испытал. Ты вырастил в себе Волчонка, и ты был полководцем. Ты погиб и спасся. Люди видели, как тело твое оставил Волчонок. Ты теперь только Лепешечник. Но ты счастлив, потому что к тебе спешит твоя суженая.

Слышишь песенку:

Рано-рано Солнце играло. Ля-лей, ля-лей, ля-лей, ли-ля-ле!
Раньше того пава летала.
Пава летала, перья роняла.
Красная девка Воислава сзади ходила,
Перья собирала, в рукав клала.
В рукава брала, венки плела.
Откуда увзнялись буйные ветры, дробные дожди?!
Схватила венок с девичьей головы...

Нежная долонь ложится на плечо Тонгу:

— Я искала тебя.

Воислава, раскрасневшаяся, возбужденная праздником, позабыла, что она уже в совершенных летах и ей надо

держаться степенно. Как малый ребенок, поймала Тонга за руку и уже сразу тащит снова на наплавной мост.

Они с Воиславой сейчас возле крючконосого грека, сидящего на корточках возле целого ряда амфор, ойнохой и лекифов. Вокруг грека толпятся, размахивая руками, женщины и евнухи: грек торгует благовониями. Тонг (что с ним?) кидается к греку, он выбирает для Воиславы бальзам. Воислава оттаскивает его за руку:

— Не надо мне благовоний! Все привезет отец!..

Она отказывается, чтобы не умалить радость отца, который по опасным купеческим дорогам везет ей подарки.

Она доверительно шепчет Тонгу Тегину:

— А знаешь, я так ждала отца сегодня. Ну, сколько же можно быть в плавании?! Должен же помнить мой отец, что по этой весне мне в брачный круг входить.

Тонг Тегин отводит глаза. Он слышал о расправе над русами на берегу. Что, если Буд был с ними? И тут же отбрасывает от себя эту ужасную мысль. Не может быть! Буда все в городе давно знают. На него стражники не посмели бы поднять руку.

А Воислава, заметив, как Тонг Тегин отвел глаза, залилась краской. Ей подумалось, что это он из-за того, что она бесстыдно сказала сама про брачный круг. А Тонг Тегин пришел в монашеском одеянии. Зачем? Неужели, чтобы без слов намекнуть, что он не хочет уже брать ее в жены?

Воислава вспыхивает. Алая краска заливает ее лицо. Она поворачивается спиной к Тонгу. Она делает шаг в сторону, порываясь прочь. Он с трудом удерживает ее за плечо:

— Что с тобой, гордая Воислава?! Клянусь вечным спасением, что каждому, кто приблизится к тебе с обидой, ты сможешь отвечать: «Не сметь меня обижать! Тонг Ал Хазари, которому сам халиф преподнес почетную золотую цепь, охраняет меня своей доблестью, имуществом и кровью».

Воислава немного успокаивается; уже скорее капризничая, укалывает Тонга:

— Но золотой цепи уже нет! Ты же сам забросил ее в Реку?! — И вдруг краска совсем сходит с ее лица. Мертвенно побледнев, она смотрит на Тонга: — Повтори, что ты сказал! Ты думаешь, я не знаю мусульманских обычаев?! Ты какую охранную клятву сказал мне?! Это

же клятва удочерения?! Ты что, действительно решил отказаться от меня и стать мне только вторым отцом?..

Теперь бледнеет Тонг Тегин. Он не знает, как объяснить Воиславе, что по мусульманскому обычаю удочерение не может помешать браку — с согласия приемной дочери второй отец может стать ей мужем; а что до самой этой клятвы удочерения, то она вырвалась у него из-за Буда... Потому что в городе уже многие говорят, что Буд, отец Воиславы, — там, под городом, на кресте...

Тонг никогда не боялся за себя. Но сейчас ему страшно. Как предупредить Воиславу о горе?! Как решиться сделать это в свадебный день? Они с Воиславой столько ждали этого дня, столько мечтали, как наконец-то будут совсем вместе...

Но Воислава, похоже, уже сама все поняла:

— Послушай, Тонг Тегин! Злые люди пугали меня, что мой отец на кресте распят. Здесь. Под городом. Мне даже одного стражника — Булана, который у Арс Тархана в заводных, показывали. Будто он... Но я не верю! Как же такое было бы можно, чтобы взять гостя и убить?! Ведь не можно?! Скажи мне, ведь не можно так, Волчонок?

Она смотрит в глаза Тонгу, ожидая созвучного ответа. А он молчит. Он теперь сам тоже уговаривает себя, что слышанное про расправу над Будом — ложь. Ему ведь так хочется. Он внушает себе: «Мало ли кто что сказал? Неизвестно же, был ли это действительно Буд? В таком деле нужен достоверный шахид (свидетель)!..» Он вспоминает, как в Багдаде в бариде (канцелярия халифа) чиновники делали пометку сомнения на всех неприятных сообщениях: «Нужен шахид». Им не хотелось нести неприятности пред очи повелителя, и они из года в год откладывали дурные вести: шут с ними, дурными вестями! На них еще нужен шахид!..

— Воислава! Ты не ходила на берег?

Она не понимает вопроса. И Тонг Тегин уже окончательно отбрасывает от себя ужасное сомнение. Ну, конечно же, над каким другим заморским гостем, а надругаться над Будом, которому сама княгиня русов Ольга не раз поручала посольские дела, это уж слишком! Это ведь вызов на войну! Наверное, опаздывает Буд?

Тонг Тегин хочет отвлечь Воиславу, и он увлекает ее на правый берег к лавкам только приплывших албан и армян.

Здесь сейчас самая забава. Сразу не сообразишь, что это — торговля или скоморохи на ярмарку приехали, представление показывают. Албане и армяне привезли продавать платье, и дело у них поставлено на широкую ногу. Соорудили купцы перед лавками помост, и выходят на помост под звуки рожков и лютен стройные рабы и рабыни, один другого, одна другой краше. Важно расхаживают по помосту, то оденутся, то разденутся на глазах у изумленной толпы. Подойди к купцу, торгующему платьем, и ни слова не говори. Купец сам только на тебя взглянет — и уже несут по его знаку приказчики нежнотканую, белей утреннего снега, мусульманскую чалму для правоверного, а верующему в Неизреченного бога достанут высокую шапку, христианке — золоченые сандалии, кочевнице, Небу поклоняющейся, — сапоги, как чулки, мягкие, ноги обтягивающие.

Увидев Воиславу рядом с Облаченным во власяницу, купец-армянин отворачивается: надоели ему монахи-попрошайки.

Меняется Воислава в лице: не привыкла она, чтобы от дочери руса отворачивались.

Но что это? Купец засуетился, согнулся в три погибели. Оказывается, увидел в руке Тонга кожаный мешочек с монетами. Когда это только успел вытащить мешочек Тонг?!

Ах, если бы Воислава знала, что получил наконец царь Иосиф охранные амулеты. Не пожалела Серах фанхасовых денег, одела на шею и запястье новому царю знаки небесного рождения. Она даже и не ожидала, что так просто расстанется с ними опустившийся Лепешечник. Он отдал амулеты — значит, смирился и уже больше не будет возвращать в себя Волчонка. А зачем амулеты правителя обыкновенному Лепешечнику?! Получи, Лепешечник, вместо них мешочек с динарами. Это тебе — амулет торговца.

И амулет торговца уже работает. Пятится задом перед Тонгом и Воиславой купец, просит внутрь лавки, товары предлагает.

Шепчет Воиславе купец:

— Хочешь, девица, русскую шитую рубаху с оторочкой на подоле и пышными рукавами? Серебряные фибулы задаром к рубахе отдам. Возьми — не жалей дирхемов своего покровителя! Добром будешь армянского купца помнить! А хочешь сапожки? Ни у кого не будет таких

прелестных сафьянных сапожек! Ни у кого не будет такого яркого шелкового платка! А хочешь, красавица, княжеское корзно? Алое, как кровь, есть корзно! Или, хочешь, голубое, как небо? Есть у меня прекрасные корзна — яркими шарфами будут развеваться на ветру, молодцов приманивать, молодиц дразнить. Удиви покровителя — княгиней в корзне по городу пройдись!..

Купец не спрашивает согласия — складывает подарки:

— Куда отнести?

Восхищенными глазами, краснея, смотрит Воислава на подарки. Стеснительно принимает — не отказывается: вот он каким богатым стал, торгуя лепешками, Тонг Тегин! Даром что сам в бедной власянице. Звенят серебряные дирхемы, переходят из кожаного мешочка Тонга в услужливые купеческие руки.

ЕЕ рука в ЕГО руке, и для них это близость и тайна. Сокровенные свадебные близость и тайна! Потому что ходят, ходят же за ними тронутые первым загаром босые ступни Ляли-Весны, и любовь навевает им Ляля, открывает взаимность желанья и смущает волнением странным и чудным.

И пьянят уже обоих чужие нечаянные прикосновения, и чья-то горячая рука вдруг жадно обовьет в толпе стан Воиславы и тут же исчезнет, растворится в сутолоке, и чья-то упругая грудь прижмется к груди Тонга и мгновенно отпрянет.

Скользнул сливово-черный взгляд горбоносого кавказца по высоким Воиславиным шеломям, вспыхнул пламенем, задержался на ее бедрах. Распахнулся бордовый халат навстречу Тонгу, и оливково-смуглый живот красавицы-гузки позвал мягким, обещающим танцем. Отчаянно задраны юбки над полными, круглыми, зовущими коленями албанок.

А на площадке возле менялен, не стесняясь, выставили свои полные зады в ничего не скрывающем бесценном персидском висконте тонконогие купчихи. Они смеются крупными, жаждущими губами, и потными запахами требующих ласки породистых тел пропитан их смех.

Вокруг Воиславы пиршество тел, и каждое, ей кажется, выказывало себя, каждое кричало: «Я тоже красивая!», «Я не хуже других!», «Я слаще других!»

Еще вчера Воислава со стыдом осудила бы этот пир. Но сейчас ей вдруг захотелось поразить соперниц, тоже

выставить напоказ свое налитое, нарядно справленное тело: «Я краше всех вас!»

Так было с ней только мгновение. Она тут же засоромилась от своего неподобства, словно уже как у мужа ища защиты от осматривающих ее бесцеремонных взоров, прижалась к Тонгу.

А прижавшись, почувствовала, что должна, но не может, не хочет отстраниться-отъединиться: выходило, что тело, разогретое сегодня на рассвете Ляliным взваром, решало само. Она отстранялась от Тонга осторожно-осторожно, как-то медленно-растерянно и все ждала, что он положит ей руки на плечи, что желанно притянет к себе.

Несет ли их по-прежнему река толпы или осторожно выплеснула в тихую заводь?.. Прошли часы или мгновения, как слилось их дыханье?..

Знала Воислава, что смутны чувства в Городе-на-Реке. Не облагораживает их память предков, потому что не помнят здесь предков. Без гордости и не для славы рода падает в эту почву семя. Потеряв имя предков своих, мучительно и болезненно, как за потухающую память, как за последнее и единственное, что осталось у них от памяти, цеплялись здесь люди за веру, от отцов унаследованную, словно осталась эта вера для каждого из них последним талисманом от растворения, от полной потери себя. Но и в вере теперь уже нет у здешних людей постоянства. Оставили, оставили здесь, в городе, источник воды живой; оставили и высекли водоемы разбитые, которые не могут удержать воды. Не бессмертием народа, а часом наслаждения живут теперь хазары. В разноликой толпе не-народа ищет каждый не в роде себя продолженья, а в утехе забвенья. Но, Тонг Тегин, не такой, не такой же ты? Разве не рассказывал ты мне о Синем Небе и Черной Реке, Золотистой Земле-Воде?! Разве не о славе Степи, не о бессмертье ли Эля ты пекся?! А коли стал ты только Лепешечником, так от того, что высокомерие свое усмирил и часа великого, наследного в терпении ждешь! Расправились с тобой, в реке топили, но ты спасся, ты снова вернулся. Ты пришел облаченным во власяницу, ты, от мира отрекшись, вернулся. Но не ради ли мира твое отреченье? Вот этого доброго мира с синим небом вверху и землей и водою внизу, с острым запахом желтой полыни и людьми, для которых в себе воспитал ты Волчонка, а потом, когда люди не взяли Волчонка, —

смиренье?! Смиренье? О, Тонг! А не рано ль орел сложил свои крылья?! Не с того ль, что орел без орлицы...

Шепчут Воиславины губы:

— Как зовут отца твоего, воин?

Тонг молчит. Он опять страшно думает о Буде, ее отце. А у Воиславы никогда так жгуче не пунцовели губы, никогда еще такими алыми маками не расцветали щеки — разве не помнит Тонг Тегин, что по обычаю русов спрашивает любимого об отце девушка, когда признается в любви? Как христиане обручальными кольцами, так обмениваются именами отцов сговоренные в племени русов.

— Моего отца зовуд Буд!

— Моего отца зовут Огдулмыш!

И опять слилось дыхание. Не касаются губы губ, слито только дыханье.

— Ах, Воислава! Ты прости меня, что тогда не нашел я сразу тебя, вернувшись в город. Отчаяние тогда лишило меня надежды; завистники оклеветали меня, и из-за ложных обвинений примирение стало невозможным; недруги пленили друзей моих чарами лжи, грубыми измышлениями обольстили. Не верил я, что, возвращаясь в родной город, принесу добро хоть кому-то. Помнил я все весны в Багдаде о тебе, Воислава. Но думал, что давно уже уплыла с отцом в Киев ты. А потом, когда я вернулся, я узнал, что ты здесь, но боялся твою душу смутить, на тебя, чужеземку, псов местных, за мной охотившихся, убоялся навести. Ведь сколько ты потом, когда за меня заступилась на мосту, злосчастий приняла?!

— Ой, Лялюшки! Да и что ты говоришь, Тонг? Как же ты ко мне прийти убоялся? Али русы выдавали когда друзей?! Али русы когда друзей в беде оставляли?! — так отвечает Воислава и знает, что говорят они оба давно уже не просто о дружбе, а о вечной верности.

Воислава прижалась к Тонгу и на облаке светлом опять полетела от счастья.

И тут забили бубны и арганы. Они ударили мерно и резко, то слегка замедляя, то убыстряя ритм. Глухие удары бубнов, как эхом, отзывались в раскатистых серебряных звонах арганов. А на фоне этих ударов восходили и падали вниз воложные голоса волхвов, славивших Лялю-Весну.

В длинных одеждах, с изображеньями идолов, поднятыми на головах, волхвы шли величественными рядами.

У каждого волхва была в руке короткая кожаная плеть с ременным шаром на конце, и эти шары волхвы опускали на мощные круги своих бубнов и арганов, как кузнецы опускают молоты на наковальни. Волхвы ковали счастливые цепи для браков.

Следуя ритму, ряды волхвов то резко прыгали вперед, то останавливались, раскачиваясь на месте, словно набираясь сил для нового броска. Волхвы вели паству на поклонение к Хорсу, но Воиславе показалось, что они ведут людей на бой, и она прислонилась к груди своего ладо, она стала прощаться с ним так, как прощаются, разлучаясь перед смертным боем, на который Поленицей-воительницей уходит она сама.

А Тонг Тегин вдруг тоже, как перед боем, сказал ей:

— А знаешь, Воислава! Знаешь, лада моя! Я сейчас устрашился. Мне представилось, что во всю ширь степи надвинутся однажды на этот город нескончаемые, как колосья, ряды воинов с волхвами впереди, вот так же мерно бьющими в бубны и арганы. Но тогда они пойдут монотонно и неумолимо, чеканя шаг в такт бубнам и арганам. И каждый будет страшиться пустить стрелу в наступающую дружину, потому что идущие впереди войска волхвы не боятся смерти: они выходят на бой, уже зная, что падут, но по их телам ринется на врага разъяренная жаждой мести, сметающая все волна воинов русов.

— Откуда ты так хорошо знаешь, Тонг Тегин, про то, как наступают русы? — как-то очень спокойно удивилась Воислава, удивилась, словно снизошла, словно была уже не с ним. — Ты разве, Тонг Тегин, воевал с моими родичами?!

Он, не смущаясь, будто речь вовсе не о ее родной крови, с гордостью ответил:

— Да, Воислава! Воевал!.. И я тебе рассказывал. Я воевал с русами не раз. И даже побеждал. Правда, дружины русов, с которыми я сражался, были небольшими — из младших дружинников.

Воислава насупилась. Потом убежденно решила:

— Старших дружинников ты бы не победил...

Они помолчали.

Волхвы прошли. Извилистой лентой их процессия поднималась по правому берегу к обрыву, на котором возвышались идолы. А на наплавной мост вышли девушки. Среди них были многие из тех, кто еще совсем недавно озорничал в голове гусеницы-толпы. Но теперь все шли

вело чинно, на головах у них были венки, в руках зеленые ветви. Клейкие листочки тополя уже чуть выпушились из почек, и их слабая нежная зелень была удивительно к лицу язычницам.

Воислава тронула Тонга за плечо:

— Идут невесты, и я должна пойти с ними, Тонг. Мы сделали свой выбор, и ты можешь сегодня восхитить-умыкнуть меня. Но прежде чем всесильный Хорс закрепит наш союз, он первым сделает выбор. Вон смотри, сколько невест. Одну из нас Хорс возьмет к себе. Не правда ли, Хорсу будет сегодня непросто выбрать себе самую красивую? Ну, я пошла... — Воислава приподнялась на цыпочки и осторожно поцеловала своего ладо в краешек губ...

И пошел дальше весь день в песнях и плясках.

Вокруг зеленого деревца хороводят свою кудесбу Хорсовы невесты — какую из них выберет идол себе в семью?

Всем машет приветливо молодыми клейкими листочками деревце, всем равно приветливо советует-приказывает: «Придите вы, девушки, придите вы, красные! Сама я, сама оденуся, ой ляле-ляле, сама оденуся, надену платье зеленое, ой ляле-ляле, все зеленое, шелковое! Ветрик повеет — шуметь буду, дождик пройдет — лопотать буду, солнце выблеснет — зеленеть буду!..»

Воислава идет со всеми в хороводе, плавно поднимает и опускает в ритм окаринам и гуслям свои руки, мягко переступает каблучками. А перед глазами у нее доброе отцовское лицо — благословил ли бы отец ее благодеяние к чужанину, благословил ли бы Воиславину свадебку с Тонгом?!

— А я роду, а я роду, хорошего я роду! А я батьки, а я батьки богатого. А мой батька — купец киевский, он ушел-уплыл со товарищами. Или едет-плывет он ко мне безобсылочно? Или не ждать мне его — одной жениха привечать? Одной судить-рядить долю свою? Одной без совета от него за Тонгом пойти?.. — так шепчет самой себе Воислава, а в больших синих глазах ее — волога.

Украдкой провела Воислава долонью по щеке, смахнула наземь непрошену слезку. Соромота берет ее за собственное болезнование. Хочет управить сердце Воислава. Но почему застыл в ее ушах, вместо радошного щекота Хорсу, дальний скорбный плач?

— Молодая я невестушка, оглянусь туды-сюды, туды-сюды — на все стороны: вся ли тут моя родня? А нету тут моей родии, а батюшку мово пески взяли... Подымитесь, буйны ветры, вы рассыпьте желты пески, вабудите мово батюшку... Нету сил мне себя больше обманывать; знаю я, что погублен мой отец Буд, здесь под городом варварски казнен, на прибрежном песке. Над очами его надругалися, на похмелье Кауру отдали... Ой, вы ветры буйные, рядом тут по-за городом мой батюшка. Вы вабудите мово батюшко: пусть посмотрит на дитя свое, хорошо ли собрано и на месте ли посажено?.. — Воислава вырывает свои руки из хоровода, роняет наземь зеленую ветвь.

Маленькие Воиславины ладони до боли сжимают виски:

— Чур! Чур, скорее меня охрани! Нельзя, нельзя мне вешать-клонить голову, нельзя уступить-поддаться дурным думушкам!..

Она стоит теперь одна, посреди хоровода, с лицом, закрытым руками, и не видит, как к ней медленно идет белый Хорсов конь. Вот коснулся белый конь шершавыми губами ее нежных рук.

Вот ржет мягко-нежно, обрадованно ей в самое ухо. Орок Сингула тянется к своей бывшей хозяйке. Счастливо треплет мягкими губами ей платье. Хорсовым конем теперь сподобился быть за свои стати Воиславин Орок Сингула.

— Здравствуй, мой конь, — обнимает за шею коня Воислава. — Вот он, нашел меня!

И свершилось! Развертывают-несут волхвы белое покрывало. Упал снег среди весны — принес фату невесты. Бело в Воиславиных глазах. Белым стало небо, и в белое обернулись дома, деревья и люди, и бела вода в реке, и среди этой белизны катится-катится к ней белый шар.

— Хорс выбрал невесту! — бьют в арганы и бубны волхвы. — Коня ей послал.

— Хорс выбрал Воиславу! — многоголосо подхватывает толпа, в которой давно смешались с местными славянами верующие во всех других богов.

Поют девушки величальную песню Возлюбленной Солнца. Трубят славу Воиславе златокованые трубы. Посадили Воиславу на белого коня, ведут за серебряны узды по кругу. Медленно ступает копытами белый конь. Бегут вслед за конем девицы! Ловят ископыти на счастье. Эй, на княгиню посмотри-ка, погляди-ка, Тонг Тегин! Вот она, княгиня Весны на белом коне! Мягко изгибается ее стан, плавно колышется зеленая, серебром расшитая ру-

башка, а ресницы ее, как весла, что подняли гребцы над синими озерами.

Гордо сидит Воислава на коне.

Уже сухи и только лихорадочно блестят ее синие глаза, и пылают ее щеки.

Подуло с Реки вечерней зарей, нежно студит горячую кожу. Был день, и день миновал. В ветре приторная сладость, а там вдали заливается все голубым и розовым светом. Пропала белизна неба. Стало небо бесцветным, безбрежным и чистым. И очистилась Степь за Рекой. И встало там вдали новое, осиянное марево — легкое, как белое брачное покрывало, что накинули на волосы Воиславе.

Из тончайшего виссона-шелка легко и прозрачно брачное покрывало солнцевой невесты — и уже сегодня оно растает, чтобы открыть Воиславе за собой тот второй, живущий только чувствами, как музыка, бестелесный мир, куда позвал ее Хорс.

Воислава заслоняется ладонью от белого света. Она повертывается к толпе. Она приподнимает руками брачное белое покрывало.

— Ой, где ты, Волчонок, ладо мое?! — беззвучно шепчут ее губы.

Шумит-кричит толпа под горою. Верховный жрец в бубны бьет, народ опрашивает, какова слава у Хорсовой невесты, не знает ли кто на нее хулы: честна ли, скромна ли, не опозорилась ли до свадебного дня?..

Кричит громко народ:

— Честна!

Кричит громко народ:

— Скромна!

Кричат люди, что всем достойна Воислава избранничества своего. Дружно, весело люди кричат — радостно обряд положенный исполняют. Да и как же иначе? Да и разве может быть-произойти другое. Кто ж осмелится Хорсу-богу перечить?.. Коли сам бог эту невесту выбрал, то, значит, нет лучше ее, и другому слову о ней не бывать.

Ликует народ, славит Воиславу, и уже поднял верховный жрец обе руки, чтобы Солнцу мнение народа сообщить-прокричать. Но тут потеснил кто-то верховного жреца и, как на вече, а не на волховании, слова себе требуя, рядом с верховным волхвом встал.

— Слушай меня, Харан — свободный народ! Хазары! До чего же мы дошли в потере достоинства своего, в унижении печени своей мужской, — закричал человек, вставший дерзко рядом с верховным жрецом, — что теперь уже готовы кальирку-постороннюю, гостью нашу, а не из нашего хазарского народу девушку послать от хазар в шатер свадебный к Хорсу. Неужели вы не понимаете, о Харан — свободные люди, что таким обстоятельством может совершиться непотребное? Люди! Вспомните, разве было когда такое, чтобы подвластные нашему кагану народы и племена присылали бы ему в жены девушку не из своего племени?! Да сразу бы проклял бы каган подобный народ или племя, заподозрив в лукавстве и готовящейся измене... Я предлагаю, о Харан — свободные люди, избрать Хорсу другую невесту, а Воиславу, как гостью, отправить назад в Киев.

И смешался народ; уже не может верховный жрец остановить бурление — кто что кричит? Кто какое слово высказать хочет? — разве разобрать!

А человек, вставший рядом со жрецом, поправил на волосах распущенных своих золотой обруч, и примолкли все сразу и, даже когда вскоре, как следует рассмотрев человека, признали в нем Лепешечника, то все равно засомневались: «А может быть, хоть и слывет за блажного Тонг Тегин, хоть и, будучи принцем, торговлей лепешками развлекается, но все-таки прав он. Ведь из дома Ашины он — близок к богам, обычаи богов и порядки у них лучше кого-либо знает... Как бы в самом деле, хоть и прекрасна Воислава, но не оскорбился бы Хорс, что хазары до того уж упали, что невесту от себя ему из кальирке-посторонних посылают?»

И похоже, что принял такое мнение народа даже и верховный волхв, который потянулся было руками к плечам Воиславы, чтобы отобрать у нее брачное Хорсово покрывало. Однако тут из толпы, из самой середины ее истошным, обиженно-визгливым голосом закричали:

— Люди! Что же вы смотрите, что же вы не бьете Лепешечника! Сколько он будет ссоры между всеми нами, свободными хазарами, разжигать?! Почему чуть что, так сразу медовую заплату норовят некоторые на одежду хорошим и добросовестным людям нашего города нашить только за то, что, мол, происхождение у кого-то не кочевничье. А знаете ли вы, люди, что эта кальирке-посторонняя недавно самого Тонга Тегина Лепешечника спасла, когда на наплавном мосту его хотели крепко побить.

А теперь он, неблагодарный, сам же называет Золотоволосую, красавицу нашу, гордость нашего хазарского Эля посторонней. Да как же так можно, люди? Давайте же побьем этого неблагодарного Лепешечника! Что вы боитесь, что у него девять клоков бороды? Хотите я сама их у него у всех вас на глазах вырву?.. Только схватите охальника, а я уж эти клочья вырву — всякий знает, что торговца разрешается таскать за бороду, если он обсчитал или обвесил покупателя. А Лепешечник хуже, чем обвесил, он народ наш хазарский обокрасть хочет... Он хочет показать Солнцу, что не может быть в нашем народе золотоволосых красавиц для его, Солнцова, шатра...

Кричала таким образом змееволосая Серах — сама же, как люди помнили, еще недавно обвинявшая на наплавном мосту Воиславу, когда она заступилась за Волчонка, что Воислава — посторонняя. Но у толпы свои законы. Толпа, если и размышляет, то много позже того, как что-либо натворит, — тогда, когда уже перестанет быть толпой, а станет отдельными людьми. Поэтому, когда Серах начала на Тонга Тегина кричать из толпы с возмущением, то получилось, что она сразу и стала голосом народа. Во всяком случае, того народа, что на площади перед горой собрался. И верховный волхв был уже даже уверен, что отвечает голосу самого народа, когда громко объявил:

— Люди! Не будем спорить — спросим саму избранницу Хорса.

И все закричали:

— Говори сама, Воислава! Можем ли мы тебе верить, что ты от хазарского народа войдешь в шатер к Хорсу, что ходатайницей хазарской ты к Хорсу в жены идешь, а не наушницей злобной, чтобы против нас, хазар, нашептывать?..

И увидели все, как дрогнули большие синие, гордо сухие глаза Воиславы, и две слезы крупными каплями выкатились из них и по щекам ее нежным скатились на землю; под ноги мощной гордой лошади Орок Сингула, на которой Воислава гордо сидела, упали. Прокатились эти две слезы, и снова воспаленно высохли и еще больше расширились и стали синей ночного южного неба глаза Воиславы.

И затем посмотрела Воислава не на толпу под горой, не на кричавшую только змееволосую Серах и не на

верховного жреца, а только на одного Волчонка и спросила:

— В самом деле, почему ты, Волчонок, так не веришь кальирке? Почему разрешал ты мне быть твоей Душой Даеной, но теперь не хочешь отдать Солнцу для блага народа хазар свою душу?..

Не нашел, что сразу ответить на такой необычный вопрос Воиславы Волчонок. Только опустил голову.

А Воислава подобрала поводья своего крепкого коня и съехала с горы на площадь в расступившуюся толпу прямо к змееволосой Серах и подняла на дыбы над нею свою тяжелую лошадь. И закрыла руками голову в страхе Хатун (главная жена) Серах, в страхе унизясь. Но Воислава ее не раздавила лошадью, а опустила коня перед Серах и сказала:

— Можете мне верить, хазары! Я за вас, а не во вред вам пойду ходатайницей к Солнцу — женой огненного Хорса сегодня стану.

И вернулась Воислава на коне на гору к верховному жрецу, гордо слезла с коня. Нестерпимо спокойными глазами смотрела, как несли ей волхвы другое, большое, как саван, покрывало, как несли ей крепкие путы — затянуть, связать ей ноги, затянуть, связать ей руки. Вот подняли волхвы на вытянутых руках юную Хорсову невесту — с народом дают проститься. Вот понесли к краю обрыва.

Вот напутствуют: пусть крепче обовьет она белыми руками солнечную шею, пусть целует и ласкает горячее Солнце, пусть выпросит хазарам тепла и добрых дождей на все лето!

На руках волхвов высоко над народом поднято девичье тело.

Белое покрывало прозрачно, и сквозь него видит Воислава синь Реки, уходящую к горизонту.

Сейчас падет ее тело в Реку, и не будет ее, Воиславы. Может быть, и сохранится ее душа. Может быть, и проживет она в том ином, втором мире рядом с Хорсом до зимы и скакать будет утренней звездой рядом с ним по синему небосклону. Но следующей весной уже возьмет Хорс другую невесту. А Воислава? Что с нею? Она знает одно — что в этом мире такой Воиславы, какая она сейчас, уже никогда не будет. И в том, ином мире, тоже уже не сможет она ждать Тонга Тегина, как дожидалась мать Словена ее отца Буда...

Через несколько дней найдут где-нибудь внизу по Реке рыбаки ее обезображенное, распухшее тело, каждая жилочка, каждая клеточка которого еще сегодня утром так тянулась к свету, к весне, так хотела любить и быть любимой.

Снимут люди с ее тела дорогие одежды Хорсовой невесты, волхвам отдадут — а волхвы их для другой, для следующей, на будущую весну припрячут.

А тело сожгут на погребальном костре, поминая добром дочь киевского гостя Буда, прекрасную Воиславу, и доброму ветру прах ее доверят.

А, может быть, и не найдут рыбаки тела; может быть, унесет его течением в море, и сгниет оно там в пучине...

Воислава дергается всем телом, извивается на руках волхвов и... затихает.

Теперь она думает не о теле своем, не о страхе перед пучиной морскою, не о любви своей к Тонгу Тегину нерасцветшей и не о том, что станется с нею в ином мире. Она думает о доверии людей, подаривших ее сегодня великому Хорсу. Думает о своем избранничестве — ибо не за себя идет она к Хорсту, она была бы здесь в городе счастлива любовью к Тонгу Тегину, не слишком удачливому наследнику, а теперь и вовсе не поймешь к кому: не то кмету, не то мниху, но все равно единственному, любимому, которого она полюбила еще в детстве, к которому тянулась всегда. Но вот она должна идти не с ладо по жизни, а уйти к Хорсу. И она пойдет к Хорсу, потому что кто-то из Отчества должен идти к богу ходатайницей за все Отчество. Отчество доверилось ей, и как может она, позоря Отчество, биться и плакать здесь над обрывом?.. В своем Отчестве она останется навсегда — не в дщери собственной, не будет у нее дщери, — но она останется в дочерях своих соплеменниц, ради которых она и приносит себя сегодня Солнцу.

— Возьми же, возьми меня, Хорс! Возьми меня, Солнце, а дай тепло и дожди народу моему!.. Ой, Лялюшка-Ляля, помоги мне в последнее мое мгновение без стонов долг свой исполнить. Помоги! Ой, Лялюшка, помоги, милая Лялюшка...

К ней прокрался, пока девушки водили вокруг нее прощальный хоровод, Тонг Тегин; зашептал, чтобы она напрягла руки и ноги, когда ей будут их связывать, чтобы растянуть путы, а потом сразу попыталась высвободить руки; и чтобы непременно набрала в легкие побольше воздуху; он шептал, что бросится за ней, попытается сразу вытащить из реки.

Он шептал: «Воислава! Ничего не бойся. Надо только задержать дыхание. Ты помнишь, — ты должна же помнить, как я спасся, когда меня душил Дэв».

Она твердо ответила Тонгу: «Ладо мое! Свет ты один в моем оконце. Ты — мое солнце. Но ныне не вольна я в себе. Ладо мое! Если я сбегу, кто же тогда будет этой весной ходатайницей перед Хорсом за Отчество? За хазар наших...»

Вот вяжут крепко путами Воиславе руки и ноги. Вот подняли высоко над обрывом. Ударили бубны и арганы. Идут мимо Воиславы прощальной процессией волхвы и народ. Прощаются с золотоволосой Воиславой хазары.

— Лялюшки! — неслышно шепчет Воислава, зовя Лялю укрепить ей дух.

А, может быть, она позвала синюю-синюю Реку, в которой среди последних льдин плавают белесые небесные облака, или березку, тоненькую, с коричневым стволом и клейкими, маленькими, едва распустившимися листочками?.. И сверкнуло ей в глаза огромное, как ромашка, солнце — не Хорс, а Цветок Солнце, темно-желтый, с расходящимися белыми, как лепестки, лучами.

Она падала в воду, а Река, тополек, ромашка-солнце стояли в пятнистых радужных окоемах, заполняя вместе с теплыми мягкими слезами ей синие глаза.

— Лялюшки!..

Солнце коснулось краешком Реки и медленно поползло в воду. Погас последний луч.

Успеет ли догнать Хорса Воислава, уговорить завтра вернуться к людям?..

Глухой всплеск развел гладкие вечерние воды. Пошли хороводом, как подружки, вокруг упавшего девичьего тела волны, разошлись широко-широко и сомкнулись. Ржет прощально-тоскливо белый Хорсов конь Орок Сингула с кручи. Стих на миг шум праздника — провожая взглядом погружающееся тело, невольно замолчали люди.

Бьют громко арганы и бубны волхвов:

— Хорс забрал свою невесту, разбирайте же и вы своих невест, юноши!.. Обнимай милую! Крепче! Поднимай на руках выше — пусть поверит девушка в мужскую силу, пусть увидят все, какая из девушек отныне — семья твоя!

— А вы, зрелые мужи, разве вы без верных жен

пришли на буйный Хорсов пир?! Али угасла любовь в сердцах ваших?!

— Смотрите, как вспенились чаши медовы, как увлажнились пересмякшие губы...

О, как быстро падает темень на землю. Закрыл вечер синим пологом сплетенные руки, разостлал под влюбленными теплую землю, укутал мягким ласковым ветром!

ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Епископ Памфалон — из всех родов

И минуло лето.

И пришла осень.

И снова, как было весной, вспыхнуло в Хазарии сражение зимы с летом.

Зима с летом сражались.

Смотрели друг на друга враждебными глазами.

Они сблизились, чтобы схватиться.

Только теперь сражение шло в пользу зимы, и епископ Памфалон, внутренне торжествуя, уже предчувствуя роковое число, закрывал своей ядовито-зеленой тенью весь город и наслаждался усиливающимся сладким запахом тлена.

Он смотрел на небо, вековое Кек Тенгри, Синее Небо Хазар — главного бога кочевых народов. Оно уже не было синим. Теперь его покрывала мертвенная бледность, и, словно заранее оплакивая судьбу хазар, из него, как из продырявленной корчаги, погаными ржавыми струями выливался перемешанный с песком дождь.

Грозно посерела и покровительница кочевников Черная Река, она несла с верховьев мутные воды, в которых была кровь. И уже никто в городе не смотрелся в реку, как в черное мраморное зеркало. И никто на рассвете не молился Реке за Кочевника. Даже Лепешечник Тонг Тегин, бывший Волчонок, после того, как взяла Река его Воиславу, сторонился Реки и торговать своими лепешками для голодных перебрался с наплавного моста на Сук Ар Ракик (Невольничий рынок). Его туда пустили, потому что Сук Ар Ракик пустовал — подвластные племена не заплатили дани рабами, и Гер Фанхас понадеялся, что

Лепешечник своими лепешками хоть кого-то на Сур Ар Ракик заманит, а там, глядишь, и придет кому в голову продать Геру Фанхасу малолетнего сына или дочь.

Но Тонг Тегин лепешки теперь пек невкусные, сплошь из коры, и уже не выкладывал из них игрушечные города. Он снова надел мусульманскую синюю монашескую власяницу, повязал на лоб, скрывая золотой обруч — знак Волчонка Ашина, — синюю куфу (повязку печали) и уныло проповедовал о том, что верующий в руках аллаха должен быть подобен мертвецу в руках обмывающего трупы.

Епископ Памфалон с удовольствием ссылался в своих проповедях на эти признания Тонг Тегина, бывшего Волчонка. Он надеялся, что городские мусульмане, вместо того чтобы служить живыми мертвецами в руках обмывающего трупы аллаха, перебегут к Мани. Памфалон втайне даже уже лелеял мечту о том, чтобы затащить в церковь и самого бывшего Волчонка, и теперь даже считал, что то было само провидение, что когда-то, еще будучи не в близком к богу разряде епископов, а в обыкновенном монашеском разряде, он, тогда Всего Лишенный, в слепой ненависти к высшей крови, умертвил Волчонка, а тот воскрес. Уж не для обращения ли к Мани воскрес?

Памфалон был почти уверен, что Волчонок, уже переметнувшийся от Кек Тенгри (Синего Неба) к аллаху, сломается окончательно, как только ни с чем вернется в город Еке Аурук (Великий стан) из летнего обхода владений за данью. Что нынешний летний обход владений неудачен, в городе уже знали все. Но, как утопающие, хватающиеся за соломинку, все еще на что-то надеялись.

Памфалон запер малую церковь на левом берегу, отпер большой собор на правом берегу (при его предшественнике пустовавший) и, творя службы и проповеди с утра до ночи, стерег, широко открыв двери в свой собор, когда рухнет последняя надежда хазар на спасение. И он не ошибся.

Из обхода данников свита Великого стана прибыла поевшей своих собак. Салары, амили, тавангары вернулись тощими и злыми, как дерзун (колючая трава). Арсии-стражники походили на пожухший чакан по берегам опустелой реки. Еще недавно стоял чакан у Черной Реки камышовым войском с густым ровным лесом торчав-

шних пик, а теперь поредел, был поломан и медленно умирал, скрипя последними стонами.

По городу пошли упорные слухи, что после провозглашения себя царем Иосиф во время обхода владений напрасно ставил юрты Еке Аурук возле становищ подвластных кагану беков и тарханов.

— Какой такой царь хазарский на кормление и за данью к нам пришел? — удивлялись беки и тарханы. — Никакого царя над нами никогда не было! Был каган. Кагана давно нет. А царь?..

И они свертывали свои юрты и откочевывали от Еке Аурук в глубь степи. А иные за вождей подвластных племен будто бы даже прямо заявляли, что платят теперь дань Барсу Святославу. А если, мол, Иосиф этим не доволен, то пусть сразится со Святославом, благо тот стоит с дружиной недалече — в Вятичах.

Иосиф навстречу Святославу не пошел. Вернулся в Город-на-Реке. Но и над городом, как угрожающий орлиный клекот, витало святославово «Иду на вы». И хотя страшной берестяной грамоты с таким предупреждением хазары не получили, но грамоты этой ждали со дня на день и упивались дурными знамениями, снова наплодившимися в городе, как мухи на навозной куче.

Памфалон с удовольствием известил обо всем этом Константинополь, Новый Рим, в специальном, посланном с нарочным питтакии. Он приписал отвлечение воинственного Барса Святослава от идеи прибить щит на вратах Нового Рима, отвлечение на войну с Хазарией, целиком собственным заслугам и ждал золотого креста с бриллиантами в награду.

В этом же питтакии — готовя себе место среди святых, — Памфалон обмолвился о том, что собирается вывести свою паству из Хазарии, как из чумного места. А сам с замирающим сердцем наблюдал, как рвет свои дельбеке (поводья) толпа, дотоле хитро управлявшаяся в своих выкриках и стихийных поступках с помощью купленных Серах людей. Теперь билек иркен (кучка народа) бушевала нагло, глупо и зло, а подкормить ее всю было не только для Серах, но даже для старосты всех базаров Гера Фанхаса слишком дорого.

Гер Фанхас пробовал, правда, придавить толпу своим весом. Он, не щадя себя, вспомнил принародно на базаре, как нынешний каган Огдулмыш (когда еще не потерял ... не сидел безвылазно, прячась от гнева народа, в золотой юрте!) опозорил его, Гера Фанхаса.

— Я еще только начинал свое торговое дело. Боялся сглазу и ходил обтрепанным, — рассказывал, собирая вокруг себя толпу, Гер Фанхас, — это приметил Небом Рожденный, призвал меня и сказал громко: «Эй, толстяк, перестань красоваться, если не хочешь палок!» Небом Рожденный предупредил, что красоваться дырами на своей одежде не менее дурно, чем одеждой, расшитой золотом.

Но обтрепанная толпа не поняла Гера Фанхаса. Она не хотела дыр, а хотела если не золота, то хотя бы хлеба.

В толпе, перестав надеяться на правителей, уповали теперь только на чудо, и все упорнее поминали Золотоволосую Тану (жемчужину), которую волхвы подарили богу Барса огненному Хорсу. Вспоминали старое хазарское предание про золотоволосую Алан Гоа, приходящую через дымник с первым солнечным лучом для того, чтобы подарить хазарам Небом Рожденного. И тут же указывали, что, как Алан Гоа, была Воислава, дочь руса, которую хотел ввести в свою юрту Наследник Тонг Тегин. Вот, мол, если бы родила Золотоволосая хазарам нового кагана, то вернулась бы Элю его сила...

Шаманы пробовали перехватить дельбеке и все-таки обуздать толпу. Пустили слух, что Хорс вовсе не навсегда, а только на лето увез с собою на небо в колеснице хазарскую тану (жемчужину) Воиславу. Что накатается золотоволосая красавица на рыжих небесных конях и вернется с рассветным столбом, исходящим из дымника, в самую достойную хазарскую юрту. Потому что пора, мол, даже и по срокам очнуться Элю, и коли Волчонок тану отдал Хорсу, то не для того ли, чтобы вернуть солнце кочевникам? Чтобы, вернувшись к хазарам, тана родила Хазарии от солнца Яда Медекун — настоящего сильного кагана, Умеющего Наводить Дождь?

Споткнувшись на сроках, когда пора очнуться Элю, священники всех вероисповеданий Города бросились смотреть на небо, заново исчисляя календарь. Но сколько хакамы, маги, муллы, волхвы в небо ни вглядывались, дурное расположение созвездий не менялось. И все остальные жрецы смолчали, когда волхвы объявили, что нынешнее лето Барса пало на Знак Мечей, и это значит, что русы придут за обоюдоострыми мечами, которые

когда-то давно отдали хазарам в виде дани. Епископ Памфалон срочно запросил Новый Рим, и оттуда, к его радости, также срочно сообщили, что текущий 965 год роковой для Гога и Магога, сиречь для кочевников. А что до собственных хазарских кочевничьих гадательных дощечек, то по ним неизменно выходило, что идет Барс ил — год Барса. Оттого, мол, и разгулялся в хазарскую степь, куда раньше не забредал, ужасный Барс Святослав.

Шаманы забили последних баранов и выставили на высоких шестах мясо для Неба — надеялись привлечь красных степных коршунов, которые отпугнут Барса. Но воронье, сколько в него ни стреляли жужжащими стрелами, к следующему утру склевало все жертвенное мясо, а ни одного красного коршуна так и не прилетело.

И тогда Памфалон понял, что теперь все в руках божиих, коли смело действовать...

Был самый глухой час ночи. Город спал, и даже стражники в городских воротах прекратили сторожевую перекличку. Дремали, сморенные промозглой предрассветной сыростью.

Но Памфалон встал со своего чернецкого ложа, оделся; опустившись на колени, несколько раз перекрестился, взял в левую руку кадило, надел на шею большой черный крест и двинулся через весь город в путь. Он скользил в ночи неслышно и смело: если его правая рука была на рукояти серебряного кинжала, то только на всякий случай. Серой длинной тенью проскользнул он мимо сонных стражников на наплавном мосту, которые, приняв его кто за пролетевшую сову, кто за бродячего Дэва, лишь попятились от бежавшей на них тени и помянули аллаха: они помнили, как поплатился за излишнее любопытство в ночную пору сын Арса Тархана.

Епископ Памфалон спешил к работорговцу Геру Фанхасу.

Сколько лет он ждал этого часа мести! Думал, что с него зачнет выжигание хазарской Кунгаулсун! Теперь свершается — Гер Фанхас, оскопивший мальчика, купленного за гроши у бедного ремесленника Вениамина и продавший его с барышом за сие поругание над его плотью в певчие в Новый Рим, сам призвал к себе на глухой час этого мальчика, когда-то Памфамира, Всего Лишенного, теперь пробившегося в епископы, близкого Памфалона Из Всех Родов,

по левому берегу. Гер Фанхас поставил себе расшитую парчой юрту, шилтесутай кер, с плетеной юбкой, как у беков, но, как ни звал его Иосиф, так и не переехал на дворцовую площадь на остров к Белому храму — предпочел держаться среди живших на левом берегу кочевников.

Левый берег был песчаным, и ступни Памфалона вскоре стали утопать в намокшем песке. Шаг его замедлился. Ему становилось все жарче. Сердце билось то часто, как колокольчик, то останавливалось совсем, пропуская удары.

Гер Фанхас призвал к себе на глухой час христианского епископа, потому что — как он сам охотно распространял слухи по Городу, — его замучило наваждение. Он звал уже, чтобы отвести это наваждение, левитов из Белого храма, звал шаманов, магов, мулл и волхвов. Они все кадили, прыгали в священных плясках, кропили водой, пугали наваждение, но якобы оно не унималось и продолжало перед каждым рассветом приходить к Геру Фанхасу. Теперь вот последним, исчерпав все средства борьбы с желтым светом, пробивавшимся к нему в юрту из дымника, Гер Фанхас позвал христианского епископа.

«Зачем? — мучительно думал Памфалон. — Чтобы действительно защититься от смущения дьявола? Или Гер Фанхас работает на легенду? Уж не хочет ли он теперь доказать, что не к Тонгу Тегину, принцу крови, а к нему, имеющему реальную власть в городе, теперь готова спуститься прямо с Неба, вернуться от Солнца Золотоволосая? Не хочет ли Фанхас выставить всех священников свидетелями, что к нему ночью ходит Золотоволосая, чтобы родить хазарам сильного кагана?» Сердце застучало у Памфалона и замерло: «Так что? Он идет освящать страшное ловкачество своего врага? Фанхас потом всем покажет новорожденного от самой Золотоволосой?!»

Ступни проваливались в песок. Памфалон отшвырнул кадило и черный крест, теперь уже было совершенно ясно, что они не помогут епископу укротить наваждение. Против хитрости и обмана могли помочь только еще большая хитрость и больший обман!..

Полог в шилтесутай кер был открыт, но Памфалону не удалось незаметно вскользнуть в юрту Гера Фанхаса.

только ощупав епископа (и отобрав у него кинжал), они молча пропустили его к своему господину.

Гер Фанхас сидел посреди юрты под дымником на корточках над кучей горячей золы и едва не засыпал глаза епископу, бросив в него изрядную пригоршню.

— Садись рядом, епископ, — сказал затем Гер Фанхас, — оно сейчас придет. Я уже жду.

Памфалон молча стал на колени рядом с Фанхасом: его взгляд косил на гулямов. Он чувствовал себя опять проведенным хитрым работорговцем. Он стал молиться.

— Охрани меня, господи! Твоя бо есть воля миловати и спасти, и тебе славу воссылаем со безначальным Твоим Отцем и со Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом!

Он молил у господа о собственной охране, не о Фанхасовой. У того были гулямы.

Молитва Памфалона была длинной и раздражающей. И в ней не было про нужное: Фанхасово искушение золотыми волосами. Зато было много такого, после чего — это уже усвоил Фанхас, — священники просили на божьи дела денег. Однако не просто денег, а денег на нечто страшное запросил у купца епископ.

Вдруг совершенно бестелесным голосом, какой только может быть у тени, епископ Памфалон сказал:

— Гер Фанхас, почему не даете царю Иосифу денег на хана Курю? Мой базилевс прислал большие дары печенегам за череп Святослава. Но Куря боится — Куря требует, чтобы хазары тоже заплатили. Куря пойдет на Киев, но осаждать город не будет. Он будет стеречь Святослава, но Куре, чтобы прокормить войско в долгой засаде, нужно очень много припасов. Куря говорит: припасы должны дать хазары...

Памфалон сказал это и уже в следующее мгновение по сразу протрезвевшему, круто изменившемуся облику Гера Фанхаса понял, что совершил что-то не то.

Гер Фанхас, дотоле истеричничавший, словно бы даже млевший в своем наваждении и в своих, вроде бы прежде недоступных ему и оттого столь пугающих и сладострастных угрызениях совести, даже не позвав на помощь гулямов, сам резко поднял с корточек всю свою мощную тушу:

— Денег на Курю? Хочешь, чтобы Иосиф подкупил Курю? Паршивый пес! Ты решил натравить Курю на Киев? А ты подумал, что будет потом с нами, купцами?! С теми, кто дал денег на убийство?

Гер Фанхас хлопнул в ладоши, и рядом с ним сразу выросли четыре гуляма-телохранителя.

— Слушай, епископ! Ты сам понимаешь, что Святослав будет здесь много раньше, чем придет весть из Киева о том, что там под стенами появился Куря со своими печенегами. Но уловка с Курей нужна тебе, византийская лиса, чтобы после разгрома Хазарии Барс не двинулся дальше на Царьград. Ты служишь не родине, а Константинополю. Но потом и Константинополь ты продашь, СЫН ВДОВЫ. А, что?! Задрожал? Думал, я не знаю. Глупец! Я всегда спрашиваю отчета у Иосифа, на что он тратит мои деньги, даже когда он приобретает для манихея кафедру хазарского епископа, он дает отчет своему сайарифе — банкиру...

Памфалон съежился, он хотел снова превратиться в тень, в маленького человека, каким прибыл в Город-на-Реке этой весной. Он понял, что переступил...

Гулямы схватили Памфалона под мышки и подняли на воздух — легко, без всяких усилий. Так, как поднимают ничто. Памфалон дрожал. Он понимал, что не Геру Фанхасу, готовому за лишний золотой продать сына, если бы он у него был, говорить о родине. Но удар Гер Фанхас нанес точный и неотразимый. За предательство Великого Хазарского Каганата полагается деревянный осел, и от распятия на осле при таком обвинении не могла спасти даже зеленая епископская мантия.

Гулямы подержали для острастки епископа на весу и поставили на ковер у выхода из юрты.

Серой тенью, будто уже не Памфалоном Из Всех Родов, а снова Памфамиром, Всего Лишенным, выскользнул епископ из шилтесутай кер, от Гера Фанхаса. Фанхас опять, как когда-то в детстве, снова его раздавил, опять размазал в грязь.

Фанхас отпустил его — настолько он его не боялся. Уже не боялся, потому что епископа уже не было. Был преступивший. Предатель, которого ждут пытка и казнь.

Епископ отошел от юрты в степь и в изнеможении опустился на колени. Быстро светало. Дохнуло ветром, и епископ с ненавистью хотел заткнуть пальцами себе ноздри, ожидая нестерпимого запаха полыни. Но ненавистного запаха все не было. Тогда епископ с растерянным беспокойством огляделся, стал щупать руками степ-

ли вокруг себя, и вдруг с жутковатой радостью понял, что заболела кормилица хазарского скота Кунгаулсун, Высокая Трава Желтая Полынь. Она не успела окрепнуть за ветреное засушливое лето, не набрала соков к зиме и теперь мертвела на глазах, увядая не на зиму, а навсегда. Чернели и будто обугливались ее многолетние толстые стебли, обещая хазарам зимой снова бескормицу и падеж скота; а ее однолетние тонкие стебли стояли с засохшими и так и не давшими плодов кроваво-красными цветами, словно Кунгаулсун сама не захотела продолжить свой род и решила умереть вместе с хазарами...

И засмеялся епископ над всеми ими вместе с Фанхасом.

И кончился маленький человек Памфамир, и снова вселился в епископа гордый Памфалон.

Как под звон колоколов, шагал зеленоризный епископ по больной Кунгаулсун; топтал ее, принесшую ему на чужбине в Византии столько мучений своим зовущим сюда, домой, пряным терпким запахом. И собственная зеленая тень, простершаяся над поверженной пахучей травой, в эти минуты сладострастного вытаптывания мучительницы вырастала в его собственных глазах до тени рока над всей Хазарией.

Епископские зеленые ризы остались теперь единственным воспоминанием о зелени среди ржавого тления, и Памфалону казалось, что на их пронзительный зов теперь-то откликнутся все, кто хочет выжить, что, как стадо быков на красную тряпку, так кинутся сейчас все к зеленоризному поводырю с единственной мольбой:

— Выведи нас, пастырь! К великому единому пророку Мани веди нас, детей вдовы — навсегда осиротевшей, брошенной солнцем природы.

Но вот я дождался своего — я теперь выжгу траву, чтобы вместо проклятых сладостных запахов рожденья, вместо недоступных мне слов «род», «родство», «Родина» — ведь они тоже происходят от рожденья! — здесь вокруг пахло только гарью. И на горелом поле, освобожденном от предрассудков памяти Отечества и Рода, я мечтаю посеять одного бога. По гари обильные поднимаются всходы! И с этими всходами одному богу, одному духу отдам я эту землю, присоединю ко Всея Манихейской Земле. Я ведь сам-то теперь больше не хазарин, а сын Всей Манихейской Земли. И я приходил устранить своего предшественника, потому что тот забыл об интере-

сах Всей Манихейской Земли. Не так он сеял. Не то сеял. Не мог сеять. Не хотел сеять. Убоялся гари?! Я совершил то, что мне было поручено, занял епископскую кафедру и теперь выведу с собой во Всю Манихейскую Землю всех вас...

Я просыпался каждую ночь там на райской чужбине, чтобы вспомнить, что, утопая босыми ногами в песке, мальчик бежал от отца своего, догадавшись, что тот хочет отвести на Сук Ар Ракик; отец позвал мальчика по имени, и мальчик остановился, и с тех пор мальчик не мог вспомнить свое имя, но каждую ночь снова и снова бежал там на чужбине по красному песку, чтобы насладиться звуками своего родного имени, пусть даже уже не разбирая его смысла.

За именем своим вернулся я, Памфамир, Всего Лишенный, сюда, в родные пределы. Но что увидел? Потеряно мое имя навсегда, как потеряны имена всеми вами, хазарами. Кто вы ныне есть и кто завтра будете? Не знаете сами, как не знаете, будет ли завтра существовать Великий Хазарский Каганат, потому что больна Кунгаулсун, Высокая Трава Желтая Полынь. Лучше сиротство, чем гибель. Что вы цепляетесь за Родину? Живут же иные народы в рассеянии...

Уйдемте же, пока не перезаразились всеми болезнями с чумного места! Я поведу вас... Будем побираться по миру.

Он бежал вдоль реки по песку и чувствовал, как бежать ему становится все легче и легче. Ступни его проваливались в песке, но внутрь его все свободнее и шире входила необъяснимая легкость, и начало плыть вокруг, как будто бы эта легкость хотела оторвать его от земли, а он цеплялся ногами за песок, старался зарыть глубже в песок свои ступни, чтобы его не подняло.

Его нашли в тот же вечер, уже порядком изъеденного шакалами, и равнодушно отдали доклевывать воронью. Нашедшие его стражники-арсии даже не польстились на зеленые ризы — базар был закрыт.

ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Работорговец Гер Фанхас

Из-за черной занавеси неслось:

— Всезнающий дух божественного слова! Сочини раз-

ли вокруг себя, и вдруг с жутковатой радостью понял, что заболела кормилица хазарского скота Кунгаулсун, Высокая Трава Желтая Полынь. Она не успела окрепнуть за ветреное засушливое лето, не набрала соков к зиме и теперь мертвела на глазах, увядая не на зиму, а навсегда. Чернели и будто обугливались ее многолетние толстые стебли, обещая хазарам зимой снова бескормицу и падеж скота; а ее однолетние тонкие стебли стояли с засохшими и так и не давшими плодов кроваво-красными цветами, словно Кунгаулсун сама не захотела продолжить свой род и решила умереть вместе с хазарами...

И засмеялся епископ над всеми ими вместе с Фанхасом.

И кончился маленький человек Памфамир, и снова вселился в епископа гордый Памфалон.

Как под звон колоколов, шагал зеленоризный епископ по больной Кунгаулсун; топтал ее, принесшую ему на чужбине в Византии столько мучений своим зовущим сюда, домой, пряным терпким запахом. И собственная зеленая тень, простершаяся над поверженной пахучей травой, в эти минуты сладострастного вытаптывания мучительницы вырастала в его собственных глазах до тени рока над всей Хазарией.

Епископские зеленые ризы остались теперь единственным воспоминанием о зелени среди ржавого тления, и Памфалону казалось, что на их пронзительный зов теперь-то откликнутся все, кто хочет выжить, что, как стадо быков на красную тряпку, так кинутся сейчас все к зеленоризному поводырю с единственной мольбой:

— Выведи нас, пастырь! К великому единому пророку Мани веди нас, детей вдовы — навсегда осиротевшей, брошенной солнцем природы.

Но вот я дождался своего — я теперь выжгу траву, чтобы вместо проклятых сладостных запахов рожденья, вместо недоступных мне слов «род», «родство», «Родина» — ведь они тоже происходят от рожденья! — здесь вокруг пахло только гарью. И на горелом поле, освобожденном от предрассудков памяти Отечества и Рода, я мечтаю посеять одного бога. По гари обильные поднимаются всходы! И с этими всходами одному богу, одному духу отдам я эту землю, присоединю ко Всея Манихейской Земле. Я ведь сам-то теперь больше не хазарин, а сын Всей Манихейской Земли. И я приходил устранить своего предшественника, потому что тот забыл об интересах Всей Манихейской Земли. Не так он сеял. Не то сеял. Не мог сеять. Не хотел сеять. Убоялся гари?! Я совершил то, что мне было поручено, занял епископскую кафедру и теперь выведу с собой во Всю Манихейскую Землю всех вас...

Я просыпался каждую ночь там на райской чужбине, чтобы вспомнить, что, утопая босыми ногами в песке, мальчик бежал от отца своего, догадавшись, что тот хочет отвести на Сук Ар Ракик; отец позвал мальчика по имени, и мальчик остановился, и с тех пор мальчик не мог вспомнить свое имя, но каждую ночь снова и снова бежал там на чужбине по красному песку, чтобы насладиться звуками своего родного имени, пусть даже уже не разбирая его смысла.

За именем своим вернулся я, Памфамир, Всего Лишенный, сюда, в родные пределы. Но что увидел? Потеряно мое имя навсегда, как потеряны имена всеми вами, хазарами. Кто вы ныне есть и кто завтра будете? Не знаете сами, как не знаете, будет ли завтра существовать Великий Хазарский Каганат, потому что больна Кунгаулсун, Высокая Трава Желтая Полынь. Лучше сиротство, чем гибель. Что вы цепляетесь за Родину? Живут же иные народы в рассеянии...

Уйдемте же, пока не перезаразились всеми болезнями с чумного места! Я поведу вас... Будем побираться по миру.

Он бежал вдоль реки по песку и чувствовал, как бежать ему становится все легче и легче. Ступни его проваливались в песке, но внутрь его все свободнее и шире входила необъяснимая легкость, и начало плыть вокруг, как будто бы эта легкость хотела оторвать его от земли, а он цеплялся ногами за песок, старался зарыть глубже в песок свои ступни, чтобы его не подняло.

Его нашли в тот же вечер, уже порядком изъеденного шакалами, и равнодушно отдали доклевывать воронью. Нашедшие его стражники-арсии даже не польстились на зеленые ризы — базар был закрыт.

ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Работорговец Гер Фанхас

Из-за черной занавеси неслось:

— Всезнающий дух божественного слова! Сочини раз-

умно печальные песни, чтоб мы плачевным голосом оплакали тягостную потерю нашу. Сокрушение великое надвинулось на наш Итиль, Город-на-Реке, и на всю Хазарию. Зачем возгордились мы и сделали Управителя Царем. Второго сделали Первым. Теперь постигает нас несчастье! Князь Севера ополчился на нас, не стерпел нашей славы... О, люди, неужели отлучился от города хранитель, и высшая помощь нас отвергнет?! Князь Севера погубит нашего льва?!

Гер Фанхас лежал на полу посредине Белого храма и делал вид, что думает о боге. На самом же деле он возмущался молитвой, которую пели желторизные. Желторизные голосили ее из-за черной занавеси, за которой, как все в городе полагали, хранились согласно обычаю ковчег, шатер и священные сосуды. Дабы простолюдины не испачкали ценности своими взглядами, допускались лицезреть ценности только желторизные. Поэтому и те молитвы, которые требовали, чтобы для большего благочестия при их исполнении, жрецы благостно созерцали ценность, желторизные пели народу из-за занавеси.

Гер Фанхас, не получив с налету справы о пользе работорговли, повел осаду: за последние месяцы так скрутил блудницу-академию, что она присвоила ему титул Светлого Тама — Человека Без Внутренней Ущербности, полновластно доброкачественного, в котором взаимодействуют все помыслы, слова и дела. Однако все-таки оставался он с народом — за черную занавеску к ценности не рвался: раз положено только жрецам созерцать ее, на молитву вдохновляясь, то пусть так и будет. Фанхаса всегда вполне устраивало все, что не мешало ему зарабатывать деньги.

Продолжение на стр. 161

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

С ПРАЗДНИКОМ, ДОРОГИЕ ЖЕНЩИНЫ!

КРИМИНАЛИСТ — профессия достаточно редкая. Но еще реже встретишь женщину-криминалиста. Как ни странно, до недавнего времени женщин к криминалистической работе старались не привлекать. И, как оказалось, напрасно.

В лабораторию криминалистики ВНИИ МВД СССР они пришли разными путями и владея разными специальностями. Среди них врачи, биологи, физики, химики. Всех их объединяет любовь к своему делу, честность, очень строгое отношение к себе, высокое чувство ответственности за порученное дело: ошибки при проведении экспертизы исключены.

...ЧТОБЫ В МИРЕ ЦАРИЛО ДОБРО

Настоящая женщина всегда будет сочувствовать горю человека, его беде. Тем более — женщина-криминалист. Каждая экспертиза, которую она проводит, так или иначе сопряжена с человеческим горем. От одного сознания, что необходимо подписывать акт, нередко перечеркивающий жизнь человека, становится не по себе. Но эксперт всегда беспристрастен.

Правильно охарактеризовала работу в лаборатории эксперт Галина Астапович. Хоть и считается она молодым сотрудником, но имеет за плечами два факультета МГУ — биолого-почвенный и юридический. Кстати, по два высших образования (одно из которых непременно юридическое) имеют многие работники лаборатории.

— Волнение при проведении первой экспертизы,— говорит Галина,— граничит с предстрессовым состоянием. Взять хотя бы оформление документации, где просто требуется подписка, что мы знакомы с той или иной статьей и несем ответственность за ложные заключения. Надо проверить свои выводы несколько раз, а количество материала, с которым приходится работать, как правило, невелико — от нескольких миллиграммов до нескольких граммов. Простой пример. Преступление было совершено на берегу реки. Мы взяли частички водорослей и образцы почвы с одежды и обуви убитого, а затем с обуви подозреваемых в убийстве. И хотя прошло довольно много времени с момента преступления, мы обнаружили микрочастицы водорослей на обуви подозреваемых. Остальное, как говорится, было делом техники... Работая в лаборатории, мы всегда должны быть готовы реализовать какие-то скрытые резервы и возможности человека, ибо жизнь такая штука, что каждый раз подбрасывает нам что-то новое, вроде бы и необъяснимое. Поэтому многое в нашей работе зависит от общего развития, эрудиции, а не только от чисто профессиональных навыков. Взять хотя бы такие чисто технические моменты, как отбор образцов или их упаковка. Здесь любая неточность может нежелательно сказаться на результатах исследования.

Л. А. Круглий (справа) и Г. Астапович.

А что говорят о своей работе сотрудницы других отделов?

Все они по-разному пришли в криминалистику. Любовь Ивановна Кошелева с детства мечтала стать фармацевтом, чтобы создавать лекарства против тяжелых недугов. В школе она училась легко, ей одинаково интересно было изучать историю, литературу, математику, физику, биологию, но предпочтение отдавала химии. Мало было лабораторных занятий по химии в школе, дома она продолжала свои опыты на кухне или на лестнице. Получив аттестат с отличием, Кошелева поступила на фармацевтический факультет одного из медицинских институтов. Его она тоже закончила с отличием. Перед ней открывался путь в большую науку. Любовь Ивановна поступила в аспирантуру и начала успешно работать над диссертацией. Но случилось так, что в один прекрасный день она стала сотрудницей лаборатории криминалистики ВНИИ МВД СССР. И здесь в полной мере раскрылись талант и эрудиция Кошелевой. В лаборатории, где проводятся самые сложные экспертизы, это особенно необходимо: сюда приходят следователи с, казалось бы, «глухими» делами...

Однажды у обочины дороги нашли труп мужчины. При первом осмотре были все признаки того, что погибший стал жертвой наезда. Но когда к Кошелевой попали образцы почвы с дороги, образцы почвы и краски с обуви погибшего, стало ясно, что несчастный случай произошел не у дороги. Экспертиза одежды пострадавшего показала, что на ней содержится строительная пыль. Значит, убитый мог работать на стройке, а она действительно находилась неподалеку. В результате расследования выяснилось, что на стройке произошла стычка между рабочим и прорабом, в результате которой рабочий погиб. Чтобы замести следы, решено было инсценировать дорожно-транспортное происшествие...

— В другой раз,— рассказывает Любовь Ивановна,— милиция обнаружила труп мужчины в недостроенном доме. Были различные версии, но они все отпали, когда экспертиза обнаружила на одежде погибшего следы масла. Поиски приняли целенаправленный характер. В итоге ока-

На его разоблачение направлены усилия не только химиков, но и ботаников, биологов, математиков, филологов. Коллега Кошелевой Тамара Федоровна Одиночкова — физик. Окончила педвуз, собирапась стать учителем. Но вот уже 26 лет работает в криминапистике. Научный склад ума, редкая трудоспособность отличает эту женщину. Объекты ее исследований — металлы и сплавы. Анализы проводятся на молекулярном и атомарном уровнях с использованием лазерной, рентгеновской и спектромассометрической аппаратуры. Тамара Федоровна имеет дело с микрообъектами. Это качественно новый уровень исследований малого количества вещества. С помощью разработанных ею методик специалисты могут определить, к примеру, с какого прииска золото, отличить фальшивые монеты от настоящих, найти источник происхождения нестандартных составов в стоматологической практике. Каждое исследование, проводимое Тамарой Федоровной, может стать сюжетом для детективного рассказа — интересного даже для тех, кто по роду своей деятельности занимается раскрытием преступлений. А когда ей доводится читать лекции — время для слушателей летит незаметно...

Т. В. Стегнова.

Не просто складывался путь в криминалистику Тамары Васильевны Стегновой, ныне заместителя начальника отдела медико-криминалистических исследований. Помог случай. Молодому специалисту медику пришлось начинать свой трудовой путь далеко от Москвы в качестве врача-лаборанта в области судебной медицины. С первых шагов она действовала самостоятельно. Ручка, линейка, скальпель, куча справочной литературы и... делай что хочешь. Другой растерялся бы на ее месте. Но молодой специалист оказался не из робкого десятка...

Она вернулась в Москву с отличными характеристиками и продолжила работу в системе Минздрава. Однажды ее направили на стажировку в лабораторию криминалистики. Она увидела здесь людей, занимающихся тяжелой и ответственной работой... и попросила взять ее в лабораторию. Получила отказ! В ту пору женщин в криминалистике не очень жаловали, к тому же врачи не требовались. «Помогите-ка найти нам биолога... только мужчину!» — сказали ей. Она честно пыталась выполнить поручение и, когда ей это не удалось, вновь решила предложить свои услуги.

— А что, голова и руки у нее есть,— решило начальство,— пусть попробует.

С тех пор Тамара Васильевна и «осела» в лаборатории. Сейчас она занимается одним из самых интересных направлений — геномной дактилоскопией. Что это такое! Вот пример.

Восемь лет назад в Хабаровске был похищен трехлетний малыш. Все эти годы родители не оставляли надежды найти ребенка. К поискам подключилась милиция. Ей передали фотографию трехлетнего малыша. В одном из детдомов обнаружили одиннадцатилетнего мальчишку, вроде бы похожего на похищенного. Как быть! Известно, что череп ребенка развивается очень быстро, меняется лицо. Поэтому ориентироваться на фотоснимок трехлетнего мальчика не приходится, это не даст стопроцентной гарантии. И тогда следователи обратились в лабораторию криминалистики. Была взята кровь у родителей и у одиннадцатилетнего мальчика. И тут свое слово скажет ген — он неизменяем. Остается только ждать результата тщательной экспертизы.

— Любая экспертиза,— считает Тамара Васильевна,— требует творческого подхода, поскольку каждая из них неповторима. Вот почему наша работа никогда не потеряет интереса.

Высокий профессионализм отличает Людмилу Авксентьевну Круглий. Она занимается в лаборатории качеством пищевой продукции и фальсифицированными изделиями пищевиков. К сожалению, такие случаи нередки. Покупатель, приобретая порой трехлитровую банку клюквенного сока, и не подозревает, что клюквы там почти нет — вместо клюквы в банке вода, лимонная кислота, пищевой краситель да ничтожный процент клюквенной выжимки из отходов производства — чтоб хоть чуть-чуть пахло ягодой...

Однажды произошел такой случай. Директор одного из заводов регулярно перевыполнял план по выпуску соков из ежевики и барбариса. И получал за это премии. Любознательный следователь подсчитал, что для выпуска такого громадного количества продукции просто не хватит

Окончание на стр. 156.

РЕПОРТАЖ ИЗ АРМЕНИИ

КАКОГО ЦВЕТА ГОРЕ?

...НА ТРОТУАРЕ возле большой армейской палатки, где временно разместилась почта, белели бланки телеграмм. Парень в мешковатом пальто с перебинтованной головой — свежая белая повязка видна была издалека — остановился, поднял листок и стал быстро писать на нем. По обе стороны Памбакской долины хребты были наспех прикрыты снежными саванами. Такую «белую» картину мы увидели в

Спитаке (название это, кстати, с армянского переводится как «белый») в середине декабря.

Черные глаза, черная щетина, уже почти борода, на лицах мужчин, черные платки и шарфы, траурные ленты, обитые черным крепом гробы, длинные бессонные ночи — черным было горе. Но было оно и белым — очень много, непривычно много белого вокруг. И еще много других красок. Красные кресты, бордовые надписи на указателях «Питьевая вода», обломки розово-сиреневого туфа, желтые каски, зеленые ватники, синие комбинезоны. Все краски сразу, все — в одном городе... Был город, была улица.

Беда выявила сущность всего, чем жили. Боже, как же многоцветно то, «чем жили»! Некуда и никак невозможно спрятаться от этого многоцветья. Никак невозможно отгородиться от беды.

Мы бродили по улицам Спитака, свободным от камней, обломков зданий, гробов, и постепенно накапливалась усталость. Горе вокруг делало ее безысходной. Что дальше? Как? Одно горе — один цвет. Вдруг посмотрели — выше лежащих на земле крыш, выше остатков стен, выше гор покоилось золотисто-голубое небо. Мирное надежное небо, и в его цвете — одном на всех — стала растворяться безысходность.

Вечером — уже было темно — на попутной машине возвращались в Кировакан. Впереди сидели двое мужчин. Вопрос — короткий резкий ответ. Еще вопрос — та же реакция. На полпути тот, что находился справа, обернулся:

— Весь город-гроб лежит — больше ничего. Там два моих мальчика остались. Завернул в простыню, потом в ковер — так и похоронил. Мать рядом положил. Теперь они за мной ночью ходят и ходят. Понимаешь, ходят и ходят...

Когда мы прощались, водитель зажег в салоне свет. И оказалось, у черного армянина голубые глаза...

ИЗ РАССКАЗА АВЕТИКА ЭКИМЯНА:

...В тот день я находился в Ереване. Ездил туда по делам фабрики. Пошли с друзьями в столовую. Сидим, кофе пьем... Вдруг чувствуем — толчок, стаканы зазвенели. Кто-то бросился на улицу, а мы — спитакцы — сидим смеемся: «Эгей! Мужчины, что испугались?!» Пьем кофе, курим, смеемся. Нам такие толчки не в новинку — каждый год нас покачивает.

В 14 часов я забрал груз и на машине отправился назад. В Ереване никто еще ничего не знал. В 15 часов я увидел на дороге людей. Они «голосовали». Я остановился, спросил, куда их подвезти. Оказалось, в Спитак. Лица у них мрачные, испуганные. «Что такие сердитые?» — спрашиваю их. «Беда! — говорят. — Нет Спитака!» Я возмутился: «Что вы глупости болтаете! Стыдно... Объясните, наконец, что случилось?» ...В то, что они рассказали, я не поверил. Но когда моя машина выскочила на гору и я увидел, что стало с моим городом, у меня на голове волосы зашевелились.

...На фабрику я не поехал. Сразу к дому кинулся, на улицу Вопяна. Нет улицы, нет зданий... Пыль столбом... Бегут люди, орут, плачут. Моего дома тоже не было, а вместо него груда кирпичей. Жена под деревом сидит, держит на руках маленького Артурчика и раскачивается. Как меня увидала — в крик: «Беги в школу за детьми!»

Школы не было, детей не было, домов кругом не было. Четверо суток я искал детей. Наконец нашел. Принес и положил их рядышком в огороде. Ашот — третьеклассник. Карэн — второклассник... Потом маму принес... Только по платью смог определить, что это она. Потом

сестру с сыном принес. Так рядком они у меня в огороде и лежали. Вместе их и похоронил.

...Страшно мне жить в Спитаке. Теперь они за мной ночью ходят и ходят. Понимаешь, ходят и ходят... Зовут: «Папочка!» Оглядываюсь, ищу их, а потом вспоминаю, что их уже восемь дней нет и никогда уже не будет.

...Так вот с тех самых пор не спал я, не ел. Куда ни глянь — кругом горе. А гробы, гробы! Куда от них спрятаться! Не могу больше их видеть, не могу... Хоть бы убрали куда-нибудь, но где скроешь — вон тысячи их среди развалин...

Уеду из Армении навсегда. Не смогу больше здесь жить, не смогу. Может быть, кто и осудит меня, но уеду...

В калейдоскопе тех дней ночные костры, отблески пламени на лицах тех, кто уже не надеется, но продолжает ждать; придавленные камешками стопки телеграмм «до востребования» у родников, куда приходят жители за водой; дороги, забитые машинами с табличками «Эвакуация» на ветровых стеклах; смятые и пыльные книги на обочинах; одинокий ишак среди развалин; танки, краны, люди с узлами, автобусы, поезда, к окнам которых прилипли детские лица. И над всем этим — боль утраты, боль потери, которую никогда, ничем и никем не восполнить.

...В вестибюле кироваканского кафе «Целебный чай» сидел мужчина, прижавшись щекой к пушистому шарфу, аккуратно сложенному на стойке.

— Зуб мучает? — спросил кто-то.

— Нет, сердце, — ответил он.

Запомнилась поездка в селение Налбанд, расположенное в нескольких километрах от Спитака. Предполагали, что именно там был эпицентр землетрясения. Один старик нам так прямо и сказал: «Вон в том огороде сначала громыхнуло». Двое парней в одинаковых черных пальто, над воротниками которых топорщились черные, домашней вязки шарфы, провели нас к своему дому. Им оказался сложенный из тючков соломы шалаш под яблоней. А от дома, в котором выросли братья, осталась лишь стена. Отец погиб, мать в больнице. В проеме окна сидела черно-белая кошка.

— Назик! — позвал один из братьев.

Кошка спрыгнула на землю и прижалась к его ноге. Она дрожала и все пыталась свернуться в маленький комочек. Парень нагнулся, погладил ее.

— Совсем одна. Овцы, куры — все там, под камнями. Корова так и не родила теленка. А отец так ждал, так ждал — он ведь у нас ветеринар. Вон его сумка брезентовая валяется.

Было тихо. Земля молчала. Камни молчали. И в этой тишине странным казались наши голоса. Вдруг на соседней улице что-то взревело, потом раздался оглушительный треск.

— На швейной фабрике завалы разбирают. Идемте туда. Может, помощь нужна.

На месте, где стояла фабрика, — холм из серых плит. Среди развалин пестрели лоскуты материи. Над бетонными обломками зависла стрела крана. С противоположной стороны стоял танк. От него к рухнувшему зданию тянулся толстый трос. Рядом с нами на плите полукругом сидели молодые армяне. Что-то перебирали, рассматривали. Вдруг один из них подскочил:

— Жора, смотри, твое фото! Нет, точно ты — вылитый.

Мы подошли к парням. На плите были разложены маленькие фотографии. Десятки сосредоточенных неулыбчивых лиц. В основном женских.

— Жора у нас кочегаром работает, — объяснил младший брат. — Чудом выбрался из завала. А вот и фото его нашли. Здесь отдел кадров был.

Парни передавали друг другу фотографии. Звучали имена: Лаура, Эльмира, Мелания, Сусанна. Красивые женские имена. Красивые лица дочерей, сестер, матерей. Я увидел, как младший брат — он работал на фабрике — поднял одну фотографию, долго держал ее на ладони, потом незаметно спрятал в карман.

— Он еще неженатый, — сказал старший брат и, втянув голову в плечи, отвернулся.

Над завалом мелькали каски. Спасатели натянули трос к очередной плите.

У развалин дома.

...Под лужами и маслянистой грязью, кое-где притрушенной соломой, не видно было трещин. Мы брели по шоссе, молча раскладывая в памяти увиденное. Сколько еще предстояло увидеть и услышать! Куда, где разместить? Хватит ли пленки, страниц блокнота?

Посредине дороги прямо по лужам навстречу нам, держа руки за спиной, шагал высокий старик...

— Что это? — кивнул он на наши сумки.

Что? Так сразу не ответишь. Но старику и не нужен был наш ответ.

— Помогите лучше палатку поставить,— сказал он сурово.

И мы пошли ставить палатку. Старик привел нас во двор. На кровати рядом с остатками каменного дома лежал брезентовый тюк, возле которого возился полноватый мужчина в пиджаке.

— Мой сын,— бросил старик и куда-то исчез.

Вскоре он вернулся с ребятами из спасательного отряда. Мы принялись за работу. Через час во дворе еще одного налбанца стоял зеленый шатер. Оставалось врыть печку, вывести трубу и занести кровать.

— Никуда не уеду,— сказал старик, перебирая янтарные четки, которые не выпускал из рук.

ГОРЬКИЕ СЛОВА ДЕДА СЕРГЕЯ ЕРАНОСЯНА НА РАЗВАЛИНАХ СВОЕГО ДОМА В СЕЛЕ НАЛБАНД:

— Никуда не уйду с моей земли. Никуда не сбегу. Здесь моя родина, здесь могила моей матери. Вот этими руками я вскопал эту землю, посадил сад. Этими руками растил детей, ласкал их, а случалось, давал подзатыльники Этими руками я построил дом. Тридцать лет его строил. По копейке экономил, но построил ведь! Где все теперь?! Кому нужна эта куча камней? Никому не сгодится... Может, только могилу мне присыпать... Или собак голодных отогнать.

Новый дом? Ха-ха! Смеешься, сынок, надо мной? Где мне, старику, взять и деньги, и силы. Кто мне поможет? Из всей семьи — а большая она была — тридцать семь родных потерял... Если государство построит — будет дом. Не построит — так околею, как собака. Но помру здесь, на этой земле Никуда не сбегу!

Видишь, воздух прозрачный, горы побелели и ветер ледяной задувает? Скоро, ой скоро зима опустится на эту землю, а я все в шалаше живу. Померзну ведь и помру. Но не меня жалеть надо — я свое отжил. Молодых жалко. Лютые у нас зимы. Не спасут от морозов палатки. А что делать, никто не знает...

Сын мой Степан приедет, будет меня в Ереван звать. Не поеду я. Сам-то он у кого-то из знакомых приютился с сыном и женой. И то славно. А меня, старика, куда еще тащить к незнакомым людям? И характер мой дурной, и поздно его переделывать. Никуда не поеду с этой земли. Она мне радость давала, она и горе принесла. Так пусть она успокоит меня навеки...

И в Спитаке, и в Налбанде, и в Ленинакане — у каждого, откуда бы и с какой целью ни приехал сюда, одно дело в эти декабрьские дни. Спасти. Помочь спасти. «Цавакцумем»,— армянское соболезнование срывалось с уст людей, впервые приехавших в Армению. Соболезновали не только словами, прежде всего — делом. Одним на всех. Еще в завалах люди. Еще могли быть живые! Нам приходилось слышать о самых невероятных случаях спасения. Один спасатель высказал даже такое предположение: «Видите, завал дымится. Думаете, пожар. А если нет? Если в подвале сидят люди и жгут костер? Ждут, когда мы их откопаем?»

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С МАКСИМОМ ОНИПЧЕНКО (СВОДНЫЙ ОТРЯД АЛЬПИНИСТОВ-СПАСАТЕЛЕЙ МЭИ — МГУ):

КОРРЕСПОНДЕНТ: Кто входит в ваш отряд?

ОНИПЧЕНКО: В отряд вошли профессиональные спасатели-альпинисты. Сам я кандидат в мастера спорта по альпинизму. Есть и мастера. Большинство из нас имеют вот эти жетоны, которые свидетельствуют, что мы члены Всесоюзного спасательного отряда. Нам приходилось не раз спасать из-под лавин и камнепадов живых, извлекать мертвых. И когда мы узнали, что случилось в Армении, то решили, что наш опыт и руки смогут пригодиться. Сорок два человека собрались за семь часов, готовые к отправке в Ереван.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Что главное в работе спасателя?

ОНИПЧЕНКО: На мой взгляд, главное в работе спасателя — организация работ и снаряжение спасателей. Конечно же, немаловажны опыт, физическая подготовка, способность рисковать и быстро ориентироваться в любых ситуациях. Но все-таки организация и снаряжение — главные факторы.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Я, конечно, не специалист, но мне структура работ кажется не такой уж и сложной. Знаешь, что здесь находится человек и его надо спасти. Следующий этап — начинаешь работу, прикладываешь все свои силы, чтобы как можно скорее достать человека из-под лавины, завала. Традиционно также представление о снаряжении горноспасателя: ледоруб, веревка, ну, наконец, собака, натренированная на розыск.

ОНИПЧЕНКО: Представление ваше, мягко говоря, не совсем верное о том, как должны быть экипированы спасатели и как должна быть организована работа.

С отсутствием организации мы столкнулись в Москве. Как я уже говорил, мы собрались за семь часов и могли бы на следующий день приступить к работе, но МГК ВЛКСМ, взявший на себя функции главного организатора, задержал нас в Москве на четверо суток. Сначала нам говорили, что нет транспорта, затем объясняли, что наша помощь не требуется. Наконец, устав от наших требований незамедлительно отправить в Армению, сказали, что необходим запрос из Совета Министров Армении. Мы связались с Ереваном. На другом конце провода мы услышали: «Ребята, о каком запросе вы говорите?! Люди нам нужны, как воздух, а вы бюрократию разводите!» В итоге мы выехали в Армению за свои «кровные». Дело, еще раз повторяю, не в деньгах, а в организации.

Здесь, в Спитаке, тоже немало сложностей. Нет единого руководства, один штаб говорит «делай», другой отменяет приказания первого, третий — еще что-нибудь. А штабов здесь куча! Нет единоначалия. Поначалу было так. Идем на объект, а не знаем, где он. Случалось, что по нескольку часов работали там, где до нас разбирала другая группа. Нигде не было отметок «Проверено», никаких других обозначений. Мы устали от бестолковщины и создали в Спитаке Международный спасательный центр, который координирует работу всех групп. Помогли нам и американцы, оставив свои карты, где отмечены отработанные участки.

Что касается снаряжения и оборудования, то в отношении советских спасателей вы правы. Основу составляют веревки, ледорубы. Смотрим мы на японцев, американцев, итальянцев, французов, немцев и поляков, а от зависти на сердце кошки скребут. Электрические пилы с автономным питанием и алмазными насадками, тепловизоры, способные на глубине определять живого человека, великолепные со-

баки, а также многое другое, назначения которого мы не знаем, но догадываемся, что эти непонятные предметы не только облегчают работу спасателей, но и значительно увеличивают шансы людей, оставшихся под развалинами, на жизнь. А об экипировке мы вообще молчим — удобные легкие комбинезоны и куртки, прочная легкая обувь, топоры и фляги...

Мне кажется, что трагедия Армении показала необходимость создать Единый спасательный отряд в нашей стране, который бы объединил 7000 профессиональных спасателей. Также необходимо проанализировать ошибки и недочеты в организации спасательных работ в Спитаке, Ленинакане и других городах, пострадавших от землетрясения.

...Никогда мне не забыть ночную картину при выезде из Спитака. Я уже почти дошел до дорожного указателя, на котором название города было перечеркнуто красной полосой (теперь это уже не было символом), когда справа увидел освещенный мощными прожекторами элеватор. Средняя часть его была полностью разрушена. Две боковые башни покосились и, казалось, вот-вот рухнут. Длинная стрела сорокатонного крана (жаль, только одного — не хватает мощной техники) мотается туда-сюда. Ревут танки, окутанные клубами едкого дыма, скребут гусеницами мерзлую землю. Громыхают по разбитым дорогам самосвалы. Вдруг все затихает. На завал поднимаются спасатели. Одна группа, другая, третья. И вот уже десятки разноцветных касок мелькают среди развалин. Лопатами, кирками разгребают проходы, вниз летят камни, мусор. Ждут танкисты. Ждут крановщики, шоферы. Замерли у костров родственники.

Я сошел с шоссе на темную обочину и тотчас поскользнулся. Удержал равновесие, сделал несколько шагов и почувствовал хруст под толстыми подошвами ботинок. Что это? Зажег спичку — зерно! Земля была устлана желтым зерном. Я подумал, что придет весна и оно прорастет тут. Рядом с «перечеркнутым» городом подымутся колосья. Да, и об этом думалось. О жизни, которая продолжится на этой земле. И вот вспоминаются такие надписи. Углем на киоске рядом с разрушенным до основания зданием: «Воруж, мы не здесь. Сос, Тигран». На прикрепленной к ограде фанерке: «Мы живые! Находимся у дедушки Петросяна». Над шапкой первого после землетрясения (на десятый день) номера спитакской городской газеты «Лусарцак»: «Жили, будем жить».

ОТРЫВОЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ, ПОЧЕРПНУТЫЕ ИЗ БЕСЕД С ЖИТЕЛЯМИ ПОСТРАДАВШИХ ГОРОДОВ:

— Говорят, что зима долго не начинается потому, что еще раз нас тряхнет. Господи, за что же такая беда на народ наш обрушилась!

— Я на площади был, когда началось землетрясение. Сначала гул из-под земли пошел, будто эскадрилья летит. Потом враз потемнело, пыль поднялась и земля под ногами в сторону поплыла. Я упал, рядом женщина кричит. А земля куда-то в сторону плывет, как будто жидкая стала. Полежал я чуть и решил встать. И как на колени поднялся — второй раз ударило. Это было гораздо страшнее. Площадь передо мной волнами пошла. Большими волнами... И стали падать дома. Грохот был страшный. Но даже он не смог заглушить крики. Как будто кто-то их мучил... Сильно кричали и жутко. А я не мог от земли оторваться и думал только об одном: чтобы мама не волновалась, не ругалась, что я из школы задержался...

— Много, много молодежи погибло! Старики плачут, судьбу клянут. Часто теперь вспоминаю слова матери: «Нет, дочка, страшнее горя, чем родителям хоронить детей...» Кто-то мне сказал, что армян теперь пять лет в армию призывать не будут. А может, это только слухи?

Разбитая картотека отдела кадров.

Спасатели.

— Что же это такое?! Я приехал сюда людей спасать. Из Риги добирался, а мне говорят, что надо ценное оборудование на сахарном заводе спасать... Неужели, елки-палки, оборудование не подождет недельку? Я профессиональный спасатель людей, а не железок...

— Знаешь, брат, до сих пор мурашки по коже бегут. Второй толчок землю на метр поднял, и фабрика наша рухнула. Многих сразу убило, но многие живы остались. Еще два дня мы слышали из-под развалин крики. Просили, умоляли нас, а что я мог, что другие могли сделать, когда ни крана, ни бульдозера, ни даже домкрата не было. Бедные люди, как же им больно было...

— Я того гада чуть не убил. Понимаешь, идем мы утром на улицу Шаумяна, а тут из-за угла мужик вылетает, кричит: «Дети мои, дети мои там! Помогите!» Мы за ним... Он пальцем в завал тычет — мол, здесь они. Три часа разбирали эту кучу. Вдруг мужик засуетился, под плиту полез. Мы ему кричим: «Куда ты полез? Задавит!» А Вадик Гаглоев говорит: «Понимать надо, ребята. Небось за своими детьми так же бы бросились...» А тут глазам своим не поверил: вижу, мужик тот вылезает с чемоданом из завала, зыркнул на нас воровато — и в сторону. Оказалось, что не детей, а чемодан мы ему три часа откапывали...

— Меня зовут Самвел Эминян. Вот здесь я жил... Все мои здесь лежали... Сейчас маму и сынка доставать будут... А всех остальных я уже похоронил... Вот маму и сына похороню и сам умру. Больше нет у меня дел на этой земле.

— Я как строитель могу вам точно сказать, что здесь не только цемент и песок некондиционные использованы, но и арматура не сварена. Посмотрите, этот цемент я пальцами в пыль растираю... Тот, кто строил такие дома, должен ответить за все по закону. И за жизни, и за покалеченные судьбы, и за дома-гробы, за все!

— Мы сегодня подсчитали приблизительно убытки, но не деньги определяют сегодняшнюю трагедию, а потерянные жизни. Кто знает, кем бы стали сотни тех школьников, что остались под руинами. Может быть, Моцартами, Коперниками, может быть, такими же великими поэтами, как Паруйк Севак, или художниками, как Сарьян. Многие из них могли бы прославить нашу Армению и страну. Ну а сколько будущих отцов и матерей мы потеряли, которые могли бы дать Армении ее завтрашнюю славу...

В поезде парень из Ленинакана потрогал щетину ладонью и сказал:

— Сорок дней у нас траур. Нет, этот траур в душе до конца моих дней. Дочка меня в Тбилиси ждет. Приеду — бросится на шею, целовать начнет. Разве ей сделаешь больно, скажи? Нет, сойду с поезда и сразу в парикмахерскую...

Старушка, «трофированная Ленинаканом» (так она выразилась), показала мне справку, которую ей выдали временно вместо паспорта. В справке указано, что родилась она в 1918 году.

— Бабушка, — спросил я, — вы же говорили, что родились в 1910 году?

— Ой, ошиблись... Так это ж хорошо, в самый раз! Теперь я на восемь лет моложе. На работу обязательно примут. Как приеду к подруге, так сразу и устроюсь.

Горе уходило, освобождая сердца для новой жизни. Белой была земля за окном. Голубело небо. Потом оно стало синим, наконец, сиреневым и красным залило горизонт. Много красок у земли.

Наши специальные корреспонденты
В. СУПРУНЕНКО, А. КУСУРГАШЕВ

В ДЕСЯТЫЙ раз город отмечал этот удивительный праздник. Праздник, неизменно вбирающий в себя все, чем богата грузинская земля, праздник, венчающий труд. Приготовления к нему начались задолго до последнего воскресенья октября. И вот ранним солнечным утром музыка наполнила старые улицы Тбилиси, разлилась по паркам и площадям. С каждой минутой становилась все оживленнее улица Руставели. Взрослые с принаряженными детьми спешили на берег Куры. Праздник шествовал по всему городу, по всем его большим и маленьким улицам. Но здесь, на набережной, должно было состояться главное юбилейное торжество.

«ТБИЛИСОБА-88»

Накануне по всему городу раскинули свои ларьки и павильоны тридцать три ярмарки. Со всех концов республики к праздничному столу тбилисцев были доставлены щедрые дары осени. И сейчас прилавки сияли многоцветьем, ломились от золотой хурмы и янтарного винограда, от первых, еще не совсем желтых мандаринов и тугих груш. Под высокими стеклянными колпаками высились белоснежные горы воздушной кукурузы. И никто не мог пройти мимо этого лакомства: стар и мал тянулся за весело разукрашенным кульком. Молодые веселые продавцы в голубых халатах спешили наделить каждого. И все кругом улыбалось: дети и взрослые, яркие витрины павильонов и такое огромное, повисшее над городом золотым праздничным шаром солнце.

Цокот копыт неожиданно воскресил в памяти те далекие времена, когда по булыжным улицам Тбилиси катились конные экипажи и гарцевали лихие всадники. Навстречу гостям ехали конники в строгих черных фраках и цилиндрах. А вот показались всадники в бурках. Но и они, несмотря на свои чопорные одежды и заданные роли, не могли сдержать веселой улыбки. Неказистые кобылки, запряженные в разукрашенные фаэтончики, легкой рысцой пробегали то в одну, то в другую сторону.

ФОТО-И ТЕЛЕКАМЕРЫ суетливо перемещались вокруг огромной круглой сцены, отыскивая наиболее благоприятный ракурс. И наконец застывали в полной боевой готовности, предвкушая захватывающее зрелище. С минуты на минуту должны зазвучать фанфары. Главное — не упустить момента! И сотни, тысячи, миллионы глаз ожидают этого момента. Картина поистине грандиозная. Вся огромная прибрежная площадь заполнена людьми — теперь уже до предела. Это был тот случай, о котором говорят: «Море народу!» Да, действительно! Это было огромное море народа. И были здесь не только все народности нашей страны, но и многочисленные приглашенные из разных стран мира: американцы и немцы, англичане и французы, китайцы и вьетнамцы, испанцы и японцы... Судьбе было угодно свести их всех на этом крохотном островке древнего, как сама история, Тбилиси. Свести затем, чтобы научить их любить и понимать друг друга.

Вдруг все замерло. На отдаленном возвышении на сцене появились грузины в черных национальных одеждах. Их было восемь человек. Они и открыли праздничное представление. Пели они на грузинском языке, но всем присутствующим, думается, была понятна их песня, воспринимавшаяся как величальная народу, празднику, дорогим гостям. Это было знаменитое грузинское многоголосие, о котором очень нелегко рассказать, но которое обязательно надо послушать. Хотя бы однажды, чтобы не забыть его никогда. Они пели с таким вдохновением, так слаженно, что казалось, все вокруг вторит их голосам.

На сцену вышли почетные граждане города. Тепло и дружно поприветствовали их собравшиеся. Ну а когда хор девочек из ГДР запел «Песню о Тбилиси», у многих на глазах появились слезы. Каждый переживал в эти минуты что-то свое, самое сокровенное, и вместе с тем все были чем-то очень похожи. И тут я впервые увидела высокую статную фигуру пожилого мужчины. Его красивое, очень выразительное лицо было лишено этого беспечального «общего выраженья». Оно сохраняло едва уловимую тревогу и беспокойство. И я поняла, что здесь он не гость. Леван Германович Мирцхулава, народный артист ГССР, профессор, художественный руководитель Тбилисского русского драматического театра имени А. С. Грибоедова, отвечал за все, что происходило на сцене. Он оказался главным художественным руководителем этого праздника. Вот уже семь лет подряд он руководит проведением «Тбилисобы». И не просто руководит. Он ощущает большую ответственность за порученное дело. Увлеченно и с волнением рассказывал мне Леван Германович о подготовительной работе к празднику, которая начинается обычно более чем за три месяца до проведения торжества. Каждый год программа праздника основательно меняется. На праздник приглашаются не только лучшие коллективы и артисты республики, но и артисты из Москвы и союзных республик. Заранее готовится сценарий. Ведь праздник в эти минуты проходит не только на набережной, но и в других районах города. Особая гордость у Левана Германовича за юных танцоров, представляющих республиканский Дворец пионеров и школьников имени Б. Дзнеладзе. Детские ансамбли пользуются в Грузии особой популярностью. «Горда», что означает по-русски «Сабля», «Сихарули» — «Радость», «Мирани» — «Лошадь» выступили сегодня достойно. Зажигательные грузинские танцы в исполнении восьми-десятилетних танцоров вызвали бурю аплодисментов.

ПРОБИРАЮСЬ сквозь толпу. Все, все хочу увидеть своими глазами. И с гончарами хочу познакомиться, и с ковроткачами, и посмотреть, как знаменитые сванские шапки делают из овечьей шерсти. Ведь если не сегодня, то когда же? Сейчас здесь представлены все районы Грузии. У каждого — свое подворье. На каждом подворье столы накрыты. Аппетитно пахнет горячим хлебом. Чурчхелы висят на длинных нитях. Чего только нет здесь — кувшины, кастрюли, корзины из прутьев, молотильные доски, бурдюки. Это своего рода этнографические уголки. И хижину, перекрытую тростником, видела я. В каждом дворе — павильон, выстроенный в национальном стиле. По стене его ковры и гобелены развешены.

На крылечке то в одном подворье, то в другом сценки из народной жизни разыгрываются. И демонстрирует сегодня каждый район все, чем богат, чем славен.

Подошла поближе к одному двору и застыла в удивлении. Глаз не могу оторвать от сказочно красивой резной мебели темного дерева. Сплошное деревянное кружево. Красота, аж дух захватывает.

Опомниться от чудного зрелища не успела, а мне вдруг такую ароматную горячую лепешку протягивают. Угощают. Называется кушанье, это «кубдари», что означает «хлеб с мясом». Попробовала: очень вкусно. Познакомили тут же меня и с мастером. С тем, что вырезал из дерева поразившие меня кружева.

Ромео Пирцхелани, которому оказалось всего-то тридцать три года, поразил меня во второй раз, когда рассказал о том, что никто его резьбе по дереву не обучал. А занялся он этим случайно лет пять назад. А вообще-то он преподает в школе физкультуру. А резьба?.. Это хобби, увлечение его. Вот как бывает, оказывается!

ЗА ДВА ДНЯ до праздника, будучи недалеко от Тбилиси, услыхала я незнакомые, но такие легкие, сладостные звуки, что притянули они меня к себе. Побежала я на их зов. Узкой петляющей улочкой бежала, но смолкла музыка внезапно. Потеряла я ее след. Сказали мне тогда, что это была шарманка. Огорчилась, но надежду возложила на «Тбилисобу». Но и на празднике не нашла я этого удивительного загадочного инструмента. Рассказали мне, однако, что живет в Тбилиси на старой авлабарской улочке единственный в стране специалист по шарманкам Акоп Китесов. Помнит он те времена, когда ни одно торжество не проходило без шарманки, когда легкие и нежные звуки аргани (так зовется в Грузии шарманка) захватывали в плен сердца ее почитателей. Но это было давно. А сегодня... шарманка принадлежит к вымирающим инструментам, и Акоп Китесов — единственный шарманных дел мастер. Но он не хочет быть единственным и последним... Он ждет, очень ждет того ученика, который не побоялся бы этой нелегкой работы — «вдохнуть музыку в шарманку» — и продолжил бы его дело.

ПРАЗДНИК все увереннее шагал по городу, вылившись в народное гуляние. По всем центральным улицам города движение машин было прекращено. И я подумала о том, как было бы прекрасно, если хотя бы раз в неделю существовали в больших городах вот такие «тихие, разгрузочные дни», когда мы могли бы и хотели бы дышать полной грудью. Сегодня, когда неудержимо растет количество автотранспорта, бурно развивается промышленность, экологическая обстановка требует к себе особенно пристального внимания. Да, это серьезные проблемы. И мне кажется, даже в день именин города не следует забывать о них. А может быть, как раз в такие моменты и полезнее вспоминать о том, что волнует людей. А тбилисцев волнует многое. Загрязнена Кура, воздушный бассейн города оставляет желать много лучшего. Стало традицией дарить каждому «Тбилисоба» новый квартал реставрированной части города. Это, конечно же, прекрасно! Но как было бы хорошо, если бы активнее взялись тбилисцы за озеленение своей столицы.

Грузия — сердечный, ласковый, гостеприимный край. Из рода в род, из поколения в поколение передаются традиции радушия и добра его жителей. И очень хочется всегда видеть его таким же поющим и цветущим, каким я увидела его сегодня. Прошлое Грузии велико и бессмертно. Так пусть же у нее будет и прекрасное будущее!

Ольга РУСЕЦКАЯ

НАРОДНОЕ «ВЕРЕТЕНЦЕ»

МНОГО ВЫНЕСЛА земля курская. Было и лихо, было и добро. Но все сохранилось в памяти народной. И передается людьми из поколения в поколение. А чтоб лучше запомнилось, слагаются песни. И вот уже звенят напевы, ширятся, плывут над полями, лесами, реками да селами. То грустные, медленные, как водный поток по равнине, то чаще веселые, задорные с притопом, прихлопыванием в ладоши, словно радостное весеннее половодье, когда земля-кормилица просыпается от зимней стужи...

Если обойти села и деревни Курской области, то вряд ли найдется дом, куда не пришла бы скорбная весть о гибели отца, мужа, брата или сына в огне Великой Отечественной... Тогда и собиралось чуть ли не все село или деревня. Поплачут женщины, да запоют. Нужна была песня, чтобы оживить сердца, прибитые горем, чтобы продолжать жить, работать для фронта, для Победы. А значит, нужна была песня Родине.

И хотя не об этом шла речь, когда в Белицы Курской области приехали юные участники фольклорного ансамбля «Веретенце» столичного Дома культуры имени III Интернационала, чтобы записать старинные песни селян, почувствовали ребята и девушки именно глубокую любовь немолодых уже хранительниц народного творчества к земле своей, к Отчизне.

— Если честно,— вспоминает руководитель ансамбля «Веретенце» Елена Алексеевна Краснопевцева,— то встретили нас в Белицах поначалу даже как-то настороженно. Потом выяснилось, что побывал здесь кто-то до нас. Да не с добром приезжал. А местная молодежь больше жаловала Пугачеву и Леонтьева. Их, да и похожими голосами забит теле- и радиоэфир... Холодность приема расстроила нас. Да еще усталость от дороги давала себя знать. Вот и запели мы то, что знали тогда... Сами для себя. Тут-то и возникла та духовная связь, которую теперь ничем не разорвать.

В песне начинающих собирателей фольклора услышали жители Белиц слова памяти народной. Поняли их, приняли. После первой экспедиции была вторая, когда встретили участников «Веретенца» словно родных. А третья выпала на лютые морозы зимних школьных каникул; самым старшим в ансамбле в то время было не больше семнадцати лет. Ни непогода, ни бездорожье не останавливали юных подвижников. Последние восемь километров до Белиц ансамбль из-за непроходимой метели добирался восемь часов при морозе более 30 градусов. Но шли. И не знали, что их бабули — так окрестили участники «Веретенца» своих наставниц — по очереди выходили дежурить за околицу, ожидая гостей, веря, что ребята обязательно приедут...

Вот ведь как роднит песня — главное слагаемое культуры.

А начиналось «Веретенце» гораздо раньше, лет пять назад. Тогда ансамбль насчитывал всего шесть энтузиастов-пятиклашек да руководителя — вчерашнюю выпускницу Московского государственного института культуры. Чего греха таить, кроме трудностей, создаваемых различными чиновниками от искусства, были и насмешки сверстников, увлекающихся, например, «металлическим роком». Не раз с выставок, оформляемых «Веретенцем» в ДК, пропадали музыкальные инструменты, со стендов сдирались фотографии... А однажды, когда в Доме культуры никого еще не было — ранним утром, по приказу инспектора пожарной охраны в огонь полетели предназначенные для реставрации старинные балалайки, которые кто-то еще предварительно растоптал! Через все это прошли ребята, твердо веря в необходимость пропаганды народной мудрости, вложенной в песню.

Были и победы. Однажды «Веретенце» пригласили в Центральный Дом работников искусств, где должна была состояться встреча с молодыми москвичами, увлекающимися различными направлениями музыки. Были там и «металлисты», и были «брейкеры»... Скептически многие слушали рассказ о народной песне. Но когда ребята из «Веретенца» запели, заводили хороводы, словно подменили поклонников так называемой массовой культуры. Истинно народная песня стала для них открытием,

откровением. Мальчишки с «лезвиями» на шее, с клепаными браслетами встали в круг! Оказывается, большинство современных молодых людей и не знает, что такое настоящий фольклор. Это подтвердило и анкетирование, которое провели участники «Веретенца» в столичных школах. Их учащиеся народными называли песни, стилизованные под старину и слышанные ими в исполнении различных хоров, имеющих самое отдаленное отношение к песенному творчеству нашего народа. А ведь не зря раньше говорили, что песню не поют, а играют!

Стали появляться у ансамбля друзья не только среди сверстников. Никогда не приходит без сюрприза в «Веретенце» преподаватель Московской государственной консерватории Сергей Николаевич Старостин. Однажды он принес с собой сверток. И мальчишки, и девушки затихли, с интересом ожидая, что же скажет и покажет Сергей Николаевич. И как же загорелись глаза у всех, когда старший товарищ достал настоящие гусли!

А Старостин рассказал об истории этого древнейшего русского инструмента. И тут же, рисуя мелом на доске эскизы его деталей, предложил ребятам самим смастерить гусли звончатые. Не иначе как Садко или легендарным Бояном — сыном Велеса в юности представлял себя каждый мальчишка из «Веретенца», когда месяц спустя аккомпанировал себе на инструменте, сработанном собственными руками. А сегодня в оркестровой ансамбля хранятся между концертами многозвучные рожки, свирели, кугиклы, балалайки, шеркунки и другие спутники народных музыкантов древности, созданные или отремонтированные самими ребятами.

Так, через музыку познают подростки историю Отечества далеко за пределами тысячелетней давности, когда их предки называли себя внуками Даждьбога, а не чьими-то рабами...

Не остались в стороне и девушки. Их руками сшиты многие сарафаны, блузки, фартуки, головные уборы, в которых и давались первые концерты. Заметив энтузиазм юных певцов, помогла ансамблю профсоюзная организация Московско-Курского отделения Московской железной дороги, в ведомстве которого находится Дом культуры. Благодаря этим заботам в костюмерной ансамбля хранятся сегодня наряды, бытовавшие у жителей Архангельской, Тульской, Рязанской, Липецкой, Московской, Ярославской областей и Урала.

А вышивая свои наряды, участники «Веретенца» изучали символику: орнамент по подолу сарафана или фартука, по рукаву блузки — целая легенда, рассказывающая о том или ином персонаже древней славянской мифологии.

Трудовое воспитание в коллективе не прекращается. А если быть более точным, то этот процесс можно назвать **самовоспитанием**. Ведь именно сами ребята являются инициативными исполнителями всех описанных добрых дел. Да и в фольклорных экспедициях их никогда не надо просить наколоть дров, принести воды, помочь навести порядок в домах тех, кто щедро делится мастерством песни, сказания, хоровода. А заодно и красотой самого тяжелого, но любимого — на родной земле — труда.

Возникли в «Веретенце» и свои династии. Однажды родителям Оли Герасимовой, которая спешила на репетицию, пришлось срочно выехать куда-то по делам. С кем же оставить младшую дочку Танечку!! Вот и взяла юная певица сестренку с собой в ДК. А когда в следующий раз собиралась на репетицию, малышка расплакалась: «Возьми с собой! Тоже хочу петь!» С тех пор так и повелось. Со старшими братьями и сестрами сегодня занимаются в ансамбле пятилетний Игорь Бондарев, девятилетняя Маша Лебковская и многие другие. Кое-кому из них даже посчастливилось побывать в фольклорных экспедициях.

А всего около ста юных москвичей занимаются в «Веретенце». Малыши, конечно, пока только разучивают детские игровые песни. Например, «Мак-маковистый». Но в них наши предки в раннем возрасте повторяли движения взрослых при различных работах, прыгали, бегали, одним словом, сочетая полезное с приятным, развивались физически. С этими песнями проходила, как говорят сейчас, профессиональная ориентация подрастающего поколения. «Как сеют мак!» — спрашивает одна группа ребят. «Вот и эдак, вот и так»,— отвечает другая, показывая, как это делается. И далее в песне-игре идет рассказ и показ всех работ по уходу за

Володя Стаханов (*справа*), Роман Гондлях и Алексей Гудков.

маком до сбора урожая. Вообще-то все детские игры древности у наших предков имели прикладное значение. И по ним всегда можно определить не только культуру песенную, но и культуру труда. К сожалению, слишком многие из песен-игр забыты, а значит, потеряны для будущих поколений.

А те, что известны пяти-шестилетним участникам «Веретенца», всегда увлекают малышей, которые приходят на выступления младшей группы ансамбля. Иные организаторы новогодних елок позавидуют активности ребятишек, буквально влетающих в круг хороводов, которые водят их сверстники из фольклорного коллектива. И видя это, всякий раз убеждаешься, насколько живучи у нас в генах корни народной культуры, насколько легко пробудить их ко всходам.

Маленькими артистами занимаются не только педагоги Е. Мансурова и Н. Жукова — помощницы Е. Краснопевцевой, но и ребята из старшей группы ансамбля. Стоит только появиться на репетиции девятикласснику Володе Стаханову, как малыши буквально виснут на нем. Одного он учит играть на рожке, другому рассказывает что-нибудь... Володя решил стать педагогом.

— И будет достойным этого звания! — убеждена Елена Алексеевна.— Нам без Володи никак нельзя. И в экспедициях, и в повседневной репетиционной работе, и на концертах он заражает всех своей доброжелательностью. А еще у него золотые руки.

И руководитель ансамбля показывает музыкальные инструменты, созданные или отремонтированные Володей. Сам он на вид очень задумчивый, немногословный, сдержанный, даже как-то чересчур углубленный в себя. Но вот коллектив начинает репетировать знаменитую курскую «Чеботуху», и юноша преображается: лихо выкаблучивает перед своей партнершей — по-другому и не скажешь! Смотришь на него, и ноги сами в пляс просятся.

А потом, когда девушки начинают петь, опять задумывается и вдруг начинает подыгрывать на рожке или балалайке.

— Да и в экспедициях он самый активный. И первым берется за любое дело, будь то доставание билетов, помощь бабулям или запись новой песни,— добавляет Елена Алексеевна.

ТОЛЬКО ЛИ ДОБРОЕ отношение жителей Белиц привлекает «Веретенце» в которую уже экспедицию! Нет, конечно. «Ветеран» ансамбля Оля Кириллова вспоминает: «Когда мы пели песни донских казаков, все вроде бы получалось, но сами чувствовали, что душу вложить в исполнение не можем... Вот тогда-то и пришла Краснопевцева к выводу, что нельзя «разбрасываться», что надо выбрать один какой-нибудь край, область, район, досконально изучить не только песенную культуру, но и язык, а точнее, наречие, быт, труд, одним словом, повседневную жизнь тех, чьи песни поет коллектив. А для этого мало и десяти экспедиций!»

Вложить душу... Это значит не только вдуматься, но и вчувствоваться, вжиться в песню, в век ее рождения, в историю края. В историю народа.

Действительно, песня у наших предков была спутником всей жизни. С песней они шли на работу и на праздник, с песней горевали и справляли свадьбы, рождения... С песней, когда надо было, вставали на защиту Отечества. И чем глубже уходит в историю песня, тем глубже знания изучающих ее, тем тверже чувство патриотизма. И так у любого народа, живущего на родной земле.

Случилось, что выбрали участники «Веретенца» именно Белицы Курской области — лучше, чем во многих других местах, здесь сохранили свою самобытную песенную традицию. Да и не только ее. На одном из

концертов, который дали ребята в сельском клубе, бабули вдруг принесли свои старинные наряды — драгоценные сарафаны, «кохты», фартуки, или, как говорят в Белицах, завески. А ведь действительно, им цены нет! Не в материальном понимании, а в историческом и нравственном. По наследству здесь передавались домотканые сарафаны с золотой каймой, золоченые кокошники и кики, которые, к слову, имели в каждой крестьянской семье, умеющей и любящей работать. И вот еще интересный факт: складки-плиссе при изготовлении сарафанов обкладывались горячим хлебом, и теперь, через сто лет, они все те же, не требуют утюга! Не обменяли в голодные времена жители Белиц свои наряды на хлеб и сало, сберегли от фашистских оккупантов, да и от современных «любителей старины», нашедших золотую жилу в шедеврах народного прикладного искусства.

А как увидели бабули, что переняли «московские» и поступь, и интонацию, и душу в хороводах и песнях, нарядили девушек из «Веретенца» в свои сарафаны, сами встали с ними в круг, всех односельчан завлекли, превратив концерт в настоящий праздник. Даже молодежь из Белиц, относившаяся скептически к ребятам из столичного ансамбля (говоря, мол, мы, местные, не можем, как старухи, а вы куда), и та встала в хоровод.

Некоторые словари переводят «фольклор» как «народное знание, м у д р о с т ь». Но ни то, ни другое не может не подразумевать доброту и искренность. Может быть, именно поэтому после упомянутого концерта кто-то из бабуль вдруг сказал: «Хороши вы, девки, в наших сарафанах! А в чем же в Москве выступать будете!..» И вдруг: «Нехай! Забирайте наряды! Пусть и в столице любуются ими, слушая песни земли курской». И полетели сердечные, добрые песни в Москву.

Немало концертов дал с тех пор детский юношеский фольклорный ансамбль «Веретенце». На лужайках Центрального парка культуры и отдыха имени Горького и на сцене Колонного зала, в выставочном зале Всесоюзного общества охраны памятников культуры и в заповеднике «Коломенское», на ежегодном фольклорном фестивале в Батуми и на ВДНХ демонстрировали искусство нашего народа юные исполнители. Их концерты записаны на пленку Всесоюзным радио и Центральным телевидением. Выступали ребята перед делегатами последнего съезда профсоюзов и слушателями Высшей партийной школы. А в прошлом году стали участниками I Всемирного фольклорного фестиваля в Москве.

На каждом выступлении, по мнению Е. А. Краснопевцевой, юные левцы всю душу вкладывали в исполнение. А Света Носко так выразила мнение участников ансамбля: «Не получается петь плохо. Каждый раз играем песню так, словно среди слушателей видим и наших бабулечек из Белиц. А они для нас — самые добрые, но в то же время и самые строгие судьи!»

Следующие экспедиции в курское село ансамбль решил посвятить декоративно-прикладному творчеству жителей тех мест, сказкам, былинам, рассказам о героях последних лет, изучению истории и археологии курской земли. И к этим поездкам уже началась серьезная подготовка.

Мечтают ребята создать детский юношеский культурный центр, эстетическое воспитание в котором будет основано на фольклоре. И чтобы в нем каждый мог найти интересующее его дело, увлечься, учась у своих предков, которые знали многие забытые секреты любой деятельности человека, славились как земледельцы, кузнецы, живописцы, резчики по дереву — всего не перечислишь. Но любое доброе дело сопровождалось песней. В песнях и остается.

Александр КОЗИН
Фото А. МАЙСИЕВИЧА

ЛЮСТРЫ КОЛОННОГО ЗАЛА

Здание московского Дома союзов, расположенное на углу проспекта К. Маркса и Пушкинской улицы, хорошо знакомо и москвичам, и гостям столицы. А главный в этом Доме — Колонный зал благодаря Центральному телевидению и снимкам фотокорреспондентов знает весь мир. Но, к сожалению, внимание всех, кто наблюдает за событиями, происходящими в Колонном зале, приковано бывает лишь к самим событиям. На интерьер зала, особенно на его освещение, мало кто обращает внимание...

Кино- и телеоператоры придумали такое выражение: «Поиграть со светом». В сущности, это означает найти и подчеркнуть нечто самое красивое в интерьере. Светильник должен вписываться в общий архитектурный замысел, быть его неотъемлемой частью. В павильонах киностудий подобная задача решается довольно просто: подгоняют декорации под свет или свет под декорации.

А каким даром воображения должен был обладать человек, чтобы в конце XVIII века на бумаге соразмерить архитектурные формы, весь интерьер со световыми эффектами! Таким даром обладал русский зодчий Матвей Федорович Казаков (1738—1812).

Существовавшее в Охотном ряду старое здание М. Ф. Казаков в 1780—1790 годах перестроил в стиле русского классицизма для дворянского «Благородного собрания». Особенно замечателен созданный им двухсветный Колонный зал с коринфскими колоннами, украшением которого стали великолепные хрустальные люстры. Конечно, сейчас не свечи, как в прежние времена, бросают свой свет на хрустальные подвески, их заменили электрические лампы, но дивная игра света в подвесках люстр, отражаясь в многочисленных зеркалах, подчеркивает красоту и торжественность всего зала.

Прошло 200 лет, но Колонный зал с его строгой перспективой беломраморных колонн и хрустальными люстрами по-прежнему остается непревзойденным шедевром архитектуры.

Фото А. ГЕОРГИЕВА

...ЧТОБЫ В МИРЕ ЦАРИЛО ДОБРО.

Окончание. Начало на стр. 130.

сырья, даже если его собрать со всего Союза!.. Экспертиза показала, что в выпускавшихся соках было все, кроме ежевики и барбариса.

Порой дельцам помогают наши несовершенные ГОСТы. К примеру, на бутылке с вином написано: крепость 9—12 процентов. Значит, можно выпускать вино на нижнем пределе и экономить три процента спирта. Учитывая, что такая продукция составляет тысячи тонн, легко подсчитать, сколько можно изготовить «левой» продукции. А один из подпольных заводов был обнаружен благодаря самому обыкновенному таракану, попавшему в бутылку с водкой. Удивленный покупатель пить ее не решился и отнес в милицию. Оттуда она попала на экспертизу, которая сразу выяснила, что водка произведена в антисанитарных условиях подпольного завода. Не составило труда обнаружить и сам завод...

Изобретательные ворюги орудуют и на мясокомбинатах, в частности при выпуске сырокопченой колбасы. Достаточно подержать такую колбасу несколько дней в помещении с повышенной влажностью, чтобы увеличить ее вес, так как колбаса хорошо впитывает влагу. Какие же барыши получают комбинаторы с каждой тонны такого продукта! Или — аджика. Или — приправы из трав. Тут используют простое недовложение компонентов. Методические разработки Круглий помогают экспертам на местах сразу определить, чего недоложено и чего недолито в пищевых изделиях.

Или еще пример. Появление искусственной черной икры дало возможность нечистым на руку людям продавать ее как натуральную зернистую. Теперь этот фокус не проходит — благодаря усилиям экспертов. Чтобы узнать, натуральный или искусственный продукт, достаточно положить на бутерброд с икрой дольку лимона. Искусственная икра сразу обесцветится. Есть и другой несложный способ. Достаточно подогреть несколько икринок на огне, как искусственная икра сразу же расплавится, а натуральная будет сморщиваться...

Мы познакомили читателей только с пятью сотрудницами лаборатории криминалистики, хотя много интересного делается и другими женщинами, работающими в этой лаборатории. Их совместные усилия направлены на раскрытие преступлений.

Расставаясь с сотрудницами лаборатории, мы задали им вопрос, который собирались задать с самого начала встречи: как профессионалы-криминалисты относятся к детективным романам! Ответ был единодушным — положительно, если детектив не примитивен, если интересно раскрывается психология действующих лиц. Криминалисты воспринимают порой детектив как сказку с хорошим концом. И у всех у них есть общая мечта — чтобы меньше было преступлений, чтобы в мире царило добро.

В МАРТЕ нынешнего года у женщин-криминалистов двойной праздник. Они отметят не только Международный женский день, но и 70-летие отечественной криминалистики.

И хочется пожелать им успехов в их нелегком, но благородном труде!

О. ЛОБАНОВА
Фото А. ЕГОРОВА

В ПОЕЗДКАХ проходит немалая доля нашей жизни, и от работников транспорта в основном зависит, чем и как обернется это время для пассажира. В салоне автобуса, который водит шофер смоленского колхоза «Рассвет» Сергей Платонов, сразу привлекает внимание ящик из плексигласа со свежими газетами и журналами — знакомься с новостями, время пройдет не зря. И голос радиоробота (Сергей сам сделал прибор), объясняющего во время поездок в город, к каким учреждениям и магазинам можно попасть, и опрятность салона, и плавный, без рывков, бег автобуса — во всем этом забота о людях, уважение к ним и к собственному труду.

НАШ СОВРЕМЕННИК

ХОЗЯЙСКАЯ ХВАТКА

Особенно любит Платонов возить в школу ребят. Весело гомонит детвора, «дядю Сережу» так и засыпают вопросами. Есть причины. По предложению и при участии Платонова молодежь «Рассвета» построила стадион на центральной усадьбе, а в деревнях, входящих в колхоз, — детские площадки с различными увлекательными забавами. Кружок юных автомобилистов при школе — тоже детище Платонова, сам он с товарищами проводит занятия, и многие ребята уже научились водить автомашину. Еще военные игры, походы по местам боевой славы — щедр на такие задумки «дядя Сережа» и задуманное вместе с ребятами непременно осуществляет. «Ценишь жизнь — для детей не дорожись», — говорят в народе. «Детей любя, не жалей и себя». Сергей не жалеет...

НОЧЬ ПАЛА густым туманом. Потому и задержалась высадка десанта у кишлака, захваченного душманами. Бандиты успели угнать всех, кого удалось. Двери домов подперли жердями, кишлак подожгли. Знали «духи», что советские воины прежде всего будут спасать кишлак.

В одном из горевших домов надрывно кричали дети. Сержант Платонов пинком сбил жердь, распахнул дверь. Лицо опалило жаром. В слепящем дыму, по замиравшим уже голоскам он отыскал малышей — девочку и мальчика. Закутав в гимнастерку, вынес наружу. Тельняшка десантника на нем сгорела дотла, но Сергей сгоряча не почувствовал боли ожогов.

Лечиться пришлось долго, местами ему сделали пересадку кожи. В госпиталь приходили товарищи узнать о здоровье, поздравить с наградами — афганским орденом и медалью «За отвагу». Приезжали родители спасенных детей с нехитрыми крестьянскими подарками. Глубина их чувств была понятна без слов: родительская благодарность не нуждается в переводчике...

В службе армейской, тем более боевой, обретаешь зрелый взгляд на жизнь, трезво оцениваешь желания и возможности. Сергей решил, что мечта учиться в автодорожном институте от него не уйдет. Есть дела более срочные. Отец писал со Смоленщины: к крестьянину возвращается крестьянское. В бригадах, на фермах перешли на арендный подряд. При конечном расчете доходы в семьях исчисляют не сотнями, а тысячами. Отец не хотел диктовать выбор, но Сергей понимал его невысказанное желание. Конечно, в городе сыну будет ближе к учебе, но там специалистов его профиля хватает, а родному селу много нужней его знания, навыки автослесаря, шофера I класса, приобретенные в армии. Тем более в «Рассвете» с призывных времен ждала его девушка Вера, еще школьная привязанность и любовь...

Четыре года прошло с тех пор, как Сергей вернулся домой. Срок сравнительно невелик, но достаточен для того, чтобы определиться. Односельчане с уважением отзываются о Платонове: добрый хозяин. И не только потому, что в молодой семье Платоновых, как говорят, «полная чаша». В крестьянском, да и во всеобщем, понимании у неустроенного дома — нерадивая голова.

Взять, к примеру, ремонт техники. Не секрет, что приобретенные машины зачастую поступают в хозяйства некомплектными — без запчастей или с серьезными недоработками. Исправить огрехи нерадивых поставщиков без соответственного оборудования невозможно. Приходится ждать, пока ловкачи-толкачи «организуют» дефицитные детали или арбитраж обяжет поставщиков заменить неисправную технику, дослать запчасти. А ждать — значит терять, оставаясь без вины виноватыми в потерях.

Такая вот ситуация сложилась в ремонтных мастерских «Рассвета», куда пришел работать демобилизованный сержант Платонов. Ремонтники, механизаторы уже свыклись с вынужденными простоями. Платонов же оценил обстановку с позиций армейской взаимовыручки. Нет нужных станков, оборудования и приобрести их новыми с заводского производства — трудно, хлопотно, да пока еще и не по карману хозяйству. А перестройка набрала силу: на заводах роботы, операционные центры, станки с ЧПУ заменяют устаревшие с ручным управлением. Списанная техника селу еще пригодится. Разумней реализовать ее по сходной цене, чем отправлять на переплавку.

Платонов списался с однополчанами, работавшими на заводах области. Поделился мыслями, рассказал о нуждах хозяйства. Верил: прочна боевая дружба, и не ошибся. Ответили ветераны-«афганцы»: ситуацию обсудили в своих коллективах, решение общее — помочь. Только потом узнал Сергей, как его однополчане будоражили руководство, как с заводскими комсомольцами отбирали списанные станки, оборудование и, работая после смен, обеспечили их надежность и долголетие.

«Дорогие мои побратимы Валя Сокольский, Вася Дубцов, Саша Полунин, — писал боевым друзьям Сергей Платонов. — Сердечное спасибо вам и вашим товарищам от всех рассветовцев за то, что вы обеспечили нас необходимой техникой. Боевая обстановка учила нас добывать победу малой кровью, перестройка учит нас достигать успеха большой экономией. Ваш труд сберег колхозу значительные средства, дал возможность создать крепкую техническую базу для развития хозрасчета, подряда. Значит, мы сможем производить продуктов больше с меньшей себестоимостью — доступней, дешевле для города и заводчан. Это мы вам твердо обещаем и обещание уже исполняем».

На прошлых выборах Платонов был избран народным депутатом поселкового Совета. По просьбе избирателей ему поручили организовать и наладить работу местного пассажирского транспорта. Человек он молодой, инициативный, ему, как говорят, и руль в руки. Не обошлось без борьбы. Кое-кто в правлении колхоза считал покупку комфортабельных автобусов недопустимой роскошью. Дескать, дешевле переоборудовать в фургоны старые грузовики. Пришлось депутату Платонову ломать заскорузлое представление о «синице в руках и журавле в небе». Посудите сами, как хлопотно, неудобно из деревень, входящих в состав колхоза, трястись в кузовах попуток до центральной усадьбы, где расположены средняя школа, поликлиника, Дом культуры, местные центры торговли и службы быта. Вот жалобы избирателей — сотни подписей. Пишут, сколько теряют времени, нервов, здоровья из-за неустроенности транспорта, и экономия на нем — не экономия, а самое разорительное жмотство. Тем более средства на покупку автобусов хозяйство имеет. Это не пресловутый «журавль» — настоятельная необходимость.

Примолкла правленческая оппозиция: нечем возразить депутату. Платонов сам пробивал покупку двух ЛиАЗов — один для внутренних, второй — для городских рейсов, подобрал водителей для новой в колхозе транспортно-пассажирской службы. Коллектив молодой: Лаврентий Смушко, Павел Батов — комсомольцы, Федор Ошика и Сергей Платонов, бригадир,— кандидаты в члены партии. Все — шоферы I и II классов, сельские умельцы-универсалы. Вчетвером они изучали маршруты, как сами говорят, «социологически». Деревня, ферма, полевой стан по пути следования не просто остановки. Следует знать, кто там живет и работает, когда нужно отвозить и привозить школьников, родителей с малышами — в детсад или ясли и обратным рейсом — на работу. С учетом потребностей пассажиров водители разработали оптимальный график движения на маршрутах. Сейчас по наказу избирателей внимание Платонова сфокусировано на улучшении местных дорог. Колхоз развернул дорожное строительство, но за тем, сколь успешно оно идет, тоже нужен депутатский контроль.

Не «замкнулся» ли Сергей исключительно на делах? Отнюдь. Он любит музыку, сценическое искусство и находит время съездить с женой в театр, на концерт филармонии. О детях и говорить нечего: вся теплота сердца депутата Платонова — сельской детворе, собственным малышам-крепышам Вите и Володе. И, как, наверное, у многих, есть у Сергея особо избранное хобби. Еще в начале армейской службы, проходя выучку десантника, он увлекся борьбой во всем многообразии ее видов — от классической до дзюдо и каратэ. В демобилизацию сержант Платонов пошел со званием мастера спорта по самбо, не забросил свое увлечение и увлек многих. Сейчас он ведет секцию самбо в поселковом клубе «Будущий воин», рассуждает по-хозяйски: закалка и сноровка борца всегда пригодятся молодежи, тем более в армии..

Ю. ГУРЬЕВ

Первая страница обложки «Товарища»: Группа фольклорного ансамбля «Веретенце». Материал о нем читайте на стр. 148. Фото А. Майсиевича.

ЛЮСТРЫ КОЛОННОГО ЗАЛА

Информация — на стр. 154.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Александр БАЙГУШЕВ

ХАЗАРЫ

Исторический роман

Продолжение. Начало на стр. 67

Но сейчас его так и подмывало все-таки пойти за занавесь, и всыпать пару горячих желторизным, потому что явно не тем вдохновились они сегодня от ценностей. Сплошное уныние неслось на Фанхаса из-за черной занавеси.

Пели желторизные вместо бодрости о сокрушении, о том, что Баре Святослав ополчился на город и злосчастие несет. Выходило, что проклятые желторизные мало что беду на город накликали, но еще и панику среди верующих сеяли.

Слава богу еще (хотя какая уж тут богу слава?..), что один был сейчас в Белом храме Гер Фанхас.

Притащился сюда он спозаранку, потому что решил самоличный пример другим купцам показать. На собственный вес понадеялся: даром ведь что ли блудница постановила во всех домах собраний объявить, что столь прославлен Гер Фанхас перед богом своим благочестием, что, воскреси-приди даже Элифаз из Тиммана, и тому отныне с Гером Фанхасом не сравниться, столько пользы принес он божьему делу и на Сук Ар Ракике, и при сборе налогов, и пожертвованиями на храм?!

Понадеялся Фанхас, что сообразят купцы, что сейчас им всем по храмам молиться надо, чтобы панику в городе пресечь, толпу за собою, чтобы из города не бежала, увлечь порывом к нетленному, духовному. Но вот уже много часов лежит Гер Фанхас в одиночестве на полу храма, а ни купцов, ни мелкого народа не прибыло. Ах,

неужели опять загулял от страха город: торопится нагуляться до гибели своей, сам же свой Тере — порядок — пропивает!.. И даже священники свихнулись. Звал к бегству Памфалон. А теперь вот и желторизные в молитве по себе «панихиду» поют...

Гер Фанхас шевельнулся на полу, попытался сменить позу. За последние месяцы, готовясь к голоду, он, и прежде будто из сальных шаров состоявший, вовсе оплыл.

Брови густые лохматые (как их все боялись на Сук Ар Ракике!) потерял. Бровями полысел, а телом столь налился, так, что вот сейчас с превеликим трудом завел за спину ладошку, делая знак телохранителям, чтобы повернули его.

Вообще-то рабов в Белый храм не пускали, однако для своих двух рабов-телохранителей Гер Фанхас добился у блудницы-академии разрешения, и вынесла блудница постановление, что так же, как желторизные состоят при ковчеге, шатре и сосудах, так рабы-телохранители Фанхаса должны состоять при его благочестивой мудрости безотрывочно. Сейчас телохранители узрели Фанхасово шевеление ладошкой, нагнулись, напряглись, будто поднимали огромную бочку с натопленным салом; одним махом поставили Светлого Тама на ноги и отступили назад.

Желторизные за черным занавесом завопили еще громче, еще плаксивее: «Теперь постигнет нас несчастье. Князь Севера ополчился на нас...» Опять намекали на Барса Святослава!

И не выдержала печень у Фанхаса (хоть перешел он к другому богу, но сохранялась у него твердая печень) — поднатужились маленькие ножки, повернули шары, составлявшие Фанхасово тело, и сказал одному из своих телохранителей Светлый Там Гер Фанхас сальным голосом:

— Ступай за занавеску! Прикажи моим верховным именем желторизным, чтобы они больше не пели. Заткнулись чтобы!..

Это был тот самый лучший раб, которого Фанхас едва не отпустил на свободу. Очень исполнительный. Но перекосило лицо раба, и не двинулся он с места. В расширенных зрачках остановился страх. Как можно кому-то из народа, а тем более рабу за священную занавеску?

Но Гер Фанхас от того и стал Светлым Тамом, что всегда был тверд в решениях:

— Ступай, раб! Не будет тебе от Неизреченного бога никакой кары. Ты же — не человек, ты — раб! Господин твой один в тебе волен и за тебя в ответе. Ну!..

Теперь Светлый Там ждал, когда смолкнут желторизные — на полуслове ли они запнутся, или до конца молитву пропоют.

Но желторизные все голосили, а посланный раб внезапно выбежал из-за занавески:

— Господин мой! Украли ценности! Одни желторизные за занавесом, а ни шатра, ни ковчега, ни жертвенника — ничего нет. Их украли! О горе! Смилуйся над нашим городом, неумолимый бог! Обокрали в нашем городе самого бога! Божью утварь всю украли!..

Фанхас сморщился: на что уж искушен был в жизни, а и он не сразу пришел в себя. Подумал: «Неужели вправду уже украли?» Почему бы и эти ценности куда в надежное место не прибрать, коли в городе страхи?.. Однако кто на такое без него, Гера Фанхаса, мог решиться? Разве не он в последние годы почитай что один храм содержит? А никто не обращался к нему по поводу припрятывания ценностей... И тогда внезапно подумал Фанхас: «А если и воровать-то никогда тут нечего было?.. Если еще от Обадия тут одна занавеска?..» Так подумал Светлый Там, и холодно стало его печени настолько, что будто иголками ледяными ее прошило. Вдруг прояснилось для него, что думал он: перебегал в свое время к другому, более сильному богу, а оказалось, что перебежал к пустому месту.

Оглянулся Фанхас: сколь ни мало народу было во храме, но иные все-таки были... Сказал, едва приоткрыв рот, будто выдавил клей из щели:

— Что ты мелешь, жалкий раб? Не кричи, глупец. Не дано каждому мерзкому рабу лицезреть святое. Оттого не разглядел ты ценности.

Теплилась у него надежда, что Серах святыни предусмотрительно укрыла. Назад в пещеру до новых сроков отвезла...

Но раб уже не мог остановиться: охая, кричал на весь храм:

— Украли!.. Ах, люди!.. Вот она нам, кара божия! Сколько уж знамений было! И голый Дэв с таботаями ночью въезжал, и Звезда над Городом стояла, а вороны-то теперь каркать и вовсе не перестают. И вот от нас бог ушел и вещи свои забрал.

Гер Фанхас раскрыл рот, но будто клей во рту затвердел, не хотели из щели рта выдавливаться слова. Ах, какое горе иметь сообразительного раба. Проколол весной ему Гер Фанхас при блуднице шилом ухо — жаль, что печень тогда не проколол... Напрягся всем телом Фанхас, выдавил-таки из себя слова к другому своему телохранителю:

— Помоги глупцу этому. Видишь: Сатана помрачает ему разум. Хочет душой его завладеть. Не дай ему безумным отойти в иной мир. Укороти его время, ну!.. — маленькая ручка Фанхаса зашарила-засуетилась у себя за поясом, протянула другому телохранителю тонкий, как прут, нож.

Когда труп бегавшего за святую занавеску раба опустился к ногам Гера Фанхаса, вздохнул Гер Фанхас, сказал убийце-телохранителю громко:

— Так-то вот! Ты, убийца, не слишком разорил меня тем, что прикончил сумасшедшего. Однако деньги надо беречь: напомни мне, чтобы я непременно получил цену этого убиенного тобой с желторизных. Я надеюсь, что если по совести, то они две цены за моего телохранителя должны дать, раз уж такое сумасшествие из-за них с ним вышло...

Гер Фанхас еще раз вздохнул и, тяжело повернув на маленьких ножках своих грузную тушу, сам потащил ее к выходу.

Убийца же бросил кинжал с тонким лезвием на пол храма, схватил за ногу труп своего товарища и поволок его за Светлым Тамом.

На белый деревянный пол сочился тонкий кровавый след. След сливался, переплетался с такими же, но уже давно потемневшими следами, оставшимися от жертвования непорочных агнцев. Этот след теперь словно напоминал, что сегодня на жертвенного агнца никто не разорился.

Гер Фанхас сел, выйдя из храма, в носилки. К городу подступала полночь, но темноты не было. Похоже было, что разорили сегодня люди все склады на свечном базаре, потому что где только не теплились огоньки. Прилепленные к домам горели восковые фигурки, беспорядочно двигались факелы, трещали, дымя, деревянные башни, набитые хворостом и паклей.

Носилки на плечах рабов раскачивали огромное тело Светлого Тама уже на наплавном мосту. По мосту слуги тащили, посадив в плетеные корзины, хмельных богатых хозяек. Иные (из тех, кого некому было подобрать) просто валялись на мосту, и носильщики вынуждены были переступать через них. Несколько женщин в красных кожаных шароварах образовали вокруг носилок Фанхаса хоровод и бессвязно пытались что-то пропеть. Хотя по традиции в красных кожаных шароварах ходили доступные женщины, но было похоже, что сейчас в этом наряде не стеснялись щеголять многие. Мужчины обнимались, что-то мыча, и разорванные пестрые халаты соседствовали с такими же порванными и испачканными белыми рубахами; рядом были мусульмане, христиане, язычники, верующие в Неизреченного бога.

«Ах, сыновья Города, — с удовлетворением отметил Фанхас, — все теперь равные, все хазары. Как в арбузном доме, который хоть и носит имя свое по арбузу, но рядом укладывает в себя все плоды!» Фанхас улыбнулся: сколько пришлось ему в свое время выдержать столкновений, когда он добивался от блудницы-академии постановления о богопротивности кабацких заведений?! Но все-таки он закрыл кабаки. И вот результат: доход Гера Фанхаса, заранее прибравшего винный базар к рукам, растет... Прежде пьяницы сидели по кабакам, да и там кабатчики, боясь не получить с пьяных деньги или проклятие от мулл (если те заметят, что из кабаков вываливаются пьяные), особо пить никому не давали — теперь вино закупают на базаре прямо бочками с утра, и с утра пьет прямо из бочек весь Город... И главное, бунтов никаких. Вон сегодня: купцы — отцы Города — в смятении, царь в страхе, а пьянь на улицах лобзается... Пожалуй, если так дальше бы шло, то можно было и арсиев с башни в реку сбросить. Чего зря на стражников государственные деньги расходовать?! Богачи — так пусть себе телохранителей сами нанимают. А пьянь? Да пусть и дальше спьяну лобзается... Он, Фанхас, готов даже ей с утра от себя пару-другую бочек выставить...

Гер Фанхас откинулся на подушках. Носилки на плечах рабов раскачивались мерно, как люлька, толкаемая материнской ногой. Гер Фанхас любил носилки и всегда торопился забиться в них, когда у него возникали неприятности и ему хотелось забыться. Может быть, это было с ним потому, что покачивание носилок напоминало ему его детство в кочевничьей юрте на колесах. Он прикрыл глаза. Пропавшие из Белого храма ценности не

Гер Фанхас раскрыл рот, но будто клей во рту затвердел, не хотели из щели рта выдавливаться слова. Ах, какое горе иметь сообразительного раба. Проколол весной ему Гер Фанхас при блуднице шилом ухо — жаль, что печень тогда не проколол... Напрягся всем телом Фанхас, выдавил-таки из себя слова к другому своему телохранителю:

— Помоги глупцу этому. Видишь: Сатана помрачает ему разум. Хочет душой его завладеть. Не дай ему безумным отойти в иной мир. Укороти его время, ну!.. — маленькая ручка Фанхаса зашарила-засуетилась у себя за поясом, протянула другому телохранителю тонкий, как прут, нож.

Когда труп бегавшего за святую занавеску раба опустился к ногам Гера Фанхаса, вздохнул Гер Фанхас, сказал убийце-телохранителю громко:

— Так-то вот! Ты, убийца, не слишком разорил меня тем, что прикончил сумасшедшего. Однако деньги надо беречь: напомни мне, чтобы я непременно получил цену этого убиенного тобой с желторизных. Я надеюсь, что если по совести, то они две цены за моего телохранителя должны дать, раз уж такое сумасшествие из-за них с ним вышло...

Гер Фанхас еще раз вздохнул и, тяжело повернув на маленьких ножках своих грузную тушу, сам потащил ее к выходу.

Убийца же бросил кинжал с тонким лезвием на пол храма, схватил за ногу труп своего товарища и поволок его за Светлым Тамом.

На белый деревянный пол сочился тонкий кровавый след. След сливался, переплетался с такими же, но уже давно потемневшими следами, оставшимися от жертвования непорочных агнцев. Этот след теперь словно напоминал, что сегодня на жертвенного агнца никто не разорился.

Гер Фанхас сел, выйдя из храма, в носилки. К городу подступала полночь, но темноты не было. Похоже было, что разорили сегодня люди все склады на свечном базаре, потому что где только не теплились огоньки. Прилепленные к домам горели восковые фигурки, беспорядочно двигались факелы, трещали, дымя, деревянные башни, набитые хворостом и паклей.

Носилки на плечах рабов раскачивали огромное тело Светлого Тама уже на наплавном мосту. По мосту слуги

тащили, посадив в плетеные корзины, хмельных богатых хозяек. Иные (из тех, кого некому было подобрать) просто валялись на мосту, и носильщики вынуждены были переступать через них. Несколько женщин в красных кожаных шароварах образовали вокруг носилок Фанхаса хоровод и бессвязно пытались что-то пропеть. Хотя по традиции в красных кожаных шароварах ходили доступные женщины, но было похоже, что сейчас в этом наряде не стеснялись щеголять многие. Мужчины обнимались, что-то мыча, и разорванные пестрые халаты соседствовали с такими же порванными и испачканными белыми рубахами; рядом были мусульмане, христиане, язычники, верующие в Неизреченного бога.

«Ах, сыновья Города, — с удовлетворением отметил Фанхас, — все теперь равные, все хазары. Как в арбузном доме, который хоть и носит имя свое по арбузу, но рядом укладывает в себя все плоды!» Фанхас улыбнулся: сколько пришлось ему в свое время выдержать столкновений, когда он добивался от блудницы-академии постановления о богопротивности кабацких заведений?! Но все-таки он закрыл кабаки. И вот результат: доход Гера Фанхаса, заранее прибравшего винный базар к рукам, растет... Прежде пьяницы сидели по кабакам, да и там кабатчики, боясь не получить с пьяных деньги или проклятие от мулл (если те заметят, что из кабаков вываливаются пьяные), особо пить никому не давали — теперь вино закупают на базаре прямо бочками с утра, и с утра пьет прямо из бочек весь Город... И главное, бунтов никаких. Вон сегодня: купцы — отцы Города — в смятении, царь в страхе, а пьянь на улицах лобзается... Пожалуй, если так дальше бы шло, то можно было и арсиев с башни в реку сбросить. Чего зря на стражников государственные деньги расходовать?! Богачи — так пусть себе телохранителей сами нанимают. А пьянь? Да пусть и дальше спьяну лобзается... Он, Фанхас, готов даже ей с утра от себя пару-другую бочек выставить...

Гер Фанхас откинулся на подушках. Носилки на плечах рабов раскачивались мерно, как люлька, толкаемая материнской ногой. Гер Фанхас любил носилки и всегда торопился забиться в них, когда у него возникали неприятности и ему хотелось забыться. Может быть, это было с ним потому, что покачивание носилок напоминало ему его детство в кочевничьей юрте на колесах. Он прикрыл глаза. Пропавшие из Белого храма ценности не

давали ему успокоения. Неужели Серах переправила их уже куда-то? Или их не было, а ему не сочли нужным об этом сказать. Нет, не станет козел бараном, сколь ни завивай ему рога! Не допустят коровы в свое стадо козла, сколь ни растолстей он!.. Гер Фанхас вдруг припомнил верного своего человека из желторизных, который когда-то предупредил его: «Не ходи, Фах Бука (так тогда еще звали будущего Гера Фанхаса) в наш храм. Зачем он тебе? Небо Синее над собой потеряешь, а потолок деревянный (тот, что в Белом храме) не обретешь: кто перебежчику доверится?!»

Увы, нету давно у Гера Фанхаса того верного человека среди желторизных. Посчитал тогда Боко (силач) Фах Бука того верного своего человека за завистника и вместе с именем своим и старого друга отдал. А вот сейчас ясно, что зря отдал. Тогда утопили желторизные этого человека, а сейчас как бы он Фанхасу помог! Глазами бы его в Белом храме был! И не чувствовал бы тогда себя Светлый Там постоянно, будто он весной среди бела дня в воде сидит, только вымылся да еще вымытую одежду разостлал. А яснее говоря: не гляделся бы по понятиям кочевников охальником, которого Небу за насмешку только и остается, как ударить молнией: не дождался дождя для всей Степи, один захотел вымыться — вот, мол, получай!.. А ведь правда: один тогда захотел Фах Бука, впереди всех... золотом умыться, в золоте искупаться!

Маленькая рука Светлого Тама забеспокоилась, нашла в занавесках щель. Через нее щель его рта выдавила:

— Стойте, рабы!.. Стойте, не качайте больше носилки. Или нет! Бегите! Бегите к Иосифову дворцу...

Больше Фанхас уже не задергивал занавесок в носилках. Он лихорадочно думал о ценностях. Неужели его единоверцы, не дожидаясь исхода, решили тихо смыться? «А-а, нет, мои золотые! Вы теперь не сделаете меня снова Фах Букой, которого можно бросить под Синим Небом дожидаться молнии из страны Рус. Ежели даже на вашем челне, на котором вы собрались отгрести от этого берега, не так много места и вы думаете, кого оставить, то не меня!.. Вы что? Решили, что я уже упустил свой случай? Писано: «Я видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не разумным — богатство, и не у искусных — благорасположение, но время и случай для всех». Так вот я поставил на Неизреченного бога, как на

откровение случая. Я понял это откровение и поймал свой случай. Я схватил случай за гриву. Я был Боко (силач) среди черного табуна. Но я сообразил, что белому табуну, забредшему на реку, нужно несколько скакунов иных мастей, чтобы не распугать молочных кобылиц. А теперь, когда я втерся в белый табун, я уж от него не отстану!»

Так злился Фанхас. А сам засомневался: а может быть, напротив, ему сейчас-то и самое время отстать? Вон он слышал, что иные из купцов, что прежде в Неизреченного верили, теперь в христианский храм уже похаживают, а сам Иосиф так между тремя богами и разрывается: в пятницу — в мечеть, в субботу — в Белый храм, в воскресенье — в церковь!.. Уж не присматривается ли давно Иосиф, как рыба, где глубже окажется?..

И впервые пожалел Светлый Там о родном Синем Небе, Желтом Солнце и Зеленой Степи — впрочем, и сам он замечал за иными, что те начинают жалеть о родном только тогда, когда на чужих харчах не солоно похлебают. Чего ему надо было? Ну, был он в юности просто Фах Бука: веселый Фах Бука! смелый Фах Бука! сильный Фах Бука! Боко (оглобля, дышло, силач) Фах Бука! Он и тогда уже был до того тяжел, что, когда, перенося ногу через лошадиный круп, вставал в стремя, конь его, хоть и был приземист и мощен, покачивался. И тогда, собирались многие в городе поглазеть, как трутся шары сала друг о друга — те, что составляли Фах Буку.

Однако девушки — было же такое! — любили сами целовать его толстые щеки и густые, мохнатые, тогда никого не пугавшие брови. Девушки запросто подходили к общему любимцу Фаху Буке и сами целовали его, и почему-то никому в толпе не приходило в голову, что этакой распущенностью девушки могут покрыть себя позором, обесчестить своих отцов — ведь это же они не кого-нибудь простоволосого, а Фаха Буку, народного любимца, целовали!

А если собирались за хлебным набизом мужчины, то и тут непременным украшением веселого сборища был Фах Бука. Не он сам, так хотя бы анекдот про него! И всегда добрый анекдот, потому что грязь к Фахбуковым шарам как-то не прилипала; казалось, что само Небо выбрало его на добрые поступки.

И сам Фах Бука тогда приговаривал, наотрез отказываясь зарывать в землю добытую в походе добычу: «Те,

кто сейчас усердствует, лишены доли разума, так как между землей и зарытым кладом нет разницы. Поскольку при наступлении смертного часа сокровища не приносят пользы, и с того света возвратиться за ними невозможно, то я свои сокровища буду хранить в сердце и все, что в наличности, отдаю нуждающимся, чтобы прославить свое доброе имя!»

Вот как он прежде говорил!.. И все бы так и продолжалось, коли бы однажды не оказались среди распоряжавшихся его добром несколько дошлых рахданитов. Эти рахданиты, взяв у Фаха Буки сокровища и рабов, потом вернули Фаху Буке цену вдвое, объяснив, что им удалось удачно перепродать его товар за морем... После этого удивительного случая Фах Бука стал ходить в походы специально за рабами, а затем и сам стал перекупать и перепродавать рабов, и уже больше никогда не раздавал своего добра, а стал быстро копить его... А когда некоторые из жрецов на родном капище однажды осудили Фаха Буку за жадность, то не раздумывая, он сменил бога, стал он Гером Фанхасом и еще больше с новым богом преуспел. Самым богатым человеком и Главнокомандующим, Кандар-Каганом стал. Однако вот теперь его не облапошивают ли?

Носилки с Фанхасом остановились. Но площади возле царева дворца даже сам царь Иосиф не разъезжал в носилках. Стояло здесь много святилищ; теснились они, отталкивая друг друга, как люди, локтями; и, как кипяток, крутилась между святилищами разношерстная толпа.

Подталкиваемый сзади телохранителем Светлый Там, как большая бочка с рыбьим клеем, вдвинулся-вкатился в эту толпу; оскалив мелкие зубки (были у него при большом теле не только ручки и ножки, но и зубки мелкими! Или, может быть, были они и обычными, но для необъятного тела все равно казались недостаточными, слишком уж маленькими?!), Гер Фанхас сглотнул слюну: у него всегда, как у верблюда в гневе, начинала вдруг обильно течь слюна, когда он ярился. Он опять думал о пропавших ценностях. Проповедовали желторизные, будто не знает человек своего времени, и как рыбы попадаются в пагубную для них сеть, как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно находит на них. Но ужли он, смелый стрелок Фах Бука, переметнулся из-под Синего Неба под деревянную крышу Белого храма только для

того, чтобы стать рыбой в сетях, птицей в силках? Как же?! Неужели для того только, чтобы стать поживой, раскормил он свое тело? Да, теперь прохожим не надо узнавать Гера Фанхаса в лицо, чтобы вовремя перед ним в пыль упасть! Издалека гору сала видно — видно, что идет навстречу великий богач. Его тело кричало:

— А ну, падайте все ниц!.. Я — Светлый Там, Кандар-Каган (Главнокомандующий), царский сайарифа (банкир), староста базара, главный сборщик налогов и самый богатый радханит в городе — иду!..

Но на этот раз Светлого Тама вроде как в толпе и не заметили. Людской водоворот продолжал вариться, как варится кипяток, и пузыри так же пускал, и так же перекручивался. Никто и не отстранился даже, и разговоров своих подобострастно не прервал. Разве что иные голос повысили, когда между ними втолкнулся Гер Фанхас, потому что продолжали кричать через него, как через бочку, и в подкрепление своих доводов хлопали звонко кулаками по живой бочке.

И от этих неожиданных шлепков прекратилась слюна, и высохло во рту у Тама, и вдруг начал пугаться подлости от царя Иосифа Светлый Там.

Сующая во все нос Серах уговорила Иосифа сместить Пехаса (невзлюбила она Пехаса за то, что тот на ее прелести внимания так и не обратил) и на его место предложила Гера Фанхаса поставить: все равно, мол, войны не предвидится. Хотела услужить Серах Фанхасу, чтобы за лишний чин деньги с него получить. А вот теперь война на носу!.. А из него, Фанхаса, какой же полководец?! Ему бы на место Кагана теперь! Он место Кангар-Кагана только как ступеньку принял.

В толпе по-прежнему кричали через Фанхаса, как через обыкновенную бочку.

И какие-то дикие не то были, не то сказки кричали, хотя Фанхас, откуда они, эти сказки, знал и мог бы еще добавить от себя к каждой сказке подробности...

В толпе испуганно оповещали:

— Я видел ИХ. ОНИ сплавляются из Вятичей.

И тут же еще более испуганно:

— Да не ври ты! Ежели бы ты их видел, то не было бы тебя тут... Давно бы за море удрал со всеми пожитками...

— Да нет, плывут они... И сверху тьма лодий, и через волок со стороны Дона на нашу Реку переправились...

Струг за стругом. А впереди на первой лодии молодой князь, как барс.

— Э! А я слышал от заморских купцов, что у НИХ дом, который построил один из их владык на Черной Горе. Дом тот окружают диковинные цветы разной окраски и разного вкуса, все очень целебные. И у них там огромный идол в образе Зухала, сделанный в виде старца. В руках у старца палка, которой он приводит в движение кости мертвых из могил. Под правой ногой Зухала изображения муравьев различных видов, а под левой ногой изображения грачей и других птиц...

— Да не заливай! Что пугаешь?.. К нам же не эти — к нам ОНИ из города Киева, что на Днепре, идут, а я сам на Днепре был. Видел их: ОНИ там обычные — такие же, какие к нам в лодках всегда спускались, пока их стражники тут убивать не начали.

Вокруг Гера Фанхаса стынет дыхание жарких уст, и замораживаются обрывки фраз, и вскрики, и придушенный шепот, на который перешли не столько из желания сохранить тайну (какая уж тут тайна, раз ОНИ близко?!), сколько от испуга. И от всего этого пахнуло на Гера Фанхаса загробным холодом, потому что все это вместе было всего одним голосом, но самым вредным и опасным для судьбы Эля голосом. Голосом билек иркен (толпы), у которого нет ни цвета глаз, ни формы носа, ни рисунка губ, нет и языка, чтобы Главнокомандующий мог приказать стражникам вырвать его.

Но вот и стражник пустился болтать:

— А я видел ИХ, когда они возвращались из-за моря и, проходя мимо нашего города за разрешенный пропуск хотели, как договаривались, отдать половину товаров... Я еще тогда одному из НИХ язык вырвал.

Ему в ответ:

— Да не ври ты, Булан. Купцу мирному ты тогда язык вырвал. Буду, отцу Воиславы, той, которую на небо Хорс взял... Вот теперь попляшешь: теперь они придут и тебе язык первому вырвут... Люди уж покажут, кто мирных купцов обижал...

Кто-то вмешался, спасая Булана от расправы:

— Ах, не ссорьтесь! Ну, какое теперь кому дело, что когда-то было. Забудем. Зачем? Зачем пальцами друг на друга показывать? Все мы вместе.

Но из толпы напирали:

— Ага! Оказался волк с овечками вместе, блеет: я не волк, это не я вас, овец, съел. Не выдавайте меня охотнику...

Подоспел мулла:

— Тш-ш! Послушайте, почтенные! Я вам лучше про НИХ еще расскажу. У НИХ самым великолепным украшением почитаются бусы из керамики.

— То-то ты, благочестивый, на базаре вчера все бусы скупил... Готовишься?.. Тебе об аллахе думать, а ты как откупиться мозгуешь!

— А знаете, у НИХ деньгами служит серая белка без хвоста, передних и задних лап и головы...

— Соболи, соболи, как монеты идут...

— А денег ОНИ не имеют — лишь куски металла употребляют вместо мерил. А куплю-продажу совершают с помощью мерной чашки...

— Ну, нам-то ОНИ не чашками, а мечами отмерять долги будут. С работорговцев начнут, которые сакалабами торговали, за рабов славян считая...

Гер Фанхас поперхнулся, поджал свои тонкие губы; его рот всем казался щелью, потому что при необъятном теле губы у него складывались капризной ниточкой.

До Фанхаса дошло, что ИХ (он и сам не решился назвать ИХ по имени) толпа уже сравняла с самим Неизреченным, которого верующие тоже никогда не решаются называть по имени и содрогаются, когда имя его проступает в памяти.

Или что? Людей уже доконали знамения?! Обилие Ярин, вместо влаги, одождило город и промочило всем печени...

Сам Фанхас прежде не страшился знамений. До истории с желтым лучом, навещавшим его из дымника, он просто отмахивался от них. Ни в том, что завезли ночью в город таботаи (гробы), ни в голом Дзве, ни в остановившейся Звезде, ни в каркающей вороне Фанхас не видел никакого знака свыше. Он давно приучил себя плевать на страх божий (да и как бы он иначе разбогател, если бы страх ответить на небе за неблагочестивые дела, обманы, слезы сирот держал бы его за руку?).

Фанхас убедил себя: «Зачем, если задуматься, всесильному богу предупреждать слабого человека? Разве может человек составить пользу богу? Разумный ищет в другом пользу для самого себя. А богу-то с чего это искать себе пользу в человеке? Ну, что богу от того, что будет, допустим, какой человек праведен?.. Что богу от раба бо-

жия, который тут на земле, когда он, бог, там, на небе?.. Ничего не может доставить человек от себя богу, кроме поклонения. Однако поклонение лестно лишь от равного, с которым рядишься! Так неужели бог опустится до состязания с ничтожеством?.. Тьфу!»

Фанхас смачно сплюнул (потому что он опять разозлился, и слюна переполнила его рот).

Сплюнул и испугался. Подумал, что вот плюнул он на свою землю, а что дальше?.. Куда он теперь?.. За черной занавеской не оказалось ничего! Богатство? Он тоже не был простак — переправил кое-что и в Багдад, и в Кордову, и в Киев. Однако к чему деньги ему теперь, если придут ОНИ?.. Если даже он убежит, то кто он будет со своими деньгами там, где-нибудь в Багдаде, Кордове или, допустим, Киеве?.. Кара-хазар (черный кочевник) без роду, без племени, перекати-поле, зацепившееся колючками в Хазарском квартале чужого города, квартале неизвестно почему называющемся Хазарским, потому что через несколько дней хазар не будет!.. Здесь, на Реке никогда уже ничего не будет... Хазар не будет, и его не будет... Сколько он продал отсюда мальчиков, девочек, сколько вывез проданных в рабство за долги взрослых — нет их уже там в других странах никого! Исчезли, потеряли себя, даже если и влачат где-то свою изуродованную плоть или, напротив, рожают детей в гаремах каким-то другим народам... И все это сотворил бывший Боко (богатырь) Фах Бука, которого когда-то девушки не стеснялись при всех целовать в толстые щеки... Вот за что — за искоренение собственного рода — они его, оказывается, тогда целовали. Фанхаса трясло.

Гер Фанхас полез сквозь толпу. Скорее, скорее; прочь отсюда! прочь от идолов, капищ, мечетей, церквей, домов собраний! прочь от богов и прочь от народа!.. Сегодня же он должен скупить все корабли, какие бы цены ни заломили за них!.. Нет, надежнее скупить верблюдов. Скупить верблюдов — и через Степи, в глубь Пустыни! «Примешь ли ты меня с моими дарами, Зеленая Степь, Желтая Пустыня?! Ха-ха! Примешь! С дарами всякий гостя примет. Примет — и ночью убьет. Разве так он сам не поступал, когда вошел в перепродажный раж?!»

Фанхас торопился. От поспешности при его грузном теле у него сдавило что-то в груди: печень? сердце? — он сам уже давно не мог разобраться, что у него осталось... Ремни под халатом, стягивавшие шары сала, сползли, и казалось, что составившие его тело шары вот-вот рассыплются, грудой попадают на землю. Внезапно он почувствовал, что толпа, сквозь которую он продирался, уже не сопротивляется ему, что она тоже кинулась вперед, подняла и понесла его, как бревно, с собой.

Над толпой истошный голос проповедовал:

— Мертвые мухи портят и делают зловонной благовонную масть мироварника: то же делает глупость уважаемого человека с мудростью и честью Эля. Сердце мудрого — на правую сторону, а сердце глупого — на левую. По какой бы дороге ни шел глупый, у него всегда недостает смысла, и всякому он выскажет, что он глуп. Есть зло, которое доконает Эль даже под солнцем, это — погрешность, происходящая от властелина!..

Фанхасу показалось, что он знает этот голос, что это кричит Серах. Но зачем же Серах было подбивать билек иркен (кучку народа, толпу) против властелина?.. Или все так привыкли к тому, что Серах кричала всегда голосом толпы, что теперь сама толпа, когда захотела кричать, закричала ее голосом?!. Фанхас попытался заткнуть себе уши. Он всегда пасовал, когда визжала, чего-то требуя от него, жена Иосифа Серах.

Его несло в толпе, как бревно в потоке.

— Мертвые мухи портят и делают зловонной масть мироварника.

— Ворвемся во дворец!..

— Пусть властитель дает ответ!..

— Мертвые мухи...

— Мертвые мухи...

С крыши дворца глашатаи трубили в длинные трубы и громко кричали, что великий царь Иосиф, идя навстречу своему народу, решил срочно собрать у себя во дворце великий Диван, дабы обсудить положение. Глашатаи были освещены факелами, и в них оказалось очень удобно швырять камнями.

— Мертвые мухи...

Толпа тоже сообразила, что несет тело Светлого Тама, как бревно. Она и использовала его тело, как таранное бревно! Раз!.. Светлого Тама раскачивали. Два! Им ударили в запертые дворцовые двери.

— Да переверните же бревно! Лбом, лбом бейте! Не ногами — лоб тверже!..

Двери царева дворца были дубовые, и лоб Гера Фанхаса раскололся раньше дверей.

ДЕНЬ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

Царь Иосиф

Рассказывают, что царь Иосиф вовсе не тогда приказал трубить с крыши в длинные трубы, когда толпа уже накатилась на дворец. А что был он прозорлив и, несмотря на ночную пору, начал собирать Диван, едва только усмотрел, что толпа на площади крутится кипятком. А когда толпа стала колотить в дубовые двери дворца головой Светлого Тама, Гера Фанхаса, то Иосиф уже сидел в парадном кресле и успокаивал свою душу.

Безмолвствуя, сидел Иосиф в кресле, а перед ним безмолвствовал собранный Диван.

«Задача души состоит в том, что она во время земной жизни подвергается испытанию: может ли она, несмотря на соединение с телом, сохраниться чистою от земных искушений?.. Если она в состоянии это сделать, то по смерти просветленною вознесется в царство духов. Если же она, напротив, запятнает себя земным, то должна будет снова и снова, даже несколько раз, вселяться в плоть, пока не очистится многократным испытанием и не будет в состоянии взлететь в духовный мир» — так, вспоминая Тайное Учение Хозму Нистару — мудрую Каббалу, пытался успокоить себя Иосиф. Но покой не шел к нему.

Тогда, несмотря на ночь, приказал он задернуть окна плотными занавесями, и стал за занавесями уже слабее слышен гул возбужденной, распоясавшейся толпы на площади перед дворцом. Полегчало немного на душе (а то уж совсем собралась она отлететь, да как тяжелой взлететь?) и на сердце у царя.

И поправил Царь на себе специально надетый для чрезвычайного Дивана синий широкий первосвященнический пояс, стянувший белое, полупрозрачное, из тонкого виссона сшитое одеяние и растопырил, как показывал ему александрийский жрец, кверху сразу все свои десять пальцев и в полном согласии с таинством Еноха-Метатрона-Масона побудил небо дать благословение низшему миру. За детей вдовы попросил...

Да, так было: на глазах у всего великого Дивана царь Иосиф масоновым жестом побудил небо к благословению низшего мира. Не убоялся кары со стороны Ангела Лика — перед непосвященными раскрылся. Вот, совершил он такое. А что ему было делать? Какие другие у него были возможности поднять себе цену, упавшую в глазах подданных (а в Диване ведь были лучшие люди из них)?

Когда там внизу на площади вместе с чернью купцы и менялы, даже рахданиты бунтуют, то что другое мог бросить на весы сейчас Иосиф?.. Не ждать же было ему, пока и его телом, как Фанхасовым, начнут колотить в двери?.. И пусть за это Ангел Лика, если не боится своего слугу высокопоставленного потерять в Хазарии, в наказание плоти лишает, забирает на небо и, заново воплотив, в новом облике засылает на землю.

«Пусть считает Ангел, что не выдержала моя душа испытания! Пусть предлагает мне новую плоть на земле... Я, может, и сам не жажду с первой попытки зацепиться на Небе, остаться в царстве духов! Может, для моей души полезнее пожить в каком другом теле?.. За кого Ангел Лика меня принимает? Что, я в другом теле не устроюсь?.. Устроюсь! И, может быть, еще даже в детях утвержусь! С Серах ведь у меня ничего не вышло! И рабынь в ноги ей клали — не вышло... Так, может быть, попорченную плоть ты мне, Ангел Лика, для первой моей попытки на земле предоставил?.. А?..» — думал Иосиф.

В зале тем временем уже заканчивался церемониал вползания. И тут, может быть, в первый раз за прошедшие месяцы пожалел Иосиф, что по наущению Серах выкинули с башни Песаха.

«Ведь как Песах на совещание вползал? Пластался ловко и красиво!.. Какой красивый, завидный даус (павлин)! Ах, как пригодилась бы сейчас Песахова доблесть! Теперь же вот и с войском навстречу врагу послать некого... Не Фанхаса же? Тоже мне придумала Серах — покровителя своего в Кандар-Каганы? Зачем?! Ах, видно, все-таки есть мудрость богов в том, что сейчас толпа Фанхасовым телом в двери колотит, избавляет от ненужного Главнокомандующего город».

Освящения Дивана на этот раз не было. Иосиф сам не знал, кого из жрецов на освящение чрезвычайного совещания позвать. Всех? Но донесли Иосифу, что уже отошел к своему богу сожранным шакалами епископ Памфалон, что мулла сбежал, а волхвы двинулись сами навстречу Барсу.

«Уж не из-за богатого ли выбора богов избаловались подданные мои, — вдруг странно подумал Иосиф, — ве-

руй в кого хочешь? Не отсюда ли пошло баловство душ, как у невест, у которых по семь женихов, они привередничают и вовсе без женихов остаются?..»

Белые евнухи, присланные Серах, принесли еще свечей — толстых, из русского воска (сохранились запасы у рачительной Серах); заменяя священников, евнухи сами стали ходить по залу с курительницами. Все-таки Иосиф не мог не отдать должного своей Серах: подумала она о празднике для лучших людей, которые будут слушать речи ее великого супруга.

Зал пропах христианским ладаном, мусульманским бальзамом, травами капищных воскурений, сладко, возбуждающе дурманил головы.

Иосиф захлопал в ладоши. В настороженной, забито-притихшей тишине заговорил громко, торопливо — о времени и полувремени и о том, что есть сила, которая хочет прийти и отменить праздничные времена.

Фразы Иосифа были расплывчаты, завуалированы, но звонки. Иосиф знал пока только, что он должен что-то говорить. Много и веско говорить, чтобы не показаться другим растерявшимся, упустившим делбеке (поводья). Не молчать, чтобы не потеряться среди других!..

Но в середине его длинной и красивой речи, нарушив ритуал, впопыхах вбежал Шлума, торговец и штатный наблюдатель при Белом храме. От двери завопил:

— О, великий царь Иосиф! В Степи собрались люди на совещание. Они объявили, что у них там, а не здесь у тебя Собрание Сильных. А в городе кара-хазары уже с воплями: «Проснитесь, кабары-бунтовщики» — по улицам бегут. И в Степи на том Собрании Сильных тоже кабар поминают...

Царь Иосиф не изменился в лице, равнодушно, будто слушая мимоходом то, что должно было быть известно всем, приказал стражникам вывести из зала и побить Шлуму хорошенько палками за плохое исполнение службы.

Дивану же объяснил совершенно спокойным голосом:

— Э-э!.. Это я сам разрешил собраться представителям Домов в Степи подальше. А туда не пошел, потому что здесь с вами всеми занят... Вот здесь совещаюсь...

Сказав так, Иосиф однако поманил к себе пальцем Арса Тархана и шепотом приказал ему пойти и хорошенько вызнать у Шлумы, что это за собрание и где оно, и незамедлительно его разогнать.

Потом Иосиф опять говорил громко и долго. Но в Диване теперь шумели.

В задних рядах между синеподушечниками сафирами (чиновниками) и красноподушечниками амилями (таможенниками) споры подкреплялись уже зуботычинами. Диван, похоже, начинал превращаться в такую же толпу, что бесновалась перед Диваном на улице.

Иосиф нервничал: знал, что надо взять стражу и мчаться в Степь, на какое-то там самочинное Собрание Сильных. Но как оставить Диван, не подавив здесь семян распущенности?..

Думая про толпу, сразу вспомнил о Серах. Ох, как умеет его жена управлять голосом билек иркен (кучки народа)!.. И внезапно волна, горячая и торопливая, как желание женщины, охватила его, заставила содрогнуться сладко всем телом. Но эта чувственная волна сейчас не была в Иосифе желанием женщины: мысль о Серах послала к нему Бинах (зачинающий дух)... Бинах... Бинах... Как блуждает по земле излитый вездесущий свет, так согласно учению Масона вечно блуждает меж людей и Бинах — одно из проявлений излитого света. В просторечье мы называем Бинах вдохновением. Может быть, потому, что Бинах является не каждому, а больше поэтам, художникам, музыкантам и ученым. Никто не знает, отчего вдруг является человеку Бинах. Но по некоторым признакам можно догадаться, что мужчинам чаще всего посылают вдохновение любимые женщины. Вспомнит мужчина о женщине, а она посылает к нему ответно, как эхо, излитый свет, отзывается в благодарность за светлое воспоминание излитым светом...

Гордый рыжий прекрасный царь Иосиф никогда не сочинял стихов и за всю свою жизнь не взял в руки ни одного музыкального инструмента. Но он знал свои минуты вдохновенья.

В минуты Бинаха (зачинающего духа, вдохновения) Иосиф всегда играл властью, извлекая из власти своей себе радость, как музыкант из самого прекрасного инструмента. Вот и сейчас мощные толчки крови уже пошли разогревать Иосифово тело; участилось дыхание; будто накаливаемые над костром, медленно, но все острее и приятнее краснели его уши; а в виски постучался горячий лед мудрости.

Иосиф прекратил катать шары полунамеков в своей громкой речи. Он опустил руки с десятью растопырен-

ными пальцами. Бойцом, заранее предвкушающим свое торжество, оглядывает он теперь весь зал.

«О мой Бинах! Благодарю тебя, Ангел Лика, что ты не наказал меня за дерзость, а именем супруги моей, очаровательной Серах, послал ко мне свет и теперь разливаешь его во мне. Вот я убрал просившие пальцы. Бинах во мне, и сам я над низшим миром хозяин. Я еще не решил, но уже знаю, что решу. Я еще ничего не сказал, но уже знаю, что от сказанного загорятся другие. Оно во мне, вдохновение!.. Я сейчас высчитаю обстоятельства и обращу их себе на пользу. Вот кабары-смутьяны — они вспомнили свое старое имя бунтовщиков, уже где-то в Степи собрались. Но мне уже больше не надо пытать Шлуму. Без него я уже сам открыл, что там, в Степи, лишь сборище недовольных, но не знающих истинной причины своего недовольства, грубоскулых, тупоносых, черных кочевников... Вот Толпа на площади — они, наверное, уже убили Кандар-Кагана Гера Фанхаса. Недолго ведь может человек продержать в себе душу, когда телом твоим беспрестанно колотят, как тараном, в дверь?! Но что представляет собой толпа, рвущаяся во дворец? Лишь томление голодных глупцов, не разобравшихся в себе, изнывших в своей душевной похоти и обнаглевших из-за того, что по городу поползли, как расплодившиеся дурные насекомые, пугающие слухи. И вот я — который знает, что очень много бывает несчастных случаев, когда созревшая невеста позволяет жениху поднять край своей одежды, не дождавшись позволения закона, именующегося браком... Так что делает умный отец? Может быть, он, поняв свой позор, бежит на площадь, на глазах у всех рвет на себе волосы и обещает запороть дочь? Нет, умный, как Вениамин, отец берет за шиворот священника и укоряет его громко перед всеми, что тот по забывчивости до сих пор не объявил людям о давным-давно состоявшемся обручении...»

Иосиф потряс руками, взывая к Небу.

— О, подданные мои! Я ведаю пророчество. Давным-давно было это пророчество нам. «Эдом (Византия) и Измаил (халифат) истощат в долгой войне друг друга, сами возведут себя на костер и сгорят двое в нем, чтобы на этом пепле родился Третий» — таково было давным-давно пророчество. Ведаю я: Танай Симон скорбно постился сорок дней, а на сорок первый открылась Танаю огненная тайна, и Ангел Лика шепнул ему в ухо то, что

я вам сейчас открыл; Танай Симон вычислил тогда же две последние цифры года, когда освободится пепел для Третьего и настанет Конец Чудес. Два столетия люди ждали напрасно, ибо вычисленный год не подтверждался. Но все великое происходит с третьего раза. Я созвал вас на чрезвычайное совещание, мои подданные, потому что хочу назвать вам полную цифру: четыре тысячи семьсот двадцать восемь! Нынешний год!..

Иосиф победоносно засмеялся. Он сам не знал, почему он вдруг назвал эту цифру, но уже понял, что цифра впечатлила.

— Подданные мои! Сыны Кагана, — о, как ловко оттесняет Иосиф в своей речи от себя Кагана, назвав влиятельнейших людей города сначала своими подданными, а уж потом традиционно сынами Кагана! Вон он, Бинах в действии! — Сыны Кагана! Мои подданные! Сердце мое сокрушается сейчас о тех неразумных существах среди моего народа, которые имеют неверное и смутное представление о нашей вере. Иные вовсе отрицают ясную, как день, истину и хвастают своим неверием. Потоки заблуждений несутся над нашими головами, и мы полагаем, что нет хорошего пловца, который вытащил бы нас из пучины. Но так как милость божия одарила меня чем-то таким, благодаря чему я ныне оказался над всеми вами, то ныне, открыв только что вам всем великую тайну пророчества о Третьем, я тщусь быть и дальше всем вам полезным и вывожу вас на путь истины.

Подданные мои! Вот было превеликое множество всяких яарин (знамений) над нашим городом. Но знамения же даются человеку, чтобы он задумался. Такое толкование ясней ясного. Задумаемся же мы все! Я не боюсь сейчас этого своего призыва. Но хочу помочь вам всем подняться до истинной веры путем философского размышления, хотя многие считают, что именно размышления приводят к распроклятой ереси и неверию. А мы все-таки задумаемся! И не будем больше путать размышления с той ересью, до которой додумались у нас некоторые тупоумные люди, которые решили, что сейчас надо нам всем бежать в Индию, чтобы там разбогатеть.

Подданные мои! Если вы задумаетесь, то откроете, что бог есть Жизнь и Познание Вселенной. И подобно тому, как жизнь всякого организма присуща его частице, так и бог присущ всем частям Вселенной — горам, рекам и морям. И как познание не изменяется с изменением ве-

щей, так и божество неизменимо при переменах в явлениях Вселенной. Могут перемениться имена, но что в перемене имени? Пыль! Как познание не может быть запятнано, так и божество, хотя и пребывает неизреченно во всех вещах, ими не запятнывается.

Мудро и просвещенно говорит перед Диваном Иосиф, разъясняя изречения александрийского жреца, открывшего людям учение Масона. Стелется словесный туман, заполняет помещение, пьянит непонятным, как опиумный мак, размягчает мозги.

Кто из слушающих его, раскрыв рот, толстобрюхих амилей, кто из проглотивших палку сафиров слышал когда подобные премудрости? Дивно и страшно всем. Верят и не верят.

И вспотевшими висками своими, похолодевшими мочками ушей, губами, начинающими трескаться от пересыхания, почувствовал Иосиф, что пал перед ним бунтовавший Диван, духом на полу распростерся. А подавлен дух, теперь и мозгам можно счетец предъявить:

— Мои подданные! Полагаю, что доказал я всем вам, что одно мы все с вами; и все, как бы каждый ни называл для удобства своего собственного покровителя на небе, под одним богом ходим, одному вездесущему божеству неизреченно поклоняемся. Теперь же вот земные цифры. Вы, амили (таможенники, сборщики налогов)! Сколько дирхемов получили в пользу города от наших застав на великом торговом пути из Русов в Арабы?.. Уверяю вас, что многократно больше, чем кто-либо когда получал на другом пути. Вы замолчали, прикидываете в уме. Не прикидывайте! Я скажу сам, что если то, что получили мы от налога и торговой десятины, сравнить с добычей от самого блестящего военного похода, то все одно это будет, как ставить солнце рядом с луною, золотой мешок без дна сравнить с горстью монет, про которые еще никогда не известно, удастся ли завтра отнять снова у противника. Удачное расположение города сказало нам: опустите каждый руки в Реку, и к ним будет прилипать плывущее мимо золото.

А, вот я вижу: все амили склонили головы. Все амили подтверждают мою правоту!.. Так что же мы тогда смотрим теперь, как кое-кто из нерадивых наших сограждан учиняет на улицах бездумный бунт? Что? Испугались, что Барс придет? Ну, так случилось, значит, в мире, что Барс рядом с нами ходит. А нам до этого что? А коли мы уж очень боимся Барса Святослава, то давайте наймем побольше войска. Или у нас нет золота, чтобы большое войско нанять?..

Как опытный оратор, Иосиф сделал паузу перед главным делом, из-за которого он собрал чрезвычайный Диван. Сделал паузу и потом объявил:

— Сейчас евнухи внесут шестигранные подносы. Дайте мне деньги, ибо я помог вам всем заработать много денег, и мне можно верить. Дайте мне, как положено согласно нашему обычаю, возложением на шестигранные подносы деньги, и я незамедлительно найду большое войско против Барса.

Белые евнухи принесли золотые подносы. Идут меж рядов. «Дайте мне деньги!» — кричит Иосиф. Он знает, что сильные люди пришли на чрезвычайный Диван с деньгами — так уж всегда само собой разумелось, когда созывалось чрезвычайное собрание. Но сейчас евнухи по-прежнему ходят меж рядов с пустыми подносами. Ни одна рука к подносу не протянулась, ни одна не кинула мешочка с монетами, ни одно движение не поколебало пламени шести свечей, установленных по шести святым углам каждого из подносов.

Нет, не действуют на рахданитов (знающих пути) священные подносы! Или рахданиты уже и вправду другие пути для себя определили? Перевели деньги из Хазарии в другие страны, а Хазарию бросают?

Иосиф торопливо берет и поднимает плод граната. Бадахшанские рубины, поймав мерцающий свет свечей, вспыхнули военным жаром. Не верите в подносы — может быть, поверите в плод граната? Ах, лучше бы не поднимал Иосиф на руке плод граната! Вот и голос, которого Иосиф не ждал, не хотел, в который не мог давно уже поверить, что он раздаться может:

— Приведи Кагана!

«Раньше, когда-то уже совсем давно, так кричали, когда решали Всей Массой Народа выйти на войну. Крик «Приведите Кагана» означал тогда объявление похода, ибо полагалось Кагану идти впереди войска. Боже, как давно такое было? Кто посмел такое вспомнить?! Кто посмел Кагана вспомнить?..» — Иосиф зеленеет лицом, раздвоенный клинышек его бороды мелко дергается.

— Эй, царь Иосиф! А приведи-ка Кагана! Пусть Каган, как положено, созывает войско. Пусть посылает гонцов за куткулудукчи-воинами по всем подвластным пле-

менам — к каждому племени, от которого у Кагана по жене-наложнице в его великом гареме...

— Царь Иосиф? А ты вообще-то взял на свои предложения благословение у Кагана?.. Может быть, все наши нынешние беды из-за того, что в куббу (золотую юрту) ты плохо заходишь?..

И тишина.

Гробовая.

Как вокруг таботая (сосуда для праха) перед тем, как поместить в него прах.

Губы у Иосифа, его красивые пухлые красные губы, — трясутся. Взгляд Иосифа скользит по Дивану. Он уже готов проклясть день, когда, подражая халифу, завел себе этот Диван для советов. Советуйте, но знайте каждый свое место! Он, Иосиф, должен сейчас срочно кого-то наказать. Гневный взгляд ищет жертву. Песах? Ах, как он бы сейчас подошел вместо жертвенного козла! Ну зачем Серах надоумила сбросить с башни этого дауса (павлина)?! Кому он мешал?! Фанхас теперь Кандар-Каган (Главнокомандующий). Его бы сейчас к ответу! Нет Фанхаса. Да и не решился бы Иосиф подняться на Фанхаса... Вот Завулон... Нет, у Завулона дочери замужем еще за пятью богатыми купцами. Гер Булан? Да, да, этот подходит. Из степняков, переметнулся к Неизреченному богу, помощник Арса Тархана... Удобный мешок для битья. Нет, нельзя жертвовать Гер Буланом... Кто будет тогда присматривать за Арсом Тарханом? А за тем давно надо следить... Наконец Иосиф находит какое-то малознакомое, раскрасневшееся, расплывшееся от жира неприятное лицо. Красивым жестом Иосиф тычет в него рукою, указывая на него стражникам:

— Вот ты!.. Это ты кощунственно усомнился в том, что я всегда беру благословение на свои поступки у святого Кагана? А-а, молчишь?..

У жертвы пересохло во рту и прилип язык к гортани, жертва уже догадалась, что на нее падет гнев.

Иосиф опускает палец вниз:

— Арсии! Уберите предателя! Уберите этот труп, ибо что, коли не труп перед богом, человек, который усомнился в святом?..

Два стражника шагнули от стены, схватили жертву за ноги, поволокли вон.

— Кол для него подлиннее найдите, чтобы всем на колу предателя было видно... — уже мягко, словно нрзвоучая, кричит вслед Иосиф.

На шестигранные подносы начали кидать деньги. Пока немного. Но здесь — ритуал. Завтра Иосифовы амили возьмут за бока каждого. Раскошелят всех.

Иосиф закрывает Диван умной угрозой:

— Подданные мои! Было мне вчера явление. Пришел ко мне от Всевышнего во сне Ангел Лика Масон и сказал: «Передает тебе Господь: я с тобою. Чтобы спасать тебя, я совершенно истреблю все народы, которые вокруг тебя, а тебя не истреблю. Я буду наказывать тебя в мере. Рана твоя опасна, язва твоя жестока, никто не заботится о деле твоем; чтобы заживить рану твою, быстрого целебного врачевания нет; все друзья забыли, не ищут тебя. В пустыне сейчас вопиешь ты о ранах своих, о жестокости болезни своей. Однако надейся. Все пожирающие тебя со временем сами будут пожраны, все враги твои сами пойдут в плен, и опустошители твои будут опустошены, ибо все в мире идет по кругу, и не знает каждый, где удачное время круга его...»

Иосиф разговорился. Глаза его заблестели. Он и сам теперь верит, что поднимается над суетным гневом, летит в облака Бинаха (вдохновения). Его прервал вбежавший Мазбар. Ужасно некстати действовали сегодня оба вестника. Мазбар начал кричать еще издали, из-за закрытых дверей:

— Великий Царь! Срочное известие!..

Мазбар дождался, когда к нему повернулись все головы, и заколотил себя в грудь:

— Великий Царь! Караван сверху сплавился. К городу подошел. Армяне-каменотесы в караване, они церкви русам строили, теперь с деньгами домой плывут. С большой охраной караван. И наш один единоверец с караваном пришел. Из Киева. Но все его у нас тут знают. У нас он прежде ремесленником был. Хотя и еретик... Но наш он. Ему можно доверять. Он даже в блуднице сидел. Народ ему поверит.

Иосиф сморщился. Ему было обидно, что Мазбар прервал его пылкую речь. Иосиф хотел было приказать, чтобы Мазбара побили за неуважение к царю палками.

Но вокруг Иосифа все столь заинтересованно обсуждали принесенную вестником новость, что Иосиф приказать бить Мазбара не решился. Он устал стоять; пережидая, пока уляжется шум, сел в кресло.

Слуги не поняли, решили, что Диван закрыт и начали медленно задвигать над Иосифом небо. И он не сразу сообразил: сам сидел и смотрел, как соединяется парчовый полог, закрывая нарисованное небо и Млечный Путь.

Внезапно подумал он, что, может быть, в последний раз смотрит на свое собственное небо.

С собрания никто уже не выползал. Выходили, разговаривая, толпами.

Белые евнухи тоже потеряли уважение к Иосифу и стали, экономя воск, торопливо гасить толстые желтые свечи, даже не дождавшись царственного знака.

Внизу толпа наконец-то проломила двери во дворец, но, побежав, ударилась о толпу выходивших с Дивана, рассыпалась. Иосиф подумал, что вот все-таки даже и из невыгодного извлеклась выгода: толпа-то остановилась.

И сам же поправился: не остановилась — запнулась. А остановить? Видимо, теперь ее уже остановят только ОНИ...

Окончание следует

ПОЭЗИЯ

ЗВУКИ ЧИСТОЙ ДУШИ

При жизни Евдокия Петровна Ростопчина, несмотря на безбедное существование, испытала немало огорчений...

Мать умерла, когда Додо Сушковой (так звали Евдокию в отчем доме) было пять лет. Отец воспитанием дочери не интересовался. Старики Пашковы — родители матери — тоже. Одна за другой чередовались гувернантки, оставляя крупицы поверхностных, случайных знаний. Но любознательность и прекрасная память девочки не только позволили ей выучить три европейских языка, но и пробудили страсть к стихосложению.

Впервые стихотворение Ростопчиной появилось в печати без ее ведома: в 1831 году П. А. Вяземский напечатал ее «Талисман» в альманахе «Северные цветы». После замужества Евдокия Петровна решилась «открыться» и начала печататься широко.

На званых обедах у Ростопчиных бывали Жуковский, Одоевский, Плетнев, Соболевский, Мятлев, Щепкин — все это созвездие золотого века русской культуры. Бывал и Пушкин.

В лиричном, искреннем звучании лучших стихотворений Ростопчиной чувствуется напряженная жизнь души, любовь к природе. Сегодня мы предлагаем малоизвестные стихи Ростопчиной, а стихотворение «Мои Петербургские вечеринки» публикуется впервые.

Е. П. РОСТОПЧИНА

НА ПАМЯТНИК СУСАНИНУ

Из рода в род, из века в век...

Дмитриев

Тебе ль чугун, тебе ли мрамор ставить,
Сусанин, верный сын, честь родины своей?..
Тебя ли можем мы прославить
Деяньем рук и грудами камней?..
Чугун растопится... полудня мрамор белый
Раздробят долгие морозы Русских зим...

Есть памятник иной: он тверд, несокрушим,
Он славен и велик, как ты, Сусанин смелый!
Сей вечный памятник тебе сооружен
В сердцах признательных потомков.
Во дни крамол и смут из пепла, из обломков
С Россией новою восстал как Феникс он,
И с ней цветет поднесь, могучий и спокойный.
Да!.. благоденствие и слава россиян.
Да... громкие хвалы позднейших сограждан —
Вот памятник, Сусанина достойный!..

Село Анна. Сентябрь 1835.

КТО ПОЭТ

Не тот Поэт, кто в очерке обычном,
В общественном быту спокойно взрос;
Кто вскормлен был рассеяньем столичным,
Кто тест тоски на раменах не нес!..
Не тот Поэт, кто роскошью и счастьем
Взлелеян был от колыбельных дней.
Кто не знавал бунтующих страстей
С их промежуточным бесстрастьем (...)

Село Анна. Апрель 1835.

РОМАНС

Бушуй и волнуйся, глубокое море,
И ревом сердитым грозу оглушай!
О бедное сердце!.. Тебя гложет горе,
Но гордой улыбкой судьбе отвечай!..

Пусть небо дивится могучей пучине!
Пусть спорит с упрямой, как с равной себе!
Ты сильно, о сердце!.. Не рабствуй в кручине,
Разбейся — но вживе не сдайся борьбе! (...)

Москва. Январь 1834.

МОИ ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕЧЕРИНКИ

(Всем друзьям и посетителям)

Друзья и братья, — мимолетной
К вам гостьею явилась я:
Сбирайтесь все вокруг меня
Ожить в беседе беззаботной!..

Я жажду искренних речей,
Я жажду теплых рукожатий,
Радушного приема братий,
Живого говора друзей.

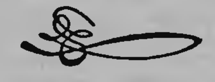
Ищу обмена мыслей, мнений;
Хочу меж родственных умов
Послушать новых их стихов,
Согнать пыль старых заблуждений...

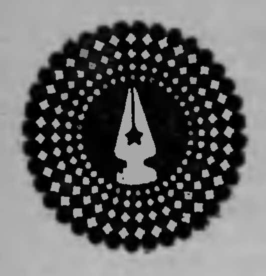
С восторгом к людям я лечу,
В глуши соскучась на покое;
Устав в безжизненном застое,
Я жизни умственной хочу.

Сберитесь все на чаю чашку,
На ласковый сестры привет, —
И будь забыт здесь целый свет,
Сердца и души — нараспашку! (...)

1855 г.

Публикация Игоря ДЬЯКОВА

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В. МИХАЙЛОВ

БРАТСТВО НАРОДОВ — НАШЕ ДОСТОЯНИЕ

(XIX ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КПСС О МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ)

Современное состояние межнациональных отношений в СССР показывает, что здесь нужны радикальные перемены.

Что случилось в нашем общем доме, в котором еще не так давно поднимались заздравные тосты за нерушимую дружбу и братство и, казалось, ничто не предвещало беспокойства? Было ли это всеобщим самообманом или просто желанием уйти от реальной оценки национальных процессов? Нисколько не бросая тень на то, что было завоевано социализмом, а эти завоевания действительно исторические, приходится признать, что за ними на каком-то этапе мы просмотрели противоречивость межнациональных отношений. События в Алма-Ате в декабре 1986 года, сегодняшние события вокруг Нагорного Карабаха, в Армении и Азербайджане, трагедия в Сумгаите, процессы в Прибалтике, в Молдавии, некоторых областях Украины, да и здесь, в Москве, — вывели нас из состояния грез в мир действительности, потребовали неотложных действий.

Перестройка, демократизация и гласность не только высветлили теневые стороны, глубинные язвы в национальных отношениях, которые долгое время игнорировались, загонялись внутрь, но одновременно создали необходимые условия для их демократического преодоления.

В период перестройки XIX партийная конференция сделала крупный шаг в теоретическом и практическом обосновании национальной политики. Она приняла отдельную резолюцию по этому вопросу, в которой подчеркивалась необходимость настойчиво утверждать и творчески развивать ленинские нормы и принципы национальной политики, решительно очищать их от искусственных наслоений и деформаций. Основа для того — выработанный XXVII съездом КПСС политический курс, сочетающий удовлетворение интересов всех наций и народностей с общими интересами и потребностями страны, интернационалистская идеология, несовместимая с любыми разновидностями шовинизма и национализма *.

Надо сказать, что не только признанные ученые, партийные работники, но и представители интеллигенции, рабочего класса, крестьянства обращались со своими программами и предложениями в ЦК КПСС, принимали участие в выработке проекта резолюции. Были учтены мнения делегатов конференции от многих союзных республик. Уже не раз отмечалось, что в этих предложениях, платформах выпукло обнажилась вся противоречивость оценок и подходов к решению проблемы. Их условно можно разделить на три группы.

Первая — это полное признание правильности прошлой национальной политики, акцент на достижениях, устоявшихся принципах и подходах. Незыблемость прежних теоретических выводов.

Вторая — это выработка общедемократической концепции с упором на специфику национального развития, вплоть до пересмотра основ Советской федерации.

Третья — это восприятие положительного опыта прошлого, достижений и в то же время очищение национальной политики от наслоений культа личности, волюнтаризма и застоя, творческое и демократическое применение ленинских принципов интернационализма и национальной политики к нынешним конкретно-историческим условиям развития советского общества, наций и народностей страны.

Именно этот, третий подход и стал главным, определяющим в разработке проекта резолюции.

Большую работу провела Комиссия XIX Всесоюзной партийной конференции по окончательной формулировке резолюции «О межнациональных отношениях». Список членов комиссии, предложенный президиумом был дополнен восемью делегатами конференции, в основном руководителями творческих союзов ряда республик, которые при обсуждении проявили особую активность. На заседании комиссии развернулась бурная полемика, в ней приняло участие сорок делегатов, ряд предложений был внесен и в процессе принятия резолюции.

Таким образом резолюция XIX партконференции «О межнациональных отношениях» выработана на самой демократической осно-

* См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г. М., 1988, с. 135.

ве, это результат сопоставления различных мнений, столкновения точек зрения, творческий труд многих людей разных национальностей, но работа эта продолжается и сегодня. Ведь предстоит подготовка к Пленуму ЦК КПСС, который должен дать ответ на многие накопившиеся вопросы, создать действенный механизм управления межнациональными отношениями, отвечающий всему духу перестройки. Одновременно необходимо приступить к обновлению законодательства по этим вопросам, внести соответствующие изменения и дополнения в Конституцию СССР и конституции союзных республик. Чтобы в конечном счете в нашем правовом государстве иметь солидную правовую основу нашей союзной федерации, межнациональных отношений в целом.

Мы отдаем себе отчет, что работа эта непростая, как в плане практическом, так и в теоретическом.

При подготовке резолюции и ее обсуждении предметом особенно острых споров явились следующие положения:

— о советском народе — как новой исторической общности;

— о решенности или нерешенности национального вопроса в СССР;

— о том, правильно ли вводить термин «иждивенческие настроения» относительно отдельных республик;

— о мерах децентрализации и разграничений компетенции Союза ССР и советских республик;

— о республиканском и региональном хозрасчете;

— о суверенности союзных республик;

— о национально-государственном строительстве;

— о национальностях, проживающих за пределами своих государственно-территориальных формирований или не имеющих таковых;

— о национальных языках и двуязычии;

— о национальном самосознании и культурной самобытности;

— о соотношении интернационального и национального, о национальном и националистическом;

— о структурах управления национальными процессами и др.

Остановимся на некоторых из них.

О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Ленинское диалектическое понимание сложности и многогранности национального вопроса не упрощенческая формула о раз навсегда данном решении этой проблемы. И сегодня нас не может удовлетворить то, что получило хождение в тридцатые годы.

В плане социально-классовых антагонизмов, конечно же, многое, очень существенное и принципиально важное в национальном вопросе решено в нашей стране. Но социализм — это еще не полное преодоление социально-политического, экономического и культурного неравенства как между всеми нациями и народностями, так и между людьми. А люди всегда принадлежат определенной национальной общности. Отсюда их попытки переносить на состояние национальных отношений восприятие своего социально-политического и культурного бытия. Это и понятно, ибо разъединить в человеке его социальную и национальную принадлежность очень трудно. Нельзя отрицать этот личностный, социально-психологический, духовно-нравственный уровень существования национального вопроса, из исторической памяти нации нельзя вычеркнуть порой

трагические страницы прошлых конфликтов. В годы культа личности и застоя были перекосы и искажения социальной и национальной политики. В наследство нам оставили такое неравенство и неравноправие, которое следует еще преодолевать десятилетиями упорного труда. Требует пересмотра и положение о выравнивании в основном уровня экономического и культурного развития народов. Ведь факт, что между республиками имеются немалые различия по уровню производства национального дохода на душу населения, по фондо- и энерговооруженности, производительности труда, по уровню решения социальных и культурных вопросов и по многим другим параметрам.

Даже самая большая среди республик Российская Федерация чувствует себя где-то ущемленной и обиженной. Возьмите состояние социально-культурной сферы в колыбели России — Новгородской, Псковской, Владимирской, Ярославской областях. Они в свое время пожертвовали огромными материальными и человеческими ресурсами во имя защиты и укрепления нашего братского союза. Разве не правомерно сегодня их требование жить лучше? Этот вопрос сегодня не случайно уже волнует всю русскую нацию. Так же близки и понятны и те вопросы, которые тревожат и другие нации и народности.

Таких вопросов очень много. Они порождены не принципами социализма, а их нарушениями. Социализм, который подвергся такой серьезной деформации, не может не иметь болезненно деформированного и национального вопроса. Если же сегодня продолжать настаивать на решенности национального вопроса, то это будет означать, что во всей общественной системе лишь национальные отношения остались без искажения и деформаций. А взоры тех, кто так утверждает, следует направить в те регионы, где сегодня возникли очаги национального напряжения в самых драматических формах.

В общем, нужен подлинно диалектический, а не статичный взгляд на проблему национальных отношений: здесь много решено, что-то осталось нерешенным, а к чему-то придется подойти вновь и вновь с более высокими требованиями.

О ПОНЯТИИ «СОВЕТСКИЙ НАРОД»

Во многих партийных документах, в Конституции СССР записано, что в нашей стране сформировалась новая историческая, социальная и интернациональная общность людей — советский народ. Вывод этот в принципе неоспорим и очевиден, о чем ясно сказано и в резолюции партконференции.

Так почему же вокруг этого понятия развернулась острая дискуссия, в том числе и в комиссии на Конференции? Дело в том, что в совокупности с тезисом о неизбежном слиянии наций, который до недавнего времени активно был в употреблении, оно стало восприниматься некоторыми представителями национальной интеллигенции, особенно творческой, как атака на национальное, как попытка его нивелировки и уничтожения.

Говоря о слиянии наций, нередко ссылались на В. И. Ленина. Цитировали его вкривь и вкось, хотя в его трудах речь в данном случае идет совсем о другом — об объединении представителей различных национальностей в единых рабочих организациях, а также о слиянии интересов наций в социалистическом обществе. Что же касается национальных и национально-государственных раз-

личий, то они, по мнению Ленина, будут держаться еще очень и очень долго и после победы социализма во всемирном масштабе *.

Конечно, нельзя подходить к этому понятию да и к самой реальности метафизически. Речь идет о развитии, а не о законченном процессе. Но нельзя допускать и умвления значения этого важного обществоведческого вывода.

Положение это требует глубокой научной проработки, широкого разъяснения, особенно если учесть, что неприятие факта существования «советского народа» сегодня кое-где выражается через предложения ввести отдельное гражданство для союзной республики, ограничив его рядом условий. Вряд ли такое требование оправдано и в правовом, и в политическом отношении.

Единое союзное гражданство нисколько не умаляет суверенность прав граждан союзных республик. Более того, оно расширяет права каждого советского человека. Поступать иначе — значит вольно или невольно допускать дискриминацию по национальному признаку.

О РЕСПУБЛИКАНСКОМ ХОЗРАСЧЕТЕ

Включение этого положения в резолюцию конференции сопровождалось острыми дискуссиями. И дело не в том, что кто-то чего-то недопонимает по существу. Вопрос в том, что толкование его неоднозначно. В подтексте некоторых рассуждений на данную тему отчетливо просматривается тенденция к самоизоляции, отрыв экономики республики от единого народнохозяйственного комплекса страны. К примеру, одна из писательских организаций приняла резолюцию, в которой прямо говорится: заботиться о том, чтобы национальные богатства республики, и прежде всего природные, использовались в интересах коренного народа.

У нас за пределами своих национальных территорий сейчас проживают около 60 миллионов человек. А как быть с ними, если все республики поставят так вопрос? Как быть с нефтью, газом, лесом, металлом, если каждый все свое будет придерживать только для себя?

Другое дело — вопрос о равноправном, эквивалентном обмене. Тут предстоит большая работа. Надо поставить дело так, чтобы трудящиеся хорошо знали, сколько республика или область производит, каков ее вклад в экономику страны и сколько она получает.

Болезненное восприятие многих экономических проблем тесно связано с противоречивым воздействием экономики на межнациональные отношения.

Определяющая роль экономических отношений на развитие наций и национальных отношений — доказанная истина. Но мы в определенной степени отошли от этой истины, развивая на практике экономику без учета состояния и перспектив развития национального фактора. Только в теории мы старались их «притягивать» и «пристегивать» друг к другу и показывать гармоничность этого процесса. Если республика достигла немалых успехов в росте объема промышленной продукции по сравнению с 1922 годом, то мы преподносили это как факт прогрессивного развития наций и всего национального. Оказывается, что это не всегда так. Экономическое развитие Ловозерского района Мурманской области, например, за счет горнорудной промышленности, конечно, повлияло на положение и благосостояние саамов. А насколько в позитивном плане и насколько негативно — с точки зрения национального характера и национальной самобытности хоть и маленького, но народа, трудно сказать. Географические названия Сургут, Нижневартовск, Самотлор у нас прежде всего ассоциируются с нефтью, а не с уникальными народностями ханты и манси, жизнь, экономическое благосостояние, культура которых не выиграли от активной экономической деятельности. В ряде случаев непродуманное вмешательство хозяйственников поставило их чуть ли не на грань исчезновения как народности — носителя специфического этнического и культурного феномена *. Именно поэтому, имея в виду тесную взаимосвязь экономической, социальной и духовной сфер с национальными аспектами, в резолюции партконференции записано: «Важно, чтобы в каждом национальном регионе прогресс экономический и социальный сопровождался прогрессом духовным с опорой на культурную самобытность наций и народностей». Приходится признать, что это обстоятельство, по существу, полностью игнорировалось союзными министерствами и ведомствами. Они порой бездумно вторгаются в среду обитания народов, нанося ей большой, непоправимый вред, провоцируют миграционные процессы, без которых вполне можно было бы обойтись. Справедливости ради следует сказать, что и местные органы слабо противодействовали такому поведению ведомств. XIX Всесоюзная конференция однозначно высказалась против диктата ведомств на местах. В резолюции говорится о предоставлении бóльших прав и самостоятельности республикам, необходимости обеспечить эффективное взаимодействие территориальных органов управления с министерствами и ведомствами СССР, предприятиями союзного подчинения, усилить ответственность как республиканских, так и союзных органов управления за комплексное развитие каждого региона.

XIX партконференция поддержала идею хозрасчета. Принято решение Совмина СССР о подготовке ряда республик и областей к внедрению хозрасчетных отношений.

На первый взгляд это может привести к закреплению межреспубликанских и межрайонных различий. Вначале будут сказываться неодинаковые стартовые условия, влияние которых важно по возможности ослабить, в том числе за счет централизованных источников. Однако нельзя не видеть такого важнейшего следствия, как выработка иммунитета к экономическому иждивенчеству.

Ведь в нынешних условиях укоренившееся иждивенчество — это следствие отсутствия какой-либо экономической ответственности республик за использование как собственных, так и перераспределяемых средств.

Внедрение регионального хозрасчета, даже при сохранении некоторого перераспределения ресурсов, будет стимулировать жизнь по средствам, а четко фиксируемая задолженность республик станет оказывать мощное социально-психологическое воздействие и на население, и на руководство, побуждать к более рачительному хозяйствованию. Лучшим критерием оценки такого подхода, безусловно, является практика.

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 77.

* См.: Советская культура, 1988, 26 и 28 июля.

О РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ И НАЦИОНАЛЬНО-РУССКОМ ДВУЯЗЫЧИИ

Уже длительное время интеллигенция, прежде всего писатели, проявляет беспокойство за судьбы национальных языков. Было бы ошибкой истолковать это как проявление корпоративного интереса. Данная проблема в ряде регионов все больше приобретает общенациональный характер.

Это отразилось на конференции и учтено в резолюции. В ней четко сказано, что необходимо проявлять постоянную заботу об активном функционировании национальных языков в различных сферах государственной, общественной и культурной жизни. Всеми гражданами других национальностей поощрять изучение языка народа, именем которого названа республика.

И в этом мы вновь обращаемся за советом к Ленину. Он требовал «ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инонациональных республиках, входящих в наш союз, и проверить эти правила особенно тщательно» *.

Разумеется, все это не должно противоречить ни демократическому принципу свободного выбора языка обучения, ни утвердившейся тенденции к развитию национально-русского двуязычия.

Но естественно задать простой житейский вопрос, не погружаясь в теоретические дебри: юридически все нации и народности нашей страны равноправны, но тогда почему, скажем, русский человек не затрудняет себя вопросом не только в столицах союзных республик, даже в любом районном центре или поселке страны, как ему удовлетворить свои культурные запросы, почитать книгу, пойти в школу, а представителю другой национальности в Москве — союзной столице — требовать удовлетворения таких же потребностей — это уже национализм! С такой логикой трудно строить современную национальную политику.

Резолюция дает однозначный ответ, как надо поступать в таких случаях: заботиться во всех отношениях о каждой национальной группе, о каждой национальности.

Во всяком случае, нужен конструктивный поиск, который в конечном счете привел бы к такому положению, когда стало бы нормой как для коренного, так и для некоренного населения совершенное знание двух, а то и трех национальных языков.

Учитывая особую проблему языковой политики, предстоит подготовить и вынести на широкое обсуждение проект союзного закона о свободном развитии и равноправном использовании языков народов СССР.

О ПАТРИОТИЗМЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЕ

Мы сейчас на практике столкнулись с тем, что теоретически было известно и раньше: классовое, интернационалистское сознание не развивается постоянно только по восходящей линии, на этом пути возможны уклоны, деформации и даже на какое-то время движение вспять. Сегодня в духовной жизни наций в той или иной мере наблюдаются тенденции развития «национального патриотизма». Нравится нам или нет, но это так.

Руководить обществом — это значит прежде всего хорошо понимать суть и смысл идущих в нем процессов, правильно реагировать на них. Для правящей партии было бы большой ошибкой оказаться в стороне от происходящего или занять позицию только противоборствующей силы. Задача состоит в том, чтобы движениям, идущим из глубины народа, придать до конца здоровый, созидательный характер. Нам предстоит сделать национальный фактор не препятствием и тормозом обновления, а движущей силой перестройки. Для этого надо научиться верно направлять национальные чувства, не пускать рост национального самосознания на самотек.

Истинный патриотизм — могучая сила. От нас зависит, будет ли она работать на укрепление социализма или против него. Крикливо-демагогическому псевдопатриотизму нужно противопоставить патриотизм деятельный, поднимать в общественном мнении его престиж. Не следует стесняться и самого слова «патриот» — оно относится к людям, которые строят и укрепляют социалистическое Отечество, а не разрушают его. Осознанная любовь к своему народу несовместима с национальной замкнутостью, враждой и предубежденностью к другим народам и культурам. Как известно, расцвет нации предполагает творческое освоение всего лучшего, что выработано человечеством, и способность предложить другим нациям нечто ценное из собственного опыта. Иначе говоря, истинный патриотизм всегда выводит на интернационвлизм, на служение общечеловеческим интересам.

Но все это не значит, что интернационализм есть просто сумма, так сказать, «национальных патриотизмов» — пусть даже и наполненных социалистическим содержанием. Если кто-то думает, что интернационализм — понятие сегодня не актуальное и чуть ли не устаревшее, тот серьезно заблуждается. Хотя бы потому, что реализация национальных интересов, успешное продвижение каждой республики по пути экономического, социального и духовного прогресса будет тем успешнее, чем прочнее связь и взаимопомощь в братской семье советских народов. Это истина, подтвержденная всей нашей нелегкой историей. И сегодня, на крутом переломе в жизни страны, забывать о ней допустимо еще меньше, чем когда-либо. Думаю, нелишне напомнить слова замечательного поэта, классика советской литературы Эдуардаса Межелайтиса: «Изолироваться опасно и отдельному человеку и народу. Можно еще добавить: и большому и маленькому человеку, и большому и маленькому народу. Всем одинаково опасно, всем угрожает духовное малокровие. Дух получает мало пищи, нечем подкреплять его, и он начинает задыхаться, как рыба под толстым слоем льда, где не хватает кислорода. Кислород, культурный кислород необходим духу».

Задвча практической политики, идеологической работы партии в национальном вопросе — избежать двух крайностей. Национального нигилизма, вредоносного, поскольку нации и национальности — реальность.

Другая крайность — национализм, идеология национального превосходства, которая, как свидетельствует весь опыт человечества, слепв и легко скатывается к расизму. Граница между национальным и националистическим пролегает именно тут. Все национальное плодотворно и уважаемо лишь до тех пор, пока законная любовь к своему народу, гордость его достижениями не перерастают в претензии на ту или иную исключительность, на превосходство по сравнению с иными народами, в презрительно-пренебрежительное

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 361.

отношение к иным народам, их гордости, традициям и достижениям.

Шовинизм, сионизм и антисемитизм, любые проявления национализма в социалистическом обществе недопустимы, от кого бы они ни исходили. Для всех народов оскорбительны любые претензии на национальную исключительность. В том числе и для того, от имени которого они высказываются. А бороться надо прежде всего со «своим» национализмом.

Главное, чтобы любые конкретные решения отвечали законным интересам людей, общества в целом. Они должны открывать, а не перекрывать новые возможности прогрессу, обновлению, перестройке нашего социалистического общества. Исходить из того, что будущее за интернационализмом.

Еще памятно то время, да и сегодня иногда проскальзывает — когда людей обвиняли в национализме только за то, что они выступали за родной язык, культуру. Творчество выдающегося украинского поэта Владимира Сосюры, например, попало в свое время под запрет из-за патриотического стихотворения «Любите Украину».

Но ведь было бы абсурдным обвинить Ломоносова, Тургенева в шовинизме за их прекрасные слова о русском языке, великом, правдивом и могучем, в котором есть и великолепие испанского, и живость французского, и нежность итальянского, и крепость немецкого. Так почему же не абсурдны такие обвинения, если они касаются языка украинского, белорусского, молдавского, киргизского? Так что, проводя в жизнь принципы интернационализма, надо твердо усвоить, что сегодня борьба за интернациональное братство — это и активная помощь в развитии национального языка, национальной культуры.

Конечно же, было бы глубоким заблуждением считать, что рост национального самосознания, ставший общепризнанным фактором, бурное оживление национального, даже отчасти национальных движений — несут лишь позитивный заряд. Необычность его для многих из нас волнующа потому, что непривычна, ломает старые формы и методы идеологической работы, требует творчества, неординарности в подходах и оценках. Все это так. Но фактом является и то, что этот чистый поток, чистый по своим целям, порывам несет за собой, увлекает в общее русло зачастую и всякую муть, националистическое и шовинистическое зловоние.

Разделить их, отфильтровать — трудная, но необходимая задача каждого коммуниста, каждого честного человека. Резолюция дает на этот счет четкие ориентиры.

●

Михаил АНТОНОВ

НАСТАЛО ВРЕМЯ ПОДВИГА

Если бы мы уделяли духовно-нравственному воспитанию народа хотя бы сотую долю того внимания и тех средств, которые уделяем, например, спорту, наш образ и уровень жизни давно уже были бы предметом зависти во всем мире.

КАКОВ ЖЕ НАШ СОВРЕМЕННЫЙ ИДЕАЛ?

Недавно мне, выступавшему в довольно большой аудитории, задали вопрос: «Правильно ли мы понимаем, что наш современный идеал — это лишь повышение материального благосостояния?..» Вопрос этот затронул одну из самых «болевых точек» нашей современной жизни.

Попытаемся проследить исторически, как менялось наше представление об идеале в послереволюционный период.

Поднявшись в октябре 1917 года под руководством партии на штурм старого мира, рабочие и крестьяне России ожидали, что вслед за тем начнется всемирная пролетарская революция — на меньшее, как говорится, они были не согласны. Вот тогда-то и воцарятся на всей земле свобода, равенство и братство, «исчезнут ложь

и грусть», во всяком случае, преступления и другие отклонения от норм нравственности, поскольку, как считалось, все они порождены эксплуататорским строем. Этот идеал вдохновлял людей на беспощадную войну с защитниками старого мира. Однако действительность оказалась гораздо более суровой. Надежда на скорую мировую революцию не оправдалась (кстати сказать, наш культурный и этический вандализм 20-х годов, вероятно, сыграл не последнюю роль в ослаблении на Западе симпатий к СССР, в чем мы еще стесняемся себе признаться), а преступления и пороки продолжали цвести пышным цветом.

Авангард народа не впал в отчаяние и решил: социализм будет построен в одной, отдельно взятой стране. И мечта о светлом будущем поднимала людей на неслыханный трудовой героизм.

Вспоминаю беседу с человеком, становление которого как специалиста пришлось на начало 30-х годов.

— Вы не представляете, — говорил он мне, — какое шоковое впечатление произвело на мое поколение заявление Сталина в 1936 году о том, что социализм у нас в основном построен. Лично я, человек отнюдь не мягкотелый, плакал навзрыд.

— От радости?

— Что вы! Я тогда только вернулся из своей вятской деревни, заброшенной в глуши лесов, отрезанной бездорожьем от мира. Там в избах — грязь, тараканы, из-за отсутствия керосина пришлось вернуться от лампы к лучине. Но я вроде бы ничего этого не замечал — ведь нам впереди светил маяк, светлое будущее, которое мы строим своими руками. Пусть нам, считал я, придется трудиться с напряжением всех сил еще пять, десять лет, все равно мы своего добьемся! И вдруг оказалось: все то, что меня окружает, это и есть социализм, правда, построенный лишь в основном. Никогда ни до, ни после не переживал я такого разочарования, такого горя.

Правда, этот борец за новый мир скоро увидел и много положительного в жизни: раз социализм в основном построен, то меньше стало безоглядных ломок, заметнее стали пробиваться ростки уважения к культурному наследию прошлого, созидание еще более явно стало брать верх над разрушением, и это придавало людям мужества и уверенности в своих силах, в своей исторической правоте, чего не поколебали даже страшные массовые репрессии.

Потому-то люди этого поколения мужественно встретили гитлеровское нашествие, их вера в светлый идеал во многом определила нашу победу.

А вот после войны началось какое-то приземление идеала. Осознание трагедии культа личности развеяло в прах веру в мудрость и непогрешимость вождя, а принять на себя личную ответственность за все свершенное в истории многие оказались неготовыми. Задача — догнать и перегнать капиталистические страны в экономическом отношении — не была решена, в годы застоя разрыв не уменьшался, а увеличивался. Попытка Кубани перегнать Айову по мясу и молоку была, кажется, последней в этом роде.

Лозунг «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» признан преждевременным. Высокая цель — коммунизм — остается, но теперь уже все признают ее очень далекой, и наша повседневная деятельность с ней непосредственно, по сути, не связана. Действительно ли выполнение мною плана по нарезке болтов приближает наше общество к тому светлому идеалу? Не усиливает ли оно, наоборот, «самоедского» характера нашей экономики, тенденции к росту «производства ради производства», который выливается в ненужную растрату народного труда и природных богатств страны? Обессмысливание же производственной деятельности в наших условиях ведет к обессмысливанию человеческого бытия, поскольку труд занимает у нас слишком большое место в жизни, чтобы его пустоту можно было бы компенсировать за счет каких-либо иных факторов.

Положение особенно усугубляется тем обстоятельством, что социальная сторона идеала тускнела, а личностной по-прежнему не уделялось надлежащего внимания. Да и откуда было ей взяться, если десятилетиями в обществе царил культ производства с девизом «план — любой ценой», в людях прежде всего ценили «рабочие руки», «трудовой ресурс», а кадры руководителей подбирали формально по деловым и политическим качествам, невзирая на нравственные, а фактически — по принципу личной преданности? В этой обстановке стали не только возможны, но прямо-таки неизбежны те пороки в общественных нравах, о которых мы широко и открыто заговорили лишь после апреля 1985 года. Так уж человек устроен, что, когда нет высокой вдохновляющей его идеи, у него берут верх эгоистические побуждения.

Я решительно не согласен с недавним заявлением одного видного журналиста, утверждавшего: построим хорошее общество — будут у нас хорошие люди, в этом весь марксизм в области морали. Эта «теория среды», позволяющая оправдать любое преступление стечением внешних обстоятельств (дескать, сам-то я хороший, но нельзя же мне не брать взяток, когда все кругом берут!), находится в полном противоречии со всем прогрессивным нравственным опытом человечества и особенно с системой ценностей, выработанных отечественной культурой: воспитанный человек при любых обстоятельствах до последнего вздоха должен оставаться человеком.

На мой взгляд, настало время, когда состояние духовно-нравственной жизни народа нуждается в столь же тщательном рассмотрении и осмыслении, как и экономическое положение страны. Как говорил Ф. М. Достоевский, без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация.

В своей речи на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев еще раз напомнил, что «не хлебом единым жив человек, и даже не современными материальными благами. Более всего живет он правдой и совестью, справедливостью и свободой, нравственностью и гуманизмом». И чем дальше, тем больше будет возрастать роль духовно-нравственных ценностей. Если говорить о дальней перспективе, то надо четко уяснить, что социализм может победить в соревновании с капитализмом только силой примера и лишь тогда, когда мы не просто добьемся высот в развитии экономики и культуры, но и создадим общество с чистыми отношениями между людьми, воспитаем разносторонне развитого и воистину благородного человека — олицетворение нового мира.

Нашего соотечественника крайне трудно поднять на большие дела, на героический труд одним лишь обещанием материальных благ. Это сейчас, пока мы десятилетиями испытывали нехватку самых необходимых жизненных благ, нам кажется, что ради них мы готовы работать и работать. Но едва лишь будут удовлетворены наши насущные потребности, мы можем столкнуться прямо-таки с

пугающим ослаблением стимулов к упорному труду, симптомов чего уже и сегодня достаточно. А это означает, что без выработки или воссоздания более высокого идеала вряд ли возможно решение задачи ускорения социально-экономического развития страны.

Да и проявления разнообразных центробежных тенденций, в частности рост националистических настроений, в ряде регионов страны во многом порождены тем же отсутствием высокого идеала...

ТУПИКИ И МАГИСТРАЛЬ

Поскольку устарелое мышление еще остается преобладающим в современном мире, мысль наших ученых-экономистов и публицистов, пишущих на экономические темы, неизменно обращается к одной из двух всем известных концепций — «антитоварников» («комиссаров») и «товарников» («коммерсантов»). «Комиссары» требуют «закрутить гайки», «коммерсанты» ратуют за неограниченную свободу предпринимательства. Теперь можно более подробно проследить возможные (а точнее — неизбежные) последствия осуществления той и другой концепции.

Что будет, если победят «комиссары» и сохранится господство монополий-ведомств? Ответ ясен: ведомства уже давно стали очагами загнивания и к тому же губят все, к чему прикасаются, — отравляют Байкал и Ладогу, Днепр и Волгу, не оставляют замысла о переброске вод северных рек на юг, насаждают атомные электростанции в самых плодородных и густонаселенных районах страны, у истоков ее важнейших водных артерий. В условиях, когда число наименований промышленной продукции превысило 24 миллиона, попытка сверхцентрализованно осуществлять управление общественным производством из единого центра привела бы экономику к параличу. Ведомственные монополии уже доказали свою полную неспособность обеспечить необходимый в современных условиях быстрый научно-технический прогресс, следовательно, если они сохранят свое господствующее положение в экономике, наша страна быстро скатится на положение третьеразрядной державы. Сохранение отраслевых монополий означает дальнейшее развитие узкоспециализированных предприятий, которое, как показал академик В. А. Легасов, представляет собой давно пройденный этап, признак индустриальной эры, тогда как передовые страны уже вступили в эру технологическую. Переход предприятий и отраслей на полный хозрасчет и самофинансирование в условиях сохранения господства ведомств приведет к дальнейшему росту цен и снижению жизненного уровня народа.

А что будет, если победят «коммерсанты»? Сами они обещают эру изобилия, расцвет предприимчивости, рост заинтересованности каждого в результатах собственного труда и деятельности всего трудового коллектива. Наверное, в каких-то отношениях в пределах предприятия усиление заинтересованности скажется, сократится расход ресурсов на единицу продукции и так далее. Однако в масштабе страны произойдет сдвиг в сторону «рыночного социализма», который повлечет за собой серьезнейшие экономические, социальные и политические последствия. Не подлежит сомнению, что расширение хозяйственной самостоятельности предприятий и постепенная атрофия контроля (и сегодня малоэффективного) центра за внедрением достижений научно-технического прогресса повлекут за собой невозможность проведения единой технической политики в масштабах отраслей. А это приведет к усилению нашего отставания от мирового уровня техники. Тенденция к росту «производства ради производства» усилится, и это в скором времени приведет к еще более резкому росту инфляции и цен, многочисленным банкротствам предприятий, в том числе и наиболее крупных и передовых по технической оснащенности, поскольку в отсталой экономике на их высококачественную продукцию часто нет спроса. Возникнут невиданные прежде сложности с трудоустройством миллионов работников. Те ученые-экономисты, которые толкают нас на этот путь, опираются (как показал А. Салуцкий) на опыт капиталистических и некоторых социалистических стран, где есть свободный рынок жилья. Американец, потерявший работу, например, в Сан-Франциско и получивший приглашение занять должность в Хьюстоне, как правило, продает свой дом на прежнем месте жительства и покупает жилье на новом. А как быть нам, при государственной собственности на львиную долю жилого фонда в крупных городах и при остром жилищном кризисе, многолетних очередях на получение квартир?..

В условиях «рыночного социализма» неизбежно усиление имущественного расслоения людей и соответственно обострение социальной напряженности.

Но, может быть, нас спасут смешанные предприятия с участием западного и японского капитала? Я не исключаю случаев, когда такие предприятия могут оказаться достаточно эффективными и взаимовыгодными, однако наивно было бы думать, что иностранный капитал станет преследовать благую цель — помочь нам в преодолении технической отсталости. У него свои цели — ближайшие и долговременные. Ближайшая его цель заключается в извлечении максимальной прибыли, долговременная — в экономическом ослаблении нашей страны, с тем чтобы она и впредь оставалась поставщиком сырья и энергии капиталистическим странам и импортером технологии и продовольствия. Эйфория, охватившая некоторые круги наших должностных лиц в связи с перспективой расширения возможностей престижных зарубежных командировок, мешает им разглядеть опасность потери экономической самостоятельности. Не мешало бы нам ныне повнимательнее присмотреться к опыту тех социалистических стран, которые пошли на создание большого числа смешанных предприятий и в итоге еще сильнее привязали свою экономику к экономике капиталистического Запада, а доступа к передовой технологии так и не получили.

Те хозяйственные руководители, которые сознают опасность как сохранения власти ведомств, так и безоглядного развертывания товарно-денежных отношений, выступают за проведение политики с позиций пресловутого здравого смысла. По их мнению, надо одной рукой развязать стихию товарно-денежных отношений, а другой придерживать ее, чтобы она не захлестнула народную жизнь. Им кажется, что это и будет разумный путь развития страны, свободный от крайностей. Однако на деле такая половинчатость приведет к тому, что вместо острого кризиса наступит хронический, экономика на многие годы будет обречена на шараханье из крайности в крайность при нарастании напряженности и полном отсутствии перспектив быстрого улучшения экономического положения страны и роста благосостояния населения.

Так что же, значит, у нашей страны вообще нет выхода из предкризисной ситуации?

Почему же нет? Просто давно замечено, что безвыходным считается положение, простой и очевидный выход из которого нам по каким-либо причинам не нравится. А такой выход еще 65 лет назад указал В. И. Ленин, определивший социализм как «строй цивилизованных кооператоров». Хотя его работа «О кооперации» хорошо известна и на ней защищены сотни диссертаций, никто из ученых-обществоведов до наших дней так и не удосужился разобраться в том, что же это за новое явление — строй (!) цивилизованных кооператоров. Вопрос о том, какого кооператора можно считать цивилизованным, и в наши дни повергает их в недоумение. Я не принимаю в расчет утверждений некоторых публицистов, будто В. И. Ленин под цивилизованным кооператором понимал грамотного торгаша. В современных условиях торгаш нередко оказывается страшной фигурой, и чем он грамотнее, тем страшнее.

Что же это за явление — строй цивилизованных кооператоров?

КООПЕРАЦИЯ ПЛЮС ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Из ленинского определения видно прежде всего, что социализм есть строй кооперативный.

Возрожденная после долгого перерыва кооперация делает у нас еще первые шаги, но уже сейчас проявились ее сильные и слабые стороны.

Кооперативы почти повсеместно доказывают свою несравненно более высокую, чем у государственных предприятий, эффективность. Строительный кооператив, например, возводит дома в четыре раза быстрее, чем это же делают строительные тресты. И это понятно: в кооперативе подбираются люди, объединенные одной идеей или, по крайней мере, преследующие общую цель — как можно больше заработать. Поэтому там хорошо поставлены взаимопомощь и взаимозаменяемость, там не требуется специальный штат для учета и контроля, а значит, и связанные с этим расходы. Кооператив — самоуправляющаяся ячейка, распределение дохода и другие вопросы внутренней жизни решаются в нем самым демократическим путем, да и возможности проявления всех способностей каждого более широкие и приемлемые. Если рабочий или служащий находятся иногда под угрозой увольнения (многие москвичи — работники министерств и ведомств недавно пережили очередную кампанию по сокращению аппарата управления и хорошо знают, с какими волнениями и потерями это связано), то кооператору такая участь не грозит: он — соучредитель и сохозяин своего кооператива. Кооператив не связан по рукам и ногам государственным планом и сотнями различных ограничений и может гораздо оперативнее реагировать на изменения спроса и предложения. Вот почему уже сейчас заметна тенденция к переходу работников с предприятий и учреждений в кооперативы (от кафе до театральных объединений). Словом, привлекательного в кооперативах очень много.

Вместе с тем уже сегодня деятельность кооперативов вызывает у многих недовольство.

Не так уж редко кооператоры «гребут» просто шальные деньги. Если прежде в государственной столовой можно было пообедать за рубль, то теперь в кооперативной можно посмотреть, как обедает за десятку тот, у кого много денег. Кооператоры иной раз взвинчивают цены, а то и становятся просто на путь спекуляции. Не случайно среди них оказалось немало бывших уголовников. Мне рассказывали в одном подмосковном городе, как группа студентов, представляющая, по сути, еще не оформленный кооператив, с помощью несложного штампа наладила под новый, 1988-й год (по восточному календарю — год дракона) производство по изготовлению свечей-дракончиков. Спрос на новинку оказался велик, и каждый студент за три дня заработал несколько тысяч рублей. Ясно, что у одних все это вызывает чувство зависти, у других — негодование. В большинстве своем кооперативы и сегодня несут на себе отпечаток торгашества. И это так и должно быть. В. И. Ленин в своей работе «О кооперации» предупреждал, что большевики имели право прежде, до революции, третировать кооперацию, как торгашескую, и с известной стороны имеют право ее третировать и при нэпе так же.

Кооперация без цивилизованности непременно будет выливаться в торгашество. В. И. Ленин же понимал социализм не просто как кооперативный строй, а как строй цивилизованных кооператоров.

В чем же, наконец, должна заключаться цивилизованность в наши дни?

Советский турист, бывавший во Франции, больше всего был удивлен тем, что не увидел там проявлений вандализма: в саду Тюильри не ломают и не режут ножом скамейки, не разрушают по вечерам статуи, во всем Париже на фундаментах не пишут названий футбольных команд, мозаику не выковыривают, цветы не рвут, не обрывают трубки в телефонах-автоматах, не портят лифты в домах, кодовые и переговорные устройства на входных дверях и т. п. Никому не приходит в голову надергать перьев из хвостов свободно, без охраны, разгуливающих по лужайке павлинов. Статья В. Большакова об этом устойчивом явлении, опубликованная в газете, носит красноречивый заголовок — «...И фонари не бьют» («Правда», 26 февраля 1988 г.). Все это представляет собой разительный контраст с обстановкой, царящей в наших крупных и малых городах. Журналист Ан. Макаров пишет о широчайшем распространении у нас бытового примитивного вандализма, о нашей терпимости к унылому, неопрятному существованию, а это есть следствие утраты чего-то очень важного в самом человеке, в котором не разбужен мастер, хозяин, творец и устроитель жизни («Советская культура», 25 февраля 1988 г.).

Но преодоление вандализма — это лишь первый шаг к цивилизованности. Вспомним слова Пушкина: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости...» О какой нашей цивилизованности можно говорить, если даже в Москве к настоящему времени утрачено свыше двух третей памятников истории и культуры, существовавших в начале века, — в процентном отношении по стране это представляет столько же, сколько разрушено и уничтожено на территориях, оккупированных врагом в минувшую войну! Наверное, немного найдется сегодня на Земле народов, которые так же плохо, как мы, знали бы свою историю, у которых так основательно были бы выкорчеваны корни исторической памяти. А забвение корней и обрыв культурных традиций обрекают народ на то, чтобы в любом деле начинать «танцевать от

печки», все вершить как бы заново, не опираясь на опыт предков, делают неизбежными бесчисленные шараханья из одной крайности в другую, излишние жертвы и потери. Пока народ не восстановит свою культурную традицию, его трудно отнести к числу цивилизованных, какие бы горы земли он ни перелопатил в своей созидательной деятельности.

В статье «...И фонари не бьют» рассказывается, что бережное отношение к памятникам истории и культуры воспитывается во Франции с детства. Детям внушают, что, чем ниже уровень вандализма, тем выше качество жизни. Срабатывает и национальная гордость за Францию как страну богатой и высокой культуры. «Во Франции все, что касается истории, — священно», — существует у них поговорка. Недавно кандидат философских наук Л. Быстров познакомил московский актив Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры с постановкой во Франции краеведения и воспитания исторической памяти — его слушали с таким изумлением, будто он рассказывал о загадках НЛО. Тем, кто интересуется, как мы «чтим» свою историю, достаточно посмотреть, сколько места отведено дореволюционному периоду существования нашего государства в недавно вышедшем 4-м издании краткой Истории СССР.

Не стану говорить о таком признаке цивилизованности, как естественно бережное отношение к природе и разумное использование ее ресурсов. Наши потомки, думается, немало подивятся нашей дикости, последствия которой им придется устранять: затоплению громадных массивов плодородных земель, хищническому истреблению лесов, деградации почв, отравлению атмосферы, рек, озер, морей, размещению атомных электростанций в густонаселенных районах страны...

Выдвигая идею о социализме как строе цивилизованных кооператоров, В. И. Ленин неразрывно связывал ее с идеей о необходимости осуществления культурной революции в нашей стране. А культурная революция, по Ленину, это целая эпоха, когда коммунисты, а затем и весь народ овладевают знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. Мы же дали советским интеллигентам и в меньшей мере — квалифицированным рабочим главным образом профессиональные знания и некоторые элементы общественно-политической подготовки, что же касается культуры и особенно ее сердцевины — духовно-нравственных ценностей, то овладение ими оставалось (и в значительной мере остается по сей день) личным делом каждого, причем таким, до которого у большинства руки так и не доходят. Интерес же к культуре в таком ее понимании долгое время не поощрялся, более того, порой мог повлечь за собой драматические последствия. Знакомый ученый-биолог рассказывал мне, какие злобу и зависть вызывал гениальный Николай Вавилов у многих посредственных научных работников — интеллигентов первого поколения. Нам есть кем гордиться в советское время почти в любой области человеческой деятельности, однако нельзя закрывать глаза на то, что преобладающая доля выращенных нами интеллигентов — это люди малокультурные, специалисты среднего уровня и ниже и довольно-таки серенькие личности. Говорю это вовсе не в укор им: во-первых, надо вспомнить, какие были у них учителя и от кого можно было бы им набраться культуры. Будь у них перед глазами эталон высококультурного специалиста, хоть кто-то тянулся бы к нему, но

ведь чаще всего не было его, а потому и считалось: диплом получил — значит, автоматически стал интеллигентом.

Не говорю о каких-то уж очень высоких материях, но ведь даже родным языком многие из современных интеллигентов, не исключая и некоторых крупных руководителей, владеют очень плохо, да и просто грамотностью не блещут. Значит, мы с о в е р ш и л и п о к а е щ е н е к у л ь т у р н у ю р е в о л ю ц и ю, а о б р а з о в а т е л ь н у ю, о в л а д е в а т ь ж е к у л ь т у р о й н а м е щ е п р е д с т о и т.

Что такое человек? Каково его место в мироздании? Каково его призвание? В чем смысл его жизни? Как жить, чтобы быть достойным этого призвания? Зачем, во имя чего, сколько и как нужно человеку трудиться? Как относиться к другим людям? От того, как человек отвечает на эти и подобные им «вечные» вопросы, зависят система его нравственных ценностей, образ мышления и жизни.

Между тем именно над этими вопросами мы перестали задумываться, пожалуй, еще с двадцатых годов, и все наше мышление приобрело поэтому приземленный, прагматическо-экономический характер. Смысл жизни во многом подменили смыслом труда, поэтому и человека стали рассматривать прежде всего как работника. Продолжение такого подхода грозило бы не просто еще большим одичанием, но даже и вырождением народа.

Цивилизованный кооператор — не просто «работник», «трудовой ресурс», а развитая личность. Он хочет не только стать хозяином производства, но и полностью взять в свои руки свою судьбу и судьбу своих детей, всю организацию собственной жизни.

В то время, как «комиссары» и «коммерсанты» призывают нас сосредоточить все силы на узкоэкономических проблемах, например, на том, как справедливо разделить рубль прибыли между предприятием и госбюджетом, жители Нижнего Тагила вышли на улицы города с требованием решительно улучшить качество условий их жизни, дать им возможность дышать чистым воздухом. Подобные же демонстрации, проведенные в Уфе, Стерлитамаке, Казани, Иркутске, Киришах и других городах, — знамение времени, свидетельство того, что наши соотечественники высвобождаются из-под власти узкоэкономического дурмана и начинают устраивать свою жизнь во всей ее полноте и многообразии. Цивилизованные кооператоры (их для образности можно было бы назвать «домоустроителями») живут не для того, чтобы работать, они работают для того, чтобы жить. Поэтому их не в меньшей степени, чем прибыль родного предприятия или собственный заработок, волнует продолжительность жизни людей в данном городе, состояние окружающей среды и другие стороны качественного улучшения условий жизни.

Раз «домоустроитель» задумывается над вопросом о смысле жизни и правильно его решает, ему необходимо овладевать новым мышлением. Применительно к экономике это означает прежде всего преодоление узкого буржуазного понимания богатства как огромного скопления товаров и, следовательно, отказ от «самоедской» экономики — производства ради производства. Необходимо новое, более высокое его понимание. Богатство нашего общества можно представить в виде многокомпонентного вектора, включающего, наряду с товарами, свободное время, уровень развития личности, адекватное миропонимание, качество условий жизни.

Ячейка строя цивилизованных кооператоров — это добровольное самоуправляющееся объединение единомышленников (бригада, артель), ставящее своей целью не просто достижение высокой эффективности производства, а всестороннее улучшение условий жизни, в полной мере используя права, предоставленные ему Законом о государственном предприятии (объединении). Этот кооператив сам решает, как ему лучше выполнить государственный заказ и распорядиться остающимися возможностями, распределить свой доход, установить продолжительность и режим рабочего дня, формы поощрения изобретательства и рационализации производства, улучшать экологическую обстановку и другие условия качества жизни. Небольшие кооперативы для решения общих задач предприятия или региона образуют «кооперативы кооперативов» — и так снизу доверху, от бригады до страны в целом.

Это — совершенно иная по сравнению с нынешней организация и производственной деятельности, и всей жизни народа, основанная на новом мышлении. Привычное всем нам мышление исходит из того, что непосредственной задачей трудового коллектива является прежде всего производство, а точнее — получение прибыли. Сейчас чиновник в министерстве, живущий на прибыль, которая создается на предприятии, заинтересован главным образом именно в прибыли, и всякая деятельность трудового коллектива (например, по оздоровлению условий жизни), не приносящая ее, а то и, не дай бог, снижающая рентабельность производства, представляется ему недопустимым уклонением от установленного порядка, чуть ли не потрясением основ. В итоге получается следующая картина: пусть биохимический завод в Киришах отравляет природную среду и собственных рабочих, лишь бы он давал прибыль, часть которой будет употреблена на то, чтобы смягчить вредное его влияние на природу и здоровье людей. Все это проявления того же старого мышления, берущего свое начало в западноевропейской образованности и заключающегося в том, что производство — это одна сфера, экология — другая, начисто отрезанная от первой, социальное развитие — третья, и так далее. А «домоустроители» смотрят на мир по-иному, с позиций, что человек и его жизнь неделимы. Недопустимо травить людей на производстве, а затем отпускать средства на их лечение в поликлиниках и санаториях. Нам больше не подходит ведение хозяйства на принципах: «Что же ты, Акуля, так плохо шьешь?» — «А я, маменька, еще пороть буду». Человек должен наконец стать существом разумным и ответственным и строить свою жизнь наилучшим образом. Мы призваны не просто производить продукцию и извлекать прибыль, а украшать родную землю, очеловечивать окружающий мир и самих себя. Преобразование, облагораживание мира и нас самих — это и есть наше человеческое призвание, о котором мы еще крайне редко думаем и которое плохо оправдываем.

Словом, кооператив «домоустроителей» отличается от обычного кооператива, несущего на себе отпечаток торгашества, более широким взглядом на жизнь и благородством поставленных перед ним задач. Мне довелось, например, видеть первые шаги кооператива «Сады вокруг нас», который поставил перед собой задачу не просто зарабатывать деньги, а украшать и благоустраивать жизнь москвичей, создавая сады разных типов — от озеленения балкона до разбивки парков. В редакции газеты «Советская Россия» мне рассказывали о планах недавно утвержденного кооператива особого типа — научно-реализационного объединения, возглавляемого почетным полярником Сергеем Соловьевым. Объединение разработало методику социального и медико-биологического отбора будущих строителей северных поселков, составило макет эталонного поселения на Севере, выявляет традиционные привязанности северных народов с тем, чтобы обеспечить сохранение их жизненного уклада в условиях интенсивного хозяйственного освоения региона, а это — благороднейшая задача.

В объединении наряду со штатными работниками будут трудиться и специалисты разного профиля на общественных началах. «Людей, которые идут к нам, объединяет стремление к живому делу, может, и романтическая черточка, — говорил С. Соловьев. — Объединению нужны такие люди. Люди с опытом северного строительства, с идеями, и обязательно — самоотверженные». К объединению тянутся не только взрослые люди, но и подростки, для которых здесь создан подлинный центр творчества. Укажите мне государственное предприятие, где бы так кипела жизнь, расцветала предприимчивость, а забота о доходах сочеталась с такой самоотверженностью, благородством дел и помыслов.

Надо ли доказывать, что на предприятиях «домоустроителей» будет царить обстановка всеобщего творчества, что позволит превзойти в этом отношении достижения Японии (где, при капитализме, в среднем на одного рабочего приходится во много раз больше предложений по рационализации производства, чем на наших государственных, социалистических предприятиях)? А значит, успешнее пойдет борьба и с алкоголизмом, и с нездоровыми увлечениями молодежи.

Все это означает, что у «домоустроителей» будет не только более высокая производительность труда, но и более чистая, всесторонне здоровая и радостная жизнь, обеспечивающая гармоническое развитие личности. Следовательно, строй цивилизованных кооператоров есть более высокая ступень зрелости социализма. И наступление его неизбежно, ибо продолжение прежнего развития, когда во главе всего стояло производство, грозит стране гибельными последствиями.

Кооперативы «домоустроителей» призваны воздействовать на окружающие коллективы силой примера всестороннего оздоровления и облагораживания жизни. Естественно, что они установят между собой тесные связи, наладят обмен опытом, взаимопомощь и соперничество — не в тех выродженных формах, какие до недавнего времени были характерны для большинства предприятий (у кого больше пресловутый «вал»), а в соответствии с теми принципами, которые были завещаны нам В. И. Лениным в его статье «Как организовать соревнование?». Партия и государство, по завету В. И. Ленина, изложенному в его статье «О кооперации», окажут всемерную поддержку кооперативам «домоустроителей» и помогут в повсеместном распространении их опыта. Срастаясь между собой, эти кооперативы и образуют новую общественную структуру — строй цивилизованных кооператоров. Переход к более высокой стадии зрелости социализма произойдет не тогда, когда объем общественного производства достигнет некоего заранее определенного нами объема, и богатства польются щедрым потоком, а тогда, когда цивилизованные кооператоры станут определять весь тонус общественной жизни. Ростки такого строя (опыт

объединения Калужского турбинного завода, Фрунзенского кожевенного завода) повсеместно пробивают себе дорогу.

НАСТАЛО ВРЕМЯ ПОДВИГА

Кажется, самая большая трудность на пути к налаживанию народной жизни в наши дни заключается в недобросовестном отношении многих наших соотечественников к труду и распространении меркантильного и циничного взгляда на жизнь, о чем говорилось еще на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Различные социологические обследования показывают, что ныне удовлетворены своей работой и трудятся добросовестно едва ли треть рабочих и служащих.

Конечно, у нас есть немало энтузиастов, людей подвижнического склада, однако, пожалуй, общий тонус жизни определяет правило: «Не высовывайся! Будь как все! Тебе что, больше всех надо?»

Сегодня довольно распространено мнение, будто эту пассивность значительной части чуть ли не любого трудового коллектива можно преодолеть ликвидацией уравниловки и повышением заработной платы. Но оно ошибочно. Помню, как один врач написал в газету: «Что же, по-вашему, если мне прибавят зарплату, я стану лучше лечить больных?» Еще несколько лет назад А. С. Ципко в своей книге «Социализм: жизнь общества и человека» показал, что может сложиться и такая ситуация, когда человеку будут платить вдвое больше, а он станет работать вдвое хуже.

Вот в каких условиях выступают на общественную арену цивилизованные кооператоры — «домоустроители». Им придется преодолевать сопротивление не только чиновничьего аппарата, но и своего нецивилизованного ближайшего окружения — родных, коллег по работе, соседей — всех тех, кому подвижник, стремящийся ко всестороннему оздоровлению своей жизни и жизни мира, кажется в лучшем случае «чудиком», а в худшем — опасным чудаком. Со всех сторон идут в газеты потоком сообщения о преследованиях, которым подвергаются со стороны местных властей «подстрекатели» — активисты экологического движения и другие борцы за разумное устройство народной жизни. А чему тут удивляться? «Много ли у нас найдется людей, которые теряют сон в заботах о своей родине?» — такой вопрос задавался лучшими людьми России еще более ста лет назад.

Но сегодня на «домоустроителей» работает само время — переломное, во многом критическое для всего человечества. Когда люди осознают всю серьезность положения страны и мира, они и на «домоустроителей» станут смотреть иначе, видеть в них уже не «чудиков», а своих спасителей. Так что «домоустроителям» не следует опускать руки, убиваться по поводу всеобщего непонимания, их час приходит, может быть, даже уже наступил.

Меня нередко критикуют за то, что я считаю подлинными героями не просто передовиков труда, а подвижников, которые, не считаясь со временем, часто получая более чем скромные оклады, почти всегда в обстановке непонимания самоотверженно делают то дело, которое считают делом своей жизни. Мне говорят, что лучше бы я поставил вопрос о повышении их окладов. Я вполне согласен с тем, что уровень их материальной обеспеченности надо улучшать, но, опираясь на весь опыт отечественной истории, утверждаю: никогда нам не удастся все уравнять и сбалансировать, и никакие меры меркантильного порядка не смогут восполнить недостатка подвижничества.

Давно замечено, что разговоры о недостаточной материальной обеспеченности чаще всего возникают там, где свило себе гнездо равнодушие к делу. Я уж не говорю о том, что повышение окладов подвижникам нередко приводит к тому, что на эти должности устремляются любители длинного рубля и выживают оттуда тех, для кого эта работа была делом жизни. Только великая идея и высокий идеал способны поднять народ на великие свершения, и лишь благородные люди подвижнического склада, выражающие сокровенные думы и чаяния народа, могут вывести страну из кризиса.

К. Маркс показал неизбежные социальные последствия товарного производства — кризисы, безработицу и прочее. Но он все же ограничился рассмотрением материального производства, производства товаров — продуктов, в которых овеществлен абстрактный труд. А вот условия производства и самой жизни — плодородная земля, чистая вода, чистый воздух — все то, что К. Маркс называл природой как неорганическим телом человека, не стали ни тогда, ни позднее предметом глубокого анализа. Природа рассматривалась лишь как неограниченная кладовая ресурсов и объект воздействия, преобразования ее человеком в соответствии с его реальными или надуманными потребностями. В середине XIX века, даже в 20-е годы нашего столетия подобный подход был до определенного предела допустимым. Но в наши дни, когда объем материального производства и темпы вовлечения ресурсов гигантски возросли, именно природная составляющая хозяйственного комплекса оказалась самым слабым, лимитирующим звеном, и это потребовало существенного уточнения марксистско-ленинского учения. Но мы не осознали тогда этого вызова времени и не провели необходимой теоретической работы, что в немалой степени способствовало созданию атмосферы застоя (впрочем, здесь было и обратное влияние).

Равнение на товар при полном пренебрежении природными условиями производства привело к тому, что мы довели отдельные регионы страны, по сути, до полной деградации. На глазах нашего поколения развертывалась трагедия Арала, а по существу — всей Средней Азии. Цветущий край садов, виноградников, бахчей был превращен в зону монокультуры хлопка (отдельные районы — риса), что привело к полнейшему оскудению и засолению почв и отравлению вод. Теперь возвращение этого края к полнокровной жизни, начало которому положено недавним решением Политбюро ЦК КПСС, возможно лишь при условии своевременного принятия решительных мер и ценой воистину астрономических капиталовложений. Недавно я прочитал об угрозе, нависшей над Белоруссией и Украиной. По свидетельству А. Петрашевича («Литературная газета», 2 марта 1988 г.), объем жидких отходов, образующихся при добыче калийных солей в Солигорске, достиг 47 миллионов кубических метров, и в случае аварии (что вовсе не исключено) вся эта ядовитая жижа может устремиться в Днепр, который тогда будет отравлен практически на всем протяжении. Подобная катастрофа оказалась бы более тяжелой, чем Чернобыль, после нее пришлось бы переселить на новые места по меньшей мере

половину Украины. А мы при этом сохраняем невозмутимое спокойствие. Многие территории, не исключая и Москвы, все более становятся непригодными для обитания. С великой болью говорит об этом В. Распутин: «Нигде не чувствуем мы себя иногда так неуютно и тревожно, как на родной земле, которая все больше и больше, несмотря на постановления и призывы, продолжает разоряться...»

Но сегодня все шире распространяется в стране понимание того, что технократический подход к ведению народного хозяйства не просто полностью изжил себя, но и превратился в угрозу всему живому, что у нас до недавнего времени средства достижения великой цели, по сути, полностью подменили самую цель. И потому ныне неизбежно появление «домоустроителей», которые выдвинут задачи возрождения каждого загубленного уголка страны, превращения стихийного и потому бесчеловечного научно-технического прогресса в орудие налаживания подлинно человеческой жизни людей.

Сейчас в народе накопилась огромная энергия, в долгие годы застоя не находившая выхода. Она непременно ныне высвободится, но этот поток может хлынуть разными путями. Но, поставив перед собой задачу расцвета каждого уголка нашей многонациональной Родины, можно направить пробуждающуюся энергию народа по пути созидания, ибо возродить загубленные земли мы можем только общими усилиями всех народов.

И вот возникающие в разных местах страны группы энтузиастов, подвижников-«домоустроителей» зовут в свои ряды всех, кто готов к самоотверженному труду ради светлого будущего Родины.

Но мы не о том думаем, не на то ориентируемся. Страна в предкризисном состоянии, а мы на работе думаем о процентах выполнения плана, вне работы — об отдыхе и развлечении. Наши средства массовой информации часто ведут себя так, будто идет пир во время чумы. В молодежной телевизионной программе «Взгляд» звучит песня «Все! — я сказал», полная перлов вроде следующего: «Пять минут назад я сходил в туалет...»

А я знаю, с каким трепетом, с замиранием сердца смотрят такие передачи девчонки в далеких вятских деревушках, заранее убежденные в том, что все, идущее из Москвы, из этого сказочного города блеска и роскоши, это и есть настоящая культура. Надо ли удивляться ширящемуся культурному и духовно-нравственному одичанию на всех уровнях социальной пирамиды, как и катастрофическому падению нашего престижа в цивилизованном мире?

Но одичавший человек не в состоянии создать процветающей экономики. Единственное, что ему по силам, — это разнести ее вдребезги. Мы уже много десятилетий ведем хозяйство так, что разоряем страну. И главная трагедия в том, что мы убеждены, будто тем самым ее созидаем. Поэтому без подъема духовно-нравственного уровня народа наши экономические планы, да и вся программа перестройки останутся лишь благими пожеланиями.

А пока нашим героем чаще всего еще остается передовик производства, намного перевыполняющий план (нередко — выпуска никому не нужной продукции), а не бескорыстный подвижник, все думы которого — о судьбах и благе Родины. Для многих наших соотечественников понятия «благородство», «достоинство», «честь» подобны, выражаясь словами поэта, «узорам надписи надгробной на неизвестном языке». Если бы мы уделяли духовно-нравственному воспитанию народа хотя бы сотую долю того внимания и тех средств, которые уделяем, например, спорту, наш образ и уровень жизни давно уже были бы предметом зависти во всем мире.

Не пора ли нам опомниться и по-настоящему осмыслить истинное положение своей страны и наши подлинные задачи, понять, что высокое и благородное дело можно делать только чистыми руками? Страну спасут не «кавалеристы» и не «купцы», не совместные предприятия с участием иностранного капитала, а цивилизованные кооператоры — «домоустроители». И главное противостояние сегодня — не между «кавалеристами» и «купцами», как пытаются нас уверить ученые и публицисты, а между теми, кто отстаивает технологическую, экономическую, политическую, военную, культурную и духовную независимость нашей Родины, и теми, кто жаждет поскорее «встроиться» в мировую экономику хотя бы на положении сырьевого придатка транснациональных корпораций.

Главное сейчас — это сказать народу полную, без изъятия и без лести, правду. Сознание опасности, нависшей над Родиной, поиск путей духовного, нравственного и культурного возрождения народа, обобщение ростков цивилизованной жизни и благородного труда подвижников — вот на что должна быть направлена вся наша идеологическая работа и деятельность средств массовой информации от центральных изданий и Всесоюзного радио и телевидения до районной газеты и заводской многотиражки.

●

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

ЛИЦОМ К ПРАВДЕ

Из писем в редакцию

ДОСТОВЕРНОСТЬ ВТОРОЙ СВЕЖЕСТИ

По моим представлениям, в нашем обществе сейчас уже более 75 процентов людей не имеют личного опыта жизни в те годы, о которых все мы говорим с огромной горечью и болью, но много ли этим несведущим людям довелось услышать за последние три года о нашем прошлом доброго, светлого? Только это, а не что-нибудь другое придало мне решимость рассказать о своей судьбе, которая, несмотря на огромные трудности, видится мне светлой и которую я не променял бы ни на какие блага заокеанских райских кущ. Именно в замалчивании, а то и искажении этого светлого в нашем прошлом, вижу я одну из причин того, что невозможно за всех ответить: да, мы живем и действуем по совести!

Постараюсь пользоваться только теми фактами, которые пересекались с моей судьбой, и доводами, которые опираются на мой жизненный опыт. Это, надеюсь, позволит мне быть независимым от «правильных» и «праведных» суждений.

В 1937 году мне было 13 лет. Жили мы в маленьком приуральском городке, и не в «доме на набережной», а в доме врачей, именно так назывался наш деревянный восьмиквартирный дом. Обитатели его, в том числе мои дядя и тетя, заменившие мне мать и отца, не распоряжались судьбами людей, если не считать того, что спасали порой людей от смерти методами медицины. В начале учебного года в нашей школе появилось несколько новых учеников, москвичей, как мы звали их тогда. Они отличались от «аборигенов» не только и не столько одеждой, но в первую очередь — независимостью суждений. Меня это привлекало, и вскоре мы подружились. Прошло 4 года, прежде чем мы расстались: наш выпускной школьный вечер закончился рано утром 22 июня 1941 года...

Теперь, когда я читаю «художественные» и малохудожественные воспоминания о том времени, я не могу ни одним фактом, ни одним примером из своей жизни и из жизни моих родителей подкрепить утверждения о «политическом раболепии народа», о «всеобщем страхе». Наоборот, наши школьные комсомольские собрания были наполнены остротой суждений, принципиальной оценкой каждого из нас. А как отчаянно мы спорили на литературных диспутах, которые, кстати, проходили, как правило, без участия учителей. Так формировались наши убеждения, и они вовсе не были едиными для всех. Впрочем, наши расхождения перестали для нас существовать, когда мы со школьной парты шагнули в «окопы» трудового фронта и на дороги войны.

Но, может быть, я был в ту пору слишком молод, чтобы ощутить «всеобщий страх» народа? Однако почему же наши родители, мои, например, родители, готовя меня к вступлению в самостоятельную жизнь, никогда, ни одним словом, ни одним своим поступком не попытались предостеречь от грозящей опасности? Разве так поступают родители, объятые страхом? Нет, причину я вижу только в одном: дела и помыслы моих родителей были столь чисты, что страх был им неведом. Им было известно, что появившиеся в нашей школе москвичи — дети «врагов народа», но они не только не ограждали меня от общения с ними, а наоборот: советовали дружить именно с ними и приглашать их к себе в дом. Трое из четырех москвичей стали моими близкими товарищами, а мои родители были знакомы и с их родителями. От Москвы наш городок отделяли 1028 километров, и уже на этом расстоянии далеко не каждый испытывал страх, а просто честно и бескорыстно трудился.

И не «процессами» запомнились мне 1937—1940 годы, а подвигом папанинцев, дальними перелетами экипажей во главе с Чкаловым и Расковой. За четыре предвоенных школьных года я ни разу не слышал упоминания имени Сталина, кроме как на уроках по истории и Конституции. Никакого «культа» из школы я не вынес. А вот гордость за свое Отечество — да! «Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза!» — эти слова стали моими, а вовсе не В. Маяковского.

С 1943 года и на фронте — механик самолета в 21-м гвардейском Краснознаменном Кировоградско-Будапештском авиационном полку дальнего действия, моя попытка стать летчиком — отвергнута медкомиссией. Но я горд тем, что 700 дней и ночей я готовил к дальним вылетам свой Ил-4 и тот нес возмездие дальним тылам фашистов. Но вместе с гордостью меня до сего времени не покидает чувство вины перед погибшими экипажами:

майора Деленюка, младшего лейтенанта Воронкова и многих других, кто не вернулся в наш полк из дальнего тыла и кого хоронили мы не в могилах, а в сердцах...

В эти годы я лишь несколько раз слышал имя Сталина: во время вручения полку гвардейского знамени, во время присвоения полку почетных наименований и во время прикрепления к знамени полка ордена боевого Красного Знамени. И еще нам рассказывали, что летчик Молодчий дал Сталину телеграмму сразу после того, как сбросил бомбы на Берлин. Но и эти события не сформировали в моей душе никакого культа: боевая работа без единого выходного дня, без единой спокойной ночи не располагала к этому. И единственный вид страха, который я испытывал в эти годы, был страх за судьбу доверенных мне экипажей, ведь их жизнь в значительной мере зависела от того, как я подготовлю самолет к дальнему вылету.

С ноября 1945 года я студент Ленинградского политехнического института. В нашей группе, за исключением нескольких человек, все в военных гимнастерках, в бушлатах. Мы очень разные, разные по своему прошлому, по военной судьбе. Мы о многом спорим, но мы едины в одном: страна нуждается в восстановлении, и мы, будущие инженеры-энергетики, должны отдать этому все силы. Восстановлению — и ничему другому. Я давно пишу стихи, писал их, учась в институте, но мне и до сей поры стыдно, что они отвлекали меня тогда от главного. И только именно в студенческие годы я стал понимать, что такое культ Сталина. Винил я тогда в этом не его, а лишь журналистов, газетчиков и в качестве протеста перестал читать газеты того времени. Сегодня мне трудно это даже представить: как я мог обходиться без чтения газет годами? Но, клянусь, обходился. И не скрывал это.

Смерть Сталина отозвалась в моем сердце тревогой, беспокойством за судьбу мирной жизни перед лицом ядерного шантажа США. Ведь тогда мне не было известно, что ядерное оружие создано и у нас. Но смерть не вызвала у меня потребности клясться в верности умершему, как это поспешили сделать и А. Твардовский, и К. Симонов, и Р. Гамзатов, и С. Михалков, и А. Софронов, и Е. Долматовский в своих стихах, хотя в ту пору я так много писал стихов. Но я сделал для себя другой вывод: я посвятил свою дальнейшую жизнь укреплению обороноспособности страны. Двенадцать лет напряженного, на пределе возможного, труда получили признание: нашему коллективу была присуждена Ленинская премия. И когда сегодня я слышу, что теория обострения классовой борьбы в условиях социализма сделала наше поколение безнравственным, неспособным к творчеству, а пригодным только к слепому исполнительству, я понимаю, что *такая* ложь нужна лишь тем «творцам», которые не выстрадали вместе с народом все то, что выпало на его долю.

Я беспартийный, так уж случилось... И потому о письме, что читалось закрыто в 1956 году, я практически просто не знаю: всегда считал ниже своего достоинства узнавать о «жареном» в виде сплетен. Но безудержное падение нравственности в обществе я все же безошибочно предсказал. Увы, я не ошибся...

Наш главный конструктор, с которым я работал по созданию оборонной техники, по своим деловым данным был под стать таким конструкторам, как Королев и Туполев, но он обладал и такими же, как у них, отрицательными качествами: он был способен унизить своего подчиненного грубостью и несправедливостью. Вот почему, когда важнейший оборонный заказ был выполнен, я позволил себе выступить с резким осуждением такого «стиля» работы. Семь часов подряд продолжалось рассмотрение моего обвинения на собрании всего коллектива, но меня решились поддержать лишь несколько человек. В результате мне пришлось оставить любимую работу.

В 1973 году я был приглашен на работу в Минтяжмаш на должность главного конструктора министерства. Сегодняшние «обобщения» о работе управленцев как о вредном звене в структуре общества далеки от объективности применительно к Минтяжмашу. А действительные недостатки управления — лишь прямой результат всего нашего хозяйственного механизма, декретироаанного свыше. Последующие годы я посвятил борьбе именно с этим «механизмом». Меня хватило на шесть лет: борьба закончилась тяжелейшим инфарктом... Однако даже это не испугало меня, но через два года меня потряс второй инфаркт. Нет, не руководствовался я и в эти годы ни боязнью за место работы, ни желанием сохранить свое здоровье. В результате — инвалидность второй группы и необходимость оставить работу, всякую работу, задолго до 60 лет. Так закончилась наиболее активная часть моей жизни...

В суждениях своих я не претендую на «истину в последней инстанции». Итак, еще хотя бы об одной причине болезней духа нашего общества. В 1945—1950 годах газеты и журналы были переполнены рапортами и здравицами, адресованными Сталину, а в моих записных книжках нет ни одного слова о Сталине, тем более клятв в дружбе и верности ему. А вот в первом же тощем сборничке Е. Евтушенко, озаглавленном «Разведчики грядущего», я с удивлением читаю: «Я знаю, грядущее видя вокруг, склоняется этой ночью *самый мой лучший* на свете ДРУГ (здесь и далее разрядка моя. — *В. П.*) в Кремле над столом рабочим...» Под стихотворением дата — 1950 г., значит, поэту было 17! Возникает немало вопросов... Например: почему у меня, стоявшего в строю полка, когда по приказу Верховного Главнокомандующего к знамени полка был прикреплен гвардейский знак, не появилось *потребности* назвать Сталина «лучшим другом», а у юного поэта нужда появилась?

Последующие многочисленные откровения поэта о своем детстве вряд ли позволяют читателям надеяться, что *чувства* поэта и его слова в 1950 году соответствовали друг другу. Ведь уже в 1953 году, за три года до XX съезда, как утверждает редакция журнала «Новый мир» (1987, № 11), Е. Евтушенко написал: «Напраслиной (?!) вождя (лучшего друга Евтушенко. — *В. П.*) не обессудим, но суд (?) произошел в день похорон, когда шли люди к Сталину по людям, а их *учил ходить по людям он*...» Хорош двадцатилетний «дружок»! Переориентировался — и вперед! И без малейших признаков желания покаяться... Правда, дата, поставленная под этим стихотворением, 1953 год — скорее всего очередная неправда *сегодняшнего* дня. Но меня, как гражданина, беспокоят не только частные искажения правды новоявленными «пророками», но в гораздо большей степени — *причины* названных болезней духа.

Некоторые любезные органам печати авторы, например, Г. Попов, утверждают, что нынешние наркомания, пьянство и прости-

туция есть прямой результат Административной Системы, созданной в довоенные годы. Такие «научные» открытия докторов всяческих наук, мягко выражаясь, «смещают акценты», а если без наукообразия — искажают правду и уводят общество от действительных причин широчайшей безнравственности и, главное, от обозначения истинных виновников, выступающих ныне порой в качестве самозваных радетелей перестройки.

Я оставлю в стороне ту причину, которую полагаю главной: она достаточно определенно обозначена средствами массовой информации, а ее проводники постепенно усаживаются на скамьи для подсудимых, в то время как «конструкторы» других причин не только не названы, но даже имеют возможность выступать в роли судей, им и только им будто бы дано делить общество на нырнувших «в черный омут греха неотмоленного» и чистеньких, плещущихся на мелководье. Вот об этих «чистеньких» на примере такого выразительного их представителя, как Е. Евтушенко, я приглашаю поразмышлять вместе со мной читателей.

Грехи истинных виновников кое-кто хотел бы передать «в наследство» всем нам. Вот что пишет крикливо известный сегодня экономист Г. Лисичкин: «Надо не только дать исторически правильную оценку самому Сталину, но раскрыть сущность того выработанного им и переданного нам в наследство образа мышления, которое мы (?) называем сталинизмом». Вопреки фактам, вопреки логике, вопреки порядочности, наконец, этот глашатай «истины в последней инстанции» инкриминирует всем наследие Сталина (в контексте статьи — в области политической экономии). Вот какая посылка к всеобщему наследничеству: «Хотя Сталин давно умер... тем не менее сталинизм как форма мышления продолжает существовать... все мы (?) отличаемся друг от друга лишь степенью отравленности этим образом мышления» («Новый мир», 1988, № 11).

Я не берусь судить обо всех людях нашего поколения, но о себе и некоторых знакомых могу сказать: «Нам далеко не безразлично, КТО выступает в роли «пророка» сегодня. Что касается труда Г. Лисичкина, то вслед за А. Ланщиковым я скажу: «У нас до сих пор нет ясной экономической науки, зато академики и доктора имеются. Любопытная ситуация...»

Четыре года продолжается перестройка, и четыре года экономисты нам твердят, что до получения экономических результатов понадобятся еще три года, а некоторые на всякий случай резервируют себе время до начала нового века.

Но неужели за срок, равный продолжительности Великой Отечественной войны, нашим партийным идеологам и средствам массовой информации невозможно понять, что нельзя доверять перестройку в умах и душах людей людям — соучастникам давней и недавней безнравственности? И мало того, звать к ответственности за то, что творилось в этом партийно-«интеллектуальном» слое всех подряд: «Мы (?) были рабами», «Мы (?) жили в вечном страхе», «Мы (?) превратились в слепых исполнителей, не умеющих творить», «Мы (?) стали коррупционерами, как неизбежный результат «перерождения общественной собственности» (Г. Лисичкин).

Узбекскому Адылову можно посочувствовать: согласно открытию «марксиста» Г. Лисичкина его деяния не уголовное преступление, а лишь факты, закономерно вытекающие из принятой (не Адыловым ведь. — *В. П.*) концепции экономических отношений «социализма». Да, теперь все узнали, что адыловы и чурбановы не преступники, а лишь жертвы «концепции», которая, конечно же, куда могущественней, чем человек, защищенный от концепции лишь эфемерной кольчугой, именуемой неисправимыми «идеалистами» типа М. Антонова, совестью.

И меня совсем не утешает мысль, что «все можно по-разному интерпретировать и оценивать». Если преступников с партбилетами в кармане, которые развратили общество своим примером и опорочили партию в глазах всего мирового сообщества, мы будем стыдливо именовать лишь жертвами, то нам не вернуть нравственность обществу никогда. И далеко не каждому, я полагаю, следует доверять быть пророком перестройки. Пророк должен быть безгрешен и в делах и в мыслях, а одними «правильными» словами дело не поправишь.

В. ПЕРОВ,
лауреат Ленинской премии

P.S. После безуспешных попыток опубликовать свои «заметки очевидца» в таких изданиях, как, например, «Советская культура», я решил обратиться в редакцию «Молодой гвардии». Надеюсь, что этот материал будет интересен молодому читателю журнала.

СЕЙ ОЧЕРНИТЕЛЬНЫЙ ЗОИЛ...

Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный зоил
Разводит опиум чернил
Слюною бешеной собаки.

А. Пушкин

Круг критиков, выступающих в «Огоньке», невелик: это ударный женский батальон в лице Т. и Н. Ивановых и Н. Ильиной, за которыми следует «второй эшелон» С. Рассадина и Б. Сарнова. Хотя при сравнении статей всех этих критикесс и критиков (сразу оговорюсь, что слово «критикессы» позаимствовано мною у названных авторов-мужчин) поражает удивительное сходство, как будто читаешь одну длинную-длинную статью с периодически повторяющимися вариациями, невольно думаешь: а не лукавит ли редакция «Огонька»? Не является ли автором этой «масскультуры» в критике один человек?

Один и тот же тон, один и тот же «интеллектуальный» уровень, одинаковые позиции, одинаковая лексика, напоминающая лексику знаменитого одесского базара: «А вот свежатинка!» Та же «свежатинка» постоянно срывается с языка наших до невероятности похожих критиков (см., например, в статьях Б. Сарнова — «Огонек», № 19 и С. Рассадина — № 48 за 1988 год).

Но еще более удивительно то, что «Огонек», как заезженную

пластинку, «заедает» на одних и тех же именах. Подлинными героями критических разносов стали В. Кожинов, В. Белов, Ю. Бондарев, С. Куняев, П. Проскурин, М. Алексеев, В. Распутин... Попробуем вчитаться в такой вот пассаж С. Рассадина (№ 48) о критике В. Бондаренко: «Не говорю о прочих, но неужели наш Бондаренко, поднапрягшись, вспомнив, что он (как сообщает журнал «Москва») окончил не только лесотехническую академию, но и Литинститут, неужели он, которому тоже, шутка сказать, за сорок, не мог бы, если бы захотел, написать статью поскладнее?» Продолжение пассажа С. Рассадин, на мой взгляд, с успехом мог бы адресовать самому себе: «Начинаю, предвкушая новое слово в критике, <...> и вижу, что слово это — неграмотное».

Далее С. Рассадин переходит к разбору (если это можно назвать разбором) статьи женщины-критика и, как интеллигентный мужчина, спешит позлорадствовать, что этому молодому критику-женщине, оказывается... столько-то лет. «Свежатинка», «критикесса», «из молодогвардейских осмысляющих» — вот в каком стиле говорится! Все это «внушает ощущение вседозволенности», как пишет сам Рассадин, но, к сожалению, не о себе.

Если критики-мужчины, как мы видели, не утруждая себя элементарной воспитанностью, прямо называют предметы своей ненависти, то «критикессы» предпочитают тайну и представляют героев своих «тайн» такими вот пассажами: «Один критик, обретший известность потому, что его писания не раз опровергались Б. Сарновым (так! — *Н. З.*), В. Кичиным, Н. Ивановой (знакомые все лица! — *Н. З.*), опубликовал в журнале «Москва»...» Прервем поистине эпическое повествование Т. Ивановой (№ 49) все о том же В. Бондаренко, ею не называемом, и заметим, что сам факт таких единодушных и массовых «осуждам-с» (по аналогии с известным *«одобрям-с») уже говорит о том, что В. Бондаренко явление неординарное.*

Напрасно Т. Иванова *убеждает* читателей, что только *«Огонек»* создает славу своим оппонентам. Слукавившая, кстати, сама себя высекла: ведь статьи перечисленных авторов, создавшие, по ее мнению, славу В. Бондаренко, появлялись не в одном «Огоньке», а и в родственных ему органах печати, руководимых, подобно «Огоньку», активнейшими деятелями эпохи застоя, первыми подстроившимися к перестройке (о В. Коротиче и его «собратьях» см.: «Кубань», 1988, № 9; «Политическое самообразование», 1988, № 18; «Москва» и «Журналист», 1988, № 12; «Наш современник», 1989, № 1 и т. д. — целая летопись «перестройки»...).

Помнится, Т. Иванова лихо начинала, работая заведующей отделом критики журнала «Наш современник», борясь против «массьультуры». (М. Синельников скромно напомнил об этом в «Литературной газете» № 51 за 1988 год.) Но теперь Т. Иванова исповедует, похоже, «масскритику». Ведь нельзя же, в самом деле, называть критикой патетические возгласы по адресу одних и уничижительные — по адресу других авторов. Больше того, Т. Иванова первая отважилась с ошарашивающей прямотой говорить читателю: это — читай, а это — не читай. Это литературное надзирательство слишком знакомо нам всем по давнему и недавнему: «Роман Б. Пастернака (А. Солженицына, Иванова, Петрова...) не читал, но имею о нем мнение и хочу заявить...»

Одна из фундаментальных идей критиков из «Огонька» — интернационалистом и советским человеком может считаться только тот, кто вообще не ощущает своей национальности. А если кто скажет о себе «русский» — читай: «шовинист», «антисемит», «сталинист», «враг перестройки». Так ведь прямо и было сказано — «враг перестройки» — например, о В. Кожинове за его статью в «Нашем современнике» (1988, № 4), за то, что попытался подняться над «детско-арбатским» уровнем осмысления нашей истории, да еще посмел назвать — нет, не национальность, а всего лишь фамилии тех палачей, которые стояли во главе ГУЛага и коллективизации.

Зато на тех же страницах «Огонька» нас призывают вспомнить, кто мы по национальности, когда хотят доказать, что едва ли не первыми фашистами на земле были... русские (см. статью Н. Ильиной с многозначительным названием: «Привидение, которое возвращается» в № 42). Сама по себе эта статья как раз и является тем самым «привидением», которое пришло к нам из 20—30-х годов, когда Н. Бухарин, А. Лежнев и литдеятели меньшего масштаба писали о Есенине, о Тютчеве, о Достоевском — обо всех выдающихся деятелях русской культуры (даже о Герцене!) как о «шовинистах», «националистах» и т. п. Вот, мол, где корни-то фашизма зарыты! Берегитесь — русские идут!.. Таков же смысл и статьи Н. Ивановой «От «врагов народа» — к «врагам нации»?» (№ 36).

Тайный смысл этих публикаций, шитый белыми нитками — в попытке спровоцировать национальный конфликт между русскими и евреями. А ведь критическим дамам из «Огонька» наверняка известны «Воспоминания» Н. Я. Мандельштам, которая прямо говорит о том, что с явлениями бытового антисемитизма она встречалась как раз вот в такой полуобразованной среде. Что же касается простого народа, говорится в воспоминаниях Н. Я. Мандельштам, *то ни она, ни ее муж, даже будучи в положении ссыльных,* н и к о г д а *не встречались с какими бы то ни было проявлениями антисемитизма. Да и мудрено было бы встретиться:* ведь антисемитизм — оборотная сторона сионизма. Создается впечатление, что роман В. Иванова «Судный день» просто обрадовал Н. Ильину, помог ей выйти к ее глобальным обобщениям о русском народе...

Нас призывают вспомнить, что мы русские, когда предлагают нам покаяться. Снова Т. Иванова (№ 16): «И простите нас, товарищи фронтовики, простите, мертвые и живые, за статью С. Куняева. Знайте, что мне, русской, за нее стыдно». Все это по стилю похоже на пошленький фарс из дешевой оперетки, если бы... если бы не имело далекого прицела. Нас стараются приучить к мысли, что русские — только русские! — виноваты во всем: в фашизме и сталинизме, в антисемитизме и сионизме, во всех смертных грехах. Или так в «Огоньке» понимают интернационализм в действии?

«Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер, это русофобия некоторых русских людей...» Эти слова Ф. И. Тютчева, звучащие так современно, напомнил В. Кожинов в интервью «Книжному обозрению» (1988, № 51). Не хотелось бы делать выводы — пусть их сделает сам читатель. Замечу только одно: нетерпимость к любому проявлению инакомыслия, агрессивный тон, оскорбления, постоянные поиски «врагов перестройки» и просто врагов — сталинистов, шовинистов и т. п., и т. д., — не делает ли все это от-

пластинку, «заедает» на одних и тех же именах. Подлинными героями критических разносов стали В. Кожинов, В. Белов, Ю. Бондарев, С. Куняев, П. Проскурин, М. Алексеев, В. Распутин... Попробуем вчитаться в такой вот пассаж С. Рассадина (№ 48) о критике В. Бондаренко: «Не говорю о прочих, но неужели наш Бондаренко, поднапрягшись, вспомнив, что он (как сообщает журнал «Москва») окончил не только лесотехническую академию, но и Литинститут, неужели он, которому тоже, шутка сказать, за сорок, не мог бы, если бы захотел, написать статью поскладнее?» Продолжение пассажа С. Рассадин, на мой взгляд, с успехом мог бы адресовать самому себе: «Начинаю, предвкушая новое слово в критике, <...> и вижу, что слово это — неграмотное».

Далее С. Рассадин переходит к разбору (если это можно назвать разбором) статьи женщины-критика и, как интеллигентный мужчина, спешит позлорадствовать, что этому молодому критику-женщине, оказывается... столько-то лет. «Свежатинка», «критикесса», «из молодогвардейских осмысляющих» — вот в каком стиле говорится! Все это «внушает ощущение вседозволенности», как пишет сам Рассадин, но, к сожалению, не о себе.

Если критики-мужчины, как мы видели, не утруждая себя элементарной воспитанностью, прямо называют предметы своей ненависти, то «критикессы» предпочитают тайну и представляют героев своих «тайн» такими вот пассажами: «Один критик, обретший известность потому, что его писания не раз опровергались Б. Сарновым (так! — *Н. З.*), В. Кичиным, Н. Ивановой (знакомые все лица! — *Н. З.*), опубликовал в журнале «Москва»...» Прервем поистине эпическое повествование Т. Ивановой (№ 49) все о том же В. Бондаренко, ею не называемом, и заметим, что сам факт таких единодушных и массовых «осуждам-с» (по аналогии с известным «одобрям-с») уже говорит о том, что В. Бондаренко явление неординарное.

Напрасно Т. Иванова убеждает читателей, что только «Огонек» создает славу своим оппонентам. Слукавившая, кстати, сама себя высекла: ведь статьи перечисленных авторов, создавшие, по ее мнению, славу В. Бондаренко, появлялись не в одном «Огоньке», а и в родственных ему органах печати, руководимых, подобно «Огоньку», активнейшими деятелями эпохи застоя, первыми подстроившимися к перестройке (о В. Коротиче и его «собратьях» см.: «Кубань», 1988, № 9; «Политическое самообразование», 1988, № 18; «Москва» и «Журналист», 1988, № 12; «Наш современник», 1989, № 1 и т. д. — целая летопись «перестройки»...).

Помнится, Т. Иванова лихо начинала, работая заведующей отделом критики журнала «Наш современник», борясь против «масскультуры». (М. Синельников скромно напомнил об этом в «Литературной газете» № 51 за 1988 год.) Но теперь Т. Иванова исповедует, похоже, «масскритику». Ведь нельзя же, в самом деле, называть критикой патетические возгласы по адресу одних и уничижительные — по адресу других авторов. Больше того, Т. Иванова первая отважилась с ошарашивающей прямотой говорить читателю: это — читай, а это — не читай. Это литературное надзирательство слишком знакомо нам всем по давнему и недавнему: «Роман Б. Пастернака (А. Солженицына, Иванова, Петрова...) не читал, но имею о нем мнение и хочу заявить...»

Одна из фундаментальных идей критиков из «Огонька» — интернационалистом и советским человеком может считаться только тот, кто вообще не ощущает своей национальности. А если кто скажет о себе «русский» — читай: «шовинист», «антисемит», «сталинист», «враг перестройки». Так ведь прямо и было сказано — «враг перестройки» — например, о В. Кожинове за его статью в «Нашем современнике» (1988, № 4), за то, что попытался подняться над «детско-арбатским» уровнем осмысления нашей истории, да еще посмел назвать — нет, не национальность, а всего лишь фамилии тех палачей, которые стояли во главе ГУЛага и коллективизации.

Зато на тех же страницах «Огонька» нас призывают вспомнить, кто мы по национальности, когда хотят доказать, что едва ли не первыми фашистами на земле были... русские (см. статью Н. Ильиной с многозначительным названием: «Привидение, которое возвращается» в № 42). Сама по себе эта статья как раз и является тем самым «привидением», которое пришло к нам из 20—30-х годов, когда Н. Бухарин, А. Лежнев и литдеятели меньшего масштаба писали о Есенине, о Тютчеве, о Достоевском — обо всех выдающихся деятелях русской культуры (даже о Герцене!) как о «шовинистах», «националистах» и т. п. Вот, мол, где корни-то фашизма зарыты! Берегитесь — русские идут!.. Таков же смысл и статьи Н. Ивановой «От «врагов народа» — к «врагам нации»?» (№ 36).

Тайный смысл этих публикаций, шитый белыми нитками — в попытке спровоцировать национальный конфликт между русскими и евреями. А ведь критическим дамам из «Огонька» наверняка известны «Воспоминания» Н. Я. Мандельштам, которая прямо говорит о том, что с явлениями бытового антисемитизма она встречалась как раз вот в такой полуобразованной среде. Что же касается простого народа, говорится в воспоминаниях Н. Я. Мандельштам, то ни она, ни ее муж, даже будучи в положении ссыльных, н и к о г д а не встречались с какими бы то ни было проявлениями антисемитизма. Да и мудрено было бы встретиться: ведь антисемитизм — оборотная сторона сионизма. Создается впечатление, что роман В. Иванова «Судный день» просто обрадовал Н. Ильину, помог ей выйти к ее глобальным обобщениям о русском народе...

Нас призывают вспомнить, что мы русские, когда предлагают нам покаяться. Снова Т. Иванова (№ 16): «И простите нас, товарищи фронтовики, простите, мертвые и живые, за статью С. Куняева. Знайте, что мне, русской, за нее стыдно». Все это по стилю похоже на пошленький фарс из дешевой оперетки, если бы... если бы не имело далекого прицела. Нас стараются приучить к мысли, что русские — только русские! — виноваты во всем: в фашизме и сталинизме, в антисемитизме и сионизме, во всех смертных грехах. Или так в «Огоньке» понимают интернационализм в действии?

«Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер, это русофобия некоторых русских людей...» Эти слова Ф. И. Тютчева, звучащие так современно, напомнил В. Кожинов в интервью «Книжному обозрению» (1988, № 51). Не хотелось бы делать выводы — пусть их сделает сам читатель. Замечу только одно: нетерпимость к любому проявлению инакомыслия, агрессивный тон, оскорбления, постоянные поиски «врагов перестройки» и просто врагов — сталинистов, шовинистов и т. п., и т. д., — не делает ли все это от-

дел критики журнала «Огонек» одним из главных оплотов явления, названного средствами массовой информации «сталинизмом»?

«У нас сейчас есть один сталинистский журнал — «Огонек», — такая мысль все чаще высказывается читателями. Не случайно эти слова прозвучали, в частности, и на встрече читателей с редколлегией и авторами журнала «Литературное обозрение» в 1988 году (где была и Н. Иванова) — даже в той части встречи, которая была показана по телевидению. Как видим, читатель сам разобрался и увидел за демагогической завесой подлинное лицо наших доблестных плюралистов и перестройщиков из «ударного критического батальона» журнала «Огонек».

Николай ЗУЕВ

ИМ СМЕШНО, А НАМ ГОРЬКО!

В 39-м номере журнала «Огонек» за 1988 год журналист Лев Мирошниченко в своей статье «Во что обходится трезвость», в частности, пишет: «В прошлом году жертвой подобных ошибок (отравление алкогольными суррогатами. — *А. Ш.*) пали 11 тысяч человек — почти (?!) столько погибло наших на войне в Афганистане». А не кажется ли автору статьи и редакционной коллегии, что кощунственно жонглировать в подобном сравнении цифрой погибших наших солдат и офицеров в Афганистане, до конца честно выполнивших свой воинский долг? В прошлом году на войне в Афганистане погибших больше 11 тысяч, так что нежелательно здесь в этом цифровом сравнении бездушное словечко «почти».

Ранее я выразил протест и главному редактору журнала «Огонек» В. Коротичу и писателю В. Крупину за песенку в рассказе В. Крупина «С наступающим» («Огонек», № 49 за 1987 г.), в котором на юмористическом фоне в этой песенке выставляется погибший на войне «мальчишка», его рыдающая мать и отец — «как тень». Над этими несчастными можно также посмеяться...

Сейчас можно обо всем писать. Пишите! Но прошу вас, пока мы, родители погибших «мальчишек» живы, не трогайте в подобных юмористических рассказах, песенках, цифровых сравнениях и т. д. погибших в Афганистане наших сыновей. Не бередите так казенно-бездушно наши незаживающие раны.

Ни на одно из посланных в редакцию журнала «Огонек» писем, где я касался вопроса бережного отношения к памяти погибших и к ветеранам войны в Афганистане, я не получил ответа, поэтому прошу опубликовать мое письмо на страницах «Молодой гвардии». Может быть, редакция «Огонька» наконец-то ответит мне?

А. ШЕВЧЕНКО, отец солдата,
г. Ковель

P.S. Когда верстался номер, А. Н. Шевченко сообщил, что получил ответ из «Огонька». Его поблагодарили «за внимание к журналу, за интересное письмо».

ДОВЕРЯТЬ НЕТ СМЫСЛА

Недавно я получил письмо от заместителя редактора одной из небольших военных газет майора С. Голды. Письмо, мягко говоря, некорректное. Вот строчки из него:

«...Пожалуйста, построже подходите к подбору книг, которые пропагандируете через нашу газету. В противном случае мы будем вынуждены отказаться от публикации материалов, подобных тому, что дали 6 октября (в Вашем варианте — «На нас остается Россия»). В подтверждение высылаем вырезку из журнала «Огонек» № 29. Отделу литературы такого издания не доверять нет смысла, а попадать повторно в неловкое положение не хотим...»

Что же рассердило товарища Голду? Оказывается, то, что у автора рецензии на книгу «На тебя и меня остается Россия», выпущенную издательством «Современник» и представляющую собой сборник произведений молодых российских поэтов, не совпало мнение с журналом «Огонек», а точнее с отделом литературы. Под рецензией никто из сотрудников журнала не решился поставить свою подпись. Разумеется, скрыться за отдел безопасней.

Я же не согласен с мнением неведомого автора из «Огонька». (Полагаю, что автор все-таки есть, или в отделе кто-то держал бумагу, кто-то ручку, а кто-то чернильницу?) Думаю, читатель, ознакомившись с рецензией в «Огоньке», захочет прочесть книгу и разберется сам, что к чему. Во всяком случае, именно та заметка заставила меня отыскать книгу, прочитав которую я решил высказать свое мнение по вопросам мужества, чести, долга и патриотизма. Прослужив в армии более 20 лет, считаю, что имею некоторое право размышлять о патриотизме, воспитанием которого занимался в войсках на командных должностях, на преподавательской работе, а затем при прохождении службы в органах военной печати.

Отдел литературы «Огонька» обвиняет авторов сборника и его составителя во всех смертных грехах, в том числе и в безвкусице. У одного автора не нравятся имена героев, у другого чудятся какие-то аналогии со словом пернатые. А издательство обвиняется в том, что оно якобы, «вербуя рекрутов под знамена ненависти...», назначает «по своему усмотрению истинно русскими патриотами каждого, кто согласится версифицировать в духе «Памяти»... Что за слово «версифицировать»? Зачем же огульно обвинять всех авторов книги в отсутствии поэтического дара? И о какой ненависти речь? Сборник учит ненависти, но ненависти святой, ненависти к врагам, ко многим завоевателям, которые терзали землю русскую на протяжении многих веков. Или что же, мы должны обожать и уважать и Мамая, и Ливонский орден, и Карла XII, и Наполеона, и Гитлера, и прочих? Обвиняя авторов в ненависти к захватчикам, отдел литературы журнала зовет их к смирению, что ли? Думаю, каждый патриот имеет право на ненависть к врагам и на чувство любви и долга к своему Отечеству, к своему родному народу.

А каково мнение по этому вопросу у товарища Голды? Он книгу не прочитал, он решил согласиться с мнением «Огонька». А где же личное мнение? Или его начисто выбили годы застоя?

Николай ШАХМАГОНОВ,
полковник

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАДЗИРАТЕЛЬНИЦЫ?

Глаза мои, видать, алчно блеснули...

Иванова Т. «Огонек», 1988, № 49.

Чем хороша демократия, так это тем, что люди довольно быстро учатся отличать демагогию от объективной информации, а демагоги рано или поздно саморазоблачаются. Процесс выявления истинного лица многих так называемых «прорабов перестройки», начавшийся еще перед XIX партийной конференцией, набирает силу. Псевдоперестройщики в щекотливом положении: они видели себя хозяевами положения, ревностно надзирали над неугодными течениями, а поди ж ты, те все-таки развиваются. Что тут делать? Приходится нарушать элементарную логику, противоречить общеизвестным фактам, лишь бы только «не пущать», удерживать свой контроль над средствами массовой информации.

Татьяна Иванова одна из первых зарекомендовала себя бдительной надзирательницей, когда с истерикой в голосе закричала: «осади!» — Валентину Распутину, как только он с надеждой заговорил о развитии национального самосознания русского народа. Дальше — больше. Своей статьей в «Огоньке» (1988, № 49) она пытается поставить заслон серьезному и деловому обсуждению проблем нашего общества, поднятых критиком В. Г. Бондаренко в журнале «Москва» (1987, № 12; 1988, № 9). Но настолько неблагодарно ее занятие, что Т. Иванова попадает впросак.

Скажем, В. Г. Бондаренко совершенно верно ставит вопрос о «тоталитарности мышления» псевдоперестройщиков, переводит «борьбу со «сталинизмом», то есть, с административно-командной системой в области идеологии на практическую почву — предлагает вырабатывать «культуру полемики, культуру несогласия». Псевдоперестройщики любят делать вид, что перерезают ленточки на открытии зон, бывших ранее вне критики, а на самом деле нередко протягивают колючую проволоку на пути свободного движения мысли. Вот и Т. Иванова расставляет запретные знаки, препятствующие развитию демократической политической культуры. «Подождем, — затягивает она старую песенку политических фокусников, — не сразу (!) разнообразие (предпочту это слово модному плюрализму) станет нормальным для нас. Ко всему нужна привычка, нужен навык».

Предлагаемые ею «навыки» до боли знакомы — это методы сохранения диктата в идейной жизни того узкого круга лиц, которых исстари называют «либеральной жандармерией».

Например, Т. Иванова запрещает дальнейшее исследование сложной и противоречивой личности Н. И. Бухарина: «Мы больше не позволим (!) морочить себе голову насчет личности Николая Ивановича Бухарина» (какой любопытный русский язык с преобладанием слова «счет»)! Жаль, что Ф. Энгельс давно умер, а то бы он записал в разряд абсолютных истин не только год рождения Наполеона, но еще и мнение Т. Ивановой о Н. И. Бухарине.

Издревле известен метод удержания идейной монополии с помощью замалчивания неугодных точек зрения. Эх, вернуть бы «либералам» прежние времена: они бы просто не печатали «врагов перестройки»! Теперь же приходится лишь предписывать населению, каких авторов оно должно знать, а каких — нет. Не могут не пленить те очаровательные хитрости, к которым прибегает Т. Иванова, чтобы народ не знал больше имен, кроме тех, что высочайше дозволены «либеральной» цензурою: «Я вновь не называю фамилий, — делает она примечание ма-а-а-левькими буковками, — потому что многие только и ждут упоминания собственных фамилий в критических статьях «Огонька», осознавая, что это для них единственный способ приобрести известность».

Заявляя, как и в оные годы, что она «народ», Т. Иванова приказывает читателю, что читать, а что — не читать, и становится ясно, что никакого отношения к демократизации нашего общества ее опусы не имеют.

Постоянные выступления Т. Ивановой против «сталинизма», против глубокого осознания обществом национальных проблем, против отдельных писателей и направлений в литературе, связанных с постижением основ народной жизни, в которых она выступает в дружной компании с Н. Ивановой и Н. Ильиной, — показывают, что их перьями и мыслями движет прикрываемая интернационалистскими лозунгами, по сути, русофобская идеология.

В «Книжном обозрении» от 19 августа 1988 года Т. Иванова с надрывом заговорила о «человеческом братстве»: «А если знать, что на земле никогда не будет человеческого братства, зачем все усилия?» И принялась утверждать, что теперь она не доживет до этого братства. Почему? Да потому, в частности, что Валентин Распутин своими выступлениями тормозит его приход. И все это говорится с таким серьезным видом, что даже не смешно.

Как бы продолжая начатую Т. Ивановой тему, драматург В. С. Розов в «Книжном обозрении» от 2 сентября 1988 года, по-отечески журит Валентина Григорьевича за «отставание» от XIX века и в то же время походя противопоставляет русский язык языкам двух братских народов — белорусскому и украинскому. Всячески утверждая право на существование русского языка, драматург объясняет бытие белорусского и украинского языков главным образом «материальной пружиной» — якобы желанием белорусских и украинских писателей не терять свои доходы. Надо же, как легко решается языковая проблема! А заодно и проблема «человеческого братства».

Теперь Т. Иванова и вовсе отбросила прикрытие «человеческого братства». У нее получается, что именно русский народ создал административно-командную систему и за «шкирку» «сволакивал» в нее «иные» национальности — жертвы «сталинизма». Такой, по ее мнению, была история социализма и национальных отношений в СССР. Даже уважающий себя советолог не осмелился бы высказать подобную ложь. Он поискал бы более хитроумный способ для стравливания между собой народов Советского Союза.

Невольно напрашивается вопрос, какая реальность или «материальная пружина» движет исканиями Т. Ивановой и ее соратников по надзору? Между дежурными словами о жертвах «сталинизма» они не преминут порассуждать о дефицитных продуктах, которые хотели бы иметь. Видимо, от полноты ощущений та

же Т. Иванова при виде дефицита однажды потеряла бдительность и проговорилась: «Глаза мои, видать, алчно блеснули...» Впрочем, и Виктор Сергеевич, прежде чем приняться за В. Г. Распутина, со знанием дела долго говорил о преимуществах колбасы, изготовленной в спеццехе.

Что ж, если в душе поселилась алчность, тут уж не до перестройки, не до демократии, не до жертв тридцатых годов, а тем более предшествующего периода. Здесь главной становится деятельность ради дефицитных продуктов. Здесь можно пойти и на должность литературных надзирательниц, к характеристике которых так удачно подходит остроумное выражение Аркадия Райкина: охват тем — космический, смысл деятельности — политический, а итог — космополитический. Так что если вы, уважаемые читатели, столкнетесь с беспрекословными требованиями литературных надзирательниц — и не только из «Огонька», — помните, ради чего они пытаются удержать в неволе ваше сознание.

Анатолий ВАСИЛЕНКО,
кандидат философских наук

«КАКОЙ УЖ ТУТ ПЛЮРАЛИЗМ»!

К 1988-му мы уже прошли ликбез, переосмыслили, сколь опасна не езда в неизнаемое, но движение, куда скажут...

«Огонек» № 52, декабрь 1988 г.

...Сколько голов им все-таки удалось оболванить!

Там же

По роду своей работы я связан со страданиями людей, вызванных болезнями, в том числе наркоманией. О наркотиках сейчас говорят немало, всем известна и конечная фаза наркомании — деградация личности.

Личность формируется под влиянием своего и чужого жизненного опыта, обучения, общественного мнения, системы взглядов, эмоционального фона, связанного с чувствами и желаниями человека. В зависимости от всего этого формируется стойкий очаг возбуждения — доминанта. Это она позволяет людям даже в экстремальных ситуациях оставаться людьми, иное существование делает просто невозможным. Понятно, это относится к людям со стойкой доминантой. А вот наркотик достаточно легко разрушает личность, уничтожает даже стойкого в убеждениях и сильного духом человека. Наркотиков много, самый же опасный, на мой взгляд, — идеологический.

На днях, имея свободное время, я решил почитать подшивку журнала «Огонек». Ранее я этот журнал читал вперемежку с другими. На этот раз «Огонек» стал единственным моим собеседником. Мне, всегда в общем-то критически настроенному человеку, живо интересующемуся многими вопросами, резкий и безупречный по логике стиль статей «Огонька» нравился. Именно поэтому, не подозревая ничего дурного, я углубился в чтение. Прошел день, второй...

Я все меньше спал и практически не расставался с очередным номером «Огонька». Интерес к статьям все больше вытесняло тоскливое раздражение. Настроению портиться было от чего. Обнаженные язвы нашего общества вставали перед моим внутренним взором в своей бесстыдной и постыдной наготе. Я чувствовал, как мое сознание раздваивается, мысли «Огонька» вступили в бескомпромиссный бой с моими представлениями, убеждениями. Они отталкивали и притягивали. Они ошеломляли, прессинг статей подавлял. И тут я понял страшную силу наркотика, ибо «Огонек» — сильнейший идеологический наркотик. Этот наркотик расшатывал мою убежденность, доказывал бесцельность прошлых нравственных позиций. Он отбирал мою прежнюю жизнь, доказывал ее ненужность, но увы, ничего не давал взамен, при этом, внутренне ехидно улыбаясь, строил сочувственную мину. «Скорбим вместе с тобой!» — так следует понимать сопутствующий статьям рефрен.

А я продолжал читать. Постепенно вместе с горечью стали возникать другие мысли: «Кто во всем этом повинен? Против кого ополчаться?» И «Огонек» услужливо подсказывал, недвусмысленно указывая: «Вот они, враги!» Ведь, как всякий наркотик, «Огонек» агрессивен. Он прямо-таки кричит: «Кто не с нами — тот против нас!», «Кто думает иначе — враг!»... «О, да, почерк-то знакомый! — воскликнул мысленно я, освобождаясь от разрушительного влияния его статей. — Да это же всего-навсего черносотенный журнал!»

«Черная сотня» — это крайне экстремистское течение безоговорочной поддержки курса власть имущих. Именно она, «черная сотня», в своем верноподданническом гневе способна не только увлечь за собой массы, но и принудить инакомыслящих к повиновению. Она сделает то, что не может позволить себе демократическое правительство.

А я продолжал читать, но уже свободный от влияния наркотика. Постепенно мне открывалась вторая ипостась «Огонька». Возможно, главная. Правда, неизвестно, осознанная или «подкорковая». Кажется, «Огонек» выступает не против троцкистско-сталинского казарменного социализма, не против командно-административной системы социализма, а против любого социализма.

Представляю, какое влияние оказывают материалы «Огонька» на неокрепшие умы. Кто не приобрел убеждений, уйдет в одно из «крыльев» «Огонька» — в «черную сотню»; умные, но слабые духом — во второе — анархиствующее. Стойкие могут сломаться, потеряв всякие убеждения и веру в нравственные ценности. «Огонек» будоражит и «болото», и вот вопрос: куда уйдут вышедшие из него, на чью сторону станут они в бескомпромиссной «гражданской войне», навязанной «Огоньком».

«Огонек» имеет, как мне думается, и третью ипостась. Это не общественно-политический журнал, а еще не осознанная обществом новая партия. Именно в нее, в новую партию, зовет «Огонек».

В отличие от редколлегии «Огонька», призывающей закрыть более спокойные журналы, дабы передать освободившуюся бума-

гу для читабельного «Огонька», я против всяких санкций к этому журналу. Он интересен, воинствен, но... не читайте подшивку «Огонька» азапой! Опасно для нравственного здоровья.

Надо уважать любое мнение, только... надо же сознавать, что отказываться от прежних убеждений — предательство пусть и обманутых пропагандой, но построивших социализм людей. В этом я солидарен с Н. Андреевой. Те, кто строил, верили не столько Сталину, сколько идее социализма. Во имя социализма трудились, не жалея себя, гибли на фронтах за социализм. Смешивать сталинизм с довоенным социализмом, послевоенным периодом — значит дискредитировать нравственные убеждения нескольких поколений.

Деградация личности начинается с потери ориентиров в море нравственности. «Огонек» этим и занимается. Осознает ли редколлегия «Огонька» разрушительную силу своих статей, способных породить только нигилизм или завербовать сторонников «черной сотни» на новый лад?

Ю. ЧИХОВ, врач,
г. Углегорск

НЕ ЗАТЫКАЙТЕ РТА!

В № 41 журнала «Огонек» за 1988 год опубликован материал об известном сейчас, наверное, каждому судебном процессе по иску И. Шеховцова против писателя А. Адамовича и редакции газеты «Советская культура». И если бы Центральное телевидение не показало об этом документальный фильм, то материал «Огонька» ввел бы читателя в заблуждение.

Суд, как я убедился, завершился полной моральной победой И. Шеховцова. Ответчики абсолютно ничем не смогли опровергнуть его обвинения в оскорблении. Вместе с тем суд был явно неправый. Чтобы не быть голословным: в любом случае он был обязан затребовать судебное дело следователя Хвата (о нем шла речь на суде) за 1957 год, по которому тот был оправдан, в связи с предъявлением обвинения в применении недозволенных методов следствия. На этом настаивал И. Шеховцов. Отсутствие же такого запроса полностью и однозначно доказывает необъективность суда под председательством судьи И. Троицкой.

Ответчикам, А. Адамовичу и иже с ним, а также свидетелям с их стороны, предоставлялась полная возможность говорить по вопросам, не связанным с иском, сколько заблагорассудится. В то же время любая попытка И. Шеховцова (который и так весьма придерживался искового заявления) ответить на политические обвинения, выдвигаемые ответчиками, немедленно пресекалась. Иначе говоря, судья И. Троицкая попросту «затыкала рот» И. Шеховцову. Надо отдать должное ему — несмотря ни на что, он выступал хладнокровно и аргументированно.

Ясно было видно, что в зале присутствуют неслучайные прохожие. Если бы общественность была проинформирована о процессе, то состав «зрителей» был бы иной.

Похоже, что И. Шеховцов и его поведение вызвали уважение даже у А. Адамовича, что не понравилось некоторым его сторонникам, которые возражали, чтобы их обоих запечатлели на фотографии пожимающими друг другу руки. Тоже о многом говорящий момент.

Теперь обращаю внимание на статью в «Огоньке». Автор публикации А. Минкин не сообщил, что И. Шеховцов вместе с семьей еще малолетним был выслан на Соловки. А ведь это совершенно меняет цену высказывания истца. Это усиливает их значимость. Можно предположить, что это случилось из-за того, что в редакции не рассчитывали на скорый показ фильма по телевидению. Так или иначе, но и этот факт весьма «дурно пахнет».

По поводу высказываний В. Поликарпова на суде о письме Сталина, в котором шла речь о применении мер насилия к нераскаявшимся преступникам. Хочу сообщить, что, насколько известно, было тогда соответствующее постановление ЦК ВКП(б) о применении, как исключение, мер физического воздействия к нераскаявшимся врагам народа. В. Поликарпов же добивался от И. Шеховцова ответа, является ли этот документ законным, подразумевая, что, конечно же, он незаконный. Однако почему тогда не было объявлено на суде, что это постановление не подкреплено Указом Президиума Верховного Совета? Другое дело, насколько пытки были оправданы морально. Об этом можно спорить. Но, не забывая притом, что у каждого времени свои законы. Наверное, В. Поликарпову и другим присутствовавшим на суде известно, что развединформацию у пленных фашистских солдат, диверсантов и разведчиков «добывали» не только гуманными методами, не говоря уж об угрозе смертной казни. И дезертиров во время войны расстреливали, а ведь они всего лишь спасали свою шкуру. А расстрелы партизанами пленных гитлеровцев — они тоже далеки от духа Женевской конвенции. А требование В. И. Ленина применять к коммунистам меры преследования и наказания более строгие, чем к беспартийным... Это что ж — тоже преступление?

Расхожий теперь термин «сталинизм» пущен в обиход западными буржуазными историками и идеологами. Относительно же его содержания необходимо однозначно указать, что в основном под ним подразумевается большевизм тех лет и лишь незначительной своей частью он отражает личные качества И. В. Сталина. Потому можно утверждать, что ныне под маской борьбы со «сталинизмом» зачастую скрывается борьба с ленинизмом, большевизмом и социализмом. Таким образом ее до поры до времени маскируют различные ревизионисты и ренегаты внутри страны и не скрывают буржуазные идеологи за рубежом. Если учитывать это, то и тут во многом прав И. Шеховцов, критикуя некоторые издания, в том числе «Огонек». Действительно, судя по некоторым их публикациям, наши журналисты и публицисты «переплюнули» в нападках на социализм и Советскую власть даже бывших пособников фашистов, подвизающихся на радио «Свобода» и в прочих «голосах».

У нас развелось немало авторов, изображающих историю так, будто на протяжении десятилетий тупой, темный народ водили на поводке, а он совершенно не соображал, кто и куда его ведет. Вот уж нет! Народ, рабочий класс знал, за что и ради чего боролся! И попытки подобных псевдоинтеллектуалов изобра-

жать из себя носителей истины в конечной инстанции и навязываться в качестве «просветителей» есть не только оскорбление трудящихся, но и сознательная попытка вводить людей в заблуждение, проповедуя ложные теории и не брезгуя откровенным обманом. Эти представители нашей современной интеллектуальной буржуазии (мои слова) очень хотят, чтобы за социалистические идеалы никто не боролся, и навязывают людям свои буржуазные представления.

Этого бы не случилось, если б была настоящая гласность в рамках социалистического плюрализма. У нас предоставлена широко возможность пропаганды буржуазных и мелкобуржуазных взглядов и в то же время часто перекрыт доступ для высказывания большевистских и пролетарских воззрений по различным вопросам истории, политики, экономики в большинстве органов печати. И в первую очередь это касается журнала «Огонек». На что уж сдержан писатель В. Белов, и тот не выдержал, сказал в одной из телевизионных передач, что «Огонек» был красным, а стал желтым.

Мне кажется, и по этой причине И. Шеховцов обратился в суд. Как ему было иначе публично рассказать о процессах, происходивших в нашем обществе. У нас все органы массовой информации пока что принадлежат советскому народу. И потому каждое издание обязано отражать разные точки зрения всех граждан страны, не дожидаясь судебных исков.

В. ЗАХАРЧЕНКО,
Киевская область

О ВКУСАХ СПОРЯТ!

С огромным интересом прочитала статью В. Бушина «С высоты насыпного Олимпа», напечатанную в 10-м номере вашего журнала. Всецело поддерживаю автора статьи, так как амбициозное выступление Г. Бакланова в «Советской культуре» от 26 мая 1988 г., опубликованное под заглавием «О праом деле и мнимых истинах», и у меня вызвало огромное возмущение. Мало того, я даже собиралась высказать писателю Г. Бакланову свое мнение, сложившееся исключительно по публикации в «Советской культуре». Начать свое письмо я намеревалась с цитаты, которую В. Бушин использовал как эпиграф. Так оказались созвучны наши мысли после чтения публикации «О правом деле и мнимых истинах».

Не спорю, по-видимому, не всем нравится манера письма В. Бушина. Язвительный, насмешливый язык, наверное, сильно докучает критикуемым, но я лично выступления В. Бушина только приветствую. Довольно нас критики попотчевали общими, сухими, донельзя скучными фразами о «достоинствах», имеющих «вместе с тем отдельные недостатки». За каждым словом таких, с позволения сказать, «сочинений» чувствуется «обязаловка» и острая нехватка в кармане, ради которой, собственно, автор и пустился в хвалебные песни. За этими трафаретными «сочинениями» не видно лица автора, не прослеживается его личная позиция по обсуждаемому вопросу. Нам такие казенные критические выступления с оглядкой, как бы чего не вышло, сделанные по заказу, совершенно не нужны. Они, как правило, проходят незамеченными и не находят отклика у читателей. Нам нужен живой, искренний и обязательно острый спор оппонентов, разумеется, не доходящий до оскорблений, до которых нередко опускаются авторы журнала «Огонек».

Чем мне, собственно, и импонирует В. Бушин, так это умением с присущим ему тонким чувством юмора колко и язвительно поддеть оппонента, уличить его в неискренности, не переходя, однако, границ дозволенного, не посягая на честь и достоинство критикуемого. Чего совершенно нельзя сказать, например, о критикессах «Огонька» Ивановых (к сожалению, все время путаются в голове их инициалы). Когда я читаю их обширные, чрезмерно затянутые (по-видимому, в расчете на больший гонорар) обзоры литературы, перемежаемые советами, что читать, а что проигнорировать, у меня всегда возникает мысль: да полноте, пишущие ли это люди! Такая расплывчатость в суждениях, такое перепрыгивание, передергивание, такое дикое отсутствие логики в повествовании (и что за язык!), что просто диву даешься, как такое можно публиковать? Их материалы пронизаны безудержным желанием объявить всему читающему миру, какие они всезнайки в литературе, как много читают, а потому все без исключения должны прислушиваться к их советам и срочно переключиться на чтение полюбившихся им книг. А между строк, как бы ненароком, нет-нет да и норовят ущипнуть своих заклятых врагов из немилых их сердцу журналов.

Впрочем, вернемся к В. Бушину и его статье «С высоты насыпного Олимпа». Думаю, что он вполне тактично указал Г. Бакланову на его предвзятость в вопросах истории, подкрепив свои слова историческими документами. Очень жаль, что в полемике с Г. Баклановым В. Бушин не коснулся некоторых других моментов выступления писателя. Например, в «Правом деле и мнимых истинах» есть абзац, кончающийся двумя, такими оскорбляющими читателя фразами, что, несмотря на то, что с момента выхода статьи в свет прошло уже более полугода, они не выходят у меня из головы. Абзац несколько длинноват, но, для того чтобы понять смысл, нужно привести его полностью.

«Но вот другой пример: романы В. Дудинцева «Белые одежды», А. Рыбакова «Дети Арбата», повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая», Д. Гранина «Зубр» оказали большое влияние на всю общественную атмосферу. Читательский интерес к этим книгам огромен: одни принимают их восторженно, другие яростно отвергают. Удивляться нечего, эти книги — о слишком серьезных и больных проблемах, они — о главном. Кое-кто из писателей постарался их вовсе не заметить, будто и не было таких книг. Что ж, дело понятное. Слабости людские свойственны и небесталанным людям. Но постепенно сложился хор голосов: это беллетристика, публицистика, они художественно несовершенны... Ах ты, бог ты мой, какие ревнители художественности! Годами, десятилетиями терпели серые бездарные романы и не морщились, нахваливали, а тут вдруг тонкий художественный вкус прорезался, «совесть» не выдержала».

Вот тут, я думаю, самое время привести ту цитату из выступления Бакланова, которую В. Бушин взял эпиграфом: «Занятие литературой — опасное дело. Человек думает, что он пишет про кого-то, а сам этого не ведая, рассказывает про себя такое, в

чем, кажется, и под пыткой не признался бы». На этом цитата у В. Бушина обрывается. Я же возьму на себя смелость продолжить ее, потому что считаю, что следующие строки как нельзя лучше относятся к автору написанного, то есть к самому Бакланову: «Я думаю, ни один самый злой критик, ни один недоброжелатель не написал еще про М. Лобанова (в предыдущем тексте шла речь об этом критике) то, что он сам сейчас сказал о себе этой статьей». Я тоже думаю, что еще ни один писатель, начиная с самой что ни на есть древности, не открыл подлинную свою сущность всего двумя простыми фразами. Сии «золотые строки» заслуживают повторения. Итак, «Ах ты, бог ты мой, какие ревнители художественности! Годами, десятилетиями терпели серые бездарные романы и не морщились, похваливали, а тут вдруг художественный вкус прорезался, «совесть» не выдержала».

Вот и открылось, что наш «народный писатель», Г. Бакланов, оказывается, откровенный конъюнктурщик! И, оказывается, художественный вкус ему вовсе не по нраву! Он читательским бунтом недоволен, он беспокоится, а ну как все разом прозреют?! Кто ж тогда конъюнктурную серость вроде «Детей Арбата» будет читать? Кстати, о «Детях»: включите и меня, товарищ Бакланов, в тот «хор», что считают это произведение художественно несовершенным.

Прочитала я тогда, в мае, приведенные выше баклановские строки, и так мне обидно за читателя стало, нас, оказывается, ни чуточки не уважают, считают за безмозглую серость и без зазрения совести потчуют литературной серятиной. И представила я себе писателя, не обязательно Бакланова, а вообще писателя, за очередной халтурой. Сидит, пописывает, ни хлопот, ни забот, в ус не дует. Пописывает и насмехается над нами: «...годами, десятилетиями терпели серые, бездарные романы и не морщились, вот вам и еще один из той же оперы, ничего, не подавитесь».

Так вот, уважаемый товарищ Бакланов, хочу я вас несколько просветить. Не спорю, есть среди нас читатели неразборчивые, которые и «Детей Арбата» за образец литературного искусства примут, но истинный писатель не может и не должен подлаживаться под них, он должен стремиться создавать художественные произведения, а не сиюминутную писанину на злобу дня. И, если вы считаете, что мы, настоящие читатели, удовольствовались серятиной, которая в последние годы сплошным потоком шла (да и по сей день идет) с литературного конвейера, то вы глубоко ошибаетесь. Мы все эти годы перечитывали и наслаждались произведениями классиков и наших лучших современных писателей, к которым я лично в первую очередь отношу своих земляков-северян Ф. Абрамова, В. Белова, Н. Рубцова, а также В. Астафьева, В. Распутина и других хороших писателей, которых в нашей стране немало. Вы не правы, мы никогда не лицемерили, никогда не хвалили литературную серость и не покупали ее. Ведь не секрет, если бы продажа книг не сопровождалась пресловутой нагрузкой, то все ваши литературные поделки давно бы осели на складах мертвым грузом. Благодарите так называемые народные книжные магазины, для которых изначально продажа книг с нагрузкой стала нормой. Это им вместо того, чтобы пропагандировать настоящую книгу, пришлось распространять среди населения ваш быстро растущий литературный ширпотреб. И неудивительно. Ведь если я не ошибаюсь, в составе Союза писателей СССР около 10 тысяч человек. Каждому понятно, что при таком числе пишущих и серятина неизбежно будет достигать огромных размеров.

В заключение хочу сказать, что Г. Бакланов руководит журналом, и кому, как не ему, в первую очередь заботиться о развитии художественного вкуса читателей, о пропаганде истинных литературных произведений.

Т. СИБИРЦЕВА,
Ленинград

ПРАВДА БЕЗ ПОДТАСОВОК

Большое Вам спасибо за № 10 журнала. Статьи А. Житнухина, В. И. Конотопа и В. Бушина злободневны и правдивы. Смелее и громче нужно поднимать свой голос в защиту исторической правды. Особенно заинтересовала статья В. Бушина с верной оценкой слов и деяний «оракула перестройки» Бакланова и его подручного Лакшина. Я нашел «Советскую культуру» за 26.V.1988 года с интервью Бакланова и убедился, что оценка действий в статье В. Бушина правдива. Сказано все честно, без подтасовок и недостойных приемов, так характерных для баклановых, коротичей и К°.

В свое время послал я письмо Бакланову, где выразил свое несогласие с односторонними и, как правило, негативными оценками личности и деятельности И. В. Сталина, насаждаемыми, в числе других органов печати, журналом «Знамя».

Я писал как о злоупотреблениях властью Сталиным, его ошибках, так и о его бесспорных заслугах в руководстве армией, страной в годы Великой Отечественной войны. Говорил, что свидетельства Жукова и Василевского, Кузнецова и Штеменко и других участников тех событий вряд ли удастся опорочить и перечеркнуть, отнеся к «литературе застоя», Ю. Буртину, Самсонову, Рыбакову и иже с ними.

Писал Бакланову в уважительном тоне, а ответ получил извинительно-поучительный, высокомерный, пренебрежительный. Смысл ответа «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Будто разговор глухого с немым. На том все и закончилось. А в № 10 за 1988 г. журнала «Наш современник» читаю публикацию лауреата Ленинской премии Петрова о том, как обошелся сей «глашатай» с ним, и теперь знаю, как обходится «борец за правду» и с коллегами из журналов, которые он и К° зачисляют в «оплот консерваторов». Спасибо товарищу Бушину за его смелую и верную оценку недостойных деяний и слов Бакланова, его подручных.

Ждем на страницах «Молодой гвардии» публикации романа И. Ф. Стаднюка «Москва, 41—42-й».

У нас в «Вечерке» развернулась полемика вокруг целесообразности съемок художественного фильма по роману И. Стаднюка «Война». Трижды газета публиковала отклики и мнения читателей. Дискуссия, возможно, будет продолжена, если будет вестись на качественно новом уровне, а не с позиций взаимных упреков и непримиримого противостояния.

Возьмите «Вечерний Киев» за 11.8. и 31.10.1988, и вы убедитесь

в накале страстей вокруг романа «Война». Пишут из Ленинграда, Москвы, Поволжья, Закавказья... Думаю, что и появление «Москвы...» на страницах «Молодой гвардии» вызовет бурную реакцию экстремистов из «Огонька», «Знамени» и других подобных органов «быстрого реагирования». Характерно, что публикация глав романа весной 1988 г. в журнале «Советский воин» прошла для крикунов типа лакшиных-рассадиных-сарновых-ивановых — незамеченной. Боятся выступить против журнала Главполитуправления Вооруженных Сил, что ли? Такая повадка у «смелых перестройщиков».

Не думайте, что я уподобляю «Молодую гвардию» ослабленной жертве, на которую эти любители «жареного» наскакивают чуть ли не еженедельно. Вы им отвечаете достойно и аргументированно, без эмоций.

Неужели некому осадить **провокаторов?** Тактично, но строго, по-партийному. Зачем плюрализм по-дементьевски? Или я заблуждаюсь? Или в моих жилах не кровь, а «ждановская жидкость»?

Юрий ДОРОДЬКО,
г. Киев

ОХЛОКРАТИЯ НА МАРШЕ?

В крайне противоречивое время мы живем. Нашим внукам, а может быть, уже и детям, придется ломать голову над загадкой: как это уживались одновременно курс на демократизацию и гласность и вопиющие нарушения этих принципов иными «прорабами перестройки». Ликовать ой как рано — зло не только не выкорчевано из щедро унавоженной почвы, оно пустило корни в самое сердце нашего общества, принимая нередко личину борцов за демократию и гуманизм. И завтра мы можем оказаться на пороге новой беды, если лес дружно поднятых рук будет бездумно тянуться вверх в единодушном порыве «всеобщего одобрения». Желающие могут самолично наблюдать эти репетиции на сходках некоторых неформальных объединений, где хором повторяют речевки и по требованию оратора дружно вскидывают руки — в знак одобрения. И попробуй в наэлектризованной толпе не поднять руки и не выкрикнуть требуемый лозунг!..

Внушают также опасение (в первую очередь своей схожестью с феноменом хунвейбинов) так называемые «народные фронты», возглавляемые инициаторами, которых, как правило, на эту роль никто не выдвигал.

Произвол на страницах прессы, сомкнувшись с анархией снизу, могут создать «поле» повышенной напряженности, и это никак не будет совмещаться с объявленным курсом на дальнейшую демократизацию.

Сто́ит в обществе появиться «пророку», «всезнающему» и «непогрешимому», — жди беды. Ведь не обязательно стрелять в человека, достаточно распять его на страницах газеты. Исход будет один: и сегодня обыватель так же труслив, как и пятьдесят лет назад... Раз в газете «прописано», значит, лучше держаться от греха подальше. И никто слышать не хочет о том, что НЕВИНОВЕН!!!

Хотя бы часть нашей энергии — да на борьбу со здравствующим злом, а не давно усопшим! Тогда бы и перестройка живее пошла, а не вихляла бы справа налево и... никак вперед.

Отчего же мы так безразличны к судьбам наших современников? Может быть, потому, что скорбеть о жертвах дней минувших и благостно и безопасно?

За последние два года накопилось достаточно фактов, которые невозможно объяснить простой случайностью, совпадением. Охлократия — власть крикунов, демагогов и провокаторов — становится реальностью, не просто мешающей укоренению демократии в нашей жизни, но и изо всех сил стремящейся «бежать впереди прогресса», навязывать свой путь дальнейшего развития.

«Историк» Ю. Афанасьев, например, на своих устных встречах в различных (чаще всего студенческих) аудиториях заявляет, что будущее нашей страны ему видится как представительная демократия для материально состоятельного слоя под сенью абсолютизма и тоталитаризма — по Троцкому — для всей остальной массы. Это не измышление лично Ю. Афанасьева: в той или иной форме эту же мысль предлагают в аналогичных аудиториях и другие наши интеллектуалы (философ Мигранян, «Вопросы философии», № 8, 1987 г., в частности; см. также материалы «круглого стола» в «Огоньке» № 14, 1988 г. «Больше социализма!» и многие другие статьи и очерки последних двух лет).

Как эти идеи вяжутся с идеями демократизации? Это только «простому читателю» не ясно — как. А вот сам Ю. Афанасьев это объясняет следующим образом: «До сих пор у нас был тоталитаризм, кровавая сталинская диктатура и ее тяжкое наследие, так что сразу перейти к прямой демократии мы не можем... Необходимо поэтапное прохождение всех фаз развития демократии, так что абсолютизм, разрешающий представительную демократию для избранных, — это уже шаг вперед по сравнению со сталинской диктатурой».

Не значит ли это, что легенды о тоталитаризме и «бандитизме» в СССР доперестроечного периода нужны... для оправдания введения абсолютизма?...

Необходимо срочно и безотлагательно поставить все важнейшие процессы перестройки под непосредственный контроль народа. Как это сделать, решать всем вместе. И обязательно при полной и бескомпромиссной гласности.

Претензии нынешних интеллектуалов на монополию в идеологии не так безобидны. Призывы «отдать судьбу перестройки» в руки интеллигенции (точнее — «прорабов перестройки», а их уже можно перечислять списком) равносильны призывам вывести перестройку из-под партийного влияния и контроля.

Идеология не должна быть служанкой группы лиц или даже целого социального слоя общества. В противном случае в обществе незамедлительно начинаются антигуманные и антидемократические процессы, безлико именуемые «нарушениями социалистической законности».

Разговоров о создании правового государства сейчас предостаточно. Но ведь и в 1937 г. тоже все нарушения свершались во имя социализма, во имя торжества справедливости. Во имя правды... Так же яростно боролись с бюрократизмом и «монополией партии, доведенной до абсурда» (из речи Сталина на VIII съезде ВЛКСМ), так же нетерпимо относились к «врагам народа», как

мы сейчас — к «противникам перестройки». Как бы не пришлось многим и многим из тех, кто сегодня простодушно повторяет вслед за М. Шатровым, Ю. Афанасьевым и другими «прорабами» проклятья в адрес задумавшихся над современными процессами людей, лет этак через... надцать каяться и ходатайствовать о реабилитации своих безвинных жертв, преданных ими газетному аутодафе и объявленных виновниками торможения перестройки.

Удивительные превращения происходят под прикрытием лозунгов перестройки! Вчерашний участник националистического подполья (а таких организаций было предостаточно — «лесные братья», оуновцы, бандеровцы...) объявляется невинной жертвой сталинских репрессий, а в отношении самих антисоветских организаций сообщается, что все это «досужая выдумка сотрудников НКВД и вздор». Ну, а те, кто спасал людей от необоснованных репрессий, за что и получили «вышку» как «содействующие врагам народа» в 1937 году, сегодня объявлены «нарушителями социалистической законности». К примеру, Миркин, Лаушкин и Шестаков — сотрудники высшего руководства состава НКВД Северо-Осетинской АССР, были расстреляны за «вялое ведение следствия», за недостаточно скорое раскрытие буржуазно-националистического подполья, но вот уже тридцать лет их родственники безрезультатно посылают бесчисленные прошения о пересмотре дел и посмертной реабилитации — с 1956 года эти люди объявлены «врагами народа». Так что напрасно кто-то думает, что с этим термином мы расстались навсегда. Более того, появилась почти 5-миллионная армия заклейменных и готовящихся к гражданскому аутодафе «противников перестройки» — старые чекисты, оставшиеся в живых сотрудники НКВД.

Все громче звучат голоса тех, кто уже засучил рукава и жаждет новой крови. И пусть никого не вводит в заблуждение то, что их речи закамуфлированы словесами о демократии и гуманизме. «Осудить всех оставшихся в живых чекистов!!!» — единодушно проголосовал зал «Мемориала» на заключительном слушании «Недели совести». Напомним этим ретивым правдолюбам о том, что именно чекистами, сотрудниками НКВД спасались тысячи невинных коммунистов, на которых поступали списки из вышестоящих партийных органов! А что как спросим ныне живущего бывшего начальника охраны процесса над Бухариным Алексеева Василия Федоровича, *что и как* тогда было? И сколько он лично спас людей от душегубки? Ведь есть письменные свидетельства спасенных им. Что тогда? Объявим очередной процесс над оставшимися в живых старыми членами ВКП(б)? А то — что там мелочиться! — начнем сразу глобальные «слушания» над организаторами революции?

Надо начать научный поиск причин нарушения социалистической законности на протяжении всей советской истории. Дело архисерьезное. Иначе из трясины беззакония нам не выбраться.

Лариса МИРОНОВА,
г. Москва

НАРОД ПОМНИТ ВСЕ

...С 12 лет я жил в Тайшете. БАМ тогда называли Бамлаг. Строили его репрессированные. Первая зона была в четырех километрах от нашего дома. Была там горка. Зимой ходили на лыжах кататься, а летом ходили по грибы и ягоды. Когда началась война, железную дорогу строить прекратили, а зоны переименовали в сельхозы. Вот там и приходилось нам встречаться с репрессированными: одним из них усилили охрану с кавказскими овчарками, а других расконвоировали и, видимо, после проверок отправляли на фронт. Вот и они, как и мои родители, воспитывали меня в любви к Родине, народу, учили быть преданным социализму и Сталину. Затем меня воспитывали в армии, в войсках особого назначения, где я дал клятву до конца своей жизни быть преданным народу, Родине, партии и правительству, лично Сталину, а если надо будет, то отдать и жизнь. И эту преданность я буду нести до конца своих дней.

Сталин сейчас вроде «враг народа», так? Вот вы ответьте на такой вопрос. Допустим, Генсеком был бы Бухарин, были бы репрессии? Я уверен: были бы. Потому что в то время была другая оппозиция — Каменев, Зиновьев. Они так же боролись бы за лидерство. И кто бы победил — Бухарин с одной стороны, Зиновьев, Каменев — с другой, Троцкий — с третьей? Сталин со своими сподвижниками — с четвертой стороны... Вот видите, нет на этот счет точного ответа. Возможна была бы в то время демократия и гласность? Когда враждующие группировки не гнушались такими средствами, как диверсии, убийства из-за угла? Кто и за что убил Кирова и Урицкого? Сталин, скажете? Хорошо. А кто повесил на телеграфном столбе секретаря комсомольской ячейки в Тайшете? Вот видите, не знаете! От кого и почему охранялись водокачки, железнодорожные мосты? Дзоты у мостов до сих пор ведь сохранились. Я не говорю сейчас о том, прав был или не прав Сталин. Но то были тяжелые времена классовой борьбы. Кулачье и помещики, анархисты за так просто ничего не отдавали, за каждый килограмм хлеба надо было расчитываться жизнью. Это сегодня говорить легко, когда на блюдечке с золотой каемочкой преподнесли социализм. Но, оказывается, это не социализм?

Когда люди меняют как перчатки свое мнение, это и называется предательством по отношению к идеалам, с которыми народ прошел сквозь тяжкие испытания. Невольно напрашивается вопрос, кто эти люди, которые взахлеб клевещут на партию 30—50-х годов. Или я не прав? А теперь в народе, не в обиду будет сказано, ходит такое мнение: в средствах массовой информации сидят сынки, внуки белоэмигрантов, бывших репрессированных не невинно, а за дело, бывших предателей, изменников Родины. Слишком схожие интересы подчас отстаиваются.

А теперь давайте пофантазируем. Был бы у власти Бухарин, Зиновьев или Каменев, чьи руки в крови красногвардейцев, Троцкий или Рыков, договорились бы они с Гитлером о мирном сосуществовании? Еще вопрос: где были те, кто сейчас льет помои на Сталина, где они были, когда наши отцы и братья воевали с фашизмом? Учились, набирались ума, получали сталинские стипендии. А получилось, что они начали раскол общества, растаптывают любовь народа к партии, требуют сейчас многопартийную систему! Только обидно, что нас, рабочих, считают абсолютно безграмотными, как будто мы не знаем, что такое ленинизм и сталинизм. Никто из «нас» не проповедует казарменные методы руководства — мы от них пострадали и страдаем, — как это хотят преподнести. Но дисциплина в обществе должна быть.

Мы не общество анархистов. Мы — общество социалистическое.

Вот я и пишу вам, правда, безграмотно, вы же не опубликуете, а если бы написал что-нибудь плохое о Сталине, не стали бы проверять и не сказали бы, что безграмотно: тут же опубликовали бы. Вот вам и гласность.

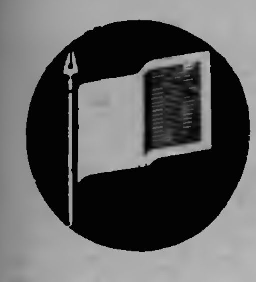
Сейчас в моде говорить: «времена застоя». Спрашивается, кто стоял или спал: рабочий или Политбюро? Если рабочий, надо так и сказать. А если Политбюро, то надо сказать, что застой в руководстве. Или застой в нашем ведомственном руководстве. Насколько мне известно, люди всех поколений работали с полной отдачей, жертвуя личным временем, отдыхом, здоровьем. Надо иметь мужество и вещи называть своими именами, не оскорбляя трудовой народ.

Во имя будущего, во имя перестройки пора прекратить заниматься антисталинизмом, хотя бы потому, что за три года перестройки сами мало сделали для общества. Не надо отворачивать народ от социализма, выстраданного ценой многих потерь и лишений. А то слишком далеко летят щепки от перестройки.

Извините за откровенность. До свидания!

И не надо меня считать врагом перестройки, врагов перестройки нет. Есть разногласия по отношению к личности Сталина, за которой — большой созидательный период нашей социалистической истории.

МУСТАФИН Дмитрий Семенович,
Иркутская область, **Усолье-Сибирское.**

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Евгений БУЛИН

ОТКРОЙТЕ КНИГИ МОЛОДЫХ!

Как несовременна нынче женская проза! Вы посмотрите, о чем они, наши писательницы, пишут даже сейчас: о неразделенной любви, о детских грезах, о любимых бабушке и дедушке, о домике с синими наличниками, о «розовом, золотом, золотом, розовом».

А в это время сознание таранит другая литература: Троцкий, сталинские лагеря, дома на набережной, высохший Арал, наркоманы, мафия на уровне министерств... Изображение бесчисленных злосчастий и потрясений, пережитых нашим народом, литература восьмидесятых годов выдвинула как настоящее, самое важное дело. Эта всеобщая устремленность к истине необходима, мы должны наконец найти верный способ жизни — и для человека, и для общества.

Но, скажите, если все так сгустилось, навалилось, гнетет, на чем же она, жизнь наша, держится? Мы рухнуть должны под грузом, под болью нашей истории. Однако стоим — вернее, едва заметно движемся куда-то.

Есть, значит, невидимая опора, противодействующая разрушению сила. Есть нечто, что выше, сильнее правды, состоя-

щей из поражающих воображение фактов, исторических свидетельств. Обитает эта сила не в решениях государственных мужей (каких только решений не принималось), не в космическом или экономическом потенциале страны и даже не в массовых гражданских выступлениях, но в повседневных наших делах, в стихии нашего быта.

«Пишут о всякой всячине, — листая книжку «Нового мира», раздраженно говорила молодая женщина, мать двоих детей, — но никто не напишет о жизни, о том, что каждый день бывает: как детей в садик утром поднимаешь, а они плачут, не хотят; как одеваешь их сонных, нервничаешь, на работу опаздываешь, а Мишенька куда-то захотел, как в троллейбус потом влезаешь. А свинка, а три рубля за неделю до получки... Почему об этом нет книг?!»

Вот о чем должна говорить женская проза.

Если бы писательницы взялись за «настоящее дело», за «проклятые вопросы», то следовало бы им сказать: «Пожалуйста, не трогайте этого, говорите свое». Ибо от кого, как не от них, мы узнаем состояние основного вещества, которым, как цементом, схватывается жизнь: материнства, нежности, жертвенности, сострадания. Нам нужно видеть, как сегодняшняя женщина относится к детям, к мужу, к родителям, что ее раздражает, отчего она улыбается. Цепкость женского взгляда, внимание ее к атомам быта могут дать существенные поправки к обильным числом проектам предполагаемых общественных изменений.

Все вышесказанное относится к книгам «На золотом крыльце сидели...» («Молодая гвардия», 1987 г.) Татьяны Толстой и «Деревенский роман» («Молодая гвардия», 1988 г.) Любови Мирониxиной. Обе книги у молодых писательниц первые. Темы в обеих книгах едва ли не одни и те же: детские впечатления, воспоминания о бабушках, устройство личного счастья, семья, заветные желания и томления, работа, досуг — то, что называется «опытом». Обе писательницы сегодня живут в столице, обе окончили филологические факультеты университетов, обе растят детей... Стоит указать на некоторое кажущееся сходство биографий авторов — для того, чтобы признать, как мало значат внешние совпадения. Названные книги — это два противоположных полюса отражения жизни, два различных устоявшихся взгляда на нее.

Разговор о Т. Толстой, как правило, начинают с языка ее произведений. Что ж, язык у нее действительно «свой», особенный: «Шуба была, понятно, чудесная — кудрявая, теплая, подкладка трофейная; тканые ландыши по лиловому; век бы из такой шубы не вылезать; ноги в ботики, в руку муфту и пошла, и пошла! И как сперли — по-хамски, нагло, грубо, просто из-под носа выдернули!» Чего тут только нет, прямо как на прилавке хорошего комиссионного магазина!

В противовес пышному (хотя и несколько «поношенному») разнообразию языка сборника «На золотом крыльце...» характеры его персонажей и, как следствие, само композиционное строение рассказов достаточно однообразны. Приглядевшись, вы непременно увидите в этих характерах две отличительные черты: во-первых, детски необузданную фантазию, романтическую мечту о небывалом, «поющем из будущего», а во-вторых, глубокое ощущение «неудачности» жизни. Вот эти два начала сталкиваются в человеческой судьбе, в сознании; отчаяние одерживает верх — получается рассказ.

Хороший пример — история Риммы из рассказа «Огонь и пыль». Вот уж кто истинно романтическая натура! Не потому, конечно, что ей «приятно было помечтать о том времени, когда она станет хозяйкой целой квартиры, не коммунальной... Федя защитит диссертацию, дети пойдут в школу, английский, музыка, фигурное катание...» — эти желания, как сама чувствует Римма, слишком обычны. От жизни ожидается «что-то большее», не очень ясное пока, но, несомненно, «другое»: «наваливалась мечтательная дремота, дивные сновидения наяву, виделись розовые и голубые туманы, белые паруса, слышался гул океана — далекий и манящий, как тот ровный гул, что исходил из огромной раковины, украшавшей сервант».

Терпение человеческое велико, но нельзя же бесконечно ждать от «гула» «важного и великого», что «шумело и сверкало впереди», — в конце концов, всякому надоест. Толчок отрезвлению потребовался легонький — сорвалась покупка «с рук» заграничной тряпки. И все. «Дивные сновидения» как отрезало, «гул» прекратился. «Она ехала в притихшем, загрустившем такси и говорила себе: зато у меня есть Федя и дети. Но утешение было фальшивым и слабым, ведь все кончено, жизнь показала свой пустой лик...» Да ведь не одна Римма оказалась у разбитого корыта — все, все, в сущности, жестоко обмануты. «Люся-маленькая спускалась по лестнице боком, обняв гору выбранных вещей, чуть не плача, — опять залезла в страшные долги. Люся-большая злобно молчала. Римма тоже шла, стиснув зубы».

Или вот, Галя (рассказ «Факир»). Только краешком, лишь как гость, вкусила она «вечного пиршества»: званый вечер в «розовом дворце», хозяин в «бархатном пиджаке» с «венецианским перстнем», «коллекционные чашки», «коллекционные дамы», «рассказы о царствовании Анны Иоанновны», «журчащий сверху Моцарт»... Кто не соблазнится? Поневоле доймут мысли о собственном «третьесортном бытии»: кому-то, значит, «розовый дворец» и «ананасы», а ей, Гале, «кембрий окраин», блочная многоэтажка у канавы за пустырями, где можно жить только «несчастному волку». «Словно кто-то безымянный, равнодушный, как судьба, распорядился». И тут «хочешь — бейся в истерике, хочешь — затаись и тихо зверей, накапливая на зубах порции холодного яду».

Примерно ту же скверную шутку жизнь уготовила и мужскому персоналу «Золотого крыльца». Василию Михайловичу, например, из рассказа «Круг»: то «хотелось родиться пламенным южным юношей, то средневековым алхимиком, то дочкой миллионера, то любимым котом вдовы, то персидским царем». И так десятилетиями томится предчувствием «персидский царь», что «придут и позовут» и «полыхнет зарево на полмира» и т.д. Но никто не звал, не полыхало, не разверзалось, не слышался «глас с неба». Приходится прозябать в «трехмерном бытии», протирать окна нашатырем, грызть супружеские цепи, обманываться в любовницах и «искать заветную лазейку из темницы». Ничего не дождался и не мог дождаться Василий Михайлович. Пробил час, «к сердцу подступила тьма», и бедный мечтатель, вместо царской

короны и райских сирен, «увидел лишь длинный холодный туннель с заиндевелыми стенками».

Да что там зрелые, «ударенные жизнью» люди! Дети — и те успевают в рамках короткого повествования постичь, «куда несет нас рок событий». Поначалу, само собой, находят на юное существо «мечты и звуки» экзотического рода: «караван верблюдов» с «багдадской поклажей», «водопад бархата, страусовые перья кружев, ливень фарфора... негры в золотых юбках», «заколдованный принц». Ну а в заключение следует всплеск разочарования и обиды: «Как глупо ты шутишь, жизнь! Пыль, прах, тлен» («На золотом крыльце сидели...»).

Почти каждый рассказ — это болезненное крушение иллюзий. «Угольки» после катастрофы.

Отчего же так безжалостна Т. Толстая к взрослым и маленьким гражданам «Золотого крыльца»? Почему отказывает им в счастье?

Не она безжалостна. Писательница, несомненно, сочувствует своим питомцам, даже, по замечанию А. Михайлова, автора послесловия к сборнику, «любит их», улавливает и понимает их обиды и боли. Это жизнь, по мнению Т. Толстой, — коварна, непонятна, враждебна, безысходна, с «чашей цикуты», приготовленной для каждого. Она глушит обворожительные «гулы», грубо встряхивает зарвавшихся романтиков и ставит их обнаженными перед холодными, беспощадными, насмешливыми глазами судьбы. Неизменно наступает миг отрезвления. «Прощай, розовый дворец, прощай, мечта!»... «В мусорных баках кончаются спирали земного существования. А вы думали где? За облаками, что ли?» Ни Римме, ни Василию Михайловичу художник ничем тут помочь не может. Его наипервейшая обязанность — высветить бытие жестким рентгеновским лучом, заглянуть, если надо, и в мусорный бак, дать «настоящую» правду жизни.

С такой отчаянной, крутой правдой кому легко смириться? И поклонники Т. Толстой попробовали как-нибудь смягчить здесь, обойти всеобщую обреченность, увидеть в ее персонажах гоголевского Акакия Акакиевича, то есть «маленького», обиженного человека. И зря — автор «Милой Шуры» стоит на своем: «Я пишу не о маленьком, а о нормальном человеке. Бояться, мечтать, сомневаться, не понимать, страдать, тешить себя иллюзиями, любить, завидовать, браться не за свое дело, врать, надеяться — это все нормально» («Московские новости», 22 февраля 1987 г.).

Словом, «такова жизнь».

И все же попробуем разобраться, жизнь ли во всем виновата? За что страдают эти несчастные люди, по какой причине Гали и Риммы копят «порции холодного яду»?

Василий Михайлович, Петя, милая Шура, Петерс хотят счастья, что является весьма законным человеческим желанием в любую эпоху. И вот закономерность: как только они подумают, что им хочется больше всего, что могло бы их осчастливить? — так тотчас выплывают «розовые и голубые туманы», «белые паруса», фрегат «Летучий Голландец», слышится манящий океанический «гул», пение сирен, появляются «томные наяды», «пещера Аладдина», султаны и короли, сердце жаждет «дикого счастья, дикой свободы, безумия сбывающихся надежд». (Есть, верно, среди них люди несколько заземленного, обывательского толка, у таких воображение не поднимается выше «золотого дворца» с «коллекционными чашками» или романа с «роскошной женщиной».) Причем эти клубящиеся «видения наяву» и есть главное, «настоящее» в юдольном пространстве. А все прочее: дом, семья, здоровые дети, друзья, работа — все, чем человек живет каждый день, — это «жизнь в ожидании», о ней и говорится вскользь, с непременным раздражением, как о «третьестепенном бытии».

Что же это? Каприз сытых и праздных людей?

Нет, не только каприз. Все эти безудержные влечения к «белым парусам» и «пещерам Аладдина» — это тщетная попытка убежать от чего-то ужасного. Это ужасное — д е й с т в и т е л ь н о с т ь. Действительность — не что иное как «старая, запселая коммуналка и бессмертный старичок Ашкенази, и знакомый до воя Федя, и весь вязкий поток будущих, еще не прожитых, но известных наперед лет, сквозь которые брести и брести, как сквозь пыль, засыпавшую путь по колени, по грудь, по шею» («Огонь и пыль»). Это одинокая, жалкая и пошлая старость — «чулки спущены, ноги подворотней... О, конечно, у нее всю жизнь были рома-а-ны, как же иначе?» («Милая Шура»). Действительность — это «рынок, облепленный будками... Там стояла Изольда, расставив ноги. Она сдувала пену себе на войлочные боты, страшная, с треснувшим пьяным черепом, с красной морщинистой мордой» («Круг»). Законченную формулу действительности являет судьба Петерса («Петерс»): «Моя мама убежала с негодяем, папа плавает в небе с голубыми женщинами, бабушка съела дедушку с рисовой кашей, съела мое детство, мое единственное детство, и девочки с бородавками не хотят сидеть со мной на диване».

Такая скверная, хищная жизнь не может быть «настоящей», уготовленной для порядочных, цивилизованных людей. Это обман! Мы все обмануты! Как мышь в ловушке, мечется цивилизованная личность в «тесном пенале, именуемом мирозданием», «боится, мечтает, сомневается, не понимает, страдает» и т.д., но выход из этого пенального мироздания лишь — в «туннель с заиндевелыми стенками», в «мусорный бак».

«Меня интересует и жизнь целиком, и человек целиком», — поведала Т. Толстая в «ЛГ» от 23 июля 1986 г. Надо думать, и то, и другое мы получили в ее книге. Непонятно только вот что: почему бытие до сих пор не опрокинулось, не рассыпалась материя повседневной жизни, не заел сам себя человек? Ведь существовать, непрестанно скрежеща зубами, как женские типы Т. Толстой, или толпою мыкаться в сомнамбулическом бреду, как Петерс или Василий Михайлович, совершенно невозможно. Между тем существуем же как-то, мыкаемся. Откуда силы берем? На что надеемся?

Но есть все-таки свидетельства, что бесцельное мыкание, тоскливый вой и скрежет зубовный не окончательный результат, к которому пришла русская жизнь, что есть в ней нечто более интересное и важное для выработки общего взгляда на нее. И такие свидетельства можно извлечь из книги Л. Миронихиной «Деревенский роман».

Что весьма ценно для досужего взгляда — Л. Миронихина рисует мир невыдуманный, но тщательно, с любовью изученный: она много ездит с фольклорными экспедициями, подолгу живет

в деревне, среди низового народа. Совсем иной мир в ее книге, совсем иные герои. Обстоятельства их жизни куда суровей во всех отношениях тепличных условий, в которых взращены Петерсы и Риммы. Если, скажем, поместить всех этих тоскующих и взывающих к сочувствию любителей «манящего гула» в житейскую среду «Деревенского романа», наверняка и дня бы не выдержали, сошли бы с ума. Шутка ли — от паштета, от тарталеток, от «молочных речек Ханаана» — к прозаическому куску хлеба; от розовых дворцов со «штукенциями и финтибрясами», с гувернантками и домработницами — к плетню, к деревянной избе с русской печкой; от кресла-качалки, от халата с кистями, от групповых интриг — к подойнику, лопате, косе... Сколько разных строгих выражений высыпалось бы нам на голову, соверши мы такое перемещение!

Из трех повестей книги «Деревенский роман» две написаны о русской деревне. Третья — открытое повествование о своей жизни. В ней собрано все понемногу: из собственного провинциального детства, из московской жизни — воспоминания об университетской среде, о многочисленных родственниках, об учителях, о работе...

Главная особенность, отличающая людей, о которых пишет Л. Миронихина, — это устойчивость. Устойчивость до тех пределов, пока существует хоть один дом, пока обитает в нем хоть одна душа.

У современной литературы много предназначений. По многим причинам важнейшее из них то, что является главным для Л. Миронихиной: коротко его назвать — собирание духовных сил народа. Конечно же, тот самум потребительских и масскультурных инстинктов, раскачавший нравственные опоры в горожанине, задел и деревню. Со времен письма Ф. Абрамова в «Правде» многие громогласно говорят о пьянстве, лености, воровстве, грубости, равнодушии и прочих грехах, поразивших российскую глубинку. Однако опять непонятно, кто же сегодня — худо ли, бедно ли — кормит страну? Многие скорбные упреки и трагические выводы рождались в сравнении с прежним заповедным, несколько затуманенным далью времен крестьянским ладом.

Что же на самом деле представляет собой сегодняшняя русская деревня?

Сюжет повестей «Деревенского романа» сосредоточен на нескольких характерах, характеры эти отличает укорененность в житейской почве: потянув из этой почвы одну судьбу, писательница поднимает большой пласт жизни, приводит в движение обширное пространство вокруг нее. В результате раскрывается быт целого села — от древней старушки до управителей хозяйством. Мы можем подробно рассмотреть, как обычный человек относится к работе на ферме, к домашнему хозяйству, к своей корове, а также к воровству, пьянству, к семье, к детям и так далее. Случается в этой жизни, и часто, многое: и сено с фермы воруют, и водку пьют, и ругаются меж собой. Но посмотрите на строгость нравственных оценок со стороны односельчан:

«Стыд совсем потеряли!»

«Что ж так коряво, не по-людски живут» и т. д.

Вообще понятия «стыд», «совесть» широко распространены во мнениях и чувствах деревенских жителей, и не только в случаях упрека или осуждения. «Хорошо у него было на душе всегда, когда он встречал совестливых людей», — сказано об одном из персонажей повести «Деревенский роман». В целом создается стойкое впечатление, что тяга людей к идеалам «правильной жизни», «хорошего человека» сильна до сих пор. Да и то сказать, в иной среде невозможно сохраниться такому самородному ранимому сердцу, как Максимовна, старушка из Лугов, которая «пуще всего боялась сердитого окрика или грубого слова» и «обмирала от всякой обиды». Размах репрессий молодого директора задел и ее хутор. Величайшим потрясением для Максимовны была квитанция для уплаты штрафа (не углядела за овечками — вашли на зеленя). «Нюра, мне не жалко этих денег, стыдно от людей, — в который раз со слезами объясняла она. — Как я теперь буду жить оштрафованная».

Впрочем, словами «стыд», «совесть» всю жизнедеятельность населения Трусова, Поповки, Лугов не охватишь. Она сцеплена из десятков и сотен необходимых или не столь необходимых дел, хлопот: надо сажать картошку, договориться с плотниками о ремонте дома; надо вывезти сено с поля, пока не замочило дождем; надобно встретить гостей из города, нужно обдумать свадьбу сына и т. д., каждое дело, само собой, рассыпано на тысячи мелких подробностей. И каждая из тысяч подробностей жизни Трусова и Поповки характерна живым откликом, проявлением удивления, радости, нежности, досады, беспокойства. Во всем видно живое, неустанно-хлопотливое человеческое сердце. «Когда ей случалось проглядеть корову и та подавала голос, бабушка бросала все дела и бежала к ней с куском хлеба: «Нетеща, дочушка, я в погребе была, не дождалась тебя» («Семейная повесть»). Или оттуда же: «Бабуля любовалась со стороны, охала, хлопала в ладоши и кричала на печку: «Андрюха, ты гляди, какая в сарафане хорошая молодушка, не то, что в штанах!»

То и дело наталкиваешься на подобные признаки весьма бодрой, движущейся жизни, которая никак не приводит к мысли о «прахе» и «тлене». В то же время она далека от всеобщего благоденствия и веселья. Особенность дарования Л. Миронихиной позволила ей, например, за лирической драмой Маруси и Коли подметить важные и нервные переплетения нашего времени. Вряд ли она хотела непременно «докопаться», «разрешить», «вскрыть» какие-то социальные или экономические проблемы, она пишет о человеке, о его сокровенных желаниях, чувствах, о том, что герой видит вокруг себя. Но взгляд его широк, а сердце отзывчиво и полнокровно. В результате получается обстоятельная картина, по которой можно изучать жизнь и делать посильные разносторонние выводы. Новым и интересным для меня было попытаться понять, что означает для сегодняшнего человека его должность.

В городских условиях, через частую сетку условностей мы мало что можем разглядеть. Нужно поместить «объект» в более «чистую» сельскую среду, где пока более заметны «эталоны» человеческой совестливости, душевности вроде Максимовны. У того же Коли Ивочкина, двадцатипятилетнего директора совхоза, «золотое сердце» — в нем подчас плещется еще «радость от встречи с совестливыми людьми». Не назначь его «на должность», ничуть не хуже был бы он «эталонов» — так же освежал бы людей добротой. Поначалу Коля сильно переживает, что приходится «воевать» с соседями, одноклассниками, а то и с родственни-

ками — в сущности, это честный, ранимый человек, «идеалист», мечтающий увидеть свое село «обновленным». Еще сильнее в нем «ноющая боль» от потрав, от вида грязных, голодных телят, от разбросанной техники. Но чем старательнее он претворял в дела благие намерения, тем больше отдалялся он от односельчан. «Раньше, когда он был агрономом Колей, его любили и уважали, теперь то и дело ему виделось недоверие, настороженность, а то и ненависть».

Очень скоро «должность» придавила все чувства, внедрив «усталость, злость, разлом в душе». Страшно предположить, к какому исходу могут привести такие коренные перемены в человеке.

Да ведь кто-то должен и дело делать!

Полезное правило (и надо бы его возродить) — прислушаться, что говорят окружающие. А окружающие воспринимают ретивого, добросовестного директора Ивочкина как «явление уникальное (то есть незакономерное), как Иванушку-дурачка».

Ну и глуп народ! — выскакивает не очень новая мысль. Да только надо прежде обернуться на исторический опыт, его у нас в избытке, он теперь наглядно убеждает: когда для «народного блага» приходится гоняться за ним, за народом, с кнутом, с бюрократической пикой наперевес, воевать со своими соотечественниками, ничего доброго из этой войны не выйдет. Вся хозяйственная, спотыкающаяся на каждом шагу деятельность молодого директора похожа на штурм крепости, некой неподдающейся, противоборствующей силы. Эта сила в его односельчанах, ставших за короткий срок чужими для хорошего парня Ивочкина — подчиненными, «рабочим инструментом в совхозном хозяйстве». Она в поступках Маруси, вступившейся за всех обиженных — уволенных, загнанных работой, сданных в милицию, сброшенных в ручей. Сопротивляющаяся сила, последняя неподатливая крепость эта есть «нрав» народа. Полнее всего он раскрывается для нас в Марусе. (Было бы смешно сравнивать его с дамскими капризами обитателей «Золотого крыльца». Поэтому делать этого не будем.)

Понятно, что охватить все его стороны немыслимо. Отмечу лишь то, что можно сразу почерпнуть в повести «Деревенский роман».

Народный «нрав» — это твердое знание того, что, «кроме работы, у каждого человека должен быть дом, хозяйство, особенно в деревне», и эти ценности надо всеми силами отстаивать; что слабого и безответного надо защищать, как бы скверно ни пришлось из-за этого самому защитнику; что пресмыкаться перед начальством стыдно, а жить по его «указке» и «плану» вредно; что инвалидов, старух, беременных посылать на сенокос нельзя — какой бы грозный крик ни доносился «сверху»; что справедливое, совестливое слово стоит более личного благополучия; что нет вещи ценнее, чем доброе имя; что власть, должность — всегда «оковы» живому чувству, от них нужно держаться подальше.

Таких отчетливых практических установлений и правил жизни современный национальный характер сохранил еще достаточное количество, уверенно в них разбираясь и опираясь на них в трудную минуту. Дополнен он и крайностями, может быть, не столь ему полезными и для нас притягательными. Но было бы катастрофой для нашего народа, если бы самонадеянные и исполнительные пареньки смогли запросто сшибать и сминать углы и выпуклости самобытного склада его, без усилий превращать сородичей в покорное стадо. Природным чувством Маруся уловила эту опасность и сделала роковой для себя выбор. Посмотреть — сломалась судьба, расстроилось семейное счастье из-за пустякового упрямства — кому это нужно?

В старину в таких случаях говорили о «промысле божьем» — в том смысле, что, как правило, неявно, за частоколом бед, свершается несравненно большая справедливость. Не будь таких «пустяковых» шагов, оплаченных судьбой, народный характер весьма скоро бы разъело мелкими уступками, потаканиями чужеродному вмешательству, «указке». В судьбе Маруси — кто может решить, что для нее лучше или хуже; смогла бы ли эта прямодушная и совестливая натура счастливо ужиться с человеком, которому всего желательней «для общей выгоды», по выражению Г. Успенского, «убить человека в рабочем»? Следует опять же заметить, что отличие таких природных натур — чаще всего с сельской родословной, — как Маруся, таких, как Агафья («Август — месяц рыбный»), как Варвара Егоровна («Семейная повесть») — в какой-то особой закалке, стойкой закваске. Все раны, которые наносит им переменчивая судьба, как бы ни были глубоки, приходятся мимо главного жизненного средоточия и не меняют их ясных, доброжелательных отношений с действительностью.

«Я с удивлением видела, — говорит в «Семейной повести» образованная гостья из Москвы, — что в той жизни, которую все считают грубой, простой и тяжелой, кипели страсти, в ней было больше смешного и трагического, чем в нашей, более удобной и устроенной действительности. В жизни окружающих меня людей ничего не происходит, так тщательно они себя оберегают от всех волнений и забот».

Тут как-то невольно приходят на память разочарованные охотники до «царских престолов» и «вожделенного юга» Т. Толстой. Вздрогнешь и покосишься на обиженные вопли с «Золотого крыльца» о «бегущей мимо, равнодушной, неблагодарной, обманной, бессмысленной, чужой» жизни. И не придумать, кто же виноват в столь разительной неровности человеческой породы, жалкой ущербности ее отдельных экземпляров. Среди них нет счастливых людей — все одинокие, жалкие, разочарованные во всем.

Они не умеют ни радоваться по-человечески, ни страдать.

Они не смеются — насмехаются (подобно тому, как издеваются над «дурой» Соней ее «друзья»).

Они не грустят — злобствуют.

Они не любят — сожительствуют, едва терпят друг друга, способные в любой удобный момент предать.

Они не живут — прозябают в ожидании не заработанного ими, непонятных подарков судьбы, с неизбежностью теряя надуманные иллюзии и скоро скатываясь к распирающей их догадке: «Все пыль, тлен...», «А больше ничего нет». В жизни их, действительно, ничего не происходит. Здоровый человек при виде их «вулканических» страданий лишь пожмет плечами, ибо проистекают они из ничтожных причин, а чаще из-за скверной мелкой зависти. (Напрасно поскромничала Т. Толстая в газете «Московский комсомолец», убеждая, что «внутренний мир завистника» для нее «загадка» — «МК» от 29 ноября 1987 г. — очень даже обстоятельные фигуры получаются у нее.) Не дай бог, заце-

пит их общая неминучая беда. Тогда они готовы взорвать всех разом и проклясть все на свете, как Ада Адольфовна из рассказа «Соня», попавшая в блокаду. «Все ложь, и будьте вы все прокляты!» — вот их окончательный ответ всему миру.

И вспоминается другая женщина, пережившая «ликвидацию кулачества», прошлую войну и полный, беспродышливый патяг колхозной лямки, — Устиновна из «Семейной повести» Л. Миронихиной. «Хоть крупицу хорошего, но она отыскивала там, где, казалось бы, век ищи — не сыщешь».

— Хорошо, что весной, а не зимой, — как о спасении рассказывала бабушка. — А если бы зимой, то не знаю, не выжить бы нам. А так землянки пока вырыли, а к осени стали помаленьку отстраиваться. — Она всерьез считала себя счастливой, поэтому никогда не жаловалась, чтобы «не гневить бога».

Пропасть между двумя мирами, между воззрениями на знакомую нам жизнь, на человека, какая раскрывается при прочтении двух книг молодых писательниц, в некотором смысле закономерна и свойственна сегодняшнему дню. На все, конечно, воля авторов — хорошо, если и в дальнейшем будут они столь же независимо выражать свое видение действительности, доказывать правоту своих оценок современника. Я озабочен лишь самочувствием читателя, который видит здесь две правды о человеке и вынужден решать: кто прав, кому поверить? И та и другая картины красочны, убедительны и, несомненно, выписаны талантливой рукой. Вероятно, какая-то часть общества существует так, как представлено у Т. Толстой. То есть кто-то до определенного возраста живет в мечтательной дремоте, воображая себя то дочкой миллионера, то флибустьером среди туземок, а затем начинает судорожно биться о тесные стенки «страшной и враждебной жизни». Настораживает упомянутое утверждение автора, что пишет она «человека в целом и жизнь в целом», и, таким образом, несостоявшиеся миллионеры и персидские цари — и есть, говоря словами Т. Толстой, «нормальные» люди, «а больше ничего нет».

Открываю вслед книгу Л. Миронихиной — и словно у темной бочки выбили дно — распахивается необъятное пространство, и забот у человека возрастает раз в двести, совсем другие у него ощущения и убеждения.

В чем причина такой полярности образа жизни, мыслей, чувств героев? Может быть, образование так категорически разводит нас? Нетрудно заметить, что герои Т. Толстой — это люди с вузовской печатью в мышлении; тогда как у Л. Миронихиной они большей частью не имеют никакой печати, а иногда вообще неграмотны. Однако есть в «Семейной повести» родственный по духу автору персонаж Николай Павлович, человек не только замечательно образованный (член-корр.), но «учитель», «вожатый» в общечеловеческом смысле, наставничество его составило для героини большое счастье. И здесь же попадается другого поля ягода, «человек другой веры, чужой морали» — деревенский мальчишка Юрка, который «презирал и стыдился... своих родственников и взахлеб мечтал о какой-то красивой, легкой и вольной жизни».

Может быть, дело в изначальных человеческих свойствах, в

характере личности, о чем выше уже говорилось? Но и характер от чего-нибудь завязался, сложился благодаря определенным обстоятельствам.

И вот, вглядываясь еще и еще раз в тех и других, в условия их жизни, в убеждения, которые они исповедуют, в их занятия, при всей разнице мелких и крупных обстоятельств видишь одну, особенно важную, судя по всему, причину. Дело в том, что и Маруся, и Варвара Егоровна, и Устиновна, и Николай Павлович, и все почти, с кем повстречались мы в повестях Л. Миронихиной, — все они, помимо их замечательных душевных качеств, превосходные работники, — в отличие от населения «Золотого крыльца». Последние ни в раннем, ни в зрелом возрасте скорее всего не знали трудового пота. Няньки, домработницы, дачное шалопайство — в детстве, а дальше... дальше — непонятная болтанка между небом и землей. Во всем сборнике Т. Толстой, перефразируя ее примечательное высказывание в «Московских новостях», один безусловно служащий — Петерс из рассказа «Петерс», «и тот идиот». Остальные о своей трудовой деятельности даже не упоминают — до такой степени, видно, дошло отвращение к ней.

По сути, в книгах этих мы наблюдаем *трудовой* и *нетрудовой* строй жизни, имеющий место в обществе.

«Если у деревенского жителя нет любви к хозяйству, это или лодырь, или ненормальный», — говорит Маруся, и ее слова естественны и справедливы даже для сегодняшнего, опустошенного бесконечными реформами села: «лодыри» и «ретивые указчики» — это все отмечается как «чуждое», «ненормальное».

Совестливость, сочувствие к постороннему, ревнивая честность, живой ум, радостное понимание красоты, оптимизм и другие незаурядные качества *характера* Максимовны, Маруси, Устиновны плотно сопряжены с их «ненасытностью» в каждодневной работе. Нам невозможно вообразить, как эти маленькие (на две головы ниже сегодняшнего подростка), неграмотные женщины смогли вынести колесование прошедшей исторической эпохой: бесчисленные голодные годы, потерю сыновей, гибель мужей, унижения чиновниками, каторжную безвозмездную работу от темна до темна — вынести все это и при этом чудесно сохранить простодушие, чуткость к правде и добрый взгляд на вещи. Невозможно это понять, потому что много меньше пришлось нам трудиться. «Ты так любишь представлять себя в ее жизни. А хотела бы ты постоять среди головешек?» — спрашивает себя героиня «Семейной повести» и признается: «Нет, в эти минуты, ею прожитые, я и не пыталась войти. Если так можно мерить человеческие силы, мужество, терпение, то я бы сказала, что у бабушки было сто человеческих сил, у матери половина, а у меня только десятая часть. Меня смутила и уронила в собственных глазах мысль, что я такую тяжесть, возможно, и не подняла бы»

Собственно, здесь и отыщется ответ, почему обитатели «Золотого крыльца» при ничтожном сквозняке, при пустяковой занозе в пальце готовы «биться в истерике, кататься по полу, молотить ногами». Тогда как жизненного равновесия Маруси или Варвары Егоровны не разрушают самые жестокие удары. У них слишком много дел, чтобы опускать руки.

Сейчас все чаще тревожно-скорбно подсчитываются нравственные потери в современном поколении, все откровенней говорит-

ся о глубоких социальных тупиках. Но как-то слишком долго мы ломаем головы, думаем в пустоту: отчего эти потери и тупики? Между тем стоит поинтересоваться книгами молодых писателей. Откроем «На золотом крыльце...» — тотчас увидим, до какого скотства, оголтелой ненависти друг к другу, до какой темной мировоззренческой бочки могут довести паразитические наклонности, претензии на «пожизненное ликование». Откроем «Деревенский роман», и тоже станет очевидным, что не заказан нам путь в противоположную сторону, а главное — у нас есть отличный, исторически утвержденный способ выправить изъяны общественной морали, дать толчок развитию всех благородных свойств человека — это заинтересованный труд.

Чего нам недостает для этого? Поля для деятельности бескрайние, работы в любой области — до горизонта. Одно непременное условие — труд должен быть свободным, неподневольным, разносторонним — по душе. Работа не из-под палки, не по «плану» ивочкиных, а как бы для себя, имеет чудесное непреходящее свойство — приносить (кроме материального продукта) ни с чем не сравнимое удовлетворение и тем разжигать жажду еще большей деятельности. И чем больше такого независимого, радостного труда предстоит человеку, тем больше разгорается и распрямляется душа его, тем ухоженней и обласканней становится пространство вокруг него.

Откройте книги молодых писателей!..

●

М. УСТИНОВ

«ХВАТИВШИЙ ОКОВ...»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ И ПОЭТИЧЕСКИЕ ЗАБАВЫ

Бывают случаи, когда имеет смысл сосредоточиться на одном-единственном тексте, если он столь же знаменателен, как вот такое стихотворение ленинградского автора В. Халуповича (опубликовано в «Книжном обозрении» 8 июля 1988 г.):

Мои мать и отец в эту горькую землю зарыты.
Мои бабушки с дедом на этой земле сожжены.
Казаками Хмельницкого здесь мои предки забиты.
И Владимиром пращуры были на нет сведены.

Мне Татищев открыл в словаре своем, слогом старинным,
Как изгнали нас в Польшу, а после вернули опять.
Нам пахать лишь однажды дозволил указ «Катерины»,
Чтоб два века потом все, что можно, пытаться отнять.

Слуги бога-еврея «анафему» в церкви трубили,

Онемеченный царь нас чертою оседлости гнул.
Балагулы, сапожники, мы эту землю любили,
За нее шли на смерть, если враг на нее посягнул...

Здесь, на этой земле, я евреем родился однажды.
За моею спиной здесь не меньше, чем десять веков.
Я на этой земле за нее и радею, и стражду,
За нее в нашем веке и горя хватил, и оков.

Как молитву шепчу ее схожее с росами имя.
Чтоб родила она! Чтоб метели над ней не мели!
Ну а те, что считают на этой земле нас чужими,
Может, сами лишь пасынки этой нежадной земли?

Первой же строфой автор задает пространственно-временные границы текста, вернее — почти безграничность. Охват широк — вся «эта горькая» (то есть Русская) земля и погруженные в глубь веков сквозь пламень и смерть впечатляют — Великая Отечественная война, освободительная борьба украинского народа в XVII веке, объединительные усилия Древней Руси. Эти вершившие судьбу страны годины автор связывает одной и той же коллизией, которой отдает первенство. И мысль о гонимости его сородичей на столь грандиозном и разноликом историческом фоне обретает оттенок извечной данности.

Усиление каждого последующего высказывания рассчитано психологически точно. Читатель все более вовлекается в движение стиха и уже готов откликнуться сопереживанием, как вдруг застывает перед провалом двух слов: «на нет». Их приблизительность гасит авторский разгон: если предки в XII веке были сведены «на нет», то с кем расправлялись казаки Хмельницкого, кого сожгли во второй строке и хоронили в первой? Да и сам автор каким чудом воплотился?

От этих вопросов не спасает даже очевидность завораживающего влияния строк Б. Пастернака:

Приедается все.
Лишь тебе не дано примелькаться.
Дни проходят,
И годы проходят,
И тысячи, тысячи лет.
В белой рьяности волн,
Прячась
В белую пряность акаций,
Может, ты-то их,
Море,
И сводишь, и сводишь на нет.

Напротив, внятно прослеживается, как заимствованную — от ритма и лексики до временного размаха — поэтическую систему автор снабдил безоглядной увлеченностью собственной идеей.

Умозаключение четвертой строки опирается на события 1113 года — народное восстание в Киеве после смерти великого князя Святополка II Изяславича, во княжение Владимира Мономаха и съезд князей, по требованию народных масс решивший будто бы выдворить евреев «со всем имением» (В. Н. Татищев. История Российская, т. II. М.—Л., 1963, с. 129) за русские пределы.

Исследуя этот период, С. М. Соловьев отмечал, что летописи подтверждают то известие, что князь Святополк из-за корыстолюбия дал большие льготы евреям, которыми они пользовались в ущерб народу и тем возбудили против себя всеобщее негодование (С. М. Соловьев. Сочинения, кн. I. М., 1988, с. 390). Другой историк XIX века также считал, что время княжения Святополка «было очень тяжелым для Киева и Киевской Руси <...> Зато время это было счастливым для киевских евреев. В великом князе они имели союзника и милостивца» (И. Малышевский. Евреи в Южной Руси и Киеве в X—XII веках. Киев, 1878, с. 101). Закабаление киевского люда непомерным размахом ростовщичества и вызвало народное возмущение после смерти князя, которое было обращено прежде всего против тысяцкого и сотских, которых народ считал своими предателями и соучастниками княжеских неправд и насилий, потом против евреев, как покровительствуемых бывшим князем и его слугами грабителей народа (там же, с. 108). Сходная точка зрения принята и в современной историографии: «Народ, истомленный финансовой политикой Святополка, взял с бою дворец крупнейшего боярина, тысяцкого Путяты Вышатича (брата Яна) и разгромил дома евреев-ростовщиков» (Б. А. Рыбаков. Мир истории. М., 1984, с. 194). Общекняжеское установление (если только оно действительно состоялось) могло быть, помимо требований народа, вынуждено и тем, что «евреи наклонны были вмешиваться, в своих интересах, и в политические отношения Руси и ее князей, ища союзников между худшими князьями, способными быть предателями народа; наклонны были пользоваться политическими несчастиями Руси, ведя дела с ее врагами, чтобы пользоваться общею добычею из нее» (Малышевский. Ук. соч., с. 116).

Возникает недоумение: на каком основании в построении В. Халуповича в один смысловой ряд попадают и русские князья, и казаки, и фашисты? Вероятно, объединяются они одним признаком — преследованием предков и пращуров поэта (или лирического героя — это все равно, поскольку дистанции между ними нет), и таким сближением он создает совокупный «образ врага» — преследующее и перетекающее из века в век наваждение. Тем не менее правомерно ли пренебрегать сущностной разницей меж зверствами гитлеровских захватчиков и действиями освободителей русских земель от католического ига или «доброго страдальца (труженика) за Русскую землю» (С. М. Соловьев. Ук. соч., с. 396) Владимира Мономаха? К слову сказать, образ этого князя русский народ сохранил в своем устном творчестве, а с его миротворческого письма извечному противнику Олегу Святославичу Д. С. Лихачев предлагает начать «Историю совести».

В сионистской пропаганде существует положение, согласно которому немцы, украинцы и русские признаны едва ли не биологическими антисемитами. Мы, конечно, далеки от того, чтоб подозревать нашего автора в сознательном иллюстрировании расистского тезиса. Однако нельзя не посетовать, что он упустил возможность воспользоваться источниками, прежде чем обличать тех же казаков как носителей безначального зла. Вряд ли их воззрения сильно отличались от убеждений Тараса Бульбы, ко-

торый «положил себе правилом, что в трех случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда комиссары не уважали в чем старшин и стояли пред ними в шапках; когда глумились над православием и не чтили обычая предков и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства» (Н. В. Гоголь. Собр. соч., т. 2. СПб., 1893, с. 276).

Конечно, «Тарас Бульба» — тоже художественное произведение, однако на этих страницах Н. В. Гоголь отнюдь не прибегает к поэтическому вымыслу, ни к гиперболе даже, а приводит точные сведения, почерпнутые из хроники «История Руссов или Малой России» (с выдержками из нее можно познакомиться в следующем издании: А. С. Пушкин. Собр. соч., т. 6. М., 1976, с. 91).

В хронике можно встретить свидетельства того, как поляки, узнав через своих шпионов-евреев о поездке гетмана Остраницы с приближенными без достаточной охраны в Канев, «тут его в монастыре окружили многолюдною толпою войск своих...» (там же, с. 93—94). И далее следует рассказ, каким истязаниям подверглись предательски захваченные казаки, но повторять эти нечеловеческие — и подлинные — муки даже на листе бумаги не поднимается рука.

Казаки Хмельницкого прекрасно знали, «какие дела водятся на Украйне» (Остраницу с товарищами замучили в 1638 году). И если даже их поступки — по необходимости отпора и в соответствии с характером эпохи — были жестокими, разве так уж они неотличимы от изуверства фашистских оккупантов, обращенного, кстати, не на одних евреев? Белорусов, к примеру, погибло — и было сожжено целыми селеньями — гораздо больше. Конечно, когда речь идет о человеческой жизни, количественные сравнения едва ли не постыдны. Но счет все же показывает, что гибель предков героя стихотворения вряд ли может служить обобщенным свидетельством судьбы народа, а скорее является фактом его индивидуальной биографии.

Скупая (или выборочная) историческая осведомленность автора и фольклорная интерпретация известных ему фактов вообще вредят стихотворению.

Мне Татищев открыл в словаре своем, слогом старинным,
Как изгнали нас в Польшу, а после вернули опять.

Историк же в «Лексиконе Российском» пишет о евреях: «Их сначала было в России много, но во время великого князя Владимира II-го в 1113 году общим определением всех князей выгнаны и закон положен, естьли впредь явятся, оных убивать. И сие в Великой России доднесь хранится, но в Малой России во владение польское паки допущены, однако ж указом 1743 все изгнаны и впущать наикрепчайше запрещено» (В. Н. Татищев. Избр. произведения. Л., 1979, с. 277).

Трудно утверждать, действительно ли русские князья приняли в 1113 году решение об объявлении евреев вне закона. Эти сведения известны лишь по одной из рукописей «Истории Российской» самого В. Н. Татищева и в свое время ставились под сомнение С. М. Соловьевым, так как этому известию противоречит известие летописи под 1224 годом о пожаре, во время которого

погорели в Киеве и евреи. Хотя прежнее место их поселения могло просто сохранять старое свое имя (Соловьев. Ук. соч., с. 681). А изображение царя Соломона на престоле в центре многофигурной лепной композиции, опоясывающей стены Дмитриевского собора (XII в.) во Владимире — городе Мономаха, наводит на мысль, что если и было в те поры какое-то противодействие евреям, то не как этнической, а как социальной — и социально опасной — группе.

Потому В. Халупович совершенно справедливо смягчает свое предыдущее утверждение: «изгнали нас» вместо «были на нет сведены». Однако вносит новые фактические неточности: «...изгнали нас в Польшу, а после вернули опять». Смысл словарной статьи, на которую он при этом опирается, противоположен. По В. Н. Татищеву, их допустили во владение польское в Малой России (т. е. речь и не о Польше вовсе, а об Украине идет — скорее всего Правобережной), после чего указом Елизаветы Петровны 1743 года изгнали и оттуда, и о каком-то новом официальном возвращении историк ничего не говорит. Да и не мог сказать, поскольку умер в 1750 году, и для него весь изложенный сюжет завершился повелением дщери Петровой. А эта императрица даже на сенатском докладе, остерегавшем от убытков казны, которые могли последовать в результате выдворения евреев, начертала резолюцию: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли» (см.: А. Градовский. Начала Русского государственного права, т. I. СПб., 1875, с. 410).

Возможно, «старинный слог» (хотя не такой уж и старинный — XVIII век) затемнил автору суть высказывания. Это должно быть тем более досадно, что, прочти он точно написанное В. Н. Татищевым, и появились бы новые поводы для жалоб. Причем основанные на реальности, а не на поэтическом восприятии фактов, как происходит далее:

Нам пахать лишь однажды дозволил указ «Катерины»,
Чтоб два века потом все, что можно, пытаться отнять.

Разрешение евреям вступать в земледельческое сословие издавалось не только Екатериной II. Правда, заключая ее имя в кавычки, автор дает возможность предположить, что на самом-то деле подразумевает всех русских императоров, публиковавших указы подобного содержания (иначе трудно и придумать мотив, по которому имя собственное оказывается закавычено).

Тем не менее неточность словоупотребления «однажды» остается: аналогичные «дозволения» оглашали и Александр I, и Николай I, и Александр II (об остальных сведений не имею). Другое дело, что эти благие призывы не находили встречного отклика. Например, указом 1804 года евреям было «дозволено» селиться для хлебопашества в Астраханской и Кавказской губерниях. А в 1825 году выяснилось, что ни одного из них в этих землях «не состоит в окладе» (Градовский. Ук. соч., с. 416) — попросту говоря, за 21 год среди них не сыскалось ни одного охотника пахать.

Такая промашка автора, претендующего на художественное воссоздание исторического пути своего народа, удивляет не менее, чем определенная им в тех же строках причинно-следственная связь: «Чтоб два века потом все, что можно, пытаться отнять».

Во-первых, как следует из того же труда либерального историка права А. Д. Градовского, дозволение пахать (как и прочие мероприятия правительства в отношении евреев) издавалось не с тою коварною целью, дабы впоследствии «отнять все, что можно», но чтобы «всеми возможными мерами поощрять евреев к так называемому полезному труду и отвлечь разными запрещениями от занятий, вредных для местного народонаселения» (с. 416), чтобы «устроить положение евреев на таких правилах, кои бы, открывая им свободный путь к снисканию безбедного содержания в земледелии и промышленности и к постепенному образованию их юношества, в то же время преграждали им поводы к праздности и промыслам незаконным» (с. 418).

А во-вторых, можно ведь произвести элементарное арифметическое действие: 1769 (год указа Екатерины II)+200 («два века»)=1969.

Оказывается, попытки «отнять все» В. Халупович доводит практически до наших дней. Сколько же у них этого «всего» было? И откуда, если даже не пахали? Ну а если серьезно — так ведь это просто клевета на Советскую власть, которая уравняла в правах все нации и народы нашей страны. Не спрашивая уж о том, где и когда (исключая, естественно, Израиль, Иудею и Хазарию) в руководстве так широко были представлены подзащитные автора, как у нас с первых же послеоктябрьских дней?

Нестрогость автора в отборе и интерпретации фактов вынуждают проверять и прочие тезисы.

Что должны означать слова: «Слуги бога-еврея «анафему» в церкви служили»?

Помнится, однажды ленинградский критик А. Нинов, порицая литературоведа, который, по его мнению, поставил себе целью доказать нееврейское происхождение Христа, хлестко заметил, что богу национальность ни к чему.

И с анафемой В. Халуповича вновь постигло явное недоразумение. Церковь отлучала не тех евреев, которые не приняли христианства, не принадлежали к церкви, а еретиков, приверженцев одноименной ереси XV века, считавшихся членами церкви и в то же время содержавших и распространявших ложное, противное церкви учение (К. Никольский. Анафематствование. СПб., 1879, с. 181).

Или же автор подразумевает некое иное анафематствование? Тогда какое — «анафематствование корчемникам», «обижающим вдов и сирот»?

В отношении «онемеченного царя» неясность не меньшая. Из всех русских самодержцев после Алексея Михайловича «неонемеченной» была, пожалуй, лишь Елизавета Петровна (помните: «...интересной выгоды не желаю»?). Но если предположить по временному движению текста, что В. Халупович намекает на Николая II, то стоит упомянуть Гинзбурга, Гальперина, Бродского, Полякова, Этингера — бизнесменов, процветавших во времена заката династии Романовых.

Таким образом, употребляя собирательное «мы» для всех евреев вообще, автор несколько грешит против правды: невозможно ведь говорить об угнетении этих финансовых воротил.

Замечание о черте оседлости, думается, и вовсе требует специального рассмотрения. Черта, как всякая граница, предполагает, как минимум, две точки зрения. И если, с одной стороны, это черта оседлости, то с другой — предел проникновения. Проникновению же еврейского капитала в Россию, как видно из вышесказанного, предела не было.

Автор, впрочем, и не поминает тех денежных мешков. Он вообще неправомерно скромничает, называя лишь два из множества занятий евреев на Руси: балагулы (правильно: балаголы, то есть извозчики. — См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1986, с. 112) и сапожники. Естественно, все направления их деятельности немыслимо объять стихотворной строкой, но становится жаль, когда требования поэтического размера наносят ущерб жизненному многообразию. Ради его отражения стоило бы привести хоть что-то из обширного списка: шинкари, ростовщики, корчемники, ювелиры, адвокаты, врачи, журналисты... Или же эта строка значит, что из всех евреев эту землю любили только извозчики и сапожники? Автору, конечно, виднее.

Так же, как и то, что за тайна заключена в следующем стихе: «За нее шли на смерть, если враг на нее посягнул».

Этот тезис, в отличие от прочих, не имеет временной прикрепленности. Отказ от установки на хронологическую точность связан, вероятно, с тем, что следы помянутой защиты разыскать в источниках весьма непросто.

Посягали на Русь монголо-татары. О тех временах читаем у нашего историка: «В таком порабощении находились россияне, всего более угнетаемые ненасытным сребролюбием ханских пошлинников или откупщиков царской дани». Между последними бывали иногда и евреи из Крыма или Тавриды (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1897, с. 122). У него, правда, есть упоминание об участии представителей сего племени и в военных столкновениях Руси с врагами — только на стороне Мамая (т. V, с. 37).

Следующий роковой для России период — Смутное время. Один из самозванцев, претендовавший на русский престол при поддержке польских интервентов, Лжедмитрий II, «был тайным иудеем». «После смерти Лжедмитрия II в его вещах нашли Талмуд, письма и бумаги, писанные по-еврейски» (Р. Г. Скрынников. Патриарх Гермоген. — Наука и религия, 1988, № 4, 5). Такой факт можно трактовать по-разному. И. Сельвинский, например, симпатизируя этому персонажу, в своей трагедии представил его проводником передовых иудейских идей на Руси (см.: В. Канашкин. На пути к себе. Краснодар, 1985, с. 126).

Воспоминания славной героини Отечественной войны 1812 года столь же мало способствуют укоренению мнения об активном содействии евреев Русскому государству в военных испытаниях (см.: Н. А. Дурова. Записки кавалерист-девицы. Л., 1986, с. 341, 382).

Может быть, в высказывании В. Халуповича отразилась смутная память о том размахе помощи, которую оказывали евреи нашему Отечеству в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., организовав под водительством Грегера, Горвица и Когана товарищество по продовольствованию армии?

Участник тех событий, военный корреспондент на Балканах, писал об этом с фронта: «Уже несколько раз поднимался вопрос о еврейской армии, следующей за действующей. Я говорю о тех 22 тысячах евреев, которые под видом членов и агентов товари-

щества, маркитантов, менял, торговцев заводят здесь повсюду свои клоповьи гнезда... До сих пор единственные победители — именно евреи, потому что они одни воспользовались плодами побед. У них останутся наши миллионы, а вы знаете, что такое еврей-миллионер». И далее: «Товарищество здесь жалуется на прессу. Их, видите ли, преследуют за то, что они евреи... Бедные, обиженные евреи! И это они смеют говорить, грабя безмолвно умирающую на своих постах армию. Им мало того, чтобы захватить миллионы — кровь и пот нашего народа, им нужно еще и идеалами гражданской честности и апостолами патриотизма прослыть... Прежде так не делали. Чем-нибудь одним задавались. Что-то будет, когда все это воинство племени израилева вернется назад в Россию со своими миллионами, с своею непомерною жадностью еще на новые миллионы? О, Господи, спаси нас от этого нового издания десяти казней египетских!» (Вас. Ив. Немирович-Данченко. Год войны, т. 1. СПб., 1903, с. 154, 157).

Трудновато тут без помощи В. Халуповича усмотреть особое «радение», а тем паче «страждание» из-за судеб Отечества.

Впрочем, быть может, русские, спасающие братьев-славян за пределами своей державы, уже не имеют отношения к «этой земле»? Справедливости ради следует отметить, что и в самой России будучи, кровные предки автора стихотворения долгое время успешно избегали рекрутского набора, а подвергшись все же ему, не особенно охотно тянули солдатскую лямку. Об этом с присущей ему изобразительной яркостью повествует Н. С. Лесков (Н. С. Лесков. Полн. собр. соч., т. 18. СПб., с. 140—168).

Конечно, в нашем веке, после Октября, положение разительно изменилось. Нельзя забывать об участии в Великой Отечественной войне лиц еврейской национальности, многие из которых стали Героями Советского Союза. Однако некоторые из обнародованных при гласности документов показывают, какой вклад другие из этих лиц внесли в борьбу с «врагами народа». Правда, эти не сами «шли на смерть», а вели других. Но зато чрезвычайно энергично. В правительственном указе о награждении наиболее отличившихся при строительстве Беломор-канала, кроме двух инженеров — Жука и Вержбицкого, наличествуют пятеро работников ОГПУ — Ягода, Коган, Берман, Фирин, Рапопорт и «начальник работ» Френкель. Такой специфический подбор фамилий осуществлен не чьей-то тенденциозной рукой, а свободным выбором каждого из награжденных. Так что это не подбор уже, а отбор.

В общем, «мы эту землю любили...».

По какому-то року слова «эта земля» вообще не слишком удачно вписываются в строки стихотворения В. Халуповича: «Здесь, на этой земле, я евреем родился однажды».

Излишняя конкретизация не компенсирует смысловой неточности: родился — однажды? здесь — однажды? однажды — евреем? И, как бы то ни было, «может быть, нормальное человеческое мироощущение не должно все-таки начинаться с гордости — только потому, что ты родился, предположим, светловолосым и с голубыми глазами, а не брюнетом с карими? Уж слишком как-то унизительно легко такая «гордость» будет добыта — да и не добыта, а присвоена, как орден, при рождении!» — как считает Н. Иванова («Огонек», 1988, № 36). А уж она-то в обиду не дает!

В самом деле, родился евреем — и родился. Туареги тоже рождаются. И тоже однажды, а не растянуто во времени.

Но со временем у автора вообще странные отношения. «За моею спиной здесь не меньше, чем десять веков», — спохватывается он вдруг, забывая собственную печаль и о событиях при Владимире Мономахе, и об изгнании в Польшу. Конечно, как мы выяснили, «на нет» не были сведены, но ведь исчезали с лица «этой земли» на пять-шесть веков. Нельзя же серьезной связью с землей считать набеги с татарскими отрядами за данью. Или выколачивание денег в шинках у люда Украины и Белоруссии.

Хотя тут дело, может, и не во временном ощущении, а в «этой земле». Вот и в следующей строке: «Я на этой земле за нее и радею, и стражду» — лексическая избыточность провоцирует раскрыть суть тавтологии «на этой земле» и «за нее». Это заверение: «Я на этой земле за нее (а не за другую)...»? Или угроза: «Я (пока) на этой земле за нее...»?

Ответ тем более важен, что тут вновь звучит обобщение, и поэтическое «я» представительствует народ в целом. Весь народ провозглашается «хватившим горя и оков». (О себе так автор написать не мог: нельзя же счесть горем приобретение кандидатской степени, а членство в Союзе писателей оковами признать.) Странновато, конечно, звучит «хватить оков» — все равно, что «хлебнуть цепей». Ну да это мелочи, хоть и не украшающие стиха. Как и следующую строку не красят хрипло-рычащие созвучия и неблагозвучный стык «сх-ср».

Но вот, наконец, появляется безусловный стих: «Чтоб родила она! Чтоб метели над ней не мели!» Это моление, по крайней мере, конкретно: действительно, кому охота жить в голоде да холоде? Однако после несомненной удачи автора следует заветное завершение:

Ну а те, что считают на этой земле нас чужими,
Может, сами лишь пасынки этой нежадной земли?

Вопрос, конечно, риторический, и потому ответа не требующий. Тем более что ответ дать и вообще невозможно: автор не поясняет, кто (даже не «кто», а «что») эти зловредные «те». Остается искать их средь лиц, названных в стихотворении. И пасынками Русской земли оказываются Владимир Мономах, Богдан Хмельницкий со своим воинством — словом, те сыны Отечества, которые в иной, более привычной для нас системе взглядов, заслуживают звание *соль земли*.

Той земли, образ которой стал сквозным в стихотворении. Судя по числу повторений, он важен для автора, который как бы все время пытается утвердить свою связь с «этой землей», убедить в своей нечуждости. Однако почти всегда называет ее именно так, отстраненно — через указательное местоимение. Лишь дважды земля обретает эпитет.

В первой строке земля — «горькая». В системе автора даже смерть родителей переживается как исторически, а не природно предопределенное событие, неизбежное именно на «этой земле». Словно «эта земля» предрешает такой жизненный исход, поскольку она «горькая». Горькая от бесчинств, творившихся здесь.

В последней — «нежадная». Нашел-таки автор, что сказать о ней хорошего. Но удивительно, что и тут определение — по су-

ществу негативное, через отсутствие порочного свойства, а не через наличие благих. Определенная через отрицание, она, по сути, не имеет названия. Даже намек на него дается через уподобление чему-то ненадежному: «схожее с росами имя». Что такое росы? — столь эфемерная субстанция, что пригрело солнышко — только их и видели.

Так и существует «эта земля» в стихотворении без названия. Словно это некое абстрактное понятие — отвлеченное и от ее насельников («пасынки»), и от нее самой. Земля без имени и без народа. Некое геометрическое место точек, говоря математическим языком, измеренное и расчисленное.

И словно чтоб нейтрализовать такой взгляд, сами собой вспоминаются строки Ф. И. Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Вовсе не для сравнения привожу эти строки. И не ради того, чтоб побить современного автора классикой. Просто не хочется ставить точку на столь безотрадном выводе, да и нужно напомнить, что у почитателя русской поэзии и искреннего отечестволюбца есть возможность выдохнуть вместе с Николаем Рубцовым:

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы;

поклясться вслед за Сергеем Есениным:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!» —
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою»;

и поразиться откровением Александра Блока:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь...

●

Бор. ЛЕОНОВ

ПРЕОДОЛЕНИЕ

ЗАМЕТКИ О ПРОЗЕ НИКОЛАЯ КУЗЬМИНА

Художественный мир Николая Кузьмина пестр и разнообразен. В этом нетрудно убедиться, прочитав созданное писателем почти за сорок лет работы в литературе. И прежде всего потому, что он в отличие от многих своих сверстников не «приковал» себя к какой-то стороне бытия, к одной теме, а развернул перед нами широкий спектр человеческой деятельности, представил нам различные сферы народной жизни. Нет у него и очевидной замкнутости в круге нравственных исканий, хотя вне этих исканий не пребывает ни один из героев писателя. Да и сам писатель никогда не находится в олимпийском спокойствии, никогда не занимает позицию стороннего наблюдателя. Он, правда, не всегда принимает какую-либо одну сторону и непременно соучаствует не только в происходящем, но даже в наблюдаемом или ощущаемом его героями. У него даже пейзаж включен в сферу духовного борения героев и потому никогда не бывает нейтральным.

Николай Кузьмин родился в 1929 году в селе Новоалейка Алтайского края. В следующем году разразился страшный

голод, и родители сумели уехать из деревни и обосноваться в Усть-Каменогорске. Ныне современный город, областной центр, в те далекие годы походил скорее на большую деревню. По улицам бродили коровы и свиньи, из конца в конец слышалась перекличка горластых петухов. Отец поднимался чуть свет. Мать уже готовила завтрак. Получив на обед «сухой паек», он шел на свинцово-цинковый комбинат, где работал чернорабочим — таскал шлак. Отец кое-как владел грамотой, а мать была неграмотна. Когда учился в девятом классе, вызвался добровольцем в Ленинград, только что освобожденный от блокады.

В Ленинграде работал в порту. Сначала грузчиком, потом кочегаром буксира. Продолжал учиться. Закончив десятилетку, поступил в Казахский государственный университет на факультет журналистики. После окончания его из Алма-Аты вернулся в Усть-Каменогорск, где стал работать в областной газете «Рудный Алтай».

Еще студентом стал пробовать свои силы в прозе.

Годы работы в редакциях сопряжены были для писателя с поиском своих мгновений удач в постижении образа современника.

В творчестве каждого писателя, завершено оно или, как, скажем, у Николая Кузьмина, еще находится в движении, в развитии, непременно есть какая-то отличительная черточка. Она проявляется либо в привязанности к полюбившейся мысли, к какому-то художественному приему, либо в понравившейся ситуации. И эта самая «черточка», как правило, присутствует почти в каждой его вещи, а нередко именно на ней строится все произведение.

В повести Николая Кузьмина «Короткий миг удачи», словно в фокусе, ощущение стремительно мчащегося времени сопряжено с философским его пониманием — как смысла бытия человека на земле, где миг удачи выстраивается всей предшествующей жизнью, где мечта обретает статус реальности после долгих лет изнурительного труда, подготовки себя к осуществлению задуманного. Именно так «прочитывает» жизнь своего старого товарища — горнолыжника Сергея Максимова — хирург Вадим Сергеевич, который сопровождает приятеля-журналиста на горнолыжную базу. Журналист загорелся желанием написать о последних в сезоне соревнованиях и вообще «прочувствовать» атмосферу жизни горнолыжников. И спешит, спешит поделиться с Вадимом Сергеевичем уже самыми первыми впечатлениями, «открытиями»:

«— Ты знаешь... у них тут свой особый мир. Свой фольклор, свои песни. Свои герои — да, да!» Риск здесь — не бравада, не лихость и отчаяние, а естественное проявление спортивной и человеческой честности. Без полной выкладки, поддерживает своего героя писатель, не только в спорте, в любом деле ничего не получится.

Философский «миг» времени в судьбе человеческой в прозе Николая Кузьмина — это устойчивый интерес художника к ускоренно мчащемуся потоку жизни.

«Миг» победы героя повести «На земле отцов» — художника Константина Павловича, связанный с первой его картиной «Расставанье», которую он выставил на вернисаже молодых, оказался единственным. Вся последующая его жизнь представляется ему существованием на иждивении того самого «мига», первого и последнего успеха. Тогда ему посыпались заказы. Он входил в различные комиссии и жюри. И, конечно, «ему хотелось новых успехов, а успехов не было. И тогда он решил, что масло, видимо, устарело, и взялся за графику. Но о работах его сдержанно отзывались, и только». Решение поехать в деревню, где жила сестра Дарья, чья судьба была не из легких, как и приобщение к деревенскому бытию, в процессе чего происходит понимание своей оторгнутости от этого бытия, — как бы обозначали несостоятельность и кратковременность «мига» его творческой победы в начале пути. Писатель не «выговаривает» эту мысль о своем герое. Он как бы подводит к ней. Картинами «забытого с годами, но сейчас подступившего к сердцу и памяти» луговой свежести раннего утра. Душевной совестливостью сестры, о которой он и не думал, мотаясь по свету, а она-то «думала и помнила о нем все эти годы, помнила и тянула суровую колхозную лямку, пережила, как он слыхал, неудачное замужество, ставила на ноги детей и пуще глаза берегла отцовский последний завет, будто старик, умирая, знал, что придет время и сын его Костюха вернется на родную землю, в родительский дом...» Да и встречей с Танюшкой — дочерью той женщины, Вишенки, которую, казалось, любил в юности... Словом, все свидетельствовало о зыбкости прожитого из-за единственного «мига» удачи.

Прожитого. Именно так ставит проблему Николай Кузьмин. И потому в его раздумьях постоянно наличествует протяженность времени астрономического, но не в виде календарных событий, случаев, происшествий с героем, а в назывном их упоминании — «забытое с годами», «все эти годы», «придет время». Так это звучит в повести «На земле отцов».

В повести «Пыль далеких дорог» миг осознания себя журналистом Борисом Кравцовым безнадежно больным освобождает его от суетливой бравады жены и друга, он великодушно прощает эту их ненужную браваду. Сам же он поднимается над ними так высоко, что ему открывается не только все прожитое и недоделанное. Но откуда он может заглянуть «в самое загадочное и страшное для всех непосвященных», что именуется вечностью.

Писатель через миг откровения человеческого, в каких бы эмоциональных вариантах он ни представал, в авторском или же исповедальном ключе ни выражался, высветить картину минувшего, заглянуть в душу человеческую и увидеть, обнаружить там содержимое личности в истинную величину. И вместе с тем в миге обозначается историческая дистанция, отражается память как наследие времени. Именно так понимается миг свидания Лизы — героини повести «Соседи» — с родной деревней, с ее людьми в момент возвращения сюда, в Вершинки, после окончания института.

Она сразу же оказывается в обостренной нравственной коллизии, вызванной судом над предателем партизан Урюпиным. Лиза сразу же ощутила, что «память войны живет в деревне неизбывно, можно даже сказать, осталась в ней навечно. После войны

народилось уже несколько поколений, но и они, подрастающие, то и дело сталкивались с тем, что было при фашистах, в оккупации. Вспоминались разные люди, назывались места. Может быть, оттого, что с нашествием врага так или иначе боролись все, война оставила по деревням свои непреходящие следы. А уж о семье Лизы и говорить нечего: брат матери, дядя Устин, был здесь одним из руководителей партизанского подполья, схвачен карателями и казнен».

Вот отчего в сердце Лизы вспыхивает ненависть к Урюпину, которого она никогда не видела, из-за предательства которого погибли люди, страдала и страдает вся ее родня.

Однако жизнь оказывается значительно сложнее. В ней все сплетено — и зло, и добро, и зависть, и щедрость, и ненависть, которые могут в миг отчаяния толкнуть человека в пропасть предательства или поднять на высоту подвига. Обида может застить глаза совести, ревность может ужалить в самое сердце и непроизвольно сделать соучастником преступления, как то случилось в годы войны с отцом Лизы — Василием Петровичем. Это понимание придет к Лизе позже, когда она проживет не один день в деревне. Придет с болью и состраданием. Миг прозрения для нее вбирал тем самым долгие годы жизни и родителей, и односельчан, и ее самое. А миг горькой исповеди, в которой звучала горькая правда узнанного и пережитого, нес в себе ту неимоверную тяжесть, какую отец ее носил в своем сердце все послевоенное время. «Был ли он искренним в своих слезах, в своих обидах? Лиза не сомневалась в этом — все так и было. Но что она могла сказать ему, чем утешить? А ведь он искал утешения, искал единомышленника. Таскать свою тяжесть в одиночку ему было уже невмоготу. Его нейтралитет повис на нем такою же пожизненной виной, как дезертирство».

Миг путешествия вчера еще незнакомых людей в повести «Путешествие» тоже проявил в каждом из героев те свойства их личностей, которые были выработаны в них долгими годами прожитого и пережитого. Завершается путешествие тем, что отныне трое сблизившихся людей — Василий Павлович Барашков, Степан Ильич Кравцов и Наталья Сергеевна — оказываются включенными в будни, от которых уходили поврозь на несколько недель, а вернувшись, будут делить трудности этих будней между собой. До сих пор они несколько эмоционально реагировали на мелочи жизни, поскольку оценивали их с позиции только что минувшего. Теперь же мгновения прошлого эхом отдаются в их сердцах.

Именно так прочитываются в повести «Путешествие» страницы, посвященные памяти Степана Ильича Кравцова, ныне подполковника в отставке, о своем сыне Борисе, совсем еще мальчиком ушедшем на фронт добровольцем и не вернувшемся домой. Миг в жизни Бориса, потрясающий своей жестокой правдой, остался в словах его письма к отцу. Он увидел свою мать на тротуаре под стенкой на куче битого стекла. И она, его мама, уже ничего не могла сказать своему сыну — она была убита. «Я не поседел, наверное, потому, что еще молодой, — сообщал он отцу, — но я теперь понимаю, почему люди седеют. Она лежала так неловко, что я сразу понял все. Помнишь, мы говорили, а что, если вдруг на маму нападут хулиганы? Сейчас у меня одно — они напали и успели убежать. Но я их все равно найду. Тете Клаве я ничего не сказал, но ты меня поймешь...»

Дня через два в другом письме Борис делился с отцом сокровенным: «Пойми, не устройся я в ополчение, я наверняка сошел бы с ума. А здесь чем труднее, тем мне лучше. Другой жизни сейчас и не должно быть. Со мной боец со смешной фамилией Маленький. Ему уже 18 лет, но он действительно маленький и здорово ослаб. Вчера с учения я нес его винтовку, мог бы еще нести две, три, сколько надо. Тебе это должно быть понятно...»

И те самые будни, в которые вернул их туристский поход, не воспринимались бы, видимо, иногда так обостренно, если бы будни эти, житейские мелочи не освещались вспышками признаний погибшего в годы войны мальчика — сына Кравцова. Включенные в миг спора, читатели не вправе принимать чью-то сторону. Ведь каждый из героев односторонне прав. И эта личностная правота, непременно присутствующая в каждом произведении Николая Кузьмина, никоим образом не выступает в качестве панацеи от любого осуждения или обвинения. Напротив, такой взгляд на природу спора выдает в писателе высокий такт в постижении сложностей жизни и вместе с тем его доверие к читателю, который вправе сам выбрать чью-то сторону в диалектике человеческих отношений.

Справедливость таких предположений подкрепляется не только жестами персонажей, но и их стремлением обратиться к разуму лиц третьих, как то, скажем, очевидно в обращении Степана Ильича к мнению соседа Натальи Сергеевны по коммуналке — некоему Митасову. Переживая свою стычку с циничным и развязным Никитой — зятем Натальи Сергеевны, Степан Ильич не склонен до конца ставить диагноз безнадежности молодому человеку.

«— Может, жизнь его научит? — спросил Степан Ильич.

Задумавшийся интендант (Митасов в войну был им. — Б. Л.) встрепенулся:

— Никиту? О, еще как! Уверяю вас... — Он вдруг лукаво скосил свои маленькие глазки на подполковника. — Вы думаете, эти молодые люди не станут стариками? Будут. Вся разница сейчас в том, что мы с вами помним свою молодость, а они своей старости еще не знают».

Мгновения человеческой открытости в прозе Николая Кузьмина никогда не проходят бесследно. Во многих его рассказах, где миг встречи людей с давними знакомыми, кого на время теряли из виду, нередко напрочь переворачивал прежние представления не только о других, но и о самом себе в душе главного героя или героини. «Искра» от такого сближения людей вызывала в душах персонажей либо боль, либо раскаяние, а мысль подводила итог. Это касается и солдат Великой Отечественной — разведчика Михаила Красильникова («Последний грех солдата»), и санинструктора Шурочки («Ездовой Зюзин»), и футболиста Геннадия Скачкова («При любой погоде»), и плотника Павла Трофимова («Река»), и других.

Все их споры возникают в произведениях Николая Кузьмина не для того, чтобы выяснять отношения и защищать уязвлен-

ное самолюбие. Эти ошибки во мнениях, взглядах на жизнь нужны писателю, чтобы в миге столкновения прояснить главную, центральную для него идею — постижение смысла жизни, ту самую идею, что роднит его героев с обществом, а его произведения с русской литературой. Той самой, где каждый литератор, независимо от степени таланта, стремился потрясти душу человеческую, приблизить ее к тому совершенству, за которым начинается нравственное очищение, единение людей-братьев. Без этого, собственно, и нет нужды в литературе, нужды в писательском неповторимом слове. Поэтому-то над всем созданным писателем витает ощущение нерастраченного, неразмененного на пустышки высокого смысла предназначения человеческого.

«Напрасно мы так часто избегаем, стесняемся громких слов. Разумеется, затаскивать их, как расхожую монету, грешно, но привить их в душе, в сердце каждого — необходимо. В этом наша сила, и мы это не раз уже доказали. Высокий смысл жизни существует и существовал всегда, никто его не отменял и не отменит, разве что это сделает тот, кто хочет сам намеренно его зачеркнуть, забыть, опошлить. Но тогда беда ему — жизнь неминуемо накажет».

Внутренний монолог героя повести «Путешествие» Степана Ильича можно было бы поставить эпиграфом не только к самой этой повести, но и к роману Николая Кузьмина «Приговор». Именно измена высокому смыслу жизни жестоко отомстила главному герою произведения председателю колхоза «Прогресс» Федору Ивановичу Мшарову. За его плечами — героический путь. В 1917 году стал большевиком. Четыре года не слезал с седла — воевал. В эскадроне прошел добротную науку побеждать. Затем был одним из организаторов колхоза. В него стреляли. Но с пути не свернул. И все годы после организации колхоза возглавлял его, выводя постоянно в передовые в Полянском районе. Он трезвый реалист, хозяин. Но в один момент эта трезвость из достоинства превратилась в тормоз движения к новому и передовому: а зачем что-то менять, когда дела идут стабильно, хорошо, да и народ живет вроде бы справно. Однако в последнее время новое стало заметно поджимать, буквально опрокидывать его «построения» стабильности и благополучия. И выявляло себя новое время в новых людях. Таких, как председатель соседнего колхоза Сафонов, который не просто искренне считает, что «деревне сейчас не хватает не просто рабочих рук. Ценность отдельного работника в колхозе значительно повысилась. Деревне нужны квалифицированные руки. А они в городе. Так давайте их заворачивать сюда», но и все делает для того, чтобы свои замыслы воплотить в жизнь. На совещании в райкоме он заявил о небывалой в районе цифре надоев молока, какой хочет добиться его колхоз. Этого никак не мог вынести «вечно передовой» Мшаров. Вытолкнутый на трибуну ложным самолюбием, он бросается в пучину авантюры: называет совершенно нереальную, но тем не менее сногсшибательную контрцифру. И впервые в жизни оказывается в западне обмана, лжи. Миг неправды оборачивается годами мучений совести. Очень точная, психологически выверенная ситуация, совпадающая в своих параметрах с общей направленностью художнического поиска Николая Кузьмина. «Украденное счастье, — пишет он о своем Мшарове, — мучило его, он стал суетлив и пользовался всяким случаем, чтобы избежать появления на людях». «Жить непойманным вором стало невмоготу».

Неожиданный поворот событий, миг, равный годам, — «конек», на котором не только проверяется профессиональное умение Кузьмина, но и сама реальность бытия героев.

Федор Иванович Мшаров собственноручно бросил под откос всю жизнь за грешный миг ублажения тщеславия. И подписал тем самым приговор себе за то, что подвел людей. Они-то при чем? И заведующий фермой Яков Полухин, которого он, Мшаров, звал «молочным богом», и колхозник Малышев, и доярка Аннушка Поливанова, да и другие. При чем они-то? Если признаться в прегрешении, то ведь все успехи их и колхоза в целом будут зачеркнуты. Вот беда и ужас в чем! Вот она, суровая кара за миг бахвальства и лжи. И понял в этот миг Мшаров — надо сдавать дела молодым. А сам?! Сам же признал себя поверженным: «Смазав конец своей долгой славной жизни, он поплатился партийным билетом и здоровьем...»

И не жалость, не стремление к пресловутому счастливому концу продиктовали писателю финал произведения, когда Мшаров возвращается в строй. «Грустно было осознавать, что своей спесью был он вроде тормоза. Чтили его люди, этого не отнимешь, но втайне ждали, считали дни, когда он уйдет, уступит место другому. Всю жизнь он думал о том, как бы получше накормить людей, и кормил, но если бы человек состоял из одного желудка!»

Как видим, мысль писателя обретает очертания философского постижения самой проблемы — человек и руководитель, трагизм которой нередко обусловлен физическим старением и одновременной атрофацией чувства нового, перспективного. Но мысль эта не стала ведущей в романе. Она лишь вырвалась на простор к концу повествования, порушив традиционные для литературы «ходы» в создании произведений о колхозной жизни минувшего десятилетия. Непривычность романной формы, к которой обратился Николай Кузьмин в «Приговоре», непривычность для его творческого мира — не просто досужий домысел. Проявляется это в очевидном «сколачивании» большого полотна, в сюжетных придумках, в заданных реминисценциях с уже апробированного в прозе о деревне. Я имею в виду и традиционный приезд в район нового секретаря райкома, и появление «новатора» в соседнем колхозе, и историю гибели сына Сафонова, чем уравнивалась боль сердец двух председателей, и, наконец, финал с героическим предотвращением взрыва бензовоза. Ощутимо и «склеивание» каких-то совершенно не обязательных линий в жизнеописании героя. Это линия шофера Степки и аналогичная — с шофером Юркой. Не прописана фигура председателя колхоза Кандыбы. Словом, отход от новеллистической природы своего таланта сказался у писателя и в не свойственной для него информативности, публицистичности повествования, в выпрямленности некоторых жизненных коллизий.

И все же природа художника не меняется. Как в рассказах, повестях, так и в романе — время отражено в его полярных состояниях — мига и вечности. Но вечность в его вещах, как правило, производное от временности, как и миг есть одно из со-

стояний временности, потому что в центре исследования художника не проблема, а человек. Создавая человеческий характер, писатель непременно выходит к проблематике. По сути, таков закон вечности в художественном творчестве.

Вот описание осени в повести «Соседи», которое дается в восприятии одной героини: «В покое ранней осени, в сухой прозрачной синеве перед ее глазами расстилалась за далекий горизонт раздольная и, как ей думалось теперь, немало испытавшая земля. Нет, не могла она представить прижившегося здесь пришлого врага, и пока мотал, бренчал уздечкой утомленный конь, пока ее попутчик, тоже невольно увлеченный тем, что открывалось взору, молчал и горбился в телеге, ее коснулось озарение открытия: Лиза впервые осознала, отчего так гибельны для чужеземца русские просторы, где находили крах несметные полки захватчиков».

Неравнодушие художника определяется еще и тем, что он почти всегда обращается к вопросам жизненно важным как для отдельного человека, так и для общества в целом. Хотя не всегда удается писателю художественно воплотить идею так, как она ему виделась, представлялась, но и в этом случае он верен себе в желании писать только о том, что выстрадано, а не конъюнктурой схвачено. Может быть, именно поэтому не всегда просто издавались некоторые его вещи.

Остроту и актуальность звучания каждой его вещи придает очевидное стремление писателя не просто назвать добродетель или порок, а прежде всего проникнуть в изображаемое явление. Настоящая литература никогда не строилась на вояжах, на экскурсионном познании мира. А потому она никогда не молчала о больном и чужеродном в обществе, не отводила в сторону глаза от показухи, от лакировки, беспринципности, распустившихся махровым цветом в нашей жизни в годы общественного застоя. Она в большинстве своих свершений, честных и бескомпромиссных, настойчиво исследовала реальности национального бытия, стучалась в сознание общества и достучалась-таки, что подтверждено начавшимся ныне обновлением в разных сферах жизнедеятельности общества. Это оказалось возможным, потому что в центре ее оставался человек. И не абстрактный, как в бюрократических реляциях, а живой, во плоти. Именно такими предстают и герои произведений Николая Кузьмина, разделение которых на положительных и отрицательных не всегда делается с арифметической четкостью. Помогает разгадать его любовь к труженику, к человеку дела, который не всегда воплощал в своих поступках и деяниях «моральный кодекс строителя коммунизма», откровение учителя Бориса Евсеевича в повести «На земле отцов». Он пробует свои силы в литературе. Об этом он признается художнику Константину Павловичу. И в ответ на вопрос художника, пишет ли он о своих односельчанах или о фигурах вымышленных, Борис Евсеевич отвечает утвердительно — о своих. «Если говорить сугубо профессионально, — продолжал он, — то сюжет у меня совершенно простой. Но у меня забота не об этом. Видите ли, меня всегда возмущало, что раскается какой-либо преступник — и об этом начинают трубить все газеты. А простой незаметный человек, каких у нас миллионы, работает всю жизнь, работает честно, хорошо, но работает так, что в герои не вылезает. И вот о таком за всю жизнь никто доброго слова не напишет. А ведь он всю жизнь отдал труду! Работал как лошадь».

И в качестве примера привел учитель жизнь председателя их колхоза Корнея Ивановича, с которым художник был знаком. Устанавливал этот человек Советскую власть, поднимал колхозы. Был на войне. Сам покалеченный, двух сыновей оставил на войне. Спросите его, что он защищал? Не скажет. «А ведь защищал! И если надо было бы, он и на смерть пошел бы! Пошел! Без всяких!.. Так вот я и хочу написать о таких вот людях, как Корней Иванович. Ведь на их плечах Россия держалась и держится. Не на героях, а на них, простых, но незаметных. Я не знаю, как одним словом назвать это чувство — может быть, это и есть то, что мы называем патриотизмом, но оно сидит в наших людях, в самой крови и помогает нам во всех суровых испытаниях. Во всех!..»

Обнаружить это чувство нетрудно во многих героях Николая Кузьмина. Они живут осознанием необходимости исполнения своего долга перед павшими и живущими. Их мысли, их представления о сущном и насущном близки писателю, потому что он с ними жил, они его земляки и соотечественники.

●

ИЗ ПЫЛЬНЫХ АРХИВОВ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИСТИФИКАЦИИ

«ПУСТЬ НЕ ДРОГНЕТ ПИСТОЛЕТ ПРОГРЕССА»

СОЧИНЕНИЕ Г-ЖИ Н. ИВАНОВОЙ, ПОСТОЯННОГО АВТОРА ЖУРНАЛА «ОГАРЫШ»

На многие мысли наводит текущая литература нашего XIX века, хотя, честно говоря, она никуда не течет. Зато течет общественное мнение, меняется под давлением случайных ветров истории. Еще вчера у всех на языке был Пушкин, один Пушкин, вечно Пушкин! Спору нет, и у него были неплохие стишки — «Прибежали в избу дети», например. Помню, во времена легкомысленной юности и сама вачитывалась ими. Однако пришла иная эра, и с нею явились вашей славной литературе истинно великие имена. Булгарин! Сенковский! Бенедиктов! Без преувеличения, каждый из них — эпоха.

Кто не прочтет последнюю публикацию Ф. Булгарина, тот никогда не постигнет, что такое настоящая история, куда она движется, как очищается наш народ от скверны русофильства. Жизнь и судьба Ивана Выжигина — наглядный урок всем реакционерам, всем противникам нашего славного журнала «Огарыш», всем противникам новых веяний на Невском.

А О. Сенковский! Какая глубина мысли, какое проникновение в самую суть национальных проблем! Воспетые им дети не какого-нибудь Арбата, а московской Пречистенки — подлинные очистители страны от скверны шовинизма.

А В. Бенедиктов, божественный Бенедиктов, поэт, прозаик, мыслитель! Я хотела бы познакомить читателей с лучшими его стихами, но для этого пришлось бы переписать целый том из большой серии «Библиотеки поэта»! А его роман про врача — это же подлинная энциклопедия русской жизни на берегах Мертвого моря и Тивериадского озера!

Но злопыхатели истинных талантов пытаются бросить тень на светлые имена гениев, уже переведенных в Люксембурге и Лихтенштейне, в Малаховке, тужатся заслонить их все тем же набившим оскомину Пушкиным! Да он и без того издавался 29 раз тиражом 7418 экземпляров! Помилуйте, для чего такие деньги Наталье Николаевне, если двор щедро оплачивает еще и камер-юнкерский мундир претендента в первые российские поэты?!

И о чем талдычит г. Пушкин с начала века? Все об одном и том же — о России! Поэт зациклился на своей идее-фикс, докатился до реакционных националистических стишков типа «Клеветникам России». Это кто же «клеветники» России? Это мы-то, преобразователи и просветители ее от сотворения мира жалких деревень и темных крестьян?! Мы, которые строим ворота в Европу?!

Но, может быть, его исторические занятия достойны внимания читателей? Сомнительные попытки оправдать тирана Бориса Годунова, незавершенные наброски про мужа знаменитой певицы да шельмование Петра Великого (поэт не нашел ничего лучшего, как обозвать его Медным Всадником!), который прорубил только одно окно в Европу, через которое к нам наконец-то хлынули цивилизованные народы, которые несут свет знания в наши непросвещенные города и веси. Разумеется, прогрессивная деятельность Петра была ограничена заботой все о той же пресловутой России, иначе он прорубил бы в Европу не окно, а дверь, через которую все прогрессивно мыслящие граждане могли бы свободно и без вмешательства компетентных органов переселиться в земли обетованные. Туда, куда теперь мы строим уже не дверь — полнометражные ворота!

Вот что такое ваш Пушкин, господа! И он еще дерзает мечтать о каком-то «нерукотворном» памятнике, к которому в будущем якобы пойдут «и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык»! Не знаю, как тунгус и калмык, а мы к такому памятнику не пойдем и через 150 лет! Сдобным калачом не заманишь!

Кстати, к сведению читателей, но отнюдь не правительства: он ведь состоял в самых дружественных отношениях со смутьянами 1825 года, распространял в списках возмутительные подстрекательские стишки, вот уже два года не платил податей и задолжал даже собственному управляющему. И это служитель муз, цвет нации! Да и супруга его не отличается примерным поведением. По достоверным источникам, во дворце близ Аничкова моста... Впрочем, молчу. Нашему почтенному изданию не пристало подхватывать досужие побасенки, как то делает г. Пушкин в своем националистическом журналишке «Наш (то бишь, наоборот, ваш) современник»!

Да этот борзописец принес столько вреда обновлению общества в духе просвещенного Запада, что в предвидении худшего позволительно спросить кое-кого, проживающего в Зимнем дворце: неужто Россия столь бедна, что в 1826 году не нашлось у

нее лишней веревки? И уж коли власти ему потакают, мы примем свои посильные меры по пресечению бесчинств поэта-черносотенца. В конце концов, найдется в России хотя бы один бескорыстно преданный прогрессу офицер, и в руке его, как скажут потомки, «не дрогнет пистолет»!

Впрочем, мы отклонились, тема наших доверительных бесед с читателем — российская словесность. Но об этом — в следующий раз.

* * *

Милостивый государь!

Посылаю заказанный Вамв ввечеру обзор литературы. Надеюсь, Вы успеете тиснуть его хотя бы в 52-м нумере — деньги страсть нужны. Статью же о том, что не Вы писали многочисленные хвалебные отзывы на трилогию покойного государя, а некий Бондарев, сделаю для нумера первого будущего года. Подпишите меня на сей раз Н. или Т. Иванова, т. к. под псевдонимом Е. Лосото писать небезопасно (обратно пришлют гнусное письмо якобы от общества «Вера»), а псевдонимы Ю. Карякин, Б. Сарнов. Ю. Буртин и Л. Овруцкий прибережем для более пространных статей. Думаю взять себе еще пяток псевдонимов и освоить еще десяток журналов.

Преданная Вам Н. ИВАНОВА

Из архивов XIX века извлек
Б. ЛАПИН

ПЕРМАНЕНТНАЯ РАСПРОДАЖА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Пресса, пресса... Что ж, выступления прессы иногда действительно эффектны. Но эффективны ли? Приведу пример из области, в последнее время регулярно освещаемой в прессе и на телевидении. Пресса и телевидение твердят и твердят о том, что из СССР ведется перманентный вывоз культурных ценностей и что органы Министерства культуры не только не противостоят, но и зачастую способствуют этому вывозу. Но разве что-либо от этого меняется? В статье «За державу обидно» («Неделя», № 23 за 1987 г.) В. Пономарев писал, что культурные ценности, задерживаемые на границе при попытке их незаконного вывоза, вновь попадают в нечистые руки и затем вновь и вновь задерживаются на границе. Способствует такому круговороту система оценки контрабанды культурных ценностей и полное отсутствие учета такой контрабанды. Изменилось ли что-нибудь после этой публикации? Ничуть. Неясно даже, знают ли об этой публикации в Министерстве культуры СССР.

В статье «Оптом и в розницу» («СК» от 8 августа 1987 г.) А. Костромин писал, что цены на предметы антиквариата в

СССР в несколько раз ниже мировых. Безвозвратно уплывают из страны изделия из старинного русского серебра, скупаемые иностранцами и спекулянтами. Все инструкции построены так, что музеи не успевают, даже имея средства, приобрести нужные им произведения. От себя добавлю, что этим нарушается Закон СССР, по которому право на приоритетное приобретение культурных ценностей предоставлено государству. Изменилось ли что-либо? Эту публикацию в Министерстве культуры просто не заметили — другого объяснения не нахожу.

Застой в Министерстве культуры не просто продолжается, он расцветает. Еще 2 августа 1986 г. в «Советской России» была опубликована статья С. Костерина «Фальшивый этикет», рассказавшая об организованном вывозе из СССР ценных струнных инструментов. Там же говорилось об ущербе, нанесенном нашей культуре волокитой Министерства культуры и ставился вопрос об умышленности этой волокиты. Но и сейчас мошенники типа описанных в статье Д. Орин и Дьяченко могут вывозить из СССР ценные скрипки десятками, если не сотнями. Только один из последних примеров: гастроли в СССР одного из зарубежных симфонических оркестров. Прилетели они через аэропорт Пулково, а вылетели из Шереметьева-2. Вывозили ценнейшие струнные инструменты. Но ввезены ли были в СССР эти именно инструменты, или были ввезены фальшивки, установить по въездной декларации, гласящей «скрипка Гальяно», «скрипка Тесторе» или еще лапидарней — «скрипка», установить невозможно. Сколько на этот раз было украдено скрипок и виолончелей? 50? 20? Или «только» две? Это подозрение усугубляется еще и тем, что значительную часть оркестрантов составляли «бывшие» граждане СССР.

Предотвратить вывоз в таких случаях возможно: достаточно при заключении контракта о гастролях вписать пункт о наличии фотографий ценных инструментов. Условие это настолько просто, что его невыполнение поневоле рождает мысль об умышленном саботаже. А количество оркестров, приезжающих на гастроли, увеличивается. Пропорционально увеличивается и количество инструментов, выставляемых для продажи на зарубежных аукционах, но совсем недавно находившихся в СССР. Когда и кем они были вывезены?!

Как же, возразят мне, Министерство культуры создало свою службу на границе, которая и обязана предотвратить вывоз из страны культурных ценностей! Да, действительно, такая служба создана семь с лишком лет назад. Но эффективна ли она? Пример крупнейшего пограничного пункта СССР — Москвы — ярко демонстрирует пороки этой службы и ее беспомощность. Именно в Москве пересекают границу подавляющее большинство иностранных граждан, сотрудников иностранных миссий, а также командированных за рубеж граждан СССР. В Москве — Центральная таможня, Международный почтамт, Международный аэропорт, пункты пограничного контроля за ввозом и вывозом багажа посольств и представительств, в том числе крупнотоннажным автотранспортом.

Организация службы Министерства культуры СССР полностью игнорирует это особое положение Москвы как пограничного пункта. В данном отношении Москва приравнена к районным и областным городам на географической границе — таким, как Чоп, Гродно, Брест. Как и в этих городах, служба Министерства культуры «приписана» к исполкому горсовета. В результате на 6 сотрудников, осуществляющих контроль за вывозом ценностей на границе в Москве, приходится в качестве вышестоящих 5—6, нет, не сотрудников, а организаций, начиная с Управления изобразительных искусств Главного управления культуры исполкома Моссовета и кончая Министерством культуры СССР. Чтобы докладная бумажка попала с Комсомольской площади, где находится одна из таможен, центральная, на Арбат, в министерство, эта бумажка должна пройти 6—7 инстанций и проделать путь в много километров из одного в другое управление. А главное — все эти инстанции знать не знают, что же делается на границе и как там работают подчиненные им 6 сотрудников. Министерство культуры СССР «спихивает» все проблемы, возникающие на таможнях Москвы, на Управление ИЗО Главного управления культуры. Но если, к примеру, в Ленинграде Главное управление культуры — высшая инстанция в таких вопросах, то в Москве возможности ГУКа ограничены теми же министерствами СССР и РСФСР.

Единой формы организации службы Министерства культуры нет, и каждый город организует ее по-своему. Все бы это ничего, но ведь и качество контроля за вывозом культурных ценностей тоже получается разным. И зависит только от энтузиазма работников.

А обстановка на границе бывает весьма сложной — и из-за срочности решения вопроса, и из-за статуса владельца ввозимого или вывозимого груза. Представители Министерства культуры, прикомандированные к таможенным пунктам (официально являющиеся работниками управлений культуры исполкомов), проводят экспертизы задержанных культурных ценностей, решают вопросы о праве пассажира на вывоз той или иной вещи. Работа эта ведется ими в одиночку, вдали от справочных материалов, без каких-либо методических пособий. Не было случая, чтобы Министерство культуры поинтересовалось качеством экспертиз на границе. Количественный показатель подается в квартальных отчетах, но никем не учитывается. Никто не знает, сколько экспертиз контрабанды было проведено представителями министерства на таможнях СССР — никому не пришло в голову сделать подобную сводку. Оценка контрабанды культурных ценностей весьма произвольна и может значительно расходиться у разных экспертов. Чаще всего она производится по закупочным ценам, что противоречит общим таможенным правилам, по которым контрабанда оценивается по розничным ценам. В ранее действовавшей «Инструкции о порядке контроля за вывозом из СССР культурных ценностей» был пункт, по которому оценка велась в соответствии с уровнем цен на международном рынке. В связи с тем, что Министерство культуры не сочло возможным обеспечить службу на границе информацией об уровне международных цен на предметы антиквариата, в новой инструкции этот пункт уничтожен. И в инструкции не осталось никакого указания, каким образом и на каком основании производить оценку. При полной разобщенности представителей Министерства культуры на границах СССР и полном отсутствии информации и обмена опытом такая неясность в инструкции неизбежно должна привести к полному произволу в оценках. Ориентация на закупочные це-

ны, тоже произвольные в сторону, удобную для закупочных комиссий музеев, на руку только контрабандистам — за попытку вывезти культурные ценности они почти не несут ответственности, так как стоимость этих ценностей в актах о контрабанде указывается чрезвычайно низкой.

Некоторые вопросы в инструкции запутаны настолько, что работать в согласии с ней непосредственно на границе невозможно. Путаница эта рождена спешкой, стремлением как можно скорее поставить галочку в отчете о перестройке.

А перестройка этой службы необходима — подлинная, а не косметическая. Необходимо разорвать замкнутый круг отсутствия информации — как внутри круга, на границе, так и во внешнем мире — о состоянии вывоза культурных ценностей из страны. Общество должно иметь информацию о сбережении или утере народного достояния. Гласность пока обходит стороной эти проблемы. Без какого-либо обсуждения, келейно, в узком кругу решаются вопросы и выдаются разрешения на вывоз из СССР ценностей, составляющих достояние народа. Выдачу таких разрешений объясняют тем, что лица, покидающие СССР, взамен такого разрешения передают часть принадлежащих им ценностей в музейные фонды. Остальную часть им разрешается вывезти в обмен на эту передачу. Может быть, такой обмен и возможен. Но в таком случае он должен быть узаконен и внесен в инструкцию. Но перед внесением соответственного пункта в инструкцию необходимо провести общественное обсуждение такого порядка вывоза из СССР народного достояния. Пусть этот вопрос разрешит сама общественность — согласны ли наши сограждане на пополнение музейных фондов за счет безвозвратной потери культурных ценностей? Нельзя же такое право отдавать на откуп маленькой горстке чиновников.

Поразителен и тот факт, что в недрах Министерства культуры СССР рождается еще одно постановление, последствия которого нанесут огромный урон духовной и материальной жизни народа. Речь идет о готовящейся инструкции «О порядке контроля за вывозом из СССР культурных ценностей». Речь в них о новых правилах вывоза из нашей страны одной из основных ценностей, созданных человечеством, — книг.

Сколько определений книги? Книга — источник знания, книга — средоточие мудрости, книга — учитель. Книга, наконец, — носитель научно-технической информации.

Но, помимо духовной ценности, книги имеют еще и определенную высокую материальную стоимость. И в этой материальной стоимости трагедия для ее духовной ценности.

Для печатания книг нужны средства. Нужна техника. Нужна бумага. Наша страна вырубает леса и выкачивает из недр нефть. Продает их, чтобы взамен купить бумагу, краски и оборудование для печатания книг. А затем книги по цене, зачастую ниже себестоимости, поступают для розничной продажи. На международный рынок наши книги поступают по цене в 5—9 раз выше (приведу сравнение стоимости только двух изданий из каталога в/о «Международная книга»: 69 руб. 30 коп. — 7 руб. 56 коп.; 42 руб. 00 коп. — 5 руб. 04 коп. Первая цена для международного, вторая — для нашего внутреннего рынка). Но кто же будет покупать книги у в/о «Международная книга», когда эти книги можно свободно вывезти из СССР?

И ныне действующие правила дают широкую возможность вывозить самое ценное достояние нашего народа — духовную культуру, воплощенную в книгах. Детская литература, к примеру, вывозится из СССР без всякого ограничения. Желающие обогатиться скупают или получают на базах детские и юношеские книги и переправляют их за рубеж. Художественная литература тоже вывозится во все увеличивающемся масштабе. По данным «Аргументов и фактов», к примеру, за 9 месяцев прошлого года СССР покинули 66 000 бывших граждан. Каждый из них имел право отправить из СССР контейнер с книгами. 550 000 советских и иностранных граждан осуществили поездки по личным делам. Почти все везли и везут в подарок то, что здесь дешево, а там дорого — то есть книги, книги и книги. С болью видишь на границе (а именно там более семи лет мое рабочее место), как из СССР вывозятся книги, которых нет в подавляющем большинстве библиотек, ибо что такое тираж 10 тысяч для страны, в которой более 300 тысяч библиотек?! Такой тираж через международный аэропорт Шереметьево можно вывезти за сутки-двое. Безвозвратно уходит детская малотиражная литература, а наши дети и юноши вынуждены расти духовно обделенными.

Только в Москве за 6 месяцев 1988 года было выдано разрешений на вывоз 53 тысяч наименований книг, в том числе и многотомных. Но вывоз многих книг вовсе не требует разрешения. Никто не может подсчитать количество посылок и бандеролей с книгами, ежедневно высылаемых за рубеж со всех концов СССР. 97,5% книг вывозится в капиталистические страны и только 2,5% — в социалистические и развивающиеся (по статистической справке уполномоченных Министерства культуры СССР за I квартал 1988 г.).

Что это значит? Даже когда мы вырубим все леса и выкачаем всю нефть, то и тогда не возместим материальных потерь, так как мы не только не возвращаем денег за вывозимые книги, но еще и приплачиваем за этот вывоз, вкладывая субсидии в книгоиздательство.

А страна в результате нищает — духовно и материально.

Таково действие нынешней инструкции, все же ограничивающей во многих пунктах тотальный вывоз. Всем читателям памятны пустые полки букинистических магазинов в тот период, когда не действовали никакие ограничения. Вывезенные тогда издания украшают сейчас витрины зарубежных магазинов.

Новая инструкция, по которой можно будет вывозить книги с оплатой пошлины с 1926 г. по 1945 г., и беспрепятственно вывозить книги издании с 1945 г., что породит опустошение, полное и окончательное. Результат не поддается воображению. Не только будут скупаться у населения старые книги, но в целях наживы будут разворовываться и библиотеки. Народ останется без Толстого, Достоевского, Ключевского. Страна будет отброшена в развитии настолько далеко, что поблекнут все прогнозы, которыми сейчас пугают нас в других областях экономики. Это будет не какая-то эфемерная «утечка мозгов», а выкачка интеллектуальной энергии народа *. Как же, говорят сторонники вывоза

* В том числе бесценнейшей научной информации. Недавно «Советская культура» развлекла публику рассказом о том, как на основе маленького раздела в популярном журнале в Японии составляются миллиардные состояния.

книг, а права выезжающих? У нас же демократия! Демократия, как учат классики, насилие большинства над меньшинством, а вовсе не попрание прав миллионов ради нескольких единиц.

Если мы хотим благополучия стране, мы срочно должны принять меры, ограничивающие разграбление основного духовного богатства народа — книг.

P.S. Знакомцы мои, контрабандисты, процветают и ласкаемы нашей прессой. «Литературная газета» недавно поместила статейку «Второй марафон Норберта Кухинке». Я сама заставила вытащить из огромного трейлера, в котором он вывозил вещи, шкаф из императорского дворца в Ливадии. Тогда же нашли мы у него огромное количество старинного русского серебра. Тогда же он увез коллекцию драгоценных часов, какой нет в Историческом музее. Контрабанду не оформили. Все серебро ему вернули, а потом его проверили в Шереметьеве (я тогда работала на трейлерной станции), и в Шереметьеве нашли это серебро в валенках и чемоданах. Тут уже контрабанду оформили.

Но вывозят не только культурные ценности. Мебель, холодильники, миксеры — дефицит этих вещей тоже коренится в вывозе. Помните, одно время постельного белья не было? Оказывается, вывозили. Это же натуральные хлопок и лен. Затем вывоз белья в правилах ограничили, и оно появилось в магазинах.

Когда статья эта готовилась к печати, стало известно, что 2 декабря заместитель министра культуры СССР Казенин В. И. подписал приказ № 439, который разрешает тотальный вывоз фактически подавляющего большинства книг, еще сохранившихся в СССР, и всех тех, что еще будут напечатаны (слова «подавляющее большинство» вовсе не преувеличение, так как дореволюционных изданий и книг 20—30-х годов сохранилось ничтожное количество — они были вывезены раньше. Книги 20—30-х годов можно вывезти и сегодня, но с пошлиной, которая во много раз ниже цен черного рынка).

Приказ этот — нарушение резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС «О гласности», требующей общественного обсуждения всех важных для народа вопросов, нарушение Конституции СССР, статей 20, 27, 45 и 46. Напомню, что эти статьи провозглашают права граждан СССР на творческое развитие личности, охрану духовных ценностей, создание условий для самообразования, пользование достижениями культуры.

Ясно, что эти статьи станут пустым звуком, если в стране не останется основного носителя духовных ценностей и знаний — книг.

Приказ этот — нарушение Закона СССР об охране памятников культуры, статья 1 которого ставит под охрану государства все предметы, «имеющие культурную ценность». Среди предметов, «имеющих культурную ценность», книги занимают главенствующее место.

ЯКОВЛЕВА Т. М.,
искусствовед-контролер Главного управления культуры исполкома Моссовета

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

О РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Среди исследований последнего десятилетия о русской поэзии книга Татьяны Глушковой «Традиция — совесть поэзии», пожалуй, одна из наиболее интересных и волнующих. Строго говоря, это книга о судьбе русской поэтической культуры в наши дни, хотя и состоит она лишь из отдельных «фрагментов» ее истории.

В раздумьях и наблюдениях Т. Глушковой столько интересных мыслей, столько неподдельного чувства любви к национальной культуре, умения увлеченно вести с читателем беседу, что даже спорные положения воспринимаются с интересом и вниманием. Книга заставляет возвращаться к прочитанному, и главное — думать не только о литературе и нравственности, об их нерасторжимости, но и о связи времен, поколений, культур, о человеке и Родине, художнике и истории. Блестящим подтверждением могут служить талантливо написанные статьи о «Моцарте и Сальери» Пушкина. Вообще в книге поднято или затронуто немало принципиальных, можно сказать, больных вопросов нашего современного самосознания и процесса развития художественной культуры.

Т. Глушкова остро, страстно и убедительно полемизирует с теми современными критиками, кто пытается размыть и скомпрометировать понятие национальной традиции, противопоставить ему любую «новацию» как свидетельство якобы прогресса в искусстве, протестует против использования пушкинских, лермонтовских и других классических традиций в качестве разменной монеты для приподымания любимых авторов, когда «не Пушкиным меряют поэзию сегодняшнего

Татьяна Глушкова. Традиция — совесть поэзии. М., 1987.

дня, но Пушкина — этой поэзией». Чтобы убедительнее показать механику такого утверждения критического субъективизма и вольной или невольной тенденциозности в толковании литературных имен, автор книги подробно (на шестидесяти страницах!) анализирует несостоятельность утвердившегося в последние годы мнения о Давиде Самойлове как ярком и глубоком представителе пушкинской традиции.

Критик Б. Сарнов* ополчился на Т. Глушкову за то, что она якобы вульгаризировала поэзию Д. Самойлова, усмотрев в ней умозрительность и внешнюю подражательность Пушкину. Но ведь до Глушковой сами почитатели поэта подтверждали то же самое, только они оценивали сказанное как достоинство, а Глушкова рассматривает как недостаток. Глушкова убедительно показывает, что ни «светлое» настроение поэта (особенно в военных стихах), ни постоянное снятие в его произведениях сложностей и противоречий жизни ничего общего с пушкинской гармонией, прописываемой ему критиками, не имеют.

Но еще более существенно и тревожно то, что весьма неглубокое, упрощенное и даже искаженное толкование поэтом народного национального характера вызывает безудержный восторг у названных критиков.

Спор на эту тему выливается в книге в интересный и принципиальный разговор о сущности поэзии и жизни, красоты и пользы, чувственного и умозрительного мировосприятия. Глушкова разносторонне оспаривает самойловский взгляд на природную красоту как слепую и наивную, как бы второсортную по сравнению со «структурой», то есть умозрительной, и считает, что именно на этой почве возникает культ «мастеров», «делателей ценностей» (конечно же, «духовных»!). Именно умозрительную «структуру» рассматривают поклонники Д. Самойлова как «светлую гармонию», близкую пушкинской.

Очень детально, с вниманием к образно-поэтической системе Д. Самойлова Т. Глушкова показывает антипушкинскую направленность его исканий. При этом, не принимая эстетической позиции поэта, она пытается выяснить, откуда она исходит.

Книга Т. Глушковой, как и всякая книга оригинально и самобытно мыслящего человека, последовательного в своих убеждениях, несет в себе и авторскую увлеченность, и порой категоричность и жестковатость суждений. Но все это можно объяснить большой и искренней любовью к литературе, и прежде всего к высоким образцам русской поэзии. Имена Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Фета, Блока, Ахматовой, Есенина для автора безусловны и священны. Через призму их творчества просматривается ею вся современная поэзия.

К сожалению, в принципиальных и интересных размышлениях автора о традиции национальной поэзии, об исторической роли Пушкина в закладывании ее основ выпало такое важное звено, а

---

* Бенедикт Сарнов. О поэзии, о традициях и немного о совести. — Вопросы литературы. 1988. № 7, с. 57—103.

точнее, такой важный ее исток, как народное творчество. И это, конечно, обеднило концепцию Т. Глушковой, особенно в том, что касается ее же раздумий о культуре и цивилизации — вопросе, буквально мучившем, например, А. Блока. Странным кажется, что и в прекрасных статьях о «куликовском» цикле и «Двенадцати» этот вопрос тоже обойден. Словом, главное направление мысли автора не подкреплено совершенно необходимыми выходами в народную художественную культуру как первоисток национальной традиции.

Допускает Т. Глушкова, с моей точки зрения, и ряд просчетов в конкретных оценках, в частности, при рассмотрении преемственности в творчестве Ю. Кузнецова и Ст. Куняева. Упрекая Ю. Кузнецова в ложном понимании «исторических корней», которые он ощущает «не как источник самостоятельности и свободы», а как «неволю», Т. Глушкова пишет: «...Боязнь корней естественно доходит даже до такого «национального» восторга:

Повернувшись на запад спиной,
К заходящему солнцу славянства,
Ты стоял на стене крепостной,
И гигантская тень пред тобой
Убегала в иные пространства...»

Я осмелюсь не согласиться с такой общей оценкой: мне слышится в этих стихах больше горечи, чем олимпийского спокойствия, тем более нет в них «восторга». Дело, однако, не только в этом стихотворении. Т. Глушкова полагает, что Ю. Кузнецов, «прощаясь со старыми преданиями «...перестал узнавать в них себя», что он объявил им бунт. «Через дом прошла разрыв-трава» — вот его ощущение исторического пути» (с. 340—341).

Не все здесь точно и взвешено. Во-первых, «ощущение исторического пути» у Ю. Кузнецова более сложное (о чем свидетельствует, например, «Золотая гора», «Маркитант», «Дом» и др.). Во-вторых, в этих в других стихах поэта ощущается не принятие, согласие с происходящим, а скорее постоянная тревога и боль поэта за судьбы и славянства, и России. Думается, что есть серьезные оправдания охватившему поэта горестному чувству «разрыв-травы» в нашем «доме».

Жесткая отрицательная оценка созидательного начала в поэзии Ю. Кузнецова (автор и его лирический герой, утверждает Т. Глушкова, «принципиально несозидательны») вряд ли помогает правильно понять духовный мир поэта. Ни один подлинный художник не может быть только разрушителем, не может не иметь положительной жизненной программы. Есть своя программа и у Ю. Кузнецова. Одно стихотворение «Маркитант» способно заставить человека глубоко задуматься над современностью и мобилизовать свои духовные силы против возможного самоуничтожения нации. И трудно понять, как мог человек тонкого филологического вкуса и страстного патриотического чувства писать об авторе стихотворения: «Ю. Кузнецов, в сущности, не уважает жизни, не любит свободы: он понимает жизнь и свободу для себя одного», целью его

«является абсолютное «гордое» одиночество», а «идеалом «мироздания»... пустота». Далее уже идут упреки и в стремлении «разъять «связь времен», и в «героизации индивидуализма», которая на грани «разрушения личности» и т. п.

Все это идет, по-моему, от невнимательного прочтения поэта, от «глухариной» (да простит мне автор) страсти в утверждении своих идей, а может быть, от резкого неприятия иной поэтической системы и иного художественного мировоззрения. История нашей поэзии знает подобные случаи, например, неприятие поэзии Маяковского С. Есениным.

Поэтому и выводы Т. Глушковой о «безотцовщине», о бездуховности поэзии Ю. Кузнецова кажутся не только слишком жестокими, но и неверными. За холодной символикой его стихов и кажущимся эгоцентризмом просвечивается боль и тревога.

Явные натяжки и домысливания видны и в оценках поэзии Ст. Куняева, например, в сближении концепции народа и вождя у Сергея Радонежского и Мамая в одноименных стихотворениях поэта.

Т. Глушкова, конечно, подмечает наиболее уязвимые места в нравственно-эстетической позиции поэтов. Трудно не согласиться с рядом ее наблюдений. Однако, увлеченная своими идеями, она порой допускает существенные неточности», «выпрямляет» поэтов в свою «пользу», отчего ослабляет собственные позиции. Так, усмотрев в поэзии Куняева практицизм и рационализм, сознательно утверждаемую раздвоенность и приспособленчество, она выстраивает свойственную будто бы ему сквозную тему «предательства» по отношению к традициям, учителям, истокам. Вот что она пишет: «Выходец из провинции, то есть некоего «оплота и уклада» с сокровенным обильем «невзрачных», щемящих душу неповторимостей, он, как множество не сознающих своей обездоленности людей, —

...к великой столице
привык —
думал, что никогда
не привыкну.
Что засохну без милой реки,
задохнусь без весеннего
бора...
Но сомненьям своим вопреки
перестроился прочно
и скоро...» (с. 389)

Далее делается вывод о «перерождении» героя, измене, душевной «перестройке», «волевом самоотречении», «раздвоении», «разъятии», «рассечении», наконец, «разрушении» личности. Но ведь далее следуют строки —

Вечный город! Я знаю теперь
все соблазны твои,
все угрозы.
Ты не веришь слезам? —
и не верь,
что тебе бесполезные слезы!

Они-то и передают суть драматических переживаний героя, из которых вовсе не следует «философия забвения прошлого», как утверждает Т. Глушкова. Но усмотреть в этих стихах апологетику «предательства» истоков можно лишь при слишком большом желании отыскать доказательства во что бы то ни стало.

Подобные пассажи, конечно, работают против автора книги, ставят под сомнение абсолютность его поэтического слуха. Такие огрехи, как принято говорить в этих случаях, являются нежелательным продолжением достоинств работы. Развивая, например, глубоко верные мысли о взаимоотношениях вождя и народа и об отношении поэта к народу, Т. Глушкова находит в стихах Ст. Куняева забвение важнейших истин и даже сознательное искажение их. Приведя строки «Народ, ты вечное дитя, в плену житейских дел все жаждешь золотого дня, все рвешься за предел, тебе положенный судьбой» и вольно курсивом выделив якобы главную мысль поэта, Т. Глушкова упрекает Ст. Куняева в утверждении идей героя-вождя и народа-толпы, послушного ему.

Жанр рецензии не позволяет вступать в детальную полемику с исследователем, могу лишь заверить, что пафос поэзии С. Куняева прямо противоположный. Кстати, поэта, себе близкого по складу художественной натуры, — Вадима Шефнера Т. Глушкова анализирует более чутко и внимательно. И все же, как мне представляется, книга дает немало материала для раздумий. Так, мысль о космической отвлеченности поэтической символики и нередко чрезмерной усложненности метафорической системы Ю. Кузнецова, о его невнимании к «малой родине», «бытовым» реалиям эпохи и национальной этнографии как о творческих издержках и тормозе развития можно признать справедливой. Есть некоторые основания в Куняеву вадуматься над «трезво-рациональными» тенденциями в его творчестве. Но главное достоинство книги я вижу в смелом выдвижении и обосновании идеи преемственности национальной художественной культуры как движущей силы творческого процесса, в развенчании упрощенного взгляда на традицию как нечто отжившее, преодоленное или преодолеваемое. Внимательный анализ под этим углом зрения поэзии А. Фета и А. Блока — это, по существу, новое прочтение великих поэтов, как бы полемично оно ни было. В единый нравственный узел здесь связаны и национально-исторические проблемы, и вопросы отношений цивилизации и природы, и вечные человеческие ценности (честь, достоинство, доброта, и пороки — себялюбие, высокомерие, духовная безотцовщина и т. п.). В сущности, проявлению всех этих свойств общественного и человеческого бытия в поэзии и посвящена книга. Выявлению смысла и предназначения поэзии.

Очевидны также недостатки и издержки книги. Незаурядная способность проникать в творческую индивидуальность при анализе произведений Пушкина, Фета и Блока в ряде случаев изменила автору при обращении к современникам. И это тем более обидно, что Т. Глушкова как поэт серьезных тем, тонкого психологического рисунка, мастерски владеющий словом, не должна уподобляться тем, кто любит слушать не музыку оркестра или голос собеседника, а самое себя. К сожалению, у нас таких поэтов, как и критиков, становится все больше.

П. ВЫХОДЦЕВ

О НОВОЙ КНИГЕ Ф. ЧУЕВА И НЕ ТОЛЬКО О НЕЙ

Казалось бы, негоже критические заметки начинать с цитирования стихов. Но хочу использовать прием известного критика, который поступил так: «...Беру на пробу один из последних журналов, читаю...» Читает он Ф. Чуева, и далее следует беспощадный разнос стихов. И я, следуя приему критика, «беру на пробу» последнюю книгу Ф. Чуева, читаю:

Мгновенная картинка
Подмосковья,
расширенные памятью глаза...
Небось зовут Анисья
иль Прасковья
ту бабушку, что ведра
понесла.

Несклеванная мерзлая рябина
еще висит над сахарным
снежком —
три ягодки прозрачного
рубина,
пронизанные сломанным
лучом:..

или:

Бандиты — четыре
красавца —
я долго им в лица смотрел.
Пустая надежда кассаций.
В глазах адвокатов —
расстрел.

И страшно, как в черном
провале
безвременных, что ли, минут
и то, что они убивали,
и то, что их тоже убьют.

Какие разные стихи! С раздумьем, с болью, с печалью.

Ф. Чуев. То, что сбывается. Стихи. М., «Московский рабочий». 1987.

А ведь вырвать неудачные строки из журнальной публикации или из книги и на том основании объявить поэта несостоявшимся — дело легкое и скажем прямо — не вызывающее уважения к приему ниспровергателя. Впрочем, нравы сейчас в критике таковы, что ничего запретного нет, а об этическом отношении к автору и говорить не приходится. К сожалению, оценка литературных произведений нынче зачастую определяется не художественными особенностями, а групповыми соображениями. «Наш» — будем слушать, читать и хвалить! «Не наш» — и знать не желаем! Как вредоносно разъедает групповщина живую плоть литературной жизни, я еще раз убедился, ознакомившись с интервью В. Коротича в болгарской газете «Литературный фронт» от 18 февраля 1988 г. На вопрос корреспондента, как проходило обсуждение журнала «Огонек» в СП СССР, В. Коротич отвечает: «...Письма, которые мы получаем в редакции, практически на 100% нас поддерживают. А те, кто имеет возражения против нас, пишут прямо в правительство. То же произошло и в СП СССР — пришли только те, которые нас поддерживают, высказывались Евтушенко, Дудинцев, Черниченко и другие известные литераторы. А вероятно, через некоторое время будет другое собрание и там соберутся все наши противники. Тогда мы там присутствовать не будем... Мы очень сильно разделены на группы». Веская констатация! Тем более, что ее излагает один из руководителей СП СССР и главный редактор популярного журнала.

Ф. Чуев — поэт страстный, увлекающийся, неровный. Он откровенно заявляет о своей общественной позиции, и неудивительно, что в групповых схватках достаются ему синяки. А ведь в его творчестве надо разобраться без эмоций, уводящих от сути дела, ведь он давно вышел на собственную дорогу в поэзии и неуклонно по ней идет.

Можно сказать, что Ф. Чуев — поэт героического виденья мира. Не только по личным, биографическим обстоятельствам связан он с людьми повседневного подвига — летчиками, космонавтами. Он связан с ними по своему мироощущению, и, если бы путь его семьи не был соединен с покорителями неба, я верю, что Ф. Чуев нашел бы для себя нечто иное, победно-торжественное, народное в жизни, чтобы выразить свои искания и свои гражданские принципы. У нас появляется некое пренебрежительное отношение к понятию темы. Тот же критик в части статьи, касающейся Ф. Чуева, брезгливо отмахивается: «...(только не перечисляйте, ради бога, «про что» он писал, на какие почтенные темы, — я не о том, я о поэзии)». Ну а разве поэзия противостоит теме, разве поэзия — это только метафоры, рифмы, риторические вопросы? Тема выявляет насущную жизнь общества, привлекает внимание читателей к процессам, протекающим в обществе, и что же ее, тему, отпихивать, как непотребную вещь! Так ведь, пожалуй, дойдем до того, что начнем возводить башни из слоновой кости или из другого более доступного в наше время материала. Нет, он, Ф. Чуев, свою тему выстрадал, тему человеческого дерзания. В летной книжке его отца — военного летчика — скупые свидетельства мужества, совершенного при рейдах в партизанские тылы, при вывозе раненых бойцов оттуда. Вот одна из записей: «7-IX-43 г. При выполнении ночного боевого задания атакован самолетом противника с обстрелом... спас жизнь экипажа...» Да и сам Ф. Чуев окончил аэроклуб, работал инженером-испытателем в НИИ, отлаживал систему посадки новых моделей самолетов. Поэтому не декларативно, а честно звучит утверждение Ф. Чуева:

Я счастлив...
что в штурманской, перед
полетом,
под песнь застекленной
пурги
в размолненных куртках
пилоты
читали мои стихи.

Веришь поэту: «живу на земле для небесных поэм». Ф. Чуев максималист: «Я жизнь люблю! И мне совсем не важно, что потеряю я и что найду...» Когда-то Сергей Орлов точно сказал: «Об этом надо не просто сказать, надо право иметь сказать». И Ф. Чуев имеет моральное право говорить от своего имени о мужестве человека. Он не воевал, но отсчет его нравственного чувства идет от подвига Отечественной войны, жизнь сверяется по ценностям того времени, когда слово «патриотизм» было не только высоким словом, но и за-

логом сохранения народа и Родины.

Я не знаю, что значит война,
что такое атака, не знаю,
но мне каждая буква видна
и летит, как шрапнель
навесная,
из приказов и сводок,
сквозь дым
над избитой землею моею,
на которой мы жить не умеем,
но еще научиться хотим.

Подкупает это «научиться хотим жить». Именно «научиться жить», исходя из народного представления о жизни. Совестливого и нелицемерного. Как это важно особенно сейчас, в наши дни! Действительно, поэзию Ф. Чуева невозможно рассматривать только по литературным канонам. Она вышла из гущи жизни. И находится в постоянном взаимодействии с жизнью своей тревожной мыслью.

Наша жизнь каждый день ставит перед нами еще совсем недавно непредсказуемые проблемы и государственного, и сугубо житейского свойства. Скажем, разумно и ответственно начатая борьба с пьянством, потом породила «пучок» тягостных явлений: спекуляцию алкоголем, огромный размах самогоноварения, фальшивые зоны трезвости и беспомощные липовые общества трезвости... Скажем, появление кооперативных кафе и ресторанов привело в их недра, в частности, «золотую» молодежь и рыночных толстосумов... Скажем, благодушество в национальном вопросе вызвало драматические события... Да, воистину мы еще «жить не умеем», но воистину мы жить «научиться хотим». И в создании нравственного климата существенно болевое, горевое, страстное слово поэта. Ф. Чуев произносит такие слова. И как бы ни пытались некоторые нынешние критики уготовить поэзии роль тихой и нежной соучастницы жизни, ее роль не может быть такой, если современная поэзия ощущает себя продолжательницей великих заветов русского демократического сознания. Кое-кто уже и В. Маяковского объявляет консерватором и ретроградом. Своевременная и обоснованная защита великого поэта, произведенная Ал. Михайловым, мне показалась особенно нужной и важной, ибо нельзя выжидать, пока совершится напластование передержек, откровенных поклепов, нелепых домыслов.

Поэзия сегодня пришла к читателю яркими, душу переворачивающими стихами. Жестокости прошлого заклеймлены ею. Стихи Я. Смелякова, О. Берггольц, В. Бокова, А. Жигулина и некоторых других, недавно прочтенные нами, кровью написаны, и от них перехватывает дыхание. Это поэзия, рожденная народной трагедией. Но, отдавая почтительную дань этим значительным стихам, я не могу не размышлять и об ином. Ведь есть не только прошлое, настоящее, но и Будущее. Хотим мы или не хотим, но мы все движемся в Будущее. Это закон истории и человеческого бытия. Но каково Будущее? Где идеалы, способные объединить нас в нашем движении в Будущее? Не праздные вопросы. Разочарование в бюрократической машине комсомола, увлечение части молодежи оглупляющей, шумовой музыкой и компьютерной поэзией, попрание национальной старины и народного творчества, преобладание меркантильных интересов у молодых — от этого не уйдешь, на это глаза не закроешь. Есть эти проблемы. Тревожны они для сознания старших, потому что мы зримо видим, как они влияют на формирование личности молодого человека. И искусство, утверждающее идейные ленинские ценности, красоту и моральное здоровье, нужно сегодня, как никогда, очищенное от горлопанства, бодрячества, подхалимства, приспособленчества.

Я вижу в Ф. Чуеве одного из поэтов, способных в новых условиях нести знамя гражданственности, нести в одном ряду с разнонациональными поэтами нашей страны.

Нынче Родине, выросшей
дочери
Надо честь свою строже
блюсти.
Стала в моде за благами
очередь,
Но кому-то и знамя нести.

Проще руки оставить
свободными,
Чтоб болтались легко, на весу.
Неужели такие сегодня мы?
Я не верю. И знамя несу.

Особенность поэзии Ф. Чуева еще и в том, что она зиждется на неприкрашенной, суровой почве нашего Времени. Нет, не только знамя он готов нести, но и скорбеть вместе с «бабушкой Марией» — «ничего она в собесах не просила, ни копейки ей не платят до сих пор»; душевно разделять трагедию советских военнопленных — «семьдесят тысяч пленных солдат строили в Альпах дорогу»; еще подростком он прикасался к судьбам людей, покалеченных войной и физически, и духовно, — вот инвалид «совсем незнакомый, чужой... На рынке, в углу обитал, как собака. Четырнадцать «юнкерсов» сжег». Впечатляющие картины непроглядной действительности рисует поэт. Его обращение к тем дням — не повод для ностальгических вздохов о детстве, но попытка проанализировать, как становился, вызревал характер его современника. Ф. Чуев заявляет: «Я все это видел своими глазами, с отцом, и на равных притом...» Может быть, самоуверенно звучит «с отцом... на равных», но усматриваю в этом желание героя стихов Ф. Чуева увидеть мир глазами ветерана войны, проникнуться чувствами отца-солдата, его опытом жизни. Это постоянная направленность поэзии Ф. Чуева.

Я знаю — обязан глазам
воспаленным
лучами наполненных дней,
что неравнодушен я к ратным
знаменам
и к славе державы моей.

Ф. Чуев — поэт полемического склада, вызывающий своим творчеством на спор, на несогласие с собою. Но у него есть качество, без которого поэзии не может стать гражданским явлением, — историческое осмысление жизни народа и государства.

И старый лес из первой
русской сказки,
и новый мир сегодняшних
газет
мы принимаем дерзко,
без опаски,
как принимали в детстве
целый свет,
сначала разделенный
на приметы,
но выткана связующая нить,
верно земное выросло
в планету

делить...
шь?
Донеси.
донести
аемную
еятелей
леко не
взгляды
сни сло-
и надо
ы стра-
кнуть в
пекста-
ессе мо-
нтности.
ся этим
кус. Но
вейшим
н ува-
ое вос-
понента.
: пеной
филин-
похоже
емя, ко-
к снич-
судьбу
шевные
сегодня
зарубцо-

аспектов
го отно-
ь расхо-
«стали-
недавно
журнале,
генера-
о и до
и солид-
исатель-
Ф. Чуе-
в счет-
основа-
апологет

ыслящe-
ный ста-
ни госу-
отест и
и то,
воспри-
а и с
пережи-

того. Мой товарищ, сын репрессированного комбрига, реабилитированного после XX съезда партии, рассказывал мне, что доходил до умопомрачения, отыскивая следователя, который издевался над его отцом, и заверял меня, что был бы способен на убийство этого негодяя, если бы его нашел. Ф. Чуев, как можно предположить, имел иной опыт тех лет, причем опыт опосредствованный, — ведь он родился в сорок первом году. Его отец, принадлежавший к самому престижному роду войск, к «сталинским соколам», прошел страшные для народа годы не задетым, к счастью, репрессиями. Ф. Чуев становится думающим человеком в послевоенные годы, он юноша послевоенных лет. У определенной части его поколения формировалось по отношению к Сталину преданно-романтическое чувство, Сталин очерчивался как олицетворение Победы. Ф. Чуев стал в известной мере, как поэт, выразителем этого чувства. Но, вчитываясь в стихи Ф. Чуева, понимаешь, что говорить о бездумном, стопроцентном апологетическом отношении к сталинскому времени тоже неправомерно. Жесткие размышления врываются в его поэзию этого рода. Вот строки о раскулаченном:

Жил богато: корова да хата,
так богато — земли на вершок!
Но про местную сволочь когда-то
написал ты в газету стишок.

И за эти твои трали-вали —
не чирикай пером-языком —
в разнарядку тебя записали
и отправили в лес — куликом.

Или о доносчиках:

Эти люди писали доносы,
их терзали карьера, поносы.

. . . .

посещение вдохновения
в час творения заявления.

Или даже отстаивая неверный, с моей точки зрения, тезис, который явно проецируется на образ Сталина, —

Беда в масштабах государства,
не чья-то личная вина, —
какое б ни было коварство,
а отвечает вся страна, —

он употребляет понятия «беда», «коварство» как одни из характеристик той эпохи. Доктор философских наук Андрей Здравомыслов точно подметил в своем интервью: «...что же касается Сталина, то думаю, что в нашем обществе еще долго будет существовать неоднозначное отношение к нему. К этому придется привыкнуть обеим сторонам спора. Слишком различным — подчас противоположным — оказался опыт людей в годы режима личной власти. Только новые поколения смогут выработать более спокойное отношение к этой проблеме. Нужно время».

Жизнь ставит сегодня перед нами глобальные вопросы, от решения которых зависит жизнеспособность нашей страны. Надо ли говорить, что наше искусство проходит проверку на прочность, на духовную необходимость народу. Неминуемо должна появиться и пробиться к читательским сердцам гражданская поэзия нового качества, освобожденная от поверхностных, скороспелых призывов, но гуманистически объединяющая людей во имя великих целей.

Мы, обозревая наше прошлое, с горечью видим, как тупо попирались культурные богатства, созданные вдохновенными руками россиян, — древние храмы, здания-реликвии, связанные с именами выдающихся талантов, как зачастую могилы тех, кому надо поклоняться, мы сравнивали с землей — вспомним Багратиона, Скобелева... Разве русская современная поэзия не обязана воспламенить патриотическое чувство в народе?

Мы отдаем себе отчет, что упустили многое в развитии межнациональных связей в нашей огромной стране, пробавляясь лозунгами о братстве, плясками да песнями на декадах искусства, не находя в себе энергии войти в глубинные пласты национальных культурных процессов. Разве русская современная поэзия не должна стать подлинным запевалой межнациональной общности?

Переосмысляя свою жизнь, как бы оздоровляясь в горниле сегодняшних надежд и поисков, одолевая сопротивление рутины и косности в упрочении демократических основ нашего общества, мы, коммунисты, должны в полной мере ощутить свою ведущую силу. Разве русская современная поэзия не обязана прозвенеть честной и чистой песней, сплачивающей ряды единомышленников?

Благородны истоки гражданственности у нашей поэзии. Но и тех, кто хотел бы, чтобы она свернула со своего пути, достаточно на земле. Поэтому и настоящих солдат гражданственности нельзя оставлять без поддержки, одни на один с их краснобайствующими противниками, умеющими заботу о себе выдать за заботу о народе.

Могу ли я сказать, что все мне понравилось в новой книге Ф. Чуева? Нет. Есть в ней и длинноты, и неточности в сравнениях, и вялость в отдельных стихах, и повторы. Есть от чего освобождаться Ф. Чуеву как художнику и что наращивать в своем творчестве, шлифовать свое поэтическое слово. Да и книгу он мог бы выстроить более продуманно, не делая ее столь пухлой. Но цель моих заметок была в том, чтобы привлечь внимание к личности Ф. Чуева как гражданина, как патриота, как поэта боевой гражданской целеустремленности, который имеет все задатки, чтобы в атмосфере нового времени завоевать новые творческие рубежи. Ф. Чуев снискал признательность в сердцах многих читателей. Легендарный летчик Михаил Громов писал о нем: «Он любит и знает небо, его покорителей, и летчикам полюбились талантливые, масштабные и высококультурные стихи Феликса Чуева, которого по праву считают Поэтом Номер Один в авиации. Он не похож ни на кого из современных поэтов, и стихи его живут своей, особой жизнью».

Напомню и о том, что в течение ряда лет Ф. Чуева выдвигали на соискание премии Ленинского комсомола. Отклоняли по непонятным причинам где-то в высших эшелонах комсомола. Получил он эту премию только в 1987 г. Справедливо получил. И в этом тоже знамение Времени.

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 17.01.89. Подп. в печ. 23.02.89. А00831
Формат 84X108 1/16. Бумага типографская № 2. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 16,1
Тираж 680 000 экз. Зак. 331. Цена 80 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

ВНИМАНИЮ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ!

С января 1989 года открыта подписка на журнал «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» на 1990 год.

Подписка принимается во всех почтовых отделениях и учреждениях «Союзпечати» без ограничения.

Подписка на журнал «Молодая гвардия» на 1989 год принимается повсеместно с любого месяца без ограничения.

О всех случаях отказа в подписке просьба сообщать редакции журнала.